

ПРИГОВОРЕННЫЕ К ВЕЧНОСТИ

ЧАСТЬ I

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

ОЛЬГА БЕЛОШИЦКАЯ

Четверо молодых людей, уроженцев Земли-Основы, случайно оказываются в иной реальности. Солнечные земли — Ар Соль — населены людьми и нелюдьми, которыми правят двуликие боги, враждующие между собой. Пытаясь выжить, они оказываются в центре заговора могущественных сил... Кто-то становится игрушкой в руках заговорщиков, а кто-то из всех сил пытается идти своим путем, теряя любовь, приобретая друзей и становясь сильнее.

Преследуя случайных нарушителей границ, Ворон, хранитель Ар Соль, обнаруживает что их перенос в его земли не был случайностью. Кто-то пытается вернуть древнюю силу, изгнанную когда-то за чрезмерную жестокость, или хотя бы воспользоваться ее наследием. Его оппоненты уверены — им не выжить без Змея-Завоевателя. Но что принесет им возрожденный демон — зло или благо?

Приговоренные к вечности. Часть 1. Остаться в ЖИВЫХ

Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю

Джованни Пико делла Мирандола "Речи о достоинстве человека"

Туман рассеивался медленно и неохотно, отступая под еще теплыми солнечными лучами. Когда внизу стали видны крыши домов, игрушечные с высоты тридцать шестого этажа, солнце неожиданно скрылось, сказочная картинка утратила очарование, превратившись в обыденный городской пейзаж. Небо нахмурилось, грозясь расплакаться дождем, и когда он наконец пролился, шумный и обильный, уже по-осеннему прохладный, старые крыши заблестели тусклым серебром, стены потемнели, а в распахнутое окно с воем ворвался ветер, неся с собой сочные холодные капли.

Человек без возраста с сожалением закрыл окно. На рабочем столе, огромном, как кровать новобрачных, древнем, как земля внизу, вычурном, как шляпка модницы, беспорядочной кучей лежали папки с документами. Открывать их не хотелось. Там были таблицы и графики, разобраться в которых мог только опытный экономист, отчеты агентуры, ознакомиться с которыми дозволялось лишь узкому кругу приближенных, списки имен, понятные только тем, чье имя шло следом. Работа, ставшая жизнью, и жизнь, превратившаяся в работу.

Хозяин кабинета на тридцать шестом этаже высотной башни из камня, стекла и стали с сожалением бросил последний взгляд на затянутое серой хмарью окно и решительно уселся за стол. Надо заставить себя прочесть накопившиеся за последние несколько дней тревожного ожидания бумаги. Теперь, когда ожидание завершилось, у него нет оправданий для откладывания повседневных дел. Пусть дела придется передавать еще нескоро, да и придется ли вообще, но все-таки... Порядок, что поддерживался в Ордене уже почти восемьсот лет, должен сохраняться неукоснительно. На нем все держится. На нем, да на вере.

Глянув на часы, он оторвался от бумаг и принялся собираться. Вечером, в маленьком ресторанчике на другом конце города его ждали старые, очень старые знакомые. Не то чтобы приглашение стало для него неожиданностью, скорее оно должно было рано или поздно состояться, но он предпочел бы краткую записку. Или хотя бы обмен новостями по гвору. Или любой другой сигнал. Но встреча... Опрометчиво. И поспешно.

Перед тем, как покинуть кабинет, он задумался о выборе одежды. Темно-синий жакет и брюки, белая рубашка без этих новомодных вышивок, кантов и карманов, приталенный плащ, так хорошо сидящий на его худой, невысокой фигуре. Шелковый шейный платок глубокого пепельного цвета, оттенявший его смуглую кожу и темные глаза — его родиной был Ар Шамаль, Жаркие Земли. Он знал, что его пристальный взгляд заставляет собеседника чувствовать себя неудобно, и не гнушался пользоваться этой особенностью. Обязательно трость, скрывающая старинный шамальский клинок. Шляпа и перчатки из нежнейшей кожи — подразнить Эрлен. Старинное кольцо с ариадом — потешить Ревалю.

Он вышел заранее, отказавшись от предложенной секретарем виммы, чтобы не торопясь

прогуляться, размять затекшие после длительного сидения за столом мышцы, вдохнуть холодный, напоенный влагой воздух, и настроиться на разговор. Дождь давно закончился, к умытому свежестью городу медленно подкрадывались сумерки. В домах зажигался свет, улицы постепенно заполнялись народом: кто-то спешил домой, кто-то, как и он, только что выбрался на прогулку.

Ресторанчик на окраине представлял собой имитацию одного из современных стилей Старой Земли. Металл и камень, абстракции на стенах, огромный танцпол в центре зала, отделенный от остальных зеркальной стеной. Нечто блестящее на потолке. Живой музыки не было: сверху тихим фоном лилось что-то классическое. Немногочисленные посетители группировались ближе к зеркальной стене — видимо, ждали начала танцев.

Метрдотель встретил его глубоким почтительным поклоном, и, приняв плащ и шляпу, провел в отдельный кабинет, вход в который располагался на галерее над залом. Стол был уже сервирован: ведро со льдом, бутылка выдержанного игристого вина, хрустальные бокалы на шелковой жемчужно-серой, вычурно вышитой серебром скатерти. В вазе — одинокая чайная роза, рядом — аэр, излучавший холодное голубоватое сияние и испускавший слабый аромат лаванды. У стола — три тяжелых деревянных кресла, обитые серым бархатом.

Стиль Эрлен.

— Нравится? — голос за спиной заставил его резко обернуться. Метрдотель поклонился, посторонившись и пропустив вперед безумно красивую женщину. Русые пепельные волосы острижены коротко и лежат мягкими правильными завитками. Точеный овал лица, льдистые зеленые глаза на матово-белой коже, маленький изящный носик и высокие скулы, тонкие красивые губы — и ни следа декоративной косметики. Высокий рост, высокая грудь, тонкая талия создают впечатление обманчивой хрупкости. Костюм — курточка и брюки в обтяжку, сапожки на каблуках, все глубокого пепельно-серого оттенка, — обманчивая, лживая мягкость. Тонкие браслеты на запястьях, кольца-серьги в ушах — врожденное, инстинктивное изящество. Скупые отточенные и грациозные движения. Ничего лишнего. Ничего избыточного. Ничего кричащего.

Если бы его спросили, с каким оружием он сравнил бы ее, он вспомнил бы о кинжале старинной ар-шамальской работы.

— Ты подобрала костюм под интерьер? — улыбнулся он, касаясь губами протянутых ею кончиков пальцев.

Следом за ней вошел невысокий плотный мужчина, кареглазый, темноволосый, с мягкой каштановой бородкой и бакенбардами. Вычурность в одежде, перстни с драгоценными камнями. Взгляд спокойный, чуть ироничный. От него веяло дорогими благовониями и курительными смесями. Ассоциировался он с ларцом, инкрустированным драгоценностями, ключ от которого не подходит к замку, сколько ни старайся.

— Кольтер, — женщина наклонила голову в приветствии. — надеюсь, тебя я ни от чего не оторвала? Как дела?

— Хорошо, твоими стараниями, дорогая моя Эрлен.

— Выглядишь отдохнувшим, — сказал мужчина. — Парочка свежих жертв? Или ты съел своего секретаря? Как ни приду, у тебя все новенькие, один моложе другого.

Кольтер поморщился, игнорируя бестактно-провоцирующие реплики.

— Прости Реваля, он сегодня не в духе, — мурлыкнула женщина. — Ради встречи с тобой я вытащила его из постели с двумя прехорошенькими нигийками.

— Оно того стоило?

Реваль не ответил. Устроившись в кресле, он не глядя сделал заказ и потянулся к бутылке вина. Откупорив пробку, долго и придирчиво принюхивался к аромату и удовлетворившись, разлил его по бокалам сотрапезников.

— За исполнившееся желание, — Эрлен торжественно улыбнулась и пригубила вино.

— Удалось?

— Да.

Он испытал прилив облегчения и подавил его, успешно сохранив на лице дружелюбное безразличие.

Реваль опустошил бокал.

— Вы бы не торопились радоваться, — мурлыкнул он, промокнув салфеткой губы. — Сам знаешь, чем кончилась предыдущая попытка.

Кольер сдержанно кивнул. Тот опыт многому научил их всех, и он надеялся, что ошибок больше не будет.

— Кстати, ты давно уже обещаешь рассказать мне, как ты умудрился так хорошо сохраниться, да и вообще дожить до этого великого момента, — глава Золотой Гильдии резко сменил тему. — Пресловутая техника долголетия Нагов? Или что-то другое?

— А зачем тебе? — хохотнул Кольер, поставив бокал. — Все равно не пригодится. Или ты хочешь лишить меня моего источника жизненной силы?

На холеном лице Ревалья появилось брезгливое неодобрение.

— Дело не в тебе. Дело в принципе. Если можно жить долго и счастливо, почему бы этого не делать? Так это твоя личная находка или особая техника вашего Ордена?

— Это очень старая техника моего Ордена, применяемая только мною одним, — улыбнулся Кольер. — В наши спокойные, мирные, правильные времена о ней лучше не распространяться.

— Времена, знаешь ли, имеют свойство меняться.

— Чем расплачиваться будешь, за рецептик-то?

— Тебе мало? — в голосе Эрлен, слушавшей их перепалку с видимым удовольствием, прозвучал упрек. — Мы и так сделали...

— Все, что вы сделали, нужно в первую очередь вам самим, — перебил ее старый наг. — А мне интересно, что вы можете предложить лично мне.

— Мы найдем для тебя Свод Аспида — Нагр и Либрум. И соберем все части ключей, — улыбнулась она. — Кстати, ты что-нибудь помнишь о нем?

— Зачем искать? — усмехнулся он. — Я и так знаю, где они. И Свод, и ключики.

Повисла удивленная пауза. Реваль флегматично жевал, мягкими аккуратными движениями отделяя от толстого ломтя мяса маленькие кусочки и обмакивая их в огненно-острый соус. Глаза Эрлен вспыхнули.

— И ты молчал все это время?

— Толку-то от моих откровений, — опять усмехнулся Кольер и вернулся к ужину.

На какое-то время беседа прервалась — гости отдали должное блюдам и вину. Отставив тарелку в сторону, Эрлен вернулась к животрепещущей теме.

— Ты уже думал, что делать с остальными?

Кольер кивнул.

— С ними можно договориться. Они будут искать выгоду для себя, и найдут, если им помочь. Но Даллах и Ширин никогда нас не поддержат, а Альсар не заинтересуется.

— А если все-таки попробовать?

— С Даллахом я даже пытаться не буду, — отрезал Кольер. — Это бесполезно. Судья обязан быть нейтральным. Поддержка Альсара, даже при его полном добровольном согласии, ничего для нас не изменит. С Ширин можно попробовать поговорить, но не мне, — он выразительно посмотрел на Ревалья. — С некоторых пор я с ней плохо лажу.

— Ты уверен, что с Хэйгеном мы тоже договоримся? — спросила Эрлен, играя льдинками в голосе.

— Дался тебе Хэйген, — раздраженно буркнул Реваль.

— Вороны редко враждовали с Нагами, — ответил Кольер задумчиво. — По сути, у нас общее дело. Но ты права — у нынешнего Хэйгена мы не найдем понимания.

Опять последовала пауза.

— Не будем торопиться с выводами, — проворчал Реваль.

Домой, в Наган-Карх, он вернулся уже после полуночи, весьма довольный и ужином, и беседой. Отодвинув одну из декоративных панелей напротив окна, он вошел в просторное помещение, скрытое за изящными чеканными рельефами. Помещение сильно отличалась от всей прочей начинки здания — все здесь было отделано деревом, на стенах висело холодное оружие разных эпох и земель. Массивный старинный секретер с тяжелым креслом, обтянутым нежнейшей кожей, был завален томами старых книг — и в архаичных кожаных переплетах, и в современной пластобумаге. В центре располагался стол, уставленный удивительными фигурками из камня, металла и дерева.

Но его интересовали совсем другие фигурки. В дальнем углу комнаты, на полу в полумраке, стояло тринадцать искусно выточенных из камня статуэток. Белый олень, благородный и величественный, пойманный неизвестным скульптором в движении. Белый с черными пятнышками горноста́й, вытянувший морду в приступе любопытства. Распластавшаяся на камне золотистая ящерица-саламандра с драгоценными изумрудными глазами-камешками. Рыжевато-серая рысь, изготовившаяся перед прыжком. Огненный красавец феникс в ореоле пламени. Свернувшийся кольцом черный змей, голова чуть приподнята над длинным узорчатым телом. Развалившийся на камне белый с пепельными крапинами леопард. Черный ворон с распростертыми крыльями. Лохматый зубр с печальной мордой. Изящная белая кошка с кисточками на ушах. Летучая мышь, завернувшаяся в аспидно-черные крылья. Обнаженная женщина, задумчиво сидящая на камне. Пепельно-серый филин с огромными тускло-желтыми глазами.

Они стояли в ряд вдоль стены, один за другим, почти одинаковые по величине. У каждой выделялась какая-нибудь деталь: светились глаза ящерицы и рыси, голубыми огоньками мерцали кончики крыльев у ворона, блестела шерсть пардуса и кошки, искрились языки пламени вокруг феникса. И только три фигурки — змеи, женщины и филина оставались тусклыми, всем своим видом показывая отсутствие в них даже слабой искры жизни.

Кольер остановился напротив змея. Узор на теле мертвого доселе Змея слабо мерцал. Едва различимо, чуть-чуть, далеко не в полную силу — Кольер никогда не видел, как она должна выглядеть на самом деле, эта статуя, но даже этих жалких свидетельств оживления ему было достаточно.

Полюбовавшись фигурками, он уже собрался уходить, но, бросив взгляд на тусклую, серую и печальную фигурку женщины, обнаружил слабые признаки изменения. Они были едва заметными, чужой бы не увидел отличий, но он-то был не чужой... Он владел этой

коллекцией артефактов очень давно, он знал каждую их черточку, каждый узор, каждый изгиб.

Серый камень, из которого она была выточена, посветлел, приобретя мягкий перламутровый оттенок, появились искорки в глазах, заблестели распущенные пряди волос. Когда она оживет полностью, статуэтка станет естественной, цвета человеческого тела, засияет изнутри притягательным лучистым светом, губы тронет зовущая полуулыбка, в глазах появятся мягкость и тепло.

Он внимательно осмотрел все остальные статуэтки. Нет, все по-старому. Когда же это произошло? Может быть, признаки жизни появились в ней очень давно, а он, растеряв все надежды, не заглядывал сюда и не обращал внимания? Или, может быть, он ошибся, принимая желаемое за действительное? Стоит ли рассказывать остальным об этом маленьком чуде, или лучше подождать, приберечь это знание до иных времен?

Впрочем, он и так знал ответ.

* уважаемые читатели, для тех, кому трудно с названиями, последняя глава — глоссарий. Будет постепенно пополняться.

Глава 1. Озеро

Без шансов, подумала Юлька, глядя на Настю с ненавистью и тоской. Зря я с ними поехала.

Дождь хлестал немилосердно, сплошным потоком заливая лобовое стекло. Напрасно она пыталась разглядеть в небе хоть малейший просвет между облаками — мутная серая хмарь обложила небеса насколько хватало глаз. Разноцветные пятна поздних авто проносились мимо, спеша по деревьям и дачам и рассеиваясь по многочисленным поворотам, раскисшим от дождя.

Лучше бы мы поехали с утра, подумала Юлька устало, но Саша был очень убедителен. Дача его родителей располагалась недалеко от лесного озера с чистым песочком и водой, в которой, по его горячим заверениям, можно было купаться даже сейчас, в конце августа, когда комариная пора уже закончилась и можно не бояться быть сожранными заживо. Поначалу компания набиралась немалая, грандиозные планы жарки шашлыков мешались с кокетливым хихиканьем насчет купания нагишом, но к вечеру оказалось, что едут всего две машины: отдел айтишников в полном составе, да они четверо — сам Саша, Димка Румянцев, главный специалист по шашлыкам в конторе, Юлька и рыжая Настя.

Настю Юлька ненавидела. В компании та работала без году неделя, но уже успела очаровать мужскую половину коллектива. В другой раз она бы с удовольствием понаблюдала за тем, как разгораются страсти, если бы первой жертвой этой журнальной красотки не стал бы мгновенно попавшийся в ее сети Саша.

Саша. Ее непосредственный начальник Александр Колесов был молод и успешен, в свои двадцать восемь лет занимая должность руководителя отдела логистики крупной строительной компании. Когда Юлька только пришла сюда работать, он отнесся к ее робким шагам на новом поле деятельности с доброжелательным терпением: разъяснял ошибки, подсказывал решения, поддерживал инициативы и искренне радовался ее первым успехам. Через месяц на новом месте она неожиданно осознала, что относится к этому высокому, худому, белобрысому и не слишком симпатичному парню совсем не так, как, по ее мнению, следовало бы относиться к начальнику. Нет, никаких служебных романов в ее жизни не будет, решила она твердо, осознав, что попала всерьез и надолго — это так пошло, примитивно... так банально.

Но каждый раз, когда он вызывал ее к себе, она хватала бумаги и бежала с радостно колотящимся сердцем. Тайком любовалась его крепкими большими кистями, так не сочетающимися с худобой, резким профилем с тяжеловесным подбородком и мягкими, шелковыми завитками светлых волос на висках и шее. Одевался он умело и дорого. Его идеально подобранные костюмы и галстуки производили на Юльку, выросшую в семье врача и учительницы, впечатление дорогой элегантности. Он не курил, занимался спортом, был исключительно вежлив и корректен даже со скандальной уборщицей Верой Семеновной, тыкавшей шваброй во всех, кто не ушел из офиса ровно в 17–00, и уникально тупой секретаршей отдела кадров. Со временем оказалось, что и чувство юмора у него присутствует, только проявляется редко, не в офисе; в компании он умеет и тост сказать, и анекдот к месту припомнить, и эрудицией блеснуть.

Настя появилась в офисе две недели назад и сразу же его очаровала. И если бы только внешностью... Наблюдая за ней, Юлька впала в глубокое отчаяние — при тех внешних

данных, что имелись у Насти, да еще при наличии мозгов, конкурировать с ней становилось бессмысленно. Впрочем, Настя не собиралась ни с кем конкурировать — она была остроумна без язвительности, добродушно приветлива со всеми, в друзья не набивалась, но и коллективу себя не противопоставляла. Она показала себя приятным собеседником и коллегой, но с собой Юлька ничего поделаться не могла. Когда Настя одной из первых откликнулась на предложение Саши поехать в выходные к нему на дачу, у нее все оборвалось внутри. Знаем мы эти дачи...и что на них случается.

Когда они вышли из машины, дождь закончился словно по взмаху волшебной палочки. Озеро, о котором с упоением мечталось в душном пропыленном городе, серым туманным пятном мелькнуло где-то справа, за соснами и чужими дачами. Потянуло тем особенным лесным запахом, травы-хвои-свежести, столь приятным городскому жителю, отчего настроение у Юльки скакнуло до небес. Дом был как дом, из бруса, не очень большой, обшитый и выкрашенный темно-зеленой краской, с шиферной крышей, верандой, грядками, теплицей и баней, чистенький и ухоженный, больше походивший на хорошо обжитый деревенский дом, чем на дачу типичных горожан. Юлька попыталась вспомнить, кем были Сашины родители, и не вспомнила — потому что он до сих пор ничего не рассказывал о себе и своей семье. Она задержалась на крыльце, слушая вполуха пояснения Саши и веселые комментарии остальных ребят — они явно успели согреться по дороге — и, обнаружив маленькую отдельно стоящую будочку, воровато оглянулась и поспешно сбежала с крыльца. В сумерках было неуютно, однако, перед тем как войти в дом, она несколько раз глубоко вдохнула. Как здесь дышится! Тихо... и немного жутко.

Она вошла в дом и сразу же увидела эту парочку. Волшебный настрой как ветром сдуло.

— Неплохой домик. Старомодный, но миленький, — Настя улыбалась краешками губ, и Саша, словно зачарованный, не смог отвести от них взгляда. Дмитрий с Романом вытаскивали стаканы из буфета, колбасу и помидоры из сумок и уже шумно чокались с остальными, провозглашая тост за хорошую погоду и отвязный отдых, а он все еще зачарованно смотрел на ее губы. И волосы, скромным узлом убранные на затылке, пламенно-рыжие, как костер в лесу. Она взяла стакан, протянутый ей Димкой, вскинула глаза, шоколадно-карие, в обрамлении таких же, чуть рыжеватых ресниц, чокнулась с его поспешно протянутым щербатым стаканом и осторожно отпила самую малость. — А теперь спать, спать! Я безумно устала... Куда ты нас поселишь?

Он поспешно повел их смотреть дом, спиной чувствуя вопросительно-насмешливый Настин взгляд. Парни разместились прямо в просторной гостиной, отделенной от кухоньки обложенной кафелем печкой и декоративной перегородкой, благо диванов и подушек там хватало. Юля Белых осталась в маленькой мансарде наверху, вместе с коробами, грибными корзинами и большим старинным сундуком, доставшимся его матери от прабабки. Насте он хотел предложить комнату на втором этаже дома, где они с отцом весной сложили камин — топить, конечно, нет смысла, но смотрится очень уютно; сам же собирался устроиться на веранде в раскладном кресле, но Настя окликнула его на лестнице, и он вернулся, привлеченный пустяковым, в сущности, вопросом...

— Ну, за молодых, — Румянцев разлил по стаканам остатки первой бутылки. — Да, недолго наш Сашок мучился.

Парни многозначительно и понимающе заржали.

Проснувшись Юлька от ощущения занемевшего тела. В маленькое окошко мансарды смело прорвались пучки солнечных лучей и залили некрашенные доски пола сплошным

золотистым половичком. Юлька спустила босые ноги, окунув их в лучистое тепло. Встала, потянувшись, с узкой деревянной кровати-самоделки, явно сколоченной на скорую руку кем-то из хозяев дома для увеличения спальных мест. Спать больше не хотелось, зато хотелось действовать — поднялась откуда-то из глубины души зудящая жажда активной полезности — эх, к чему бы руки приложить, чтоб не думалось, не думалось...

Спустившись вниз, в кухню, она нехотя занялась разборкой разномастных сумок с продуктами, брошенных накануне кое-как, собрала и помыла стаканы, вынесла на веранду пустые бутылки. Да, повеселились вчера мальчики, похмелье кое-кому с утра обеспечено. Любовно-насмешливо оглядев спящих вповалку коллег, она с удовлетворением отметила, что ее задушевный друг и собеседник Димка Румянцев единственный из всех осилил разложить диван и раздеться. Кое-кто и до дивана не дополз.

Прыснув в ладошку, чтоб не разбудить их раньше времени, она вернулась на кухню. Так, для начала неплохо бы позавтракать.

Она нашла у хозяев пол пачки молотого кофе и сварила себе живительный напиток в маленькой щербатой кастрюльке, по-быстрому состряпала бутерброды себе и всей честной компании, и, усевшись на табурет, прислушалась к дому. Тишина. Чудная, волшебная тишина. Спят еще, обормоты. И Саша с Настей... там, наверху, вдвоем. Юлька слышала, как он вернулся, привлеченный Настиным вопросом, и больше не выходил. Эх, Саша, Саша...

Юлька вспомнила про туманно-серую гладь озера и неожиданно обрадовалась. Пусть себе спят. Не позволит она больше портить себе настроение. Можно прямо сейчас пойти искупаться, пока комары еще не проснулись, а солнышко... она выглянула в окно и убедилась в отсутствии грозowych туч. Переодев купальник и захватив полотенце, она осторожно вышла на крыльцо, тихонько прикрыв за собой дверь. Спят? Пусть спят...

Тропинка петляла между соснами и наконец вывела ее к песчаному берегу с желтоватым крупным песком, перемешанным с мелкими камешками, кусочками коры и шишек. Невдалеке виднелся дощатый причал, к которому было привязано несколько лодок и сидел одинокий рыбак, клюя носом вместе с удочкой.

Озеро показалось Юльке огромным. Берега терялись где-то вдалеке, посреди необъятной водной глади выступал островок, с которого даже с берега виднелись загадочные гигантские валуны. Туман над водой уже рассеялся, солнце пригревало по-летнему жарко, и Юлька неожиданно почувствовала азарт. Поспешно раздевшись, она разбежалась и с воплем упоения влетела в воду.

Наплававшись до изнеможения, она выбравшись на берег, тщательно высушила короткие темно-русые волосы, и устроилась на полотенце, с любопытством разглядывая окрестности.

Островок, поросший редкими соснами и прибрежным кустарником, пупырышком торчал над водной гладью. Легкий ветерок пах влажной травой, хвоей, и еще чем-то неуловимо знакомым, легкомысленным, навевая давно утраченное ощущение почти детской беззаботности. Задумчиво глядя на мелкую рябь, она представила, как сейчас они с Сашей могли бы... ну, например, уплыть на тот островок, Саша бы греб, а она сидела на корме, с загадочной полуулыбкой слушая его рассказ... о чем? Да хотя бы о детстве и юности. Или о работе. Или о первой любви. Да она слушала бы любую чушь, лишь бы он говорил!

Эхо голосов, долетевшее до нее издалека, прогнало восхитительную картину, нарисованную воображением. Заливистый смех Насти, Димкин басок, еще голоса... идиллия рухнула со звонким хрустом. Ей безумно захотелось сбежать от них подальше, не объясняя,

куда она делась с утра и почему. Решительно одевшись, она побежала на причал.

Одинокий рыбак как раз выбирался из лодки. В ведре, среди прочей мелочи, трепыхалось несколько крупных рыбин.

Юлька замерла, зачаровано глядя на его небогатый улов. Потом, отважившись, выпалила:

— Вы не подскажете, у кого можно взять напрокат лодку? За деньги, конечно...

Рыбак, оказавшийся дедком-бодрячком, посмотрел с усмешкой сначала на нее, потом на компанию на тропинке.

— Да у меня и возьми, можно и без денег, если вернешь к вечеру. Мне не жалко. Катайся на здоровье. Грести-то умеешь?

Юлька часто закивала.

— Привяжи только покрепче, а то к вечеру, — дедок задумчиво посмотрел в сторону острова и покачал головой, — тучи надует, кабы не унесло.

— Спасибо вам, — Юлька еще раз оглянулась на компанию, увидела Настю в красном купальнике, с распущенной копной огненно-рыжих волос и Сашу рядом, она снимала обувь, держась за его плечо, а он поддерживал ее под локоть нежно и трогательно. Почувствовав, что краснеет, она отвернулась. Дедок понимающе хмыкнул.

— Катайся, дочка. Только осторожно. Плаваешь ты хорошо, видел я, как ты плескалась. Захочешь остров посмотреть, так причаливай с той стороны, — он махнул рукой, имея в виду дальнюю часть острова. — Там берег лучше. И заводь хорошая. И вода теплее, уж не знаю почему. У камня, того, что побольше, с солнечной стороны, есть земляника. К обеду только вертайся, ветер будет с севера, не угребешь.

Она еще раз поблагодарила дедка, перебралась в лодку и решительно оттолкнулась веслом от причала.

До островка она дотянула с большим трудом. Обессиленная, втащила лодку на берег и привязала к ближайшей коряге. Плюхнулась на чуть теплый песок и долго лежала неподвижно, глядя в небесную голубизну, на которую уже начали наползать белесые пятна облаков. Нехотя поднялась, потрогала босой ногой воду, осторожно, не так, как утром, зашла, окунулась несколько раз и вернулась обратно, чтобы переодеться.

Мох под ногами оказался мягким и чуть влажным, и Юлька не стала натягивать кроссовки. Осторожно ступая, она направилась по едва заметной тропинке вглубь острова, к двум высоченным валунам, видимым с берега. Где там дедова обещанная земляника?

Земляники не нашлось, зато сами камни приковали ее внимание. Раза в три выше ее, поросшие мхом, две серо-белых скалы одна больше другой, и проход между ними чуть шире человеческого тела, откуда они взялись — загадка. Озеро, конечно, вполне могло быть карстового происхождения, да и известняковые отложения здесь попадались, но чаще — на юго-востоке области. Может, конечно, здесь когда-то было что-нибудь... доисторическое. Хотя вряд ли. Было бы — вездесущие туристы давно бы протоптали сюда тропы.

Она прикоснулась ладошками сначала к одному камню, потом к другому. Сделала шаг вперед, застыв между ними на несколько мгновений, скользнула в промежуток, задрала голову, пытаясь разглядеть макушки сосен, через которые обильно просачивались солнечные лучи. Стоять между высоченными камнями, задрав голову, показалось ей весьма забавным — мир сузился в конус, валуны нависли над ней и мгновенно расступились. Юлька попятилась, оступилась и шлепнулась назад, прямо в траву. Ага, вот и земляника...

Собрав горсть, она отправила ее в рот разом. Кислятина, хоть и ароматная.

Остров неожиданно оказался больше, чем виделось вначале — похоже, часть его была не заметна с берега. При взгляде на высоченные сосны опять закружилась голова. Солнце исчезло за тучами, забрав с собой тепло, зато по дороге попала еще одна земляничная поляна.

Она еще немного побродила по лесу и остро почувствовала желание вернуться назад, в компанию. Пожалуй, хватит уже хандрить и играть в романтику. Шашлык, между прочим, может и закончиться.

Голоса она услышала совершенно неожиданно — первым появился Румянцев, следом — эти двое. Мокрые, довольные, Настя — в кроссовках на босу ногу, но уже не в купальнике, а рубашке и джинсах, а Саша — в плавках и с охапкой одежды подмышкой. Увидев Юльку, они бросились к ней с двух сторон и принялись стыдить и возмущаться ее беспардонным побегом.

Румянцев только похмыкивал им в такт, добравшись до земляники.

Саша задрал голову к макушкам сосен.

— Холодает... Может, обратно пойдём? А то мы лодку еле выпросили, и то на час.

Настя, будто не слыша его неуверенной просьбы, устремилась вглубь островка.

— Успеём еще. Давай выйдем на другой берег, посмотрим, что там.

Юлька неохотно поплелась за Настей. Саша задержался у камней — переодевался.

Они шли туда, где должен был находиться берег, однако лес не редел и не думал расступаться перед водной гладью — наоборот, появился густой трудно проходимый подлесок, от которого тянуло сыростью. Настя нерешительно остановилась, оглянувшись на Сашу.

— Странный остров какой-то. С виду совсем маленький, а на самом деле...

— Пошли обратно, — решил Саша.

Теперь они шли за ним, Димка и Юлька отстали и тихо переговаривались между собой.

— Между прочим, спасибо за завтрак. Я так и понял, что это ты позаботилась. А то от этой дождешься... — Румянцев кивнул в сторону Насти и ухмыльнулся. — И хорошо, что сбежала купаться. Пробуждение кое-кого из нас было слишком... живописным.

Юлька хихикнула и чуть было не упала, споткнувшись о большой белый валун, невесть откуда взявшийся среди топкого мха. Вроде бы его здесь не было, когда они шли? Или они прошли другим путем?

Сосны, окружавшие ее, казались теперь просто гигантскими. Она и не знала, что они еще остались — такие большие, затмевающие небо, оглушительно пахнущие смолой. Саша остановился, дожидаясь остальных, и в этот момент Юльку закружило и потянуло в сон, окружающий мир моргнул, распался на мгновение и собрался снова, она пошатнулась и вцепилась в руку такого же слегка ошалевшего Румянцева.

На Сашином лице проступила озадаченность пополам с испугом. Юльке показалось, что в его глазах она увидела отголосок той же странной догадки.

— Мы здесь не были. Мы давно должны были выйти на берег. Где подлесок в низине?

Настя споткнулась и плюхнулась в траву. Юлька тупо смотрела под ноги — никакого мха не было, она стояла на твердой, покрытой сочной травой земле. Кроссовки все еще были мокрыми, и только ощущение сырости убедило ее в том, что она не сошла с ума.

— Может, это на самом деле не остров, а полуостров? — предположила Настя неуверенно.

Румянцев нервно озирался по сторонам.

— Тут же все насквозь просматривается! — сказал он хриплым полупшепотом. — Лес, старый как... — он не нашел с чем сравнить и пнул здоровенную шишку, оказавшуюся под ногой.

Юлька огляделась. За те короткие мгновения, пока она боролась со сном, мир вокруг нее стал другим — огромные древние сосны простирались насколько хватало глаз, лес залило ровным солнечным светом, в воздухе чувствовались смола и прохлада. Зубы застучали сами собой — не то от холода, не то от накатившего дурной волной испуга. Заблудились! Но ведь дедок же говорил — остров. Неужели местные жители не знают, что у них там такое на озере...

Настя тихо всхлипнула. Саша бережно поднял ее на ноги, оглянулся на остальных, потом задрал голову к солнцу.

— Когда мы уходили, оно было прямо над лодками. По солнцу и пойдем.

И двинулся вперед первым, увлекая за собой Настю. Никто не стал возражать.

Довольно скоро им попалась узенькая тропочка, постепенно расширившаяся до настоящей лесной дороги. Юлька по привычке высматривала по обочинам грибы, и даже нашла несколько белых, но Саша оглянулся на нее со смесью досады и раздражения, и она виновато оставила свою неожиданную добычу. Хотя было жалко. А вдруг они по-настоящему заблудились? Грибы хоть какая, да пища, а то есть уже хочется, а одной земляничкой сыт не будешь.

Лес закончился неожиданно. Впереди лежала пустошь, поросшая низкими травами, через которую струилась змейка мощной гладкими каменными плитами дороги, огороженной бортиками высотой по щиколотку. Дорога вызывала удивление — в здешних краях так не строили.

Настя первая перешагнула поребрик и уверенно двинулась в направлении пустоши. Саша оглянулся на отставших Румянцева и Юльку и пошел за ней.

— Может, нам лучше разделиться? — предположил Дима, задумчиво разглядывая опушку леса. — Вдруг они... не туда?

Саша обернулся.

— Лучше вместе. Пошли, — он требовательно махнул рукой и решительно зашагал вслед за Настей.

Вдалеке, там, где кончались заросли вереска, маячила опушка леса и прячущиеся за деревьями домики. Разглядев их, заплутавшая компания пришла в возбуждение, ускорив шаг. Теперь впереди оказался Румянцев, Саша с Настей шли следом, Юлька, уставшая до безумия и еще более напуганная, плелась в хвосте. Осознание ненормальности происходящего делало ноги ватными, сердце стучало, как бешенное, мучительно хотелось, чтобы дурацкое приключение скорее закончилось. Не могли, не могли они так заблудиться на каком-то паршивом острове! Да видно же было с берега, что остров это, маленький остров с двумя валунами и редким лесочком.

А может, она спит и ей все это снится? Может быть, на самом деле она задремала на солнце на берегу, и все это лишь яркая, подробная, но все-таки иллюзия? Налетев на Сашину спину, она ойкнула и извинилась. Оказалось, все они замерли около парных каменных столбов, возвышавшихся по обеим сторонам дороги. Столб высотой со средний человеческий рост, из черного гладкого камня, с витиеватой резьбой снизу доверху, с навершием в виде расправляющего крылья ворона и с двумя крупными четкими знаками на гладкой поверхности ниже птицы. Неожиданно глаза ворона показались ей живыми, они

блеснули синим и уставились на нее жестко и требовательно, и она отшатнулась, взвизгнув, и Настя успокаивающе погладила ее по руке.

Румянцев рассматривал столб с выражением восхищенного безумия. Саша молчал, глядя под ноги.

— Пошли, — Настя подтолкнула Юльку вперед. — Нам нужно поскорее добраться до жилья.

Глава 2. Полет над Гранью

...Упоительно холодный воздух, терпкое ощущение соленого морского ветра в глотке, мозаика белых, серых и бирюзовых пятен, стремительный промельк выбеленных временем камней, привычное головокружение — и я стою, пошатываясь, на верхней площадке Северной Башни.

Долго я сегодня. Захватило. Люблю эту пору — грань между летом и осенью. Небо глубоких тонов зрелости и солнечные лучи — мягкие, ласковые, печальные, еще не прощаются с тобой, но уже знают, что скоро, скоро... Были времена, когда я, улетев с рассветом, возвращался только под вечер, и Марта глядела на меня с плохо скрываемым осуждением, а я думал, что она мне просто завидует, злился, уходил в кабинет, углублялся в дела, стремясь наверстать упущенное за день. Только потом я понял, как она боялась за меня. Боялась, что однажды я не вернусь, и она будет обречена всю оставшуюся жизнь выходить на верхнюю площадку башни, смотреть в небо и ждать, ждать...

Однажды не вернулась она. А я покинул ту башню, чтобы забыть об этом навсегда.

Привыкнув к ощущению тверди под ногами, я неспешно надел брошенную на каменные плиты рубашку, чувствуя, как охватывает меня хорошо знакомый озноб. Где мой верный Нвер с горячим вином? Что-то он сегодня запаздывает.

Спускаться вниз не хотелось. Ясное небо, пронзительно-синее, с едва заметными перышками облаков, наливалось золотым сиянием. Воздух стремительно теплел. Океан внизу был подернут серебристой дымкой, которая медленно таяла под солнечными лучами.

Ага, вот и Нвер — выныривает из-под арки, слишком низкой и узкой для его двух метров основательности и тяжеловесности. Торопится, чуть прихрамывая, но желанного дымящегося бокала в его руке почему-то нет. Неужели что-то случилось?

В голосе Нвера я слышу тревогу.

— Мастер, дежурный просит вас срочно посетить Северную стражу.

Северная Стража — это вон там, внизу, на земле, немного в стороне отсюда — приземистое старинное здание с куполообразной серой крышей.

— Есть причины для беспокойства?

— Совершен переход через Порог.

Я пожал плечами. Кто-то вернулся со Старой Земли. Что тут странного?

— Где именно?

— Мертвый Клык.

Мертвый Клык. Стационарный переход в двадцати хаарах к югу от Альбре. Ничего убийственного в нем нет, да и место неплохое, просто им редко пользуются в силу весьма прозаичных обстоятельств. Порог расположен на острове, лодки часто воруют, до берега добраться не на чем. Он очень старый, с неудобной внешней решеткой, вмонтированной в два природных валуна. Давно пора его закрыть и поставить что-нибудь более современное и поближе к городу.

— Ну и в чем проблема? — продолжил я ворчливо. Думать о делах не хотелось.

— Произошел разрыв Грани. Разрушено несколько Зеркал.

— Странно, я ничего не чувствую, — буркнул я, тщательно скрывая изумление. Смысл сказанного не сразу дошел до моего все еще очарованного полетом сознания, а добравшись, взорвался веером огненных искр. Почему я не чувствую этот разрыв, словно его нет вообще?

Ледяной ожог, ощущение содранной кожи, резь в глазах... Озноб пробегает по всему телу — я голоден и так и не успел согреться как следует. Подхватываю воздушный поток, несусь вдоль побережья, захватывая кусочек океана и еще раз любясь его спокойной, сияющей бирюзовой поверхностью, описываю короткую дугу над городом и снижаюсь на окраине, прямо у стрельчатой арки входа в Купол Стражи. Торопясь, начинаю обратную трансформацию прямо в воздухе, чуть раньше, чем следует, из-за чего приземление получается неудачным. Жестким оно получается, и болезненным. И постыдным для меня. Хорошо еще, не видит никто.

Выравниваю тело, шипя и плюясь от злости и холода. Да, не задался день.

Дежурные вскочили с мест, когда я вошел. У доброй половины испуганный и несчастный вид, два Зеркала из двенадцати подернулись мутной рябью, парнишка за панелью крайнего правого вяло пытался унять хлещущую из носа кровь, бледная до синевы девушка у второго разрушенного Зеркала нервно сжимала в руках кружку с дымящимся лекарственным чаем. Старший смены, старый и опытный, хорошо знакомый мне лэйсе, коротко поклонился и жестом пригласил меня сесть.

Я подошел к девчонке. Руки ее все еще были холодными, она мелко дрожала и смотрела на меня виноватыми жалобными глазами.

— Три выходных, и чтоб тебя близко здесь не было, — я постарался, чтобы голос прозвучал как можно строже, чтобы у нее и мысли не возникло нарушить мой запрет. — И никаких попыток использовать дар, а то станет хуже.

Она сразу же сникла, зашмыгав носом.

— Дурочка, никто тебя не винит, — проворчал старик. — Никто бы не справился.

— Лучше скажи — ты их видела? — перебил я. — Сколько их было?

— Четверо, — шепотом сказал парень. — Судя по поведению — случайные путники. Как уж они порог определили и, что любопытно, грамотно его пересекли — загадка.

— Там открытый внешний переход, — сказал я. — Прямо на острове, выглядит как две скалы, нет ни маскировки, ни пароля на входе. Там и раньше любопытные заскакивали. На моей памяти — раз пять. Приходилось посылать старушку-грибницу, чтобы вывести их обратно, — я широко улыбнулся, показывая, что ничего ужасного не произошло, и парень неуверенно улыбнулся в ответ.

— Затем сработали тревожные системы, — продолжил юный наблюдатель уже спокойнее. — Где-то через полчаса.

— И сразу же слетела Грань, — добавил старик. — Мощно сорвало... никто не ожидал. Сто тридцать шесть хааров хаоса, с севера на юг, почти по прямой, сплошняком до границы с Тайремом. В зоне движения сейчас уже шесть человек с той стороны и пятеро с этой. Двое местных ранены — попали в аварию на шоссе. Я послал туда группу, их сейчас выводят.

— Остальные?

— К ним направлены группы с соседних округов.

Я удовлетворенно кивнул. Все правильно.

— Кто работает с Гранью?

— Два купола и две наблюдающие станции. Все, кого коснулось.

— Хорошо, — кивнул я. — Когда закончите?

— Не раньше, чем завтра к вечеру.

Долго. Но и торопить их не стоит — в Братстве Стражи лентяев отродясь не водилось. Точнее, они не выживали — я строго следил за дисциплиной и требовал, чтобы от

нерадивых сотрудников избавлялись быстро и безжалостно.

— Сколько Крылатых ушло в зону поражения?

— С нашей стороны — пятеро. По остальным куполам у меня нет данных.

— Мало, — недовольно бросил я, но лэйсе выдержал мой раздраженный взгляд с поразительным самообладанием.

— Все, какие были. Два комплекта крыльев сильно изношены. Не вижу смысла рисковать.

Сказал, как отрезал. Все верно. Люди — слишком ценный материал, чтобы ими жертвовать.

— Закажи новые, сколько нужно, — велел я.

— Давно не припоминаю ничего подобного, — продолжил лэйсе по-стариковски ворчливо, — по крайней мере, у нас.

Я покачал головой. Здесь, в северной части Элезии, Грань прочна и стабильна, и случайных контактеров почти не бывает, чего не скажешь о южных и юго-восточных краях. Дело здесь не только в состоянии пространства, граничащего со Старой Землей, но и в специфике сознания обитателей тех краев. Земля-Основа очень разная... Примитивные южные культы и продвинуто-утонченные энергетические техники востока позволяют их последователям легко находить контакт и с Эйлой-вуалью, и с Мааром, и даже произвольно и безнаказанно перемещаться между мирами.

Причудливая все-таки штука — Грань. Она разделяет наши пространства — пространство Земли-Основы, с которой мы когда-то были одним целым, и Ар Соль. Она разделяет и нас самих на семь разных территорий, объединенных одним бытием. Несмотря на давность времен, тут, в приграничной Элезии, до сих пор есть места, где она так окончательно и не сформировалась, и случайным путникам легко заблудиться между мирами. Хорошо, что их немного, и мы в состоянии охранять, поддерживать равновесие и помогать заплутавшим между мирами безболезненно вернуться обратно. Пауки Шандра и Стражи Грани частенько отлавливают таких вот стихийных контактеров. Некоторые очень даже удачно вписываются в наши пути бытия, хотя мы это не приветствуем, большинство стремится домой, даже не понимая, что с ними происходит, а есть и такие, кого приходится безжалостно уничтожать.

Надо слетать на место происшествия, посмотреть своими глазами. Да и помочь — одно мое появление ускорит процесс стабилизации в несколько раз.

— Покажите мне очаг колебаний, — потребовал я.

Лэйсе кивнул на ближайшие неразрушенные Зеркала.

Места были хорошо знакомые: два маленьких города, сосновый бор на берегу лесного озера, преуспевающие хозяйства каких-то мелких кланов из Повелевающих Жизнью (надо же, даже арбузы с дынями у них растут, и это при местном- то климате!). Мутное серое небо и частые сполохи, похожие на предгрозовые, мне не понравились. До стабилизации хаоса было еще далеко. Да и откуда он вообще взялся? Почему обычный переход обычных разумных вызвал такой катаклизм, да еще и в самом спокойном, стабильном, старинном районе?

Решено. Лечу.

Я вышел, не прощаясь. Возникло постыдное желание потребовать себе вимму, но почти сразу же я пресек его в зародыше. Позор, да и только.

А вот поесть по-хорошему теперь необходимо. Голодный я — не просто злой, а очень

злой. И не дай бог вылезет д р у г о й голод...

Штаб-квартира Пауков и Купол Северной стражи располагались на окраине чудесного старинного городка, стоящего на высоком и обрывистом побережье океана. Ежась, я добежал до ближайшего открытого трактира. Чистенький и уютный, рассчитанный больше на местных посетителей, да на часто забегавших сюда Пауков, он не баловал изысками, но кормили тут сносно — просто и сытно. Каменные стены были побелены и до середины искусно разрисованы цветочно-растительным орнаментом, окна — заставлены цветами в горшках. Зал освещался обычными для этих мест аэрами, похожими на огромные свечи, которые не только светили, но и грели, если нужно. Запахи из кухни текли такие, что даже у меня, не капризного, но разборчивого, призывно заурчало в желудке.

Едва я сел, ко мне подбежала совсем юная лэйсе, и после почтительного поклона стала скороговоркой перечислять меню. Вспомнив о длительном и холодном полете, я довольно невежливо перебил ее:

— Вина. Горячего. И жаркое.

Когда она вернулась с моим заказом, я быстро глянул ей в глаза, пытаюсь увидеть в них облик хозяина. Или он был очень далеко отсюда, или она видела его, как это часто бывает, всего один раз — на службе в храме во время собственного Посвящения. Или, как все нормальные хозяева Двумликих, не лез в ее жизнь без необходимости. Маленькая черная лэйсе. Раскосые зеленые глаза с черными вертикальными зрачками, черные гладкие волосы и курносый нос. И коготочки на пальцах, по которым никогда не спутаешь лэйсе с человеком.

Она смотрела на меня заворожено и доверчиво, покорная и готовая на все. Частичка воли хозяина, которая могла бы помочь ей сопротивляться, была погребена где-то очень глубоко, а я звериным нюхом уже слышал терпкий и свежий запах ее тела и почти произвольно подчинял ее себе. Вернувшись с Грани, я найду ее и тогда...

Нет, стоп, что я делаю... Бедняжка потом всю жизнь мучиться будет из-за сбитой мотивации. Хозяин у нее уже есть, а мне слуги не нужны. Прости, малышка. Это всего лишь голод. Нечеловеческое усиливается во мне с каждым прожитым годом, сопротивляться ему все труднее и труднее, от моего желания тут мало что зависит. Вон, старый Даллах в последнее время не часто возвращается в свое человеческое обличье, да умница-красавица Лануэль все чаще и чаще бродит по Солнечным землям в облике белой кошки. А иногда — и черной. А я... Уже давно ничто так не увлекает меня, как полет. Если бы не долг, я бы, наверно, и вовсе перестал возвращаться на землю. Ничто не держит меня здесь.

Я поспешно доел жаркое, расплатился и ушел, не оглядываясь.

Городок, больше всех пострадавший от разрушения Грани, находился на границе Северного Ферта с Тайремом и был почти полностью заселен свободными разумными из Повелевающих Жизнью, вперемешку с дельцами из Гильдии и многочисленными кланами Двумликих. Самый традиционный союз для подобных мест: дети Рыси всегда хорошо уживались с детьми Зубра, а Ящерицы паразитировали на их творческом и плодотворном союзе. Впрочем, без Гильдии никуда не денешься: надо уметь не только привезти и выгодно продать товар, но и найти общий язык с зачастую антагонистичными разумными расами. Любопытно, что Дом Кошки в последние двадцать лет стал неплохо конкурировать с Ящерицами, возможно, именно благодаря природной хитрости и умению договариваться. Конечно, до полноценной конкуренции им еще далеко, но если так пойдет... Я еще сто раз подумаю, с кем сотрудничать: с жадиной, хитрецом и снобом Ревалем или с дальновидной

умницей Лануэль.

Казармы Пауков находились, как всегда, на самой окраине, и я неспешно прогулялся через весь город, любуясь богатыми цветниками. Мимо меня неторопливо проезжали всадники на лошадях. Седел и уздечек не было и в помине: дети Зубра всегда умели находить контакт с любым живым существом, вне зависимости от его разумности, а уж с такими мудрыми и понятливыми существами, как лошади, у них был почти что симбиоз, вплоть до общего языка.

Погода не ладилась: небо, затянутое тучами, приобрело белесовато-серый оттенок, несвойственный для этих мест, молнии вспыхивали и гасли слишком низко над горизонтом, басовитый рокот волнами накатывал и отступал. Я продолжал свой неспешный путь, чувствуя, как потоки энергии закручиваются вокруг меня, пронизывают насквозь, укутывают, баюкают, узнав своего, родного, близкого, как все стихии поочередно хватают меня в свои немилосердные объятия и отпускают, позволяя брести дальше, дальше, к приземистому зданию на окраине города. Я скорее почувствовал, чем увидел, где миры Основы и Ар Соль запутались друг в друге, потеряли Грань, разделяющую их вот уже много тысячелетий. Я увидел Стражей, планирующих над лесами и городом, силами своего Дара пытающихся разделить две совершенно разные реальности. Все еще чувствуя под ногами мостовую, я распахнул воображаемые крылья и взлетел к ним, протянув лучи своего могущества им на помощь. Мир стремительно тек подо мной и сквозь меня, распадаясь за моей спиной на две неравные части, и та, более древняя, мутнела и исчезала за стеной огня. Ледяной ветер пронизывал каждую мышцу, каждую косточку, сковывая движения, останавливая ток крови, но я вбирал его в себя, пил, как родниковую воду, захлебывался, терял направление, будучи сбит мощными встречными потоками, с усилием возвращался на свои пути и рвался дальше, дальше... Когда мне показалось, что я оледенел и камнем падаю вниз, в объятия вечного холода, я неожиданно почувствовал облегчение и почти врезался в прекрасный, очерченный тонкими мазками пастельных красок лик, с изумрудно-зелеными глазами, занявшими полнеба. Благодарность за спасение и радость от встречи охватили все мое существо, я понял, что безумный полет и борьба с пространственным хаосом закончилась. И снова ощутил себя на земле.

Лик прекрасной зеленоглазой женщины все еще оставался в моем сознании. «Десять разумных. Двое уже вернулись. Один из оставшихся восьми — зависимый. Двое из оставшихся семи — странные. Грань порвалась не сама и не там, где они прошли. Четверо здесь, рядом. Четверо далеко. Ищи, если хочешь»

Скомканная череда лиц пронеслась потоком в моем сознании и исчезла. Она была растеряна и расстроена, как и всегда, когда рвалась Грань.

«Спасибо, Эйла, — я послал ей свою глубокую признательность. — Буду искать»

«Тогда удачи»

Я пришел в себя на крыльце длинного одноэтажного здания, сложенного из крупных песчано-желтых блоков и окруженного голой пустошью. Ничего уж тут не поделаешь — кое-какие рабочие инструменты Пауков строятся на энергии наэра — Некроса, а часть применяемой поисковой аппаратуры начисто блокирует витасферу. Вот и селятся они подальше от жилых районов. Пауков — стражей порядка и стражей Грани — справедливо побаивались и уважали, а уж молодые девчонки и вовсе были очарованы их своеобразной аурой и шлейфом из героических историй, тянущихся за каждым. Как же, разведчики Основы, ловцы нарушителей баланса сил, борцы с преступностью и с дикими расами,

личная гвардия Ворона... Даже самые молодые из них могли похвастаться каким-нибудь скромным подвигом: новичков Шандр воспитывал, посылая охотиться на низкоразумные расы Двуликих, плодившиеся с бешеной скоростью не только у нас в Элезии, но и в остальных землях, или охранять Грань в районе Анг Мирта. Хэйген Ант, прежний Ворон испытывал неофитов в жарких землях Ар Шамаля: у него был договор с тамошним крохотным очагом Нагов, которые выставляли против юных Пауков такой же учебный отряд из молодняка. Я поддерживал деловые отношения с Кольером, местоблюстителем ордена Аспида: мы регулярно обменивались отрядами неофитов, отправляя их в совместные рейды как во время атаки нэргов, так и в рядовое патрулирование земель, густо населенных низкоразумными Двуликими, устраивая состязания или совместные учебные акции.

Я медленно поднялся на ноги и толкнул дверь, которая от моего прикосновения сама отъехала в сторону.

— Найди мне Шандра, — попросил я юношу-дежурного, ретиво вскочившего при моем появлении.

— Прошу Вас.

Вслед за ним я прошел в компактно оборудованный пункт наблюдения, оснащенный Зеркалами, сейчас поставленными в режим записи, многофункциональными визорами и несколькими гворами.

— Где все? — поинтересовался я, вдруг испытав желание прилечь вон на тот диванчик и подремать.

— Там, где прорыв, — ответил он с завистью и волнением. Я усмехнулся — парню явно было обидно, что его оставили в казарме. Он быстро соединился с нашим диспетчером, который переключил его на персональный канал Шандра. Шандр всегда носит визор с собой. Это я не могу — на мне вся сложная техника дохнет через пару-тройку дней. Ужасно неудобно.

Голос Шандра звучал устало и раздраженно.

— Я слушаю.

— Как успехи?

— А, это ты, — выдохнул тот с явным облегчением. — Так себе. Впрочем, парни только что сказали, что Грань стремительно стабилизируется в направлении с юго-востока на север. Ты там?

Я хмыкнул. Хвастаться некрасиво.

— Сколько потерявшихся?

— Десять человек, — ответил я. — Двоих вернули. Из восьми оставшихся — один зависимый, двое странных. Четверо бродят где-то рядом, четверо — ушли с Приграничья куда-то дальше, — повторил я откровения Эйлы — Вуали.

— Зависимый потерялся на Старой Земле или здесь, у нас?

— У нас.

— Его я искать не буду.

— Шандр, — заговорил я вкрадчиво, спиной ощущая любопытство моего молоденького дежурного. — Мне не нравится эта история. Что-то в ней не так. Я хочу знать обо всех, кто за это время пересек Грань, независимо от того, принадлежат ли они Основе или Ар Соль. И быстро.

— Хорошо, — ровно ответил он, но я знал, что он опять мной недоволен. — Узнаешь.

Глава 3. Чужие земли

После специфического, необычного запаха чужого жилья холодный воздух показался Юльке упоительно бодрящим, почти что сладким. В крохотной комнатуське, которую хозяйка отвела на ночь странным гостям, витала тяжелая смесь ароматов дыма, шкур и трав. Вдоль стен стояли деревянные лежаки, небрежно застланные пестрыми шкурами вперемешку с лоскутными одеялами. Звериные шкуры она не опознала: нечто лохматое и полосатое, этакая помесь волка с зеброй. Травы, толстым ковром укрывавшие земляной пол, тоже были ни на что не похожи и пахли странно, сладко-терпким затхлым запахом, от которого мутило и клонило в сон. Мужчины, сопровождаемые хозяйкой, ушли к старосте, Настя, проявив полнейшее равнодушие к негламурному тряпью, повалилась спать прямо на шкуры. Юлька, у которой после густой и жирной похлебки, которой их накормила сердобольная хозяйка дома, непривычно булькало в животе, придирчиво рассмотрела простую обстановку комнаты, услышала под ногами подозрительное шуршание, с трудом удержалась от визга и опрометью выскочила на улицу.

В деревне их встретили с настороженным дружелюбием. Поначалу казалось, что в ней всего несколько домиков, но за изгибом дороги перед их глазами развернулось целое поселение, запутанное в высоких соснах и мшистых черных валунах. Домики были каменные, сложенные из серых пористых блоков, аккуратные и низенькие, заботливо украшенные затейливой росписью в простенках между окнами. За стеклами окон виднелись цветы в горшках и пестрые вышитые занавеси. Брехали и ластились вислоухие и коротколапые псы неизвестной породы, вдалеке знакомо надрывался петух, мимо прошмыгнула стайка разновозрастных ребятишек, одетых добротнo и аккуратно, но традиционно чумазных и шумных.

Места были настолько неродные и непохожие ни на что виденное ранее, что даже всегда решительный и уверенный Саша не торопился напрашиваться на постой. Дело решила Настя: выбрав домик поменьше и поскромнее, с покосившейся сараюшкой и поломанной скамейкой у крыльца, она уверенно постучалась в ветхую деревянную дверь. Попросившись на ужин и ночлег, она от имени мужчин пообещала расплатиться за постой тяжелым мужским трудом. Юльку поразило полное отсутствие языкового барьера. Они с хозяйкой, немолодой женщиной с двумя детьми, понимали друг друга так, будто выросли на соседней улице.

Румянцев, не дожидаясь ужина, ушел чинить скамейку и сарай. Саша расспрашивал хозяйку о жите-бытье, по немногословным ответам пытаясь понять, куда их занесло. Усевшись вместе со всеми за небогатый стол, он выпытал у хозяйки, где живет деревенский староста, и убедил ее проводить их до его дома. Румянцев увязался с ним, Настя осталась помочь дочке хозяйки убрать со стола и помыть посуду. Девочке на вид было лет десять, но управлялась она как с хозяйством, так и с младшим братом не хуже матушки.

Юлька присела на скамеечку и, прислонившись к теплой стене дома, принялась разглядывать окрестности. Уже почти стемнело. В окне дома напротив горел свет, хотя ничего похожего на электричество она не заметила. В сумерках слышалось, как шумит ветер в соснах, поскрипывает калитка на другом краю деревни да весело перекликаются парни с девками где-то на соседней улице. Ей было зябко в рубашке, но внутрь не хотелось, и Юлька продолжала сидеть, ежиться и предаваться грустным мыслям. Там, дома, их давно

хватились. Ищут, прочесали остров, нашли две лодки и ни одного живого существа. Там полиция, наверно. Мама с отцом в ужасе. Хорошо, что есть еще Павлик и Витька, два старших брата, они их поддержат и поиски не бросят. Хотя... Ясно же, что попали они в совершенно фантастическую и абсурдную историю, объяснения которой приходили самые что ни есть диковинные. Остров, который на самом деле не остров... Земля, непохожая на ту, где они жили, чуть отличная от родной флора и фауна, но в то же время те же звезды и Луна. Те же? Юлька глядела на убывающую луну, точно такую же, как дома, и на точно такие же созвездия. А вот цвет ночного неба показался другим — более насыщенным, что ли, иссиня-черным, как зрелая южная слива, и воздух, которым она не могла надыхаться — холодным и терпким, головокружительно вкусным.

Так сидеть, умиротворенно глаза по сторонам и предаваясь неспешным и печальным размышлениям, она могла до бесконечности. Надо сказать, Настя в этой непростой ситуации держалась куда как лучше: пользы от нее явно было больше, да и вела она себя более решительно и правильно. И Саша... Да, Саша...

Она залилась слезами, раздавленная произошедшим. Это она во всем виновата. Если бы ее не понесло на этот остров, ничего бы не случилось. Лежала бы сейчас дома, на диване с книжкой, мечтая о том, как они с Сашей... Да лучше бы она вообще никуда не поехала! До сих пор бы верила, что есть у нее в отношении Саши хоть какие-нибудь шансы.

В дом напротив один за другим прошмыгнуло несколько ребятишек. Девочка помладше задержалась у калитки, поспешно поправляя платье и растрепавшиеся волосы. Перестав рыдать, Юлька стала рассеянно ее разглядывать. Девочка напомнила ей лисичку: рыжие волосы, узкий подбородок, широкие скулы, острый, чуть длинноватый носик. На мгновение ей показалось, что рядом с калиткой и впрямь вертится маленькая лисичка, привиделись даже желтые глаза и вертикальная щель зрачка. Звонкий окрик с крыльца — и малышка шмыгнула домой, но за несколько последних мгновений Юлька успела увидеть белые грязные лапы, покрытые до щиколоток рыжей шерстью, семенящие по дорожке быстро и неуклюже.

Она торопливо встала со скамейки и вернулась в дом. Дочь хозяйки уже уложила брата спать и теперь сидела на застеленной пушистыми шкурами лавке с вязанием. Свет шел от толстой свечки без фитиля, которая светилась от основания до кончика ровным светло-золотистым светом, которого хватало на всю комнату. Юлька подозрительно уставилась на девочку, углядев те же широкие скулы и острый носик. И зеленые глаза. Почти все люди, встреченные ими в деревне, были или рыжими, или светло-русыми, но у этой волосы были темные.

— Можно? — Юлька протянула руку к пестрой вязаной курточке, висевшей на стене, и девочка согласно кивнула. Накинув куртку, Юлька вернулась обратно на улицу.

Сашу с Димой она заметила почти сразу же. Сосредоточенно-озадаченные, они остановились у калитки.

— Староста очень удивился, узнав, как мы сюда попали, — ответил Саша на ее невысказанный вопрос. — Мне кажется, он нам вообще не поверил. Говорил о каких-то порогах, которых здесь нет. Ближайший порог, говорит, в трехсот хаарах отсюда, и грань стабильна, и чужаков не ходит. Вот сколько он здесь живет, столько и не ходят здесь чужаки... Не понравились мы ему, это точно.

Румянцев хмыкнул.

— Не, нормальный дядька. Вменяемый. А что косился он на тебя, так и я на тебя

кошусь, особенно когда ты свой розовый галстук натяливаешь, — и видя, что хмурое Сашино лицо осветилось полуулыбкой, продолжил. — За деревней есть пути в какие-то несколько мест, он перечислял названия, но звучат они как-то совсем уж дико. Вообще-то он велел нам оставаться у Ригды (так звали хозяйку) и никуда не уходить. Мол, он сообщит каким-то паукам и они нам помогут.

Саша попинал скамейку, и, убедившись, что она не собирается разваливаться в ближайшие полчаса, опустился на нее с тяжелым вздохом.

— Вот это мне и не нравится. Пауки какие-то... Видимо, местные правоохранительные органы. Думаешь, наши собственные менты помогли бы?

— Ага, помогли бы, — хмыкнул Румянцев. — Заперли бы в обезьянник, и доказывай потом, что ты не псих и не сторчался.

— И я о том же, — Саша прислонился к стене дома, точно так же, как Юлька час назад, и закрыл глаза. — Завтра спрошу Ригду, что за пауки такие...

Румянцев коротко кивнул и отправился в дом. Точнее, за дом. Удобства здесь находились в маленьком домике на краю огорода, совмещенном с баней. Саша открыл глаза и посмотрел на Юльку с сочувствием и усталостью.

— Настя в доме?

Юлька кивнула

— Посиди со мной.

Она послушно села рядом.

— Как тебе местная цивилизация? Любопытно, очень любопытно, — пробормотал он себе под нос. — Купола видела?

— Нет, я далеко не ходила.

— Стоит посмотреть. За деревней стоят, там, где поля начинаются. Разных размеров. Большие, маленькие. Есть серые, есть светло-голубые. Похоже на стекло, но вряд ли. Интересно, зачем? Теплицы, что ли?

— Может быть, — согласилась Юлька, но рассказывать про свои звериные галлюцинации не стала. — А ты не заметил, чем они дома топят?

— Горячим воздухом. В подвале котел стоит, а вот чем топят, я не понял. Брикетты какие-то. Похожи на прессованную кору с опилками. Мусор, в общем. А ты не обратила внимания на богов?

— Где?

— В доме хозяйки есть что-нибудь? У старосты я видел четыре картины, похожих на наши иконы. У каждой лежало нечто вроде подношения. Думаю, это местные боги. Пошли поищем.

Саша решительно встал и направился в дом. Юлька поплелась за ним.

Девочка все еще сидела за вязанием. Саша огляделся и, найдя искомое, кивком указал Юльке на три небольших, но искусно выписанных изображения, без рамок, выполненных на толстых деревянных дощечках.

— Те же самые, — шепнул Саша, — только у старосты был еще олень.

Юлька присмотрелась к дощечкам. В центре, на фоне вековых, залитых солнцем сосен был изображен гигантский зубр. Толстые длинные рога вились спиралями, длинная черно-бурая шерсть лежала блестящими аккуратно выписанными завитками. Темные глаза, неестественно большие для животного, по-человечески пронзительные и суровые, оказались прямо в центре картины, отчего складывалось впечатление, что это воплощение древней

мудрости и животной силы пристально наблюдает за тобой. Под картиной лежало подношение — хлебная горбушка.

Слева от зубра находилось изображение ворона, кружащего над землей, морем и скалами. Иссиня черные крылья с синими кончиками перьев закрывали половину неба. Справа стояла картинка с белоснежной грациозной кошкой на фоне идиллических разноцветных домиков. У кошки были ярко-зеленые глаза и заостренные, с кисточками ушки, на морде — добродушное и чуть хитроватое выражение. У кошки стояла плошка с молоком, у ворона — кусочек вяленого мяса.

Изображения были выполнены яркими, сочными красками, но натуралистичными не казались: в них было что-то сказочно-лубочное, вроде картинки в детской книжке. Тем не менее, как-то сразу, с первого взгляда становилось ясно, что картинки — не просто украшения. Юлька уже собралась было подсесть к девочке и расспросить поподробнее, но шум за дверью заставил ее обернуться.

В дверях стоял Румянцев, грязный и взлохмаченный. На шее сочились кровью следы от когтей, одежда местами была порвана, на коже виднелись глубокие царапины.

— Оно на меня напало, — задыхаясь, прошептал он. — Пока я ссал. Сзади.

Видя, как округлились от изумления глаза девочки, Саша выволок его из комнаты. Юлька выскочила следом.

— Оно бы меня... того, — продолжал тот сбивчиво, судорожно размазывая сочившуюся из царапин кровь. — Там во двор кто-то вошел, Ригду звать. Оно и удрало.

— Оно? — Саша отвел трясущегося Румянцева к колодцу, вытащил ведро с водой, и, пока бедняга умывался и жадно пил, внимательно и настороженно оглядывал двор. Тьма стала непроницаемой, только ущербная луна слегка рассеивала мрак, да светились в темноте далекие квадратики окон. Тишины не было: чирикали какие-то ночные птицы, ухал филин в ближайшем лесочке, с соседней улицы все еще доносились звонкие голоса гуляющих парней и девок. Задворки дома выходили в лес, в сосны, но заборчик, хоть и покосился изрядно, на первый взгляд казался целым и невредимым.

— Или она, — слегка успокоившийся Румянцев уселся на колодезный сруб, удрученно разглядывая порванные джинсы. — Существо почти с меня ростом, в шерсти, с мордой, похожей на лисью. Повалила и цапнула за горло, да я умудрился увернуться. Сильная, гадина, и цепкая, еле вырвался.

— А может это хозяйка... обернулась, — испуганно предположила Юлька.

— Ага, может, ты ей чем не угодил? — хмыкнул Саша. — Она тебе интим не предлагала? Ты отказал, а она обиделась.

— Дурак ты, Колесов, и шутки у тебя дурацкие, — огрызнулся тот. — Ригда у соседей напротив, мы же сами с тобой видели, как она заходила.

Юлька, вспомнив девочку-лисичку, вывалила свои смутные подозрения. Саша слушал хмуρο и недоверчиво, Румянцев продолжал ощупывать пострадавшие части тела.

— Бред, — резюмировал он, еще раз оглядев двор. — На тебя небось псина напала. Или зверь какой лесной. Места здесь странные, давно ясно, что не наши, все может быть. Хотя, конечно, может и впрямь... оборотень. Есть же масса легенд на эту тему. Дыма ведь без огня...

Во двор вышла встрепанная и сонная Настя.

— Что у вас случилось? Я шум слышала, а потом скулеж какой-то, вроде собака, и не собака...

— Ты ей лапу случайно не отдал? — усмехнулся Саша.

Румянцев выматерился.

— Давай лучше валить отсюда, пока нас не съели.

— На голодных они здесь не похожи, — сказала Настя очень тихо, внимательно разглядывая царапины. — Мда, собака бы искусила. А так... Непонятно, кто и с какими целями пытался тебя сожрать. Слушай, а может у Ригды дружок такой... ревнивый?

— Да ну вас к черту! — Румянцев оттолкнул ее жалостливо протянутые руки и пошел в дом. Все остальные потянулись следом. Забравшись на лежаки под шкуры, они еще раз пересказали для Насти все, что было услышано и увидено за вечер.

— Уходить нужно обязательно, причем завтра утром, — резюмировал Саша. — Не хочу я встречаться ни с какими "пауками". Попросим у хозяйки еды в дорогу, да может, одежду, если найдется. Жаль отдать ей нечего...

— Браслет отдам, — сказала Настя, тряхнув запястьем. — Мне не жалко.

Саша благодарно улыбнулся.

Утром из деревни их вывела все та же девочка. Остановившись на перекрестке с уже знакомым путевым столбом с изображением ворона, она передала им вышитый причудливыми узорами мешочек — рюкзачок с домашней снедью. Ригда браслету очень обрадовалась, долго благодарила, а потом кинулась собирать им в дорогу еду и одежду. Нашлись и куртки для мужчин, не новые, конечно, и по размеру оказавшиеся великоватыми, зато добротные пошитые, элегантно отороченные мехом, и две вязанные женские курточки, больше похожие на укороченные пальто, украшенные сложным и ярким узором. Юльке понравилось — и удобно, и красиво. Насте это изделие местной моды оказалось коротковато, но, за неимением ничего более подходящего возражать она не стала.

— Если идти туда, — девочка махнула рукой в сторону леса, — в трех хаарах будет деревня навряде нашей, только чуток побольше. И еще там больше лэйсе, чем нас, кицу. А господин живет далеко... — она задумчиво посмотрела на небо, с утра пасмурное, в серосиних дождевых тучах. — Мы с мамой были там всего два раза.

— Там — это в городе? — уточнил Саша.

Девочка замотала головой.

— На озере. Там замок. Очень красиво, — она аж зажмурилась от восторга. — Мы ходили, когда папка умер, чтобы нам господин денег дал.

— И как? Получилось? — поинтересовался Румянцев.

— Конечно, — в голосе девочки прозвучало недоумение. — А с чего он не дал бы? Папка же был его охотником. Я вот этой зимой учиться пойду, тоже хочу в охотники, только мне сказали, меня не возьмут, я бегаю плохо.

— А кем возьмут? — улыбнулся Румянцев.

— Если Даллах позволит, то на ферму, за зверями ходить. В купола я не хочу, там учиться долго надо...

Юлька оглянулась на купола. Действительно, в стороне от деревни, за лесом, были разбросаны большие сферообразные строения, матово поблескивающие на солнце.

— А если мы пойдем по другой дороге, например, по этой, — вернул Саша девочку к той теме, с которой они начали. — Куда придем?

— К шеадру. Но у нас только два пути, в Ар Хойт и в Ар Лессен, в Вижанну. А куда вам нужно?

— А где теплее? — улыбнулась Настя.

— В Ар Лессене, конечно, — опять в голосе девочки прозвучало недоумение, но комментировать невежество гостей она не осмелилась. — Ну я пойду? А то если долго, там братик набедокурить может, мамка заругается.

Сложив руки на груди и поклонившись, она вприпрыжку побежала обратно в деревню.

Дорога оказалась такой же, по которой они пришли: вымощенной светло-коричневыми плитами, с периодически попадавшимися столбами с резьбой и навершием в виде раскинувшего крылья ворона. Когда купола пропали из виду, вдалеке забрезжило нечто похожее на башню, стоящую среди открытого пространства. Справа от нее в хмуром предгрозовом небе Юлька заметила несколько темных точек, двигавшихся параллельно земле. Через некоторое время ей стало казаться, что точки увеличиваются в размерах. Саша, тоже обративший на них внимание, потребовал от своего маленького отряда ускорить шаг.

— Думаешь, летят? — спросил Румянцев.

— А черт их знает, — буркнул Саша. — А вдруг птицы какие-нибудь? Если здесь есть охотники, значит, есть на кого охотится.

Башня тем временем медленно приближалась. Теперь уже было заметно, что она четырехугольная, без окон, с каменной и гладкой четырехскатной крышей. К каждой из ее стен вели ступени, вход располагался высоко над землей, стрельчатая арка дверей была заметна издали. Цвет стен не поддавался описанию — нечто перламутрово-пепельное, Юльке даже показалось, что они немного мерцают. Возможно, учитывая ее назначение, башня светилась в темноте.

— Интересно, куда же все-таки мы собрались? — буркнул Румянцев.

— Туда, где тепло, — усмехнулся Саша.

— Какая разница, — раздраженно бросила Настя. — Надо убираться отсюда, пока не набегали вот эти самые Пауки и не стало хуже. Здесь-то, как мне показалось, нам не особо обрадовались. Пошли отсюда, там разберемся, куда нас занесло.

— Если разберемся, — проворчал Румянцев.

Порывы ветра становились все сильнее, далекие тучи темнели и тяжелели. Ветер, холодный и пьяный, пах травами и дождем, хлестал по лицу первыми дождевыми каплями, без жалости растрепывая волосы. Далекий рокот то ли от начинающейся грозы, то ли от неизвестных темно-серых пятен, постепенно принявших птичьих очертания, усиливал тревожные ощущения. Когда до лестницы оставалось всего несколько шагов, Юлька осмелилась оглянуться назад.

Неопознанные летающие объекты приобрели очертания хищных черных с синим высокотехнологичных машин.

Подъем наверх показался подвигом. Юлька неожиданно оказалась самой выносливой, а Саша отстал сильнее всех. Там, наверху у гигантских ворот в башню, на их головы наконец хлынули накопленные небом потоки воды.

Ворота, огромные, тускло-серебряные, покрытые резным растительным орнаментом, подались внутрь от легкого нажатия. Юльке подумалось, что строение само по себе напоминает срезанную на вершине пирамиду. От догадки стало не по себе, и она поспешила шагнуть в ворота. Последней вошла Настя, створки ворот закрылись за ней плавно и бесшумно.

В башне было светло, несмотря на отсутствие видимого освещения. Очень высокий свод чем-то напоминал готические земные соборы. На двух противоположных стенах справа и слева, во всю высоту башни обнаружили изображения, исполненные в той же технике, что

и картинки существ, отмеченные Сашей в доме у старосты и у хозяйки. Стена слева вмещала изображение города со множеством островерхих коричневых и золотистых крыш, с затейливыми флюгерами, узкими улочками, изогнутыми мостами вперемешку с зелеными и алыми пятнами растительности. Юлька, восхищенная картиной, протянула руку к показавшемуся объемным изображению и ощутила приятное, живое тепло, исходившее от стены.

На стене справа они увидели серые обрывистые скалы, припорошенные снегом, и маленький, притулившийся у их подножья, городок. Настя, оглянувшись на компанию, вплотную подошла к изображению того города, что побольше.

— Ну что, рискнем?

— И что надо делать? — хмыкнул Румянцев.

Настя осторожно потрогала рукой стену, потом сделала шаг навстречу. Юльке показалось, что силуэт ее на несколько секунд размылся, потом неожиданно обрел рельефную резкость и законченность, и в то же мгновение она исчезла. Саша ахнул и дернулся вперед, но Румянцев его удержал.

— Я следующий.

С ним произошло то же самое. Саша подтолкнул Юльку вперед.

— Теперь ты. Я хочу выглянуть наружу, посмотреть на те летающие штуки.

Она оглянулась на изображение холодной земли. В тот же миг возникло ощущение, что они неправильно выбрали направление.

— Смелее. Погибать, так вместе.

Юлька улыбнулась, прочитав на его лице спокойствие и уверенность, и сделала шаг вперед.

Глава 4. Странный след

Шандр связался со мной утром.

— Мы напали на след четверых потерявшихся со Старой земли. Знаешь где? Аж в Западном Тайреме, почти на границе с Лаорикой.

— Далековато их занесло, — удивился я.

— Я хочу, чтобы ты там сам посмотрел, — попросил Шандр. — Может, след возьмешь. Шеадр Т-255687. Я тебя там подожду.

— Давай не сейчас, а в полдень, — предложил я. — У меня встреча с брэнном Элласара.

— Что ему от тебя надо?

— Не признался, — я хмыкнул в раструб гвора. — Говорит, дело деликатное и тонкое.

— А ты не хочешь послать его к демонам Маара?

— Амир уже раскрыл мне всю интригу, — я откровенно рассмеялся. — Ему нужен персональный шеадари. В домик к любовнице.

— Он не обнаглел? — ахнул Шандр. — Зачем тебя дергать по такой ерунде?

— Амир ему отказал, сославшись, что в Элласаре и так много дырок, опасно делать еще одну. И что в Элласаре все новые шеадров ставятся только с моего личного разрешения. Вот элласарский владыка и решил... упредить.

— И ты?

— А я не вижу в его желании ничего ужасного, — весело ответил я. — Ну хочет пожилой владыка на старости развлечься. Пусть его, если в силах. Другое дело, что место, куда он хочет строить переход, надо действительно посмотреть самому. Аргумент у Амира очень верный — в Элласаре и так много шеадров. Безопасность прежде всего. Времени это займет немного, зато потом спокойнее.

— Пешие прогулки полезны для здоровья, — фыркнул Шандр, — особенно в пожилом возрасте. — Очень способствуют... Отец до сих пор ходит в черте города только пешком, из принципа и в назидание молодежи. И насколько я знаю, все его три женки им довольны.

— Если мы ему откажем, он обратится к Кинэну, — возразил я. — Коллегиум за деньги и не такое сделает, им плевать, лишь бы хорошо платили. Мне это не нравится. Я не хочу, чтобы свита этого пустоголового хорька тут шастала, и уж тем более совала нос в дела наших брэннов.

— Успеешь к полудню?

— Конечно.

— Тогда жду тебя у тамошнего шеадра.

Деревенька кицу находилась на южной оконечности огромной Лерейской пуши, на окраине домена Даллаха. Уютно устроенная, она оказалась достаточно большой и густонаселенной. Староста, зрелый полный кицу, с кудрявой русой бородой, жизнерадостный и немного суетливый, подтвердил нам, что вчера вечером к нему приходили двое странных парней.

— Расспрашивали про ближайшие переходы на Старую Землю, — пояснил он. — Один — вылитый ирнанец, высокий такой, широкоплечий, блондинистый. Второй — элез, невысокий, пухлый, кудрявый, болтливый. Но глаза точно не наши.

— Они проходом были или где-то заночевали? — спросил Шандр

— У Ригды на ночь остались.

— Веди к ней, — велел я.

Ригда, немолодая усталая кицу, поначалу встретила нас неприветливо, но внешность Шандра, как всегда, сработала лучше всяких объяснений. Мой друг — шаам, высоченный восточный красавец. У него фигура танцора и повадки хищника, губы страстного любовника и глаза прожженного циника. Он покоряет женские сердца мимоходом, даже не замечая этого. Иногда я втайне ему завидую — сам я обычный, ничем не примечательный элез, среднего роста, худой и вечно растрепанный. Иногда я нравлюсь женщинам, если они не пугаются той жуткой светящейся синевы, которая подчас бесконтрольно заливает мои от природы серые глаза.

Вот и сейчас, заглядевшись на Шандра, хозяйка подобрела, расслабилась и даже попыталась робко улыбнуться.

— Ушли вчера, — подтвердила она, поспешно ведя нас в чистенькую, но бедную горницу.

— Сколько их было? — спросил он.

— Четверо. Два парня и две девушки. Сказали, что со Старой Земли, попали сюда случайно, потерялись.

— Опиши.

Пока она описывала пришельцев, начав с мужчин, я мельком огляделся. Бедненько тут у нее, а деревня богатая.

— Муж-то их видел? С ним бы поговорить, — перебил я.

— Нет его, — буркнула она.

— Что так?

— Казнили. Еще два года назад.

— За что?

— За охоту без разрешения.

— Врешь, — рыкнул Шандр. — За это больше штрафа не дадут, хоть пол-леса перестреляй.

— За разбой, — пояснил я. — Тут пару лет назад банда была, еле поймали. Ассары, но были и Двуликие.

— Как ты все помнишь... — пробормотал Шандр. — А хозяин-то куда смотрел?

— Толку-то от него, — огрызнулась Ригда. — Пьет он сильно, а когда пьет — звереет. И все, кто под ним, тоже... Дуреют. Не держит он их. Наоборот...

Я кивнул. Надо глянуть на этого хозяина.

— А что за райзе к тебе заглядывает? Дружок?

— Райзе? — изумилась женщина. — Никто ко мне не заглядывает. И дружка у меня нету.

— А в деревне райзе есть?

— Нет, — забеспокоилась она. — Да кто ж с ними свяжется?

— Вчера тут точно были только ассары? — я поймал ее взгляд, слегка надавив на нее, чтобы обеспечить честный ответ.

Она пожала плечами.

— Они ж со Старой земли. Наверно, ассары, я не приняховалась. На вид — обычные элезы. Девки красивые. Рыжая — наглая, вторая — на айору похожа, только нос не ихний.

— Смуглокожая, темноволосая, голубоглазая, фигуристая?

— Нет, — возразила Ригда. — Кожа светлая. И фигура обычная.

— Тогда почему айора? — удивился Шандр. — И что значит — нос не ихний?

— Нормальный нос, — хохотнула Ригда. — Не клювом.

Шандр с трудом сдержал смех, а я и не стал сдерживаться — рассмеялся.

— Между прочим, у женщин-айор нос нормальный. Ну, почти, — прокомментировал я. — Это ты зря... Гости чем-нибудь расплачивались?

— Вот, — она протянула мне симпатичный серебряный браслет явно не местного изготовления. Покрутив его в руках, я кинул его Шандру. Женщина огорченно вздохнула.

— Ты уж извини, но он нам нужен, — сказал я, порывшись в карманах и протянув ей то, что там было. — А к вашему хозяину я загляну. Пообщаемся.

— Вы только осторожнее, — жалобно попросила она. — Злой он последнее время. Бешеный.

— Я сам злой, — хмыкнул я. — И бешеный. Особенно, когда голодный.

Шандр недовольно покосился на меня, не оценив шутки.

— Куда ушли, знаешь?

— К шеадру.

— Давно?

— Вчера около полудня.

— Что у вас там? — спросил Шандр.

— Вижанна, но не столица, а Льер, городишко на границе с Брантомом, — ответил за нее я. — Там шеадр в трех хаарах от города, и рядом еще пять деревень, которые на него завязаны. И Ар Хойт, но не Рейм, а Хевр, где горнодобыча.

С трудом отказавшись от приглашения к столу и поблагодарив хозяйку, я вышел во двор.

— Ты почуял райзе? — поинтересовался Глава Пауков.

Я кивнул.

— Среди этих четырех?

— Скажем так — до нашего появления здесь был райзе, — уточнил я. — Но хозяйка не врет, значит, райзе — один из четырех наших потерявшихся.

— Может, кто-нибудь прокрался? — предположил Шандр.

Я походил по двору, прислушиваясь к остаточным эманациям в ментасфере, потом сел на скамейку у дома, которая не давала мне покоя.

— След, мягко говоря, странный. Вот тут сидел элементал, совсем недавно. Или даже два элементала. Ассары, не райзе.

— Уверен?

Я посмотрел на Шандра с укоризной.

— Я не Ригда, мне принюхиваться не надо. Стихийщик, след от эгри, джив и наэра.

— Все страньше и страньше, — Глава Пауков недовольно покачал головой. — Один райзе и один элементал, скорее всего школы Джмар. Идут со Старой Земли, прикрываясь жертвами срыва Грани.

— Не исключено, что ДВА элементала, — поправил я. — В витасфере след один, а в ментасфере — два. Найди их.

— Попробую, — он вздохнул. — Если они пошли в Ар Хойт, то быстро. Там спрятаться негде. Если в Вижанну, то это займет время.

Я поднялся со скамейки и двинулся к калитке.

— Как сможешь. Я тебя не тороплю.

— Куда ты?

— Обрато к старосте, — пояснил я. — Уточню насчет райзе, вдруг Ригда не в курсе. И насчет ее хозяина. Надо все-таки к нему наведаться. Скотство это — так обращаться со своими зависимыми.

— Насколько я помню, здесь всего два берга Дзуликих. — Шандр шел за мной, внимательно оглядывая окрестности, ножны сабель хлестко бились о сапоги, и местные мальчишки уже увязались за нами, пока что сохраняя почтительное расстояние. — Кицу и лэйсе, оба подчинены Даллаху. Если ты вмешасься, не будет ли у тебя проблем с Даллахом?

— Проблемы с Даллахом у меня бывают, только когда пиво быстро заканчивается, — ухмыльнулся я. — Если он узнает, он этого берга по стене размажет, приче не выходя из дома. Он только с виду добряк. А я его просто попугаю. Немного.

— А потом?

— Потом к Гевору. У него появилась одна чертовски интересная идея насчет Дымного кряжа.

Шандр резко остановился, и ребяташки, кравшиеся сзади, чуть не налетели на нас, а один даже выкатился мне под ноги, не удержав облик и наполовину превратившись в лисенка.

— Тогда я домой, — сказал он, хлопнув меня по плечу. — Вимму не взял, — он поморщился. — Тащись теперь до шеадра на своих двоих...

— Что ты там говорил про полезность пеших прогулок? — развеселился я. — Хотя... могу подбросить.

— Нет уж, спасибо, — буркнул он. — У меня не настолько крепкие нервы.

Глава 5. Чужие города

Город поражал воображение. Он был похож на города родного мира, как снежинки похожи одна на другую — одинаковые издалека и бесконечно разные при более тщательном рассмотрении. Здания, построенные в архитектурном стиле, напомнившим Юльке старую Европу, выстраивались в извилистые улочки, но, в отличие от средневековых и современных городов, пространство между домами не разделялось на мостовую и тротуар. Поверхность улиц устилали ровные, гладко отполированные светло-серые плиты, да и камень домов, несмотря на явные признаки времени, не потемнел, а выгорел на солнце. Стрельчатые окна домов снизу на треть были украшены затейливыми и яркими витражами, на крышах лепились друг к другу вычурные остроконечные башенки, крытые серой черепицей, и статуи животных, чем-то напомнившие ей картинки в деревне. Глаз то и дело цеплялся за изящные кованые детали на дверях и окнах, на забавные фигурки флюгеров, яркие художественно выполненные вывески. Улочка, по которой они с Настей двигались, была скорее торговой, и от начала до конца изобиловала забавными, зачастую гротескными картинками товаров и их покупателей. Видимо, именно так здесь представляли рекламу. Иногда девушки улавливали будоражащие аппетит запахи, но денег, чтобы расплатиться за обед, не было.

Как и до этого, инициативу выбора места очередного обитания Настя взяла на себя. Это оказалась гостиница на окраине, большой трехэтажный дом с садом, птичником, грядками и даже небольшим скотным двором. Глядя на все это хозяйство, Юльке вспомнилось слово «постоялый двор». Разве что конюшни в нем не обнаружилось.

Настя отогнала парней подальше и о чем-то коротко потолковала с хозяином. В итоге, он согласился выделить им маленькую комнатку и накормить ужином. Впрочем, комната для безденежных и безродных путников была очень даже неплоха: с узкими, но удобными и чистыми кроватями вдоль стен, тяжеловесным, застеленным пестро вышитой скатертью деревянным столом, просторным встроенным шкафом. К комнате прилагался простецкий ужин: каша, по вкусу похожая на гречневую, с кусочками мяса, напоминавшего птицу, полкаравая хлеба, кувшин молока. Хозяин постоялого двора, заглянувший чуть позже, дал несколько адресов, где можно было на простых подсобных работах быстро заработать немного денег.

Рано утром Саша и Румянцев ушли искать написанные на бумажке адреса. Юлька и Настя, доев остатки хлеба, отправились бродить по городу.

Накануне вечером, после ужина, у них состоялся очередной безнадежный и неразрешимый спор: куда они попали и что делать.

— Это параллельный мир, — заявил Румянцев с непререкаемой уверенностью. — Вы заметили, что солнце, луна и звезды тут совсем как наши? Природа прям один в один как в средней полосе, я даже большой разницы не заметил.

— Языкового барьера нет, — добавил Саша, — мы понимаем их, а они — нас. Как? Не по-русски же мы все разговариваем... а письменность другая. Местные ни капли не удивлены нашим появлением. Скорее это не параллельный мир, а часть нашего, но скрытая. Лакуна или загиб пространства. Иногда она приоткрывается и людей из нашего мира туда затягивает.

— Аномалия пространства, — робко вставила Юлька свою версию. — А вдруг мы в прошлое попали? Или в будущее?

Настя равнодушно пожала плечами.

— Какая разница, что это, — проворчала она, зевнув. — Дом далеко, как вернуться — непонятно. Чего дергаться-то, давайте здесь пока приспособимся, а там видно будет.

Ни Юльке, ни парням эта идея категорически не нравилась.

— Надо найти местные власти и сдать, — заявил Румянцев уверенно. — Если они не удивились чужакам, значит такое случается не впервые. Значит, за психов нас не примут.

— Но и не факт, что отнесутся благосклонно, — возразил Саша. — Что если тут принято таких вот заблуд уничтожать?

— Тут все такие добродушные, — подала голос Юлька. — И совсем нас не боятся, скорее жалеют. Помочь пытаются.

— У нас тоже в кутузку бы не потащили, — хмыкнул Дмитрий. — Скорее б тоже пожалели, накормили-напоили-спрятали.

— Может, потому и жалеют. Знают, что нам недолго осталось, — мрачно спрогнозировал Саша. — А может, нам вообще все это кажется. Лежим мы в коме где-нибудь в больничке после автомобильной аварии на мокрой дороге, и видим сон.

— Ага, все сразу, — съязвил Румянцев.

— Нет, кто-то один. Я, например, — Саша вздохнул. — А вы — плод моего свихнувшегося мозга.

— Почему не моего? — возразил Димка. — Я больше тебя фэнтези люблю.

— Тут не о любви речь. А о вере. Или о нормальности сознания. Ты вот веришь в параллельные миры?

— Верю. И не только в них. Как ты думаешь, почему существует столько шизофреников, которые ловят НЛО? И писателей-фантастов, энергично развивающих жанр? Дыма без огня не бывает, понимаешь? Очень даже модная тема, между прочим.

— Я это не читаю, — брезгливо поморщился Саша. — Я бы на месте власти предержавших этого мира не торопился связываться с нашим.

— Если мы вернемся, нам придется что-то объяснять своим, — вставила Настя. — Вот тут-то и здравствуй, психушка.

Какое-то время они молчали, придавленные безысходностью положения.

— Предки там с ума сошли, — неожиданно прошептал Румянцев, а Юлька уткнулась носом в подушку и всхлипнула. — Дома полный шухер, раньше вернемся, позже — теперь не имеет значения.

— Ничего, прорвемся, — подбодрил их Саша. — Люди тут незлые, я верю, что нам помогут.

— Ага, незлые они, — пробурчал Румянцев, заворачиваясь в одеяло. — Чуть не сожрали. Видел, во дворе работничек кур загонял — с когтями? И зубы у него...

— Куры с когтями? — съехидничала Юлька.

— Мужик с когтями! — обиделся Румянцев. — Черными! Острыми! Как у зверья!

— Немытыми, нечищеными, — продолжил Саша.

— И когда ты успел ему зубы пересчитать? — рассмеялась Настя.

— Успел, — буркнул Димка, закрыв глаза. — Это вы все... добренькие. Дождетесь, пока вас тоже жрать начнут.

— Ой да надоели уже, — вдруг разозлилась Настя. — Спите. Заладили одно и тоже... Завтра разберемся.

Юлька послушно закрыла глаза, думая, как ей повезло со спутниками. Хоть кто-то

знает, что делать. В одиночку она бы, наверно, сошла с ума от страха и отчаяния.

...Город меж тем радовал глаз. Улицы сияли чистотой и уютom, дома, в основном трех-четырёхэтажные, стояли не вплотную друг к другу, а чуть на расстоянии, словно особняки, и почти каждый имел свой небольшой сад или палисадник, а там, где их не было, на подоконниках или прямо под окнами в горшках и кадках росли цветы. Названия улиц были написаны вертикально по углам домов со всех четырех сторон.

А вот те существа, что попадались навстречу, вызвали у Юльки безотчетную тревогу. С виду — люди как люди, но приглядевшись, девушка стала замечать в знакомых чертах и обликах нечто нечеловеческое. Несколько раз встречались люди с кошачьими желто-зелеными глазами и вертикальным зрачком. Несколько позднее она заметила когти на руках и в смятении шепнула об этом Насте. Та лишь пожала плечами.

— Я давно их вижу. Может, мода у них такая.

Встречались и другие, не менее странные.

— Смотри, какие, — Юлька опять дернула Настю за рукав и та нехотя повернула голову. Мужчина и женщина, остановившиеся у входа в магазинчик, высокие и тонкокостные, с изящными, точеными чертами лица, имели пепельно-серую кожу, узкие, раскосые темно-синие глаза, веки которых были густо покрыты сине-зелеными тенями. Присмотревшись, она обнаружила, что их кожа состоит из мелких и гладких, едва заметных чешуек. Пальцы у них тоже заканчивались когтями, но не темными, как у кошачьих, а перламутровыми. Женщина, одетая искусно и дорого, носила множество причудливых украшений, а мужчина, гладко выбритый и бледный, казался вампиром, если бы не яркие, большие глаза.

— Фрики какие-то, — бросила Настя, не останавливаясь и бесцеремонно толкая Юльку в плечо. — Может, у них тут сегодня карнавал.

Та проводила глазами еще троих — крупных, высоких и ширококостных мужчин и женщину, кареглазых и темноволосых. Несмотря на внешнюю грубоватость и простоватость, лица у них были на редкость добродушные и спокойные. В городе таких было пруд пруди, и заметив на улице подобных себе, они шумно здоровались и кланялись.

Попадались и обычные люди, точь-в-точь похожие на земных. Их было меньше, чем людей с нечеловеческими чертами, но ни поведением, ни манерой говорить и одеваться они от остальных не отличались. Эх, объяснил бы кто-нибудь, что это значит...

Улица закончилась у крыльца монументального здания, похожего на храм: шестиугольные башни с высокими шпилями по краям массивного каменного строения с четырехскатной крышей, увенчанной круглой башенкой, огромные стрельчатые арки и окна, сплошь украшенные витражами, у входа по бокам — две потемневшие от времени и непогоды скульптуры грозных животных кошачьей породы. Юлька задержалась рядом — у огромной, с нее ростом, хищной кошки были почти человеческие глаза, живые и осмысленные.

— Зайдем? — предложила Настя.

— А не выгонят?

— Заодно и узнаем. У них здесь какой-то звериный культ, — Настя глазами указала на витраж на окне над дверью — это было мозаичное панно кошачеподобного существа, чем-то напомнившим Юльке рысь.

Огромная двустворчатая дверь открылась мягко и бесшумно. Сразу же навалилась теплая, бархатная полутьма, а затем тишина постепенно расцвела звуками льющейся

сверху торжественной мелодии. Сквозь витражи в зал, свод которого поддерживали резные колонны розового мрамора, струился свет. В нишах скрывались картины и статуи. Сюжеты картин разнились, на них Юлька увидела как зарисовки городской жизни, так и пасторально сельские сцены, но везде, в каждом сюжете присутствовала пепельно-серая зеленоглазая рысь. Она же сидела в центре зала, созданная из серого камня, огромная, совершенная, с точеным телом хищного животного, шерсть — волосок к волоску, и разумными холодными глазами. Изящество и утонченность сквозили во всем ее облике — в горделивой позе, в легком, чуть ироничном наклоне головы, в стройных лапах, коготочки которых были инкрустированы драгоценными камнями. Животная хищность в сочетании с человеческим, чисто женским изяществом, и величественный, холодный взгляд свысока производили впечатление божественности.

Задрав голову, Юлька стояла перед ней, проникшись искусством создателя этого совершенного каменного идола. Захотелось подойти, потрогать коготки, провести рукой по искусно вырезанным прядям шерсти. Она уже почти протянула руку и вдруг отдернула, увидев, что камень отполирован тысячами подобных прикосновений. Да, Настя права — этому животному здесь поклонялись, как божеству. Юлька отступила назад, уловив краем глаза, что к Насте подошел какой-то благообразного вида мужчина и та, ослепительно улыбаясь, завела с ним разговор. Подавив первое желание присоединиться, она отступила подальше от идола и, заинтересовавшись башенками, устремилась к ближайшей из них.

Помещение напомнило ей часовню. В центре шестигранной башенки струился небольшой фонтанчик, созданный в виде чаши цветка. По краям четырехугольного ложа фонтана стояли все те же фигурки рыси. В трех стенах обнаружилось по нише, в каждой из них — опять по рыси. Первая поставила лапу на книгу и разглядывала открытые страницы с любопытством на морде, вторая держала в зубах кинжал, на голове третьей покоилась корона. Помня про религиозные символы, Юлька истолковала это как мудрость, защиту и власть. Царственное, в общем, животное.

Выразительные, зеленые рысьи глаза той, что с короной, притянули ее вплотную, и Юлька не удержалась, прикоснулась к изящно сложенным лапам. Отнять руку она уже не смогла — рука, а затем и все тело оцепенели. В голове громко застучали хрустальные молоточки, перехватило дыхание, накатила едва сдерживаемая дурнота. Окружающий мир сузился до хищной рысьей морды с горящими властными глазами. Чувствуя паралич дыхания, Юлька попыталась закричать, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь жалкий хрип.

Она рванулась изо всех сил, прочь от этих безумных, жестоких глаз, и на короткое мгновение выскользнула из-под этой злобной, подавляющей воли, но потеряла равновесие и упала, понимая, что ее тянет, засасывает куда-то в пустоту. Глаза на миг залила серая пелена и сразу же рассеялась, явив ей мир, адски холодный и бесконечно прекрасный. Черное с алмазными сполохами небо встретило ее ледяным дыханием, ярко-алые снежинки кружились над головой в медленном старинном танце, лаская, обволакивая холодными прикосновениями. Босыми ногами она ступила на ослепительно белую тропу. Идти было больно и холодно, стоять — невыносимо.

Оглянувшись назад, Юлька увидела оставшийся позади храм рыси, где затягивался выход из живого мира. Ощувив панический страх остаться здесь навсегда, она дернулась назад в порыве вернуться, но тело окоченело, не желая слушаться. Юлька собрала всю силу воли, заставляя себя развернуться назад и сделать хотя бы шаг, но ничего у нее не вышло

— ноги приморозило к снежно-белой тропинке.

Повернувшись обратно, она вздрогнула — прямо на нее неслась огромная серая тень, напоминая гигантскую летучую мышь. Крылатое создание снизилось, описало над ней круг и приземлилось на дорожку, накрыв себя гигантскими кожистыми крыльями. Юлька зачарованно глядела на это создание тьмы и холода, отметив про себя, что крылья у него тонкие, пепельно-серые, с просвечивающими сквозь кожу прожилками кровеносных сосудов. Страх исчез, сменившись любопытством. Снежинки, опускаясь на крылья, таяли — значит, в жилах существа текла живая, теплая кровь.

За несколько мгновений создание обернулось худощавой женщиной с белой кожей, черными прямыми волосами и серыми внимательными глазами, одетой в простое серое платье и темный плащ. Они смотрели друг на друга пристально и долго, и Юлькин страх растаял, сменившись любопытством и симпатией. Хотелось начать разговор, но девушка не знала, как. Тогда та, что только что была летучей мышью, опередила ее.

— Первый выход?

Юлька, не поняв ее, пожала плечами.

— Помочь вернуться? — уточнила женщина — летучая мышь, и девушка отчаянно закивала. Та резко выбросила руку вперед, словно отталкивая, и Юлька вдруг почувствовала, что отдаляется, летит назад, и с каждым мгновением ей становится все легче и легче. В памяти вспыхнул зал со статуей рыси, она обнаружила, что мчится по белой тропинке обратно, туда, где зияла дыра проделанного ею пути. Оглянувшись назад, она крикнула «Спасибо» и помахала рукой. Женщина все еще стояла на тропинке, не торопясь уходить.

Она пришла в себя на полу у фонтана и обнаружила, что лежит, свернувшись калачиком. На виске пульсировал синяк, дурнота затаилась, но не ушла. Юлька поспешно умылась, напилась воды и опроретью выбежала из часовни, ища Настю.

Но ни Насти, ни ее собеседника в храме не оказалось. Два человека в пепельных одеждах и с медальонами на цепочках, по виду похожие на жрецов, посмотрели на нее с удивлением. Еще сильнее испугавшись, Юлька выскочила на крыльцо.

Настя спокойно стояла на ступеньках, задумчиво глядя в хмурое небо, опять сочившееся дождем.

— Я думала, ты ушла, — сказала она, явно борясь с изумлением. Кажется, она не ожидала, что увидит Юльку, выходящую из храма. — Тебя нигде не было.

— Со мной произошло... странное, — и Юлька, как могла, описала случившийся кошмар.

— Женщина — летучая мышь? Ничего себе... — пробормотала Настя, а потом вдруг потрянула головой и решительно заявила. — Звучит, как бред. Наркотик, наверно. Запах там был... подозрительный.

Запахов Юлька не помнила. Зато навалилась апатия, захотелось сесть и заснуть прямо на месте.

— Дядька с медальоном сказал, что службы сегодня не будет. У них есть приют для бедных, если мы придем завтра с утра, он даст нам работу. У них есть цех по изготовлению тканей, там нужны терпеливые работницы на сортировке волокна. Попробуем?

— Нет, — сказала Юлька, растирая виски, чтобы избавиться от сонливости. — Я им не верю.

Настя пожала плечами.

— А если ничего другого не найдем?

— Все равно — нет.

На обратном пути она плелась следом за Настей, шагавшей все так же уверенно и невозмутимо. Придя на постоялый двор, в их скромную комнатку, она мгновенно повалилась спать.

Снилось ей черное небо с алмазными снежинками, белая тропка и смутные тени где-то вдалеке. Но крылатой женщины на этот раз в нем не оказалось.

Глава 6 Оборотень

Вечером, когда вернулись Саша с Румянцевым, она даже не проснулась. Настя вкратце пересказала происшествие в храме Рыси, упомянув, что жрецы пообещали им помочь, и нажаловалась на неожиданное Юлькино упрямство.

Саша выложил на стол несколько купюр — их первый заработок. Здешние деньги его поразили — во-первых, бумажные, во-вторых — изготовлены по сложной технологии: на ощупь чувствовались вплетенные в текстуру банкноты волокна. Впрочем, то, чем они сегодня весь день занимались, всерьез заставило его задуматься об уровне здешней цивилизации. Прочитав записку хозяина постоялого двора, человек с кошачьими глазами отвел их в огромный ангар, где почти что каждый час приземлялись воздушные суда — «виммы», гораздо более совершенные, чем земные самолеты, небольшие, легкие, мобильные, удобные в эксплуатации. На чем они летают и как управляются, Саша не понял, потому что следов двигателя внутреннего сгорания не обнаружил: при первой же возможности они с Румянцевым принялись искать выхлопную трубу — и не нашли, как не старались. В их задачу входило выгружать упаковки на тележку и развозить их по другим складам.

Бумаги проверяли другие служащие этого, похоже, обычного склада, которые отнеслись к неопытным новичкам с равнодушием, но без раздражения. В конце дня им выдали плату и поинтересовались, придут ли они еще. Саша заверил хозяина, что придут.

Разобравшись с номиналом банкнот, заплатив за день, за вчерашний и сегодняшний ужин, после чего денег не осталось, Саша понял причину заинтересованности хозяина склада: деньги и впрямь оказались ничтожными. Если они хотят выжить, девушкам рано или поздно придется наняться на такую же тяжелую и не слишком выгодную работу.

Утром неожиданно выглянуло солнце. Хозяйственный двор, куда выходили окна комнатки, чудесно преобразился: в глаза бросились нарядные горшки с цветами, расставленные вдоль стен, заиграли бликами витражные вставки окон, заблестел искорками серый унылый камень. Небо без туч оказалось прозрачно голубым и глубоким.

Проснувшись, Юлька почувствовала себя легко и спокойно. Вчерашний страх ушел, рассеялся дурным сном, но неприятные воспоминания о храме Рыси все еще не давали ей покоя. Идти туда повторно ей категорически не хотелось.

Настя нежилась в постели и призывно смотрела на Сашу, потягиваясь, запуская руки в волосы и поглядывая на него из-под длинных ресниц. Он осторожно улыбнулся ей, глазами показывая на остальных, но было в его движениях нечто такое, что Юлька уловила его ответ. Острая обида, зависть и ревность больно укололи ее. «Вот назло не уйду! Обойдутся!» — подумалось ей. — Может, их еще в отдельную комнату выселить, парочку семейную?»

Вставать не хотелось, но и валяться в постели казалось ей неуважением к мужчинам, взявшим на себя труд их кормить. Попросив Сашу отвернуться (Румянцев и так удивленно тараторил в окно), она быстро выскользнула из-под одеяла и поспешно натянула джинсы и рубашку. Настя продолжала валяться.

Деликатный стук в дверь заставил ее прикрыться, а Юлька поторопилась влезть в кроссовки. Открыл Саша. Вежливо и негромко поздоровавшись, в комнату вошли трое местных обитателей.

Первое, что бросилось им в глаза — паук, вышитый на воротнике и рукаве черной с

синим форменной одежды. «Пауки», — захлестнуло Юльку отвращением и страхом. Нашли все-таки. Она с надеждой посмотрела на Сашу — тот подобрался, словно перед дракой, вытянулся и выпрямился, как струна. Румянцев, обманчиво спокойный и расслабленный, отошел от окна и сел за стол, положив руки перед собой. «Их всего трое, — подумалось Юльке, — а нас — четверо. Если что — можно попробовать дать отпор. Несмотря на то, что у них — оружие...»

У Пауков на поясе в ножнах действительно что-то было. Что-то холодное и опасное.

Но отпора не понадобилось.

Здоровенный кареглазый мужчина с гривой каштановых волос, густой бородой, широким добродушным лицом, вежливо и галантно поклонился, сложил руки на груди, и заговорил:

— Прошу прощения за ранний визит, лэнны и ланы. Обстоятельства не позволяют откладывать нашу встречу на более поздний срок. Не будете ли вы столь любезны уточнить, не ваше ли содружество оказалось здесь двое суток назад путем необъяснимого переноса с озерного острова в материковый лес?

— Да, наше путешествие можно описать именно таким образом, — согласился Саша после короткого раздумья, пораженный изысканной речью гостя.

— Следуя по лесной дороге, вы вышли на поселение кицу в Элезии и потом перешли через шеадр внутреннего пути в Ар Лессен?

— К сожалению, названия, упоминаемые вами, нам не известны, — в том же стиле ответил Саша.

— Это ваше? — стоявший сзади Паук, по виду обычный человек, показал браслет Насти, оставленный ею в деревеньке в качестве платы за постой.

— Да, — сказал Саша, узнав украшение. Приняв его из рук Паука, он протянул его Насте.

Та молчала, укрывшись одеялом по самый нос.

Старший маленького отряда бросил на нее очень пристальный и холодный взгляд.

— Просим Вас собрать вещи и пройти с нами. Вы отправитесь домой. Перед этим вам придется ответить на несколько вопросов нашему Верховному. Это не займет много времени.

— Это обязательно? — напряженно переспросил Саша.

— Да, — ответил старший. — Таково его пожелание.

— Пожелание? — вмешалась Настя. — Ты хочешь сказать — приказ, — в ее голосе зазвенело раздражение.

— Пожелание, — вежливо повторил тот. — Прошу вас, не беспокойтесь. Вам не причинят вреда. Вы просто вернетесь туда, откуда пришли. Все, — подчеркнул он, глядя на Настю.

— Хорошо, — ответил Саша за остальных. — Прошу вас, покиньте комнату. Мы никуда не денемся. Нам надо собраться в дорогу.

Оказалось, что пешком идти им не придется: у парадного входа стояла большая вимма серебристо-голубого цвета. Помня, как парни искали выхлопную трубу, Юлька не удержалась от смеха. Старший группы Пауков, заметив ее улыбку, в ответ прямо-таки расцвел и, открыв дверь пассажирского отсека (дверь поднялась вверх, как створка раковины), первой предложил ей садиться. Она с удовольствием залезла внутрь, оккупировав место у противоположного борта. Оказалось, окон в салоне нет, но внутренние панели

виммы мерцали ровным желтоватым светом, создавая ощущение пространства. Кресла были удобные, обтянутые гладким серым материалом, всего в салоне их оказалось пять. Передний ряд отделялся от салона перегородкой, терминалов управления было два, оба — равноценные, по правому и левому борту.

Взлет был быстрым и плавным, полет — коротким, Юлька мало что разглядела и почувствовала, и такой же быстрой — посадка. Вимма оказалась у входа в сложенное из все тех же серых блоков здание, длинное, одноэтажное, без окон, без уже ставшей привычной цветущей растительности под окнами. Мрачный, однако, домик, подумалось ей с холодком в сердце, тюрьму напоминает. Прямо за ним она заметила уже знакомые очертания пирамиды. «Шеадр», — вспомнилось ей название. Неужели сейчас их злоключения закончатся? Или все только начнется...

Внешне пирамида сильно отличалась от той, в которой они уже успели побывать. Она была гораздо меньше размерами, грани ее, светлые, почти белые, были отполированы так, что отражали солнечный свет. Внутри все выглядело так же, как и в том, самом первом шеадре, только рисунков оказалось три. Юлька огляделась: прямо напротив дверей помещалась огромная картина башни из белого камня, вырастающей прямо из скалы и нависающей над морем, и летящего над голубыми водами иссиня-черного ворона с голубыми кончиками крыльев. Соседняя с вороном картина заставила ее вздрогнуть и попятиться: над заснеженной равниной под аспидно-черным небом, с которого сыпались редкие, кроваво-красные снежинки, снижалось существо, очертаниями напоминавшее летучую мышь. Больше она ничего не успела разглядеть — звук, раздавшийся за ее спиной, заставил ее резко обернуться.

Двери шеадра уже закрылись за последним из Пауков. Саша и Дима стояли у самого дальнего рисунка, на котором вилась дорога, заросшая по краям цветущими кустами. Небо, лазурно-синее, манило теплом и лаской, роскошные цветочные бутоны, алые, синие, золотистые, склонялись над дорогой, над пышной кудрявой зеленью кустов носились ласточки. Рисунок затягивал, если смотреть на него, не отрываясь, хотелось сделать шаг и, нагнувшись под первыми тяжелыми ветками, идти дальше, вглядываясь в горизонт, вслушиваясь в пение птиц, вдыхая сочные запахи цветов, зелени, солнца... Там, в конце дороги, виднелось подобие старинного храма в окружении сосен.

Юлька, преодолев безумное желание сделать шаг туда, в пространство картины, оглянулась на Настю.

С той творилось что-то неладное. С ненавистью глядя то на одного, то на другого Паука, она издавала нечто вроде звериного рычания. Старший группы стоял напротив нее, положив руку на рукоять кинжала.

— По какому праву, — голос Насти стал неожиданно низким, срываясь на хрип. — Это добыча Двумликих.

— У меня приказ, — Паук был спокоен и сдержан, однако руки с оружия не снял, — восстановить равновесие и вернуть случайных нарушителей Грани на Старую Землю. Я не могу нарушить приказ, даже если это операция дома Двумликих. Вам придется встретиться с нашим Верховным, чтобы заявить о своих правах.

Рычание перешло в шипение.

— Я не собираюсь ни с кем встречаться, локки лан. Повторяю — это добыча Двумликих. Тот покачал головой.

— Я не могу отпустить вас просто так.

Саша, почуввав неладное, сделал шаг в сторону Насти, но тут же отпрянул назад. Высокая красивая женщина стремительно менялась: уменьшился рост, раздались плечи, удлинились руки, превратившись в лапы хищника, форма головы, претерпев разительные изменения, вытянулась, челюсти обросли шерстью и клыками, волосы преобразились в рыжую шерсть. Существо, похожее на помесь волчицы с лисой, стремительно бросилось на стоявшего рядом Паука, который не успел отреагировать на неожиданное нападение. Вытащить клинок из ножен он не смог — перекушенная кисть отлетела в сторону, темная кровь брызнула веером прямо на картину с летучей мышью. Существо, бывшее Настей, с легкостью опрокинуло высокого, крупного мужчину на пол и вгрызлось в горло. Все произошло в несколько мгновений, и когда оставшиеся два Паука бросились на помощь командиру, было уже поздно — рыжая тварь так же стремительно напала на второго, а третий попытался спасти умирающего товарища. Увы, было поздно. Лицо его исказилось от муки и гнева, он кинулся на тварь сзади, но промахнулся — та извернулась в фантастическом прыжке, задними лапами, мощными, когтистыми и длинными, отшвырнула от себя второго, передними зацепила нападавшего, располозовав ему шею. Отброшенный противник успел подняться на ноги, налетел на нее с кинжалом, но ловкая и гибкая тварюка сбила с ног и его, повалила и так же вцепилась в горло. Поднявшись, она прыгнула на спину третьему, в отчаянии рванувшемуся к картине с вороном. Еще несколько секунд — и все было кончено.

Существо оглядело тела поверженных врагов, оскалив зубы, осторожно переступило через лужи крови и трансформировалось обратно. В милую девушку Настю.

Румянцев с невнятным возгласом рухнул на каменные плиты пола. Юльку тошнило. Облокотившись об стену, она пыталась удерживать рвотные позывы, но природа все-таки взяла свое. Худо было настолько, что она села на пол, прислонившись лбом к рамке картины с летучей мышью. Саша стоял на ногах, держась за стеночку и зеленея на глазах.

— Ты... Ты... ты их убила, — выдавил он.

— Уходим отсюда, — голос у Насти был спокойный, только чуть запыхавшийся.

— Куда?

— Куда я скажу, — отрезала она. — Но уж точно не в когти Ворону.

— Ты... ты всех обманула. Ты... ты здешняя!

— Поразительное умозаключение, — фыркнула она холодно и зло. — Бери этого обморочного, и уходим отсюда, живо! Все разборки потом.

И она направилась к Румянцеву, энергично растерла ему виски и уши, отчего он судорожно задергался, но пришел в себя и даже сел. Увидев Настю в человеческом обличье, он радостно улыбнулся, но потом, узрев окровавленные тела, стал неуклюже отползать задом, пока не уперся спиной в картину с цветами. Странно — он никуда не переместился.

Настя раздраженно пнула его по ноге.

— Вставай, некогда рассиживаться.

Румянцев нехотя поднялся. Настя внимательно оглядела себя, поправила джинсы, рубашку, ловко убрала растрепавшиеся волосы. От трансформации ее одежда была порвана в некоторых местах, но джинсы уцелели. Потом, оглянувшись на Сашу, требовательным жестом указала на выход из шеадра.

Растерянные и напуганные, они последовали за ней.

Она уверенно и быстро вела их по улицам города, подгоняя хлесткими замечаниями. Петляя маленькими двориками, пересекая широкие, наполненные народом улицы, они наконец оказались на площади, на краю которой стоял еще один шеадр. Настя почти бегом

ворвалась внутрь, из четырех изображений выбрала идиллический пейзаж с пасторальным городком на берегу реки, силой втокнула туда Сашу, Румянцева и Юльку, огляделась в новом месте, выбрала («Они называются *шеадари*, — пояснила она скороговоркой, — ведут в другие места одного и того же края или в другие земли») мрачное изображение домов, похожих на куски скалы под сумрачным небом, заставила их пройти в него, потом опять, не выходя из шеадра, огляделась, выбрала следующую картину... Так, перескакивая из шеадра в шеадр, они сменили восемь мест, пока, наконец, Настя не остановилась перед очередной идиллической картиной маленького провинциального городка, окруженного раскидистыми дубами. На заднем плане картины проступал схематичный набросок массивного каменного сооружения, очертаниями напоминавшего замок.

— Это последний. Выйдем в Мелине, переночуем в гостинице. До нужного места будем добираться с утра, там только пешком можно, на вимме или на крыльях, но поскольку виммы у меня нет, на крыльях летать вы не умеете, а вести разговоры по общественному гвору я не хочу в силу обстоятельств, мы пойдем пешком.

— Денег-то нам хватит? — спросил Саша, который за все время бегства не издал ни звука.

— Хватит, — кивнула Настя. — У меня есть деньги.

— Трупы ограбила? — хмыкнул Румянцев.

— В храме дали, — спокойно ответила она. — По долговой расписке. Здесь верну местному Эрлениуму, они передадут.

Городок был маленький, уютный, провинциальный — совсем не такой, как тот, первый. Одно-двухэтажные домики утопали в зелени, дороги были вымощены разноцветными булыжниками, ограды — плетеные из лозы и заросшие вьюном, либо сложенные все из тех же булыжников. По дороге встречались всадники на лошадях без седел, маленькие невысоко летящие виммы, добродушные пешие путники. Настя привела их к длинному трехэтажному дому, оказавшемуся гостиницей. Поселившись в двухкомнатный просторный номер, они вернулись на улицу, ведомые все той же Настей, и, найдя небольшой ресторанчик, остановились там пообедать.

Обед заказывала Настя. За всех. Заказав мяса и овощей, она добавила к ним бутылку вина.

— Не хочешь объяснить нам, что происходит? — спросил Саша, когда юркий официант-подросток убежал на кухню, явно довольный большим заказом. — Это ты нас сюда притащила? Зачем? И кто ты вообще... такая?

Настя посмотрела на свои руки. На их глазах они трансформировались в когтистые, покрытые серо-рыжей шерстью лапы, и затем — обратно в изящные женские кисти.

— Я — Дзулика. Принадлежу к клану *райзе*. Дзуликих здесь много, больше половины населения. Таков наш мир. Разумные с постоянным обликом называются *ассарами* — это правильное историческое название, или *элезами* — так называют уроженцев земли Ар Элес, Приграничья, или Элезии, всех, кто имеет постоянный облик.

— Что ты делала в нашем мире? — Румянцев все еще таращился на ее руки. Оторвался он только увидев бутылку вина. Первый бокал он выпил залпом, не почувствовав вкуса. Посмотрел на Настю, на официанта, на соседей по столику и спросил. — А водку здесь делают?

Настя, усмехнувшись, заказала графинчик водки. Юлька, до сих пор не проронившая ни слова, попросила налить и ей.

— Что я делала у вас? Работала в твоей фирме, Саша, — Настя улыбнулась, пригубив вино.

— Шпионила, — отрезал Румянцев.

— Наблюдала, — поправила его Настя.

— И какую цель преследуют те, кто тебя к нам послал? — спросил Саша.

— Сбор информации.

— Зачем?

— Чтобы знать. Чтобы быть в курсе. Сам же видел, Грань до сих пор нестабильна.

Иногда бывает, — прокомментировала она со странной неуверенностью в голосе.

— И много вас таких по нашей матушке-Земле шляется? — спросил Румянцев с набитым ртом — только что принесли горячее, и он с увлечением принялся закусывать жесточайший стресс.

— Сколько надо, столько и шляется, — отрезала она, покосившись на Сашу. — Я, знаешь ли, рядовой исполнитель, мне не докладывают.

— Подожди, — остановил Саша Диму, который явно собрался сказать очередную гадость. — Лучше объясни нам, что произошло на острове.

Настя вздохнула.

— Не знаю, — призналась она, но Юлька опять уловила в ее голосе странную неуверенность, словно она чего-то недоговаривала. — Во-первых, я понятия не имела, что там есть Порог. Ну, отдельный прямой переход, — поспешила пояснить она, видя вопросительные взгляды Саши и Юльки. — Причем открытый, не защищенный. На острове все мы прошли между двух высоких камней, которые, по-видимому, и были порогом. Обратного пути не было, или он был, но в другом месте, где именно — я не знаю, я всегда пользовалась совсем другим Порогом. Может, он вообще заброшенный, — Настя сделала небольшую паузу, уделив внимание пище, потом продолжила. — Рассказывать вам о себе я вообще не имею права. Я повела вас в деревянную кицу, попыталась узнать, как вернуться обратно, но местные — да вы сами слышали — понятия не имеют о внешних путях. Тогда я решила, что проще всего будет вернуться к своим и привести вас с собой, так у вас хотя бы есть шанс остаться в живых.

— Думаешь, нас бы убили? — спросил Саша.

— А как же! — раздраженно ответила она. — Как ты думаешь, Стражи Грани отпустили бы вас обратно с таким знанием? Чтоб вы вернулись домой, рассказали бы вашим алчным до всего ассарам о мирных красивых и технически продвинутых землях где-то за воображаемой гранью, показали бы место, откуда пришли... Как ты думаешь, зачем Приграничью Пауки?

— Но они же обещали вернуть нас домой, да еще так вежливо, — перебила ее Юлька. — Может, не нужно было их убивать?

Настя посмотрела на нее, как на идиотку.

— Ты хорошо рассмотрела шеадари, через который они собирались нас вести?

Юлька вспомнила холодный пронзительно синий океан, белую, нависающую над водой башню и огромного иссиня-черного ворона.

— К твоему сведению, Ворон — полновластный хозяин Ар Элес, повелитель Приграничья. Его предназначение — охранять Грань, защищать Ар Соль от любых проникновений со Старой Земли. Любых, — подчеркнула она. — Он бы вас просто сожрал. В прямом смысле. Живьем. Выпил кровушку и закусил печенкой. Думаешь, рисунок на

шеадари — красивая метафора?

— А что, разве нет? — Румянцев был уже изрядно пьян, но старался сохранять пристойное выражение лица и вертикальное положение тела.

Настя покачала головой.

— Еще раз, для новичков, — сказала она с раздражением. — Вечный Ворон — божество, имеющее два облика — человеческий и тварный. Внешне он выглядит как человек, но больше половины времени проводит в теле гигантского Ворона. Он такой и есть, как на рисунке, понимаешь? Огромный хищный ворон. Плотоядный. Его задача — охранять граничащую со Старой Землей Элезию — и не только ее — от любой опасности, что приходит извне. От таких, как вы, например, случайно заблудившихся из-за аномалий Грани.

— Думаешь, он нас забудет в связи с убийством трех его воинов? — усмехнулся Саша. — Может, нам стоило удрать от тех Пауков, а не убивать их?

— Наши бы, — отрезала Настя.

— А так не найдут?

— Вас прикроет дом Двуликих.

— Ты уверена?

Настя кивнула.

— Кстати, это твое настоящее имя? — Румянцев с грустью разглядывал пустой графинчик.

— Почти. Меня зовут Нэсте. Но вы можете по-прежнему называть меня Настей.

Рано утром они вышли из города в направлении роскошной дубовой рощи на холме. День обещал быть солнечным и ясным, в небе над дорогой проносились большие и маленькие виммы. Юлька впервые увидела планирующих на крыльях: со стороны казалось, будто в небе летит настоящий крылатый человек.

— А как они летают? — полюбопытствовал Саша

— Точно не знаю, — отмахнулась Настя. — В них встроен гравидиск, принцип тот же, что и у вимм. Их изобрели тысячелетия назад, с тех пор и используют.

— Что-то ты плохо в школе училась, — съехидничал Румянцев, с утра мучающийся похмельем.

— Я же не техноас, — огрызнулась она.

— А кто тогда?

— Я уже объясняла, — раздражение в ее голосе сменилось нетерпением. — Двуликая, из клана райзе. Больше вам знать не положено.

За городом цепочкой расположились уже знакомые серебристо-голубые купола.

— Пищевые станции, — ответила Настя на очередной вопрос, поступивший от Саши. — Белок выращивают в специальном растворе.

На помятой с утра физиономии Румянцева отразился ужас.

— То есть ты хочешь сказать, что тот роскошный кусок жареной телятины, который я съел буквально полдня назад, на самом деле...

— Искусственно выращенный имитатор, — закончила за него райзе. — У нас даже птиц живьем не едят, разве что совсем уж дикие кланы.

— Почему? — изумился Саша.

— Нечистая пища. Она была живая и ее убили. Нельзя есть себе подобных, — ответила та.

— То есть, вы вообще не едите животную пищу? — спросила Юлька. — А молоко,

которое мы пили? А яичница? На вкус она ничем не отличалась от нашей.

— Как раз это — нормальная натуральная пища. И очень здоровая, — усмехнулась Настя.

Она шла впереди и торопила свой маленький отряд, изрядно перебравший накануне. За вторым графином последовал третий, и даже сдержанная Юлька с утра еле встала с похмелья. Ночью снились откушенные руки, злобная серо-рыжая тварь, гигантская хищная птица, доедающая остатки человечинки. Утром Румянцева пришлось опохмелять, Саша мужественно попугал унитаза и гордо заявил, что готов на все.

По дороге Настя коротко рассказывала о мире, в котором они оказались. Назывался он Ар Соль, делился на Солнечные и Подлунные Земли. Солнечных Земель было шесть Подлунных — две. Размещались они в разных пространствах, но представляли собой один мир, бывший когда-то очень давно, много тысячелетий назад, частью Земли. Ее здесь так и называли — Старой Землей, да еще иногда — Основой.

Населены земли были множеством рас, которые условно делились на три большие группы — расы разумные, расы низкоразумные, и расы дикие. Из них формировались две другие очень важные категории рас — расы постоянные, те, которые имели всего один облик, и расы двуликие, умевшие принимать второй, схожий со звериным, облик. Впрочем, ничего истинно звериного в этой второй ипостаси разумных Двуликих не было, кроме, разве что, необычной внешности, зато второй облик давал им особые способности — развитое обоняние и отличное от человеческого осязание, иное зрение, повышенную выносливость и гибкость и прочие необычные качества.

— Кстати, помнишь ту девочку в деревне, похожую на маленькую лисичку? — обратилась Настя к Юльке. — Тебе не показалось. Дети-Двуликие не очень хорошо контролируют свою человеческую ипостась. Она — кицу. Там вся деревня кицу, постоянных разумных там очень немного.

— То есть, тот, кто напал на меня, вполне мог быть... человеком? — со страхом в голосе спросил Румянцев. — Соседке, например, рожа моя не понравилась или еще там чего...

Настя пожала плечами.

— Может быть. Рас — множество, добрая половина из них — низкоразумные. Кстати, большинство Двуликих ведет себя более цивилизованно, чем люди. Их, знаешь ли, лучше воспитывают.

— Ага, не откуси лапу ближнему своему, — проворчал Румянцев. — Оно и видно.

— Так вот, возвращаясь к тому инциденту в деревне кицу, раз муж Ригды был охотником, значит, в том месте есть немало диких рас, популяцию которых приходится иногда контролировать очень жесткими способами.

— Как? — поинтересовался Саша

— Отстреливать, — рыкнула она. — Приграничье — особое место. Это самая старая из Земель и самая большая по территории, самая разнообразная в плане климата, обитателей, культуры. Следующий по старшинству — Ар Лессен, где мы сейчас и находимся. Это так называемые Срединные Земли, самые густонаселенные. Столица земель расположена именно здесь. Называется — Рузанна. Тут еще находится резиденция Главы Вечных, Вагабра. Его истинный облик — белый олень.

— Это твоя родина? — спросила Юлька.

— Да. Я родилась и выросла в городке неподалеку отсюда. Там до сих пор живут мои

родители.

— Мы к ним идем?

Та лишь покачала головой.

— Мы идем к моим... работодателям. Не волнуйтесь, — поспешила успокоить их Нэсте. — Домен Дзуликих состоит не из одних только Дзуликих. Это просто самоназвание. Вон тот замок — это главная резиденция домена.

Юлька и не заметила, как за разговорами они прошли дубовую рощу. Теперь дорога вела через поля, разделенные каменными изгородями. Впереди, словно вырастая из холма, над полями возвышался огромный замок; казалось, дорога упирается в непроходимые темно-зеленые заросли. Нэсте и Саша еще о чем-то говорили, Румянцев вставлял ехидные реплики, но Юлька уже не могла оторвать глаз от пепельно-серых гранитных стен, шестистенных башен с зубцами, фигур на стенах и фасадах, едва различимых издали, залитых яркими солнечными лучами. От одного взгляда на это величественное и мощное сооружение на душе появилась необъяснимая тревога. Только сейчас она ясно осознала — домой им не вернуться, ни в ближайшее, ни в последующее время. И хорошо, если они вообще останутся в живых. Им нечего предложить власть имущим такого похожего и одновременно непо похожего на родной мир, кроме грубой неквалифицированной рабочей силы. Даже информация о Старой Земле им скорее всего не нужна — у них есть соглядатаи, умные и хитрые, обаятельные и расчетливые, способные походя, играючи добиваться того, на что у других не хватает смелости или наглости. Зачем Нэсте привела их сюда? Потому что некуда было идти, ответила она сама себе. Может, Саша для нее все-таки что-то значит? Тогда все ее усилия по спасению их жизней объяснялись очень легко: она спасала Сашу, а их с Румянцевым просто прихватила с собой.

Дорога привела их к массивным воротам. Стены замка, украшенные каменной резьбой, увивал дикий виноград, кое-где были высажены розовые кусты. В зарослях вдоль стен скрывались статуи — изящные женские фигурки чередовались с изваяниями животных. Юлька, разглядев чеканку ворот, едва удержалась на ногах: витраж над дверью изображал уже хорошо известную ей рысь, а ручки двери были сделаны в форме изготовившейся к прыжку лесной хищницы. Слева и справа от ворот сидела точно такая же рысь, что и в храме.

— О, какая киска... — хмыкнул Румянцев.

— Повежливей, — посоветовала Нэсте с ехидцей, и в ее ухмылке промелькнуло нечто очень хищное. — Эрлен — Рысь — глава Дзуликих. Если ты ей не понравишься, мне тебя не защитить.

— Что, съест?

— Если не съест, то покусает точно, — серьезно заявила Нэсте, решительно потянув на себя ручку ворот.

Глава 7. Истинный облик

Не люблю большие города.

Даже такие древние и красивые, как Рузанна.

Не люблю, и все тут. Меня не покидает ощущение, будто в них нечем дышать. Будто весь воздух уже пропущен через чьи-то легкие, и ты вынужден вдыхать и выдыхать отбросы чужой жизнедеятельности, вдыхать и выдыхать, и продолжать отравлять воздух тем, кто рядом с тобой. Это совершенно иррационально, это паранойя, тем не менее, каждый раз, бывая здесь по делам, я спешу убраться из столицы подальше — обратно к себе в Приграничье, в океанический Ар Иллим или даже в Ар Хойт, Ледяные Земли. Их просторы действуют на меня очищающе, унимая раздражение, злость и желание сбежать от всей этой суеты как можно дальше.

Рузанну строили со смыслом, с душой, зная, что ее дома и храмы простоят не века — тысячелетия. Наши предки вообще знали толк в вечном гораздо лучше, чем мы. Здесь множество культовых сооружений разных эпох, еще больше — общественных зданий, музеев, библиотек, хранилищ различных древностей, театров, спортивных арен. Каждый мало-мальски приличный клан, орден, содружество или общество имеет в Рузанне свое представительство, пусть даже оно состоит из трех скромных комнат на самой окраине столицы.

Я шел пешком через площадь Вечных. Воздушное движение здесь очень напряженное: верхний эшелон, тот, что выше городских крыш, занят сотнями вимм, уровень второго-третьего этажа отдан Крылатым. А еще здесь сотни шеедров, больших и маленьких, древних и прекрасных, и тысячи отдельных шеедари, ведущих во все концы Ар Соль. Место здесь особенное с точки зрения структуры пространства: Рузанна соприкасается гранью со всеми землями сразу, а значит, отсюда легко отрываются Пути в любое место наших миров. Последние 50 лет создавать новые пути здесь запрещено: мастера Путей забили тревогу, опасаясь за стабильность реальности в столице. Слишком много дырок в пространстве, как бы не ухнуťся куда-нибудь. Была гипотеза, что если число Путей в столице будет расти, ее разнесет — распылит на мелкие частицы по конечным точкам Путей. Или она исчезнет. Или вообще оторвется от Ар Лессена и станет отдельной землей. Или заместится Мааром. Никто точно не знает, что произойдет с городом, но все уверены в печальном исходе.

Моей сегодняшней целью была резиденция Вагабра. Добровольно я бы туда ни за что не пошел, но меня очень настойчиво пригласили. Я, конечно, хозяин сам себе и своим землям, и волен принимать любое решение, но отказывать Вагабру как-то... не принято. Несolidно это, по-ребячески, в особенности, если нет уважительной причины. Вагабр — это власть, абсолютная идея справедливого управления. Он — реальный правитель Лессена, центральной земли Ар Соль, ему подчиняются все правители остальных земель. Но кроме этого, он еще и старший среди Вечных, управляющий советом Вечных и имеющий над ними власть. Были случаи в богатой интригами и потрясениями истории Ар Соль, когда строптивые полубоги гибли, отказавшись повиноваться Старейшему... Хорошо, что сама божественная сущность тут особенная: выдержка и рассудительность были достоинствами многих Вагабров.

Но, к сожалению, не многих Воронов.

Ни своего домена, ни даже очага в Рузанне у меня нет и не было. И, надеюсь, никогда не

будет. Тут и так много Вечных, их интересы постоянно пересекаются, а разрешаются иногда далеко не мирным путем. Мне же всегда хватало Элезии, хотя тому же Шандру это кажется странным. Он относительно молод и просто не застал те времена, когда я и сам думал иначе.

Я сделал несколько шагов по тисовой аллее, ведущей к Эксере — так называлась резиденция Вагабра. Огромный парк в центре столицы окружал это причудливое, очень древнее сооружение. Эксеру невозможно назвать красивой, но она поражает воображение своей монументальностью и основательностью. Массивные одинаковые прямоугольные строения с куполами-крышами соединены множеством однообразных симметричных аркад, слишком простых для резиденции правителя. Камень зданий охряно-желтый, без каких-либо украшений, настенных росписей, барельефов и лепнин. Есть кольцо фонтанов вокруг резиденции, но в скульптурных композициях представлены только люди. Перед центральным входом — олень в натуральную величину, выточенный из белоснежного мрамора, простой и естественный, словно живой.

Я толкнул массивные дубовые двери и оказался в холле. Сумрачно. Прохладно. Пять галерей ведут в разные части резиденции, у каждой — два охранника. Охрана Вагабра набирается только из зависимых боевых рас — райзе, нигийцев или рэммов, причем отбирают их в раннем детстве, так, чтобы при посвящении хозяином стал или сам Вагабр, или начальник охраны. Начальниками охраны Вагабра, опять же, становятся только разумные из зависимых боевых рас. Нынешний, к примеру — рэмм. Небольшого ростика, темнокожий и красноглазый, коренастый и мускулистый, на вид — весьма неуклюжее существо, если не знать, на какие чудеса способны эти творения человеческого интеллекта. Рэммы, как и райзе, продукт биологического конструирования, только райзе создали Дзуликие, а рэммов — орден Аспида. В этом-то вся и разница. Все, что делали Наги в пору своего расцвета, доводилось до совершенства.

Нынешнего Вагабра до обретения ипостаси звали Ваэлем, он был разумным ассаром Аҫ Ирнана: высоким, худощавым, светловолосым, сероглазым. Узкое лицо, светлые брови и ресницы, тонкие губы, длинные изящные пальцы. Вечные не любят рассказывать о своем прошлом до принятия ипостаси, но я знал, что Орден Аспида очень надеялся обрести в нем собственного, давно потерянного покровителя. Было что-то от истинных нагов в этом сдержанном, суховатом человеке. Он был моложе меня как Вечный — всего 151 год, ипостась обрел где-то лет в 35, а значит, на столько и выглядел. Отношений у нас с ним не сложилось никаких, ни деловых, ни дружеских. Мы просто были — он и я, каждый на своем полюсе власти. Я не мешал ему, он не лез в мои дела.

Что же изменилось теперь?

Меня проводили в Зеленую приемную, в которой я и до этого неоднократно бывал, еще даже при старом Вагабре. Зеленая приемная действительно была зеленой: яблочно-зеленые стены оттенялись более темными панелями с тонким растительным орнаментом, на светлом мраморном полу лежал темно-зеленый ковер. По углам комнаты в напольных вазах стояли живые цветы.

— Здравствуй, Рессер. Рад тебя видеть. — Вагабр отошел от окна, улыбаясь, складывая руки на груди и коротко кланяясь. Потом жестом указал на тяжеловесное кожаное кресло.

— Кофе?

Я кивнул. Зерна кофе мы вывезли со Старой Земли, здесь этот напиток так же популярен, как и там, только вкус у зерен, выращенных в местных землях, несколько иной — меньше горечи, больше сладости. Реваль успешно торгует со Старой Землей, под какой-то

там легендой, привозя в Ар Соль их настоящий кофе, который стоит у нас баснословно дорого. Зато и вкус у него другой. Вкус сопричастности... Естественно, земные поставщики Ревалья ничего не знают о конечном пункте назначения их товара. Есть и контрабанда, но Стражи таких выслеживают, а Пауки — отлавливают. Случаются иногда специально спровоцированные прорывы Грани, и в этом случае отследить и изловить хорошо подготовленных и обученных нарушителей гораздо труднее.

Нет, кофе у Вагабра был обыкновенный, местный. Чуть более сладкий, чем нужно. И булочки, пышные, нежные, свежие. Через минуту их не стало — я решил не стесняться.

— Что с разрушенным участком Грани? Есть информация, случайность это или умышленная акция?

Умышленная акция? Этот вариант не приходил мне в голову, всё, кроме огромной площади разрыва, выглядело вполне естественным. Ваэль что-то знает? Что ж, спасибо за намек.

— Есть догадки, — коротко ответил я, пряча удивление. — Но делиться пока не стану, доказательств маловато.

— Найдешь — не сочти за труд, пришли весточку.

Я коротко кивнул. Потом скопировал его же вежливо-заинтересованное выражение лица и стал ждать продолжения.

Вагабр Ваэль не спеша допил кофе, поставил чашку на стол, встал, прошелся по комнате. Потом мельком оглянулся на меня.

— Древняя Элезия населена большим количеством Двумиких и всеми расами ассаров, но, несмотря на это, живет спокойнее и благополучнее остальных земель, — начал он издали. — Ни войн, ни конфликтов, ни массовых попыток сорвать Грань. За последние лет тридцать я не слышал ни об одном конфликте даже среди брэннов, а они, как ты знаешь, миролюбием не отличаются. Должен признаться, для меня это удивительно, мне все время приходится разбирать внутренние склоки Корты Лессена, — он тяжело вздохнул. — Карма это моя... А у вас даже граница с Анг Миртом затихла.

Я с достоинством кивнул. Приятно, когда тебя хвалят. По крайней мере, признание, что мой край живет спокойно, я считаю похвалой.

— Последнее десятилетие нападения нэргов редки, — пояснил я. — Но они никуда не делись. Приходится быть настороже.

— Слышал, вы с Гевором взяли за месторождения под Дымным Кряжем, — продолжил Ваэль. — Раньше это считалось технически невозможным.

— Наука на месте не стоит, — ответил я банальностью. — Копаем потихоньку.

— И как результаты?

— Очень обнадеживают, — усмехнулся я. — Реваль уже трижды подкатывал с деловыми предложениями, одно другого интереснее.

— И что? — в глазах Вагабра мелькнул неподдельный интерес.

— Пока подожду.

Тот усмехнулся.

— Хочешь сыграть с Ревалем на его поле?

— Упаси бог, — я вернул ему усмешку. — Просто жду. Куда торопиться-то?

Вагабр кивнул. Опять покружил по комнате. Сел.

— Я хочу обратиться к тебе от имени Совета Вечных.

Он посмотрел на меня с опаской. Я ждал.

— Все мы хотим, чтобы ты вернулся в Совет.

— Кто — мы? — уточнил я с прохладцей.

— Все Вечные, кто воплощен на сегодняшний день. Восемь из нас просят тебя вернуться в Совет и присоединиться к совместным деяниям.

— А девятый? — ехидно осведомился я, зная ответ.

— Даллах воздержался.

Я едва не рассмеялся. Даллах терпеть не может сборища Вечных, хоть и таскается время от времени на светские мероприятия в те края, где есть его домены. Для него подобные встречи — привычка, ритуал, как для меня, например, утренний полет. Ширин, насколько я знаю, при общей нелюбви к совместным сходкам, относится к ним как дополнительному развлечению, пересказывая мне, кто и что в очередной раз отмочил. Однако уйти так демонстративно и бесповоротно, как я когда-то, никто так и не отважился.

— Видимо, он знал заранее мою реакцию, — сказал я. — Не вижу смысла возвращаться.

Ваэль вздохнул.

— Ты забыл, что ты — часть системы. Есть вещи, которые мы можем сделать только вместе.

Я покачал головой. Вместе мы можем многое. Например, создать новые земли, как когда-то создали Анг Мирт. Чем это кончилось, знает теперь каждый школьник. Анг Мирт создали и заселили около трех тысячелетий назад, пытаясь воплотить мечту о рае. У них получилось — возникла новая, невероятно прекрасная земля. К сожалению, они не смогли этот рай сохранить, передравшись за сферы влияния и подконтрольные территории. Жуткая, разрушительная война превратила этот рай в ад. Какое-то время его бросили на произвол судьбы, уничтожив большинство ведущих туда шеадров, а через несколько столетий обнаружилось, что жизнь там все еще теплится и продолжает развиваться по своим странным законам, принимая удивительные, подчас уродливые формы. Когда угроза Солнечным Землям стала реальной, Вечные вновь объединились, чтобы уничтожить Райские земли. И потерпели поражение — для достижения цели им не хватило единства.

Еще общими усилиями можно создать или уничтожить Вечного. Не человека в облике, а саму силу. Так, например, когда-то создали Кинэна Горностая, воплощение пытливого ума и исследовательской мысли. Его последователи, называющие себя Коллегиумом Изысканий, подарили мирам немало интереснейших научных открытий.

— Новых миров нам уже не создать, — парировал я. — У нас нет Нигейра, Наджара и Элианны.

— Существует множество полезных вещей, которые можно сделать и неполным кругом, — продолжил Вагабр, и в голосе его прорезались ревниво-горячие нотки.

— Влиять на будущее, например, — хмыкнул я. — При условии полного совпадения желаемого будущего у всех участников ритуала. И чтоб никто не смел во время ритуала подпустить в голову любую шальную мыслишку, поскольку исход в таком случае непредсказуем, — я сделал паузу, глядя, как меняется его лицо. — А такое вообще возможно?

Ваэль молчал. Глаза его, серые, большие, немного навывкате, сделались печальными.

— Или увидеть это будущее, — продолжал я, неожиданно ощутив себя старым, сварливым и жестоким. — Для этого нужно всего четверо. Или узнать скрытое прошлое — тоже четверо. Или отыскать кого-нибудь — двое — трое. Найти потерянное — трое. И множество других, не менее полезных дел, — завершил я ехидно.

Ваэль молчал.

— Не хочу, — отрезал я. — Мне достаточно Элезии и собственных обязанностей.

Вагабр встал, прошелся по кабинету и остановился напротив меня.

— Ты нам очень нужен, — сказал он вымученно. — Я... понимаю твоё нежелание. Я помню о причине. Я... знаешь, я недавно женился.

Я старательно скрыл удивление. Прошлый Вагабр отличался особо беспорядочной личной жизнью, о его любовных подвигах и о войнах его фавориток ходили легенды, часть из них стала за его почти 700 лет жизни художественной литературой. Личная жизнь нынешнего Вагабра Ваэля до сих пор благополучно оставалась в тени. Вообще, личная жизнь Вечных — та ещё тема... Мы можем продлить жизнь самим себе, но вот продлить её нашим друзьям, братьям и сестрам, родителям и возлюбленным мы не в состоянии. Кроме того, близкие наши — заложники в играх, в которые постоянно играют Вечные и их кланы, и нет ничего страшнее, чем обнаружить в один прекрасный день, что принятое тобой решение стоило жизни кому-нибудь из них. Я, к сожалению, знаю об этом не понаслышке.

— Я держу это в тайне. Знают очень немногие, только самые близкие мне люди. По-настоящему близкие, — продолжил он медленно, с трудом выдавливая слова. — Я боюсь. Я слишком много всего... знаю. О других и о себе... тоже. И поэтому сделаю всё, чтобы она не...

Он оборвал мысль, словно собираясь с силами, а я кивнул, чтобы прервать эту тягостную для него исповедь. Лучше и правда не знать. Чтобы не навредить, если что. Я ведь тоже могу оказаться заложником в чьих-либо безжалостных и безумных руках. Я, конечно, сильнее многих, но если речь пойдет о ком-то, кто мне дорог, я за себя не поручусь.

— Дело не только в этом, — ответил я мягко. — Я не вижу необходимости в подобных действиях. Земли Ар Соль находятся в равновесии уже почти тысячелетие, развиваясь естественным путем. Никогда ещё целенаправленное вмешательство объединенных Вечных сил не приносило нам пользы.

Вагабр покачал головой.

— Многие считают такое положение вещей застоем. Стагнацией. Загниванием. Старая Земля наращивает научный и технический потенциал, догоняя нас, а в чём-то и перегоняя. Разрушать и убивать они умеют лучше нас. Кому, как тебе, знать, как влияют на наш мир их чудовищные эксперименты с атомом. Вспомни Бежен и Берек.

Бежен и Берек. Да... Два мертвых города в Приграничье. Стражи с Горностоями до сих пор не могут понять механизм взаимовлияния информационно-энергетических полей и механизмов проникновения Некроса за Грань в тех местах, где на Старой Земле были взорваны атомные бомбы.

Мы неразрывно связаны, Старая Земля, Земля-Основа, и Ар Соль, Земля-Осколок. Когда-то мы были единым целым. Связь четырех базовых сфер — витасферы, ментасферы, эмосферы и некросферы — до сих пор сохраняется, хотя и не полностью. Очень часто события, происходящие на Старой Земле, имеют здесь свой, своеобразный и необычно острый резонанс.

— Кинэн считает, что им немного осталось до открытия структуры пространства. В один прекрасный день они научатся пересекать Грань, и тогда нам конец. Когда они придут сюда, нам нечего будет им противопоставить.

— Быстро же ты списал меня со счетов, — хмыкнул я. — Они придут сюда только через мой труп. По крайней мере, с оружием в руках. Кстати, что-то подобное я уже слышал от

Эрлен с Ревалем. Причем неоднократно. Они тебя убедили?

— Скажем так, я наконец прислушался к их аргументам. И не только их.

Я вздохнул, поболтал пустым кофейником, поскреб гущу в кофейной чашке. Все равно не хочу. И спорить на эту тему не хочу, хотя есть в его словах немалая доля истины.

— Мы тебя очень просим, Ворон, — теперь взгляд Вагабра был спокоен и тверд. — Подумай о возвращении. Я не хочу торопить тебя или заставлять силой, ничего хорошего это не принесет. Я надеюсь, что ты прислушаешься к моим словам, поговоришь с остальными и все-таки вернешься. Времена меняются, Хэйген Рессер. И к сожалению, не в лучшую сторону.

Несмотря на солнечный день, в Оленьем парке было тихо и прохладно. По аллеям прогуливались мамочки с малышами, элегантные старушки оккупировали парковые скамейки, на травке валялись влюбленные парочки. Шастали белки, вызывая восторг у гуляющей публики, вальяжно и неторопливо, как хозяева, бродили павлины, гордость и головная боль местных парковых сторожей.

На чисто выметенные дорожки опустились первые пожухлые листья. Верхушки дубов и вязов уже запятнало желтизной — осень незаметно подкрадывалась к столице.

Я давно вышел из резиденции и, побродив по парку, тоже присел на скамейку, любясь мирной картиной и наблюдая за гуляющим народом. Горожане, облюбовавшие парк для отдыха, даже не подозревали, сколько здесь разного рода следящих устройств и охраны. Впрочем, лучше им этого и не знать, пусть себе отдыхают.

Состоявшийся разговор с Вагабром изрядно меня встревожил. Глава Вечных не стал бы делать подобных заявлений, не опираясь на очень весомые аргументы. Значит... Очень может быть, что мне стоит принять его предложение хотя бы для того, чтобы быть в курсе событий.

И все же мне не хотелось возвращаться. Мне нравилось быть одиночкой. Возвращение в ряды Вечных принудило бы меня участвовать в обыденном и повседневном круговороте склок, скандалов и интриг, обещать поддержку одним, угрожать другим, игнорировать третьих. Когда-то, в самом начале, увлекательная игра среди равных себе затянула меня с головой. Когда-то я был молод, полон честолюбивых планов, верил в себя и свое могущество, считал себя умнее и хитрее других. Позже я убедился, что это не так.

Нет ничего хуже, чем зависеть в вопросах выживания от хитрых и лживых соратников. К сожалению, мне пришлось потерять больше, чем я готов был даже представить.

— Ну и как оно? Убедил тебя наш дорогой вождь?

Я вздрогнул и обернулся. Рядом со мной на другом конце скамейки сидел хорошо знакомый шаам. Давненько же мы не виделись воочию... Плотная фигура, черные с проседью волосы, каштановая с рыжинкой борода, прищур карих глаз, неторопливые ленивые движения, бархатный темно-синий с золотом жакет, мягкие брюки, белоснежная рубашка, руки в дорогих кольцах. Я не ожидал увидеть его здесь, и не хотел особо распространяться о визите, однако видимо он все знал и без моих рассказов.

Реваль-Саламандра, глава Золотой Гильдии, собственной персоной.

— Он был очень убедителен, — сказал я. — Но недостаточно. Для меня.

— Жаль, — мой неожиданный собеседник тонко улыбнулся. — Жаль. Видишь ли, Хэйген, мы не можем допустить, чтобы Элезия в переломный момент оказалась в противостоянии с остальными землями. Чтобы ты и твоя земля... как бы это сказать... было

душою не с нами.

— Чушь! — вспыхнул я. — Приграничье — часть Ар Соль. Все Вечные там представлены на равных. Элезия открыта для любого из вас и ваших последователей. Если речь идет лично обо мне — так я тоже не препятствую никому! О каком противостоянии может идти речь?

— Не горячись, — я ощутил на своем плече его тяжелую пухлую руку. Сжав мое плечо, он откинулся назад, на спинку скамейки и похлопал себя по карману, отыскивая портсигар. — Не хочу обнаружить тебя в лагере противника в самый неподходящий момент. Только и всего.

Он достал тонкую длинную сигару. Табак растет и у нас, только у нас он лучше, чем на Старой Земле. Там выжил только один из множества видов — дикий сорт, вредный и разрушающий здоровье. У нас давно вывели безвредные сорта, ароматные и доставляющие массу удовольствия. Я сам иногда балуюсь, в хорошем настроении или когда хочу расслабиться.

Прикурив от золотистого огонька в ладони, он продолжил.

— В общем-то, не в этом дело. Согласись, Вечные, когда они вместе, приобретают ряд весьма интересных свойств. Поодиночке мы властны только над своей сферой и своими последователями и учениками, вместе мы властны над всеми землями. Над Ар Соль в целом. А ты не задумывался, что таким образом мы могли бы дотянуться и до Старой Земли?

Я задумывался, и неоднократно. Кроме того, я кое-что читал на эту тему. Архивы есть у всех. У Хэйгенов библиотека поинтереснее столичной, хотя, может быть, и не настолько богатая по количеству книг. Ар Элес — самая древняя из земель, видевшая вдвойне больше войн и прочих катаклизмов. Естественно, и их свидетельств — книг и записей сохранилось здесь гораздо больше, чем в остальных местах. Я люблю читать, особенно исторические хроники и воспоминания. А еще можно поговорить с зеленоглазой Эйлой, уж она-то помнит каждый день с момента образования Ар Соль. Главное — и самое трудное — убедить ее в необходимости вспомнить.

Но ему я об этом, конечно же, не сказал. Вместо этого я усмехнулся и спросил:

— Что же конкретно ты хочешь от меня?

— Понимания. Помощи. Участия.

Я покачал головой

— Не уверен, что смогу их оказать. Извини, Реваль, у меня есть своя точка зрения на то, что хорошо для моей земли, а что — плохо.

— Жаль, что они у нас не совпадают, — усмехнулся глава Золотой Гильдии. — Если мир меняется, а ты — нет, обстоятельства тебя перемальвают, переделывают под себя или уничтожают совсем. Не боишься, что тебя сметут, сомнут и раздавят силы гораздо более мощные? Тебя-Рессера. И в твою шкуру влезет другой разумный, станет тобой и станет именно таким, каким он будет нужен мирозданию.

— Значит, так тому и быть, — ответил я медленно, уловив намек. — Только я не уверен, что мирозданию на сегодняшний момент нужен другой Ворон. Мне кажется, я его устраиваю. Кстати, разве у нас появился еще один Вечный по имени Мироздание? — съехидничал я.

Реваль посерьезнел.

— Не ерничай. Лучше обдумай все еще раз. Тебе же сказали — тебя не торопят.

Я встал, злой и расстроенный.

— До свидания, Реваль. Рад был с тобой побеседовать.

Карие глаза смотрели на меня насмешливо и печально.

— И я, — он выбросил окурок в урну под скамейкой, поднялся на ноги и изобразил полупоклон. — Рад.

— Как так получилось, что эта тварь их убила? Их же трое было, трое против одного! Как вы установили, что это именно райзе? И кто из четверых — Дзуликий?

— Они не из Гвардии, а из службы охраны порядка, розыскники, — пояснил Шандр. — К тому же, двое из трех — совсем молодые. Сообразили-то они быстро, а вот сопротивления не ожидали, недооценили противника. Из оружия у них только парализы были, а в шеадре не постреляешь. Кто из них — Дзуликий, до сих пор не знаем, но то, что именно райзе, видно по характеру повреждений.

— Райзе — это не просто ценный мех... — сквозь зубы прошипел я. — А злобное боевое существо, выведенное для убийства.

— Из всех зависимых рас — самое несамостоятельное. Самое управляемое, — добавил Шандр.

Настроение после новостей, которые принес Шандр, в сочетании с утренним визитом к Вагабру и встречей с Ревалем, было отвратительным. Хотелось выпить, чем я, собственно, и занимался. Вино на меня действует не так, как на обычных разумных, но в конечном итоге результат все тот же — потеря рассудка, дурацкое поведение, кратковременное забвение и, наконец — похмелье. Бутылка, которую мы пили, была уже не первой за вечер, на углях в камине дожаривалось огромное блюдо с мясом, овощами и травами, но аппетит у меня пропал сразу же после известий о происшествии в лессенском шеадре.

Я саданул кулаком по столу.

— Поймаю — сожру! Есть догадки, куда они пошли дальше?

Шандр покачал головой.

— Знаешь, что странно? Они остановились в местной гостинице и даже пытались что-то заработать. По крайней мере, мужчины. Со слов хозяина, они вели себя как настоящие чужаки — читать не умели, наших денег и цен не знали. Почему они сразу же не пошли дальше? Могли бы запутать следы, сменив несколько шеадров, но они опять зачем-то задержались в городе. Они не прячутся, понимаешь? Но и с властями контактировать не хотят.

— Давай подведем итоги, — буркнул я, и Шандр размахисто прошелся туда-сюда по залу, поставил на камин свой бокал вина и, сложив руки на груди, уперся в меня взглядом. — Первый раунд мы проиграли. Кто-то из четверки местный, и он ведет свою игру.

— А я и не знал, что мы ввязались в игру, — язвительно заявил Шандр.

— Мы — не ввязывались, нас втянули, — проворчал я. — Грань разрушилась на 136 хааров. Хаос продолжался почти трое суток. Грань пересек 21 разумный. Из них четверо, из которых один элементарал и один райзе, пропали без вести, убив при попытке их задержать троих Пауков. Со стороны они выглядят чужаками, но возможно, таковыми не являются. Есть сведения, кто из них — лидер?

— Судя по описаниям — рыжая женщина. Возможно, именно она и есть райзе, из модификантов Эрлен.

— Откуда у райзе "черная дырка"?

— Какая дырка? — переспросил Шандр.

— Понимаешь, это не сразу пришло мне в голову, — начал я с досадой. — Вагабр

подсказал. Вернее, заставил задуматься. Я ведь поначалу вообще не почувствовал никакого разрыва и очень удивился, когда мне об этом сообщили. Когда я отправился в точности на то место, где они пересекли Грань, я учуял след устройства, которое там применили. Его называют "черной дыркой". Это старая, не очень удачная разработка Горностаев, ее применение запрещено из-за непредсказуемых побочных эффектов. Мгновенный перенос в заданное место по образу в сознании. Если образ нечеткий, размытый — занесет куда попало. Может сильно повредить как переносимому, так и окружающим. У него есть специфический признак: при его применении наблюдающие зеркала Стражи сносит начисто. Иногда вместе с разумом наблюдателей. Именно ее использовали при переходе, сразу же, минут через пять-семь после прохождения Порога на острове. Стражи успели увидеть четверых, но поскольку после применения "дырки" наблюдающие Зеркала разрушились, записей не осталось. Именно так они и попали в ту деревню кицу — их туда выбросило.

— Значит, "черная дырка" была с собой у кого-то из них, — решительно заявил Шандр. — У того, кто шел со Старой Земли и вел остальных. Заодно он и след подтер, — продолжил он с досадой. — Только это не мог быть райзе, Дзуликих не посылают на Старую землю.

— Все еще хуже, — многозначительно заявил я. — Грань разрушили намеренно, с целью либо скрыть следы проникновения, либо сознательно перебросить четверку нарушителей подальше от места пересечения Грани.

— Могу предложить три версии, — Шандр ненадолго задумался. — Первая — контрабанда. Эти четверо протащили сюда что-то материальное и очень ценное, но маленькое по размерам. Вторая — райзе и элементал работали в паре, шли со Старой земли, а остальными двумя — прикрывались. Есть и третья...

— Отвлекающий маневр, — сказал я.

— Да, — Шандр поворошил угли, снял блюдо с жаровни и поставил передо мной. — Ешь. Ты мне не нравишься.

— Я тебе не девица, чтобы нравиться, — огрызнулся я. — Что, глаза светятся?

— Как прожекторы, — кивнул он.

Я послушно наполнил тарелку. Неохотно сжевал половину порции. Опустошил еще одну бутылку вина — жажда не унималась. Глядя, как неторопливо с и удовольствием вкушает пищу мой друг, я немного успокоился, и жар в груди чуть-чуть утих. Отяжелев от сытной еды, я развалился в кресле и закрыл глаза.

— Продолжай.

— Возможно, Грань в таком объеме сорвали специально, чтобы отвлечь твоё внимание. В это время где-то в любой другой части Приграничья кто-то тихий и незаметный шмыгнул на ту сторону — или с той стороны. Или не шмыгнул — просто произошло нечто такое, что в обычное время обязательно привлекло бы твоё внимание, но, поскольку ты был занят и Гранью и этими странными попаданцами, событие прошло мимо тебя.

Я кивнул.

— Дальше.

— Я поручил аналитикам Стражи просеять все новости, все мало-мальски интересные происшествия. Тебе же стоит снова поговорить с той разумной сущностью, которую ты зовешь Эйлой-Вуалью — пусть она вспомнит, кто еще пересекал Порог в период, пока целостность Грани была нарушена.

Я покачал головой.

— Вряд ли она помнит. Она, конечно, разумный дух Грани, но, боюсь, не настолько. Версия с контрабандой кажется мне более реальной. Надо искать райзе, поскольку исполнителем маневра является именно он. Даже имя хозяина может дать нам определенную зацепку.

— Попробую, — вздохнул Шандр. — Хотя теперь это кажется мне бесперспективным. Они очень умело оборвали след.

— Все равно ищи, — пробормотал я, борясь с диким, мучительным желанием обернуться. Разум захлестывало сознанием Ворона, зрение, слух, осязание уже перестроились с человеческого на звериные. И голод. Обычная, человеческая еда тут не поможет. Голод. Аж душит, я уже думать ни о чем другом не могу, кроме как об охоте. Нет, сегодня мне с ним не справиться...

— Тебя вызывали в Эксеру, — мягко напомнил Шандр. — Можешь сказать, зачем?

— Глава Вечных просил меня вернуться в Совет, — пробормотал я, все еще пытаюсь удержать ясность мышления. — Пугал, что мир меняется, что люди Основы подобрались очень близко к Ар Соль. Надо сказать, он меня... зацепил.

— Вот видишь! — оживился Шандр. — А ты сомневался.

— Потом, в Оленьем парке мы гуляли с Ревалем.

— Он тебя тоже просил? Или пугал?

— Эта скользкая ящерица намекнула о смертности данного конкретного носителя ипостаси, — я сардонически усмехнулся. Хотя смешно не было. Реваль любит пошутить — и в то же время ни одна из его шуток не является шуткой в полной мере. Ухоженная внешность сибарита, ленивца и сладострастника — всего лишь маска, за которой скрывается очень хитрое, дальновидное и опасное существо.

— И что ты решил?

— Не хочу, — мне не хватало воздуха. — В мире есть гораздо более увлекательные занятия. Если хочешь знать, нет ничего более вечного, чем постоянная подспудная грызня Вечных.

— Знаю, — кивнул Шандр.

Да, он знал. Я сам когда-то рассказал ему о последней войне, затеянной Эрлен и Гевором, Рысью и Пардусом, которой зацепило и меня. Я весьма активно поддерживал Гевора, и все развивалось так, как мы хотели, и Рысь с Саламандрой, старые союзники, существенно сдавали позиции, но...

Тогда я был не один. Мы были вместе уже не один год, и я до сих пор был безумно влюблен в нее. И не скрывал этого. Мы ждали ребенка...

Я распахнул окно. Холодный ветер ударил мне в голову, острый запах соли и водорослей ворвался в раскаленное воспоминаниями сознание. Марта. Уже больше семидесяти лет прошло с тех пор, но я до сих пор помню, как нашел тебя в Западной башне. Я до сих пор не могу забыть то, что я увидел...

Меня словно подбросило.

— Найди мне этого райзе, — последние слова получились сдавленными, но я не сомневался, что Шандр их услышал. Ледяной ожог, ощущение содранной кожи, резь в глазах...

Океан штормило. Ветер гнал тучи с континента, но небо над водой все еще было ясным и звездным.

— Рес, подожди! Рес... — Шандр отдалялся, превратившись в крошечную фигурку в окне белой башни, я уже не слышал, что он кричал мне.

Холодный воздух заполнил легкие, мир изменился, стал резким и очень детальным, до мелочей. Йодистый резкий запах моря, стремительный промельк темных волн, небо звездное, высокое до бесконечности. Звуки где-то далеко, гулко, не так, как в обычном человеческом теле. Тела нет, оно легкое, невесомое, летит, парит над морем, стремительно и беспечно.

Страх и злость остались там, в башне. Свобода, бесконечная свобода от оков человеческого разума. Все просто и ясно до мелочей. Ящерица не знает, не может знать, что такое небо, ей свойственно закапываться в землю и прятаться в щелях между камнями. Ей свойственно бояться. Я не ящерица, я не стану отбрасывать хвост и забиваться в щель при первом же призраке опасности. Если у нас есть враг — я его встречу лицом к лицу.

Описав последний круг над океаном, гигантская черная птица с синими глазами и кончиками крыльев летит над землей. Деревеньки, деревеньки, уходящие вглубь побережья. Огоньки в домах, дым из труб. Города, маленькие и большие. Реки, леса... степь. Море. Горы, невысокие, не такие, как в Ар Ирнани, старые, богатые разными рудами и минералами. Континент, окруженный океаном, огромный, плодородный, обжитый. Владения Ворона. Приграничье. Моя Ар Элес. Элезия, как говорят местные.

Горный хребет Фераннон разделяет ее на четыре неравные по размеру территории: Ферт — на северо-западе, с его прохладным климатом, множеством промышленных куполов и биостанций; Тайрем, поросший густыми лесами, охватывающий северно-восточные, восточные и часть южных земель, более всех остальных сохранивший свою первозданность, центральная Лаорика, густонаселенная, облюбованная кланами Двуликих, разумными, низкоразумными, дикими; и, наконец, теплый южный Аскарем, со столицей земель Элласаром, средоточием разумных рас, земля искусства и творчества, высокой культуры и научной мысли; южные его берега с волшебной природой давно превратились в лучшие курортные зоны Ар Соль. Я люблю свою землю, я ее часть, плоть от плоти ее создание и ее покровитель. Ее жизнь вливается в меня верой ее обитателей, моя сила — это жизнь, энергия, кровь тех, кто существует на моей земле.

Полет над континентом захватывает меня целиком. Восторг, неописуемый восторг переполняет мощное нечеловеческое тело, в которое стекаются потоки веры. Размах крыльев увеличивается, гигантская черная птица растет, кружа над землей. Взмахи черных крыльев гонят ветер, заставляя волноваться леса на востоке, поднимая пыльные бури на юге, вздымая ледяные волны на севере. Стихии становятся на дыбы при столкновении с вечной божественной силой. Нет больше человека — есть Вечный Ворон, хозяин Ар Элес, Страж Грани.

Огромный черный ворон неся над миром, вбирая его в себя. С кончиков крыльев срывались синие искры, каплями рассыпаясь по континенту. Поймав синие капли, люди сделают из них украшения-обереги, приносящие здоровье и удачу. Люди... Маленькие живые фигурки, движутся, шевелятся, живут, радуются, ненавидят, едят, спят... Живые... Запах жизни, тепла, сладкий запах живительной крови, силы и веры, простой и безыскусной, такой притягательный, сладкий, манящий. Источник силы, тепла, энергии. Пища.

Дикое, сильное, хищное существо, могущественное и бессмертное, кружило над землей, выискивая добычу.

Круг, вираж, снижение. Голод. Безумный тягучий голод, тоска по теплу, по острому вкусу текущей в жилах жизни. Птица уменьшилась в размерах, сбросила высоту, пристально вглядываясь огненно-синим взором в плывущие под ней бескрайние леса. Города, большие, шумные, неуютные... Деревни, деревеньки, поселения низкоразумных и диких рас. Эманации жизни все ярче и ярче, голод накатывает волной, голод и предвкушение, предвкушение и подкрадывающийся экстаз.

Там, на дороге за деревней, двое — добыча, легкая, беспечная добыча. Запах их страха ударяет в голову, добыча бежит, мечется, оборачивается зверьем, бросается в лес, пугая следы. Куда им против хозяина! Гигантская черная птица видит и слышит их, слышит их запах, биение их сердец. Еще один миг — и крылья закрывают небо, мощные когтистые лапы поднимают добычу вверх и камнем бросаются на землю. Кровь, солено-сладкая на вкус, насыщенная жизнью и силой. Мясо жесткое, костлявое. Прочь! Снова полет, низко над лесом, снова запах жизни. Вот она, вторая добыча. Гигантская черная тень камнем кидается вниз, выхватывая жертву, несясь с ней туда, где нет леса, где можно будет расположиться поудобнее и неспешно утолить голод, не захлебываясь экстазом и не жадничая. Кровь сладкая, но силы меньше, зато искорки жизни в ней яркие, цветные, горячие. Мясо нежнее, мягче. Самка.

Что-то там, за гранью сознания, бьется, рвется на свободу, пытается отвлечь от пиршества, мешает, портит чудесное настроение. Прочь! Незванный, непрошенный чужак настойчиво ломится в сознание древнего существа, отравляя вкус еды. Древний идол мотает головой, с яростью вгрызаясь в жертву, разрывая ее на куски, но то, что ломится изнутри, гонит его прочь, прочь, вверх, в небо, к звездам. Раздраженный бог отбрасывает жертву, распахивает крылья, взлетает. Две силы борются в мощном теле, сила и страсть хищника и разум человека. Хищник силен, хищник вечен, хищник бессмертен. Человек слаб и хрупок, человеческая воля неспособна подчинить себе бога. Стремительное падение вниз, вниз и прочь от населенных районов, туда, к бескрайнему ложу океана. Соленая вода обжигает, остужает безумие. Снова полет, наперегонки с ветром в черном хмуром небе. Звезд нет — здесь, на востоке, небеса нахмурились грозowymi тучами. Там, за облаками, за бескрайней полосой серых беспокойных волн, белеет в темноте башня, старая знакомая. Круг, еще круг, ниже, ниже...

Вот и камни. Теплые... перья прекрасно защищают от холода. Черная гордая птица сворачивается на верхней площадке башни и погружается в сытый, глубокий сон.

— Кто на этот раз? — спросил я, кутаясь в узорчатый халат и прикрыв глаза — смотреть на невозмутимую физиономию Шандра было не вмоготу. Остаточный след экстатического состояния божественной сущности, вырвавшейся поохотиться, все еще чувствовался: тело было полно энергии, голова немного гудела, плечи ныли от резкой смены габаритов. А еще меня подташнивало от воспоминаний — человек всегда хорошо помнил, что и как именно делал бог.

Я приполз домой только сегодня ночью, два дня проболтавшись в юго-восточной башне, расположенной на острове посреди теплого южного океана, и принял человеческий облик только час назад.

— Низкоразумные, — коротко ответил мой друг и помощник. — Старик и девчонка. Девчонку наши довольно далеко от деревни, от нее почти ничего не осталось, опознали с трудом.

— Родственники остались?

— Родственники считают, что сами принесли жертву Вечному Ворону, — Шандр налил чаю в большую цветастую чашку и потянулся за сладостями из его родного Ар Шамаля. — Охота Ворона над их землями, как известно, приносит плодородие и здоровый приплод. Ты не хочешь перестать страдать и заняться делом? Мастер Путей Ар Лессена тебя уже третий день спрашивает, у него там что-то аж с тремя старыми шеадрами, посоветоваться нужно, а я, как ты знаешь, в ваших тонких материях дуб дубом.

— Решетки там менять надо, — раздраженно буркнул я. — Регулярно, не дожидаясь, пока они сыпаться начнут. Тоже мне, проблему нашли. Сейчас, оденусь по-нормальному, и поднимусь наверх, в кабинет. Пусть ждет.

Глава 8. Зверинец

— И когда они примут решение?

— Через несколько дней.

— На него можно повлиять?

Юлька залюбовалась Сашей. Столько было в нем холодной решимости! Под его взглядом Нэсте сникла, съежилась, на глазах превратившись из опасной красавицы в нашкодившую и побитую кошку.

— Не знаю, — промямлила она. — Нас с вами даже не позовут. Все решится за закрытыми дверьми.

— Кто будет решать?

Нэсте вяло пожала плечами.

— Наверно, глава Двумликих моего клана и Хозяин клана. Может быть, Грейг. Не знаю.

— Глава Двумликих и Хозяин клана — не одно и то же?

Нэсте покачала головой.

— Ты все еще плохо понимаешь, — недовольно поморщилась она. — Глава клана — самый сильный, самый мудрый и опытный Двумликий одной расы. Его выбирают среди своих, а Эрлен — утверждает. Хозяин — это ассар. Человек, по-вашему. Чаще всего брэнн, у вас их правителями называют. Ну или сам Вечный. Глава Двумликих подчиняется Хозяину, но хозяева с главами почти всегда прекрасно уживаются. Часто хозяин вообще не лезет в дела Двумликих, поручая управление расами главам кланов. Понятно теперь?

— Сойдет, — поморщился Саша. — Теперь конкретнее: кто твой Хозяин, кто глава твоего клана и можно ли повлиять на их решение в отношении тебя.

— Мой Хозяин — Вечная Эрлен, — сказала Нэсте с печалью и гордостью в голосе. — Я подчинена ей напрямую. Обычно я получаю приказы от Грейга, главы Двумликих Лессена. А глава клана... это сильный, умный, опытный райзе, но спорить с ней он не станет, он ведь тоже ее зависимый.

Румянцев оторвался от толстого манускрипта, напичканного непонятными чертежами и схемами, и уставился на Нэсте с настороженно-кислой миной на физиономии.

— А мы? Что будет с нами?

— Про вас все уже решено, — ответила Нэсте с уверенностью. — Вы остаетесь в общине, вас попытаются пристроить к чему-нибудь полезному. Вам бояться нечего. Не нарушайте основных правил, не лазайте в бестиарий, и будет вам счастье.

— А тебе? — жалостливо спросила Юлька.

— Накажут, — отрезала она. — Убить — не убьют, я все же ценный сотрудник, а вот наказание... что ж, придется его как-то пережить.

Саша порывисто вскочил на ноги и заметался по комнате.

— Грейг может повлиять на твою судьбу?

— Он, конечно, имеет большую власть, — задумчиво проговорила райзе. — Может быть, он и заступится за меня. Но я не уверена.

— А если я попробую поговорить с самой Эрлен? — спросил он яростно.

— Не надо, — испугалась Нэсте. — Будет только хуже.

На закате солнца Юлька уже по сложившейся за эти десять дней привычке отправилась на прогулку вокруг замка Рамьен. Замок причудливо сочетал старину и современность,

древние реликвии и современные технологии. Он оказался идеально приспособлен и для работы, и для отдыха. Внешне массивный и старинный, внутри он был разделен на ритуальную, рабочую и жилую зоны. В ритуальной проходили службы Вечной Эрлен, жилая, оснащенная всем необходимым, напоминала комфортное общежитие или гостиницу, рабочая точь-в-точь походила на офисы на Старой земле.

Имелось здесь и подземелье со своими тюрьмами и клетками, и нечто, названное бестиарием. Бестиарий — лаборатория биоконструкторов — располагался в одной из замковых башен. Там создавали модификантов — искусственные расы и подрасы. Ходить туда без сопровождения постоянных обитателей Рамьена им запрещалось. Саша был глубоко потрясен, когда узнал, что раса райзе — не первородная, а искусственная: Двуликие тоже пытались создать своих идеальных бойцов.

Выйдя из замка, Юлька поежилась от вечерней прохлады и не спеша двинулась по дорожке среди кустов и статуй. Лето подходило к концу, на деревьях уже появлялись первые пожелтевшие листочки. Больше всего ее восхищали статуи Двуликих — по ним можно было изучать все этнографическое богатство Ар Соль. Обнаженный, мускулистый гранитный райзе с мерцающими глазами, в боевой ипостаси, опасный и хищный. Лапушка лэйсе из черного мрамора, задумчиво сидящая на камне. Добродушный локки, лохматый, лобастый, громоздкий, окруженный детьми-щенками. Кицу с плутоватым выражением на вытянутой лисьей морде. Тонкий, изящный нигиец, отлитый из металла, крадущийся по тропинке. Чешуйчатый хвостатый вард, полуящер-полузмея, с сумкой через плечо и весьма ехидным выражением на морде.

И, конечно же, люди. Элезы, дети Ар Элес и Ар Лессена, русые и темно-русые, рыжие и каштановые, серо, сине и голубоглазые, среднего роста, похожие на славян. Ирнанцы, дети Ар Ирнана, похожие на скандинавов, высокие, широкие в кости, светловолосые и светлоглазые. Шаамы, дети Ар Шамаль, напоминавшие арабов, смуглые, черноволосые, темноглазые. Камарды, уроженцы Подлунных земель, белокожие и пепельноволосые, с яркими голубыми глазами. Смуглые, черноволосые и синеглазые, с правильными чертами лица и исключительно красивыми, гармоничными телами, уроженцы островов — иллирийцы.

Были среди статуй и изображения Вечных, но люди казались интереснее. Чем больше Юлька узнавала о мирах Ар Соль, тем сильнее озадачивалась их противоречивостью. Внешне патриархально-средневековые, с их метаморфными расами, живыми богами и кажущейся анархичностью, на самом деле они были высокотехнологичными, со скрытой строгой иерархией и жесткой верховной властью. Жизнь здесь текла спокойней и медленнее, чем на Старой Земле, может быть, потому, что сама Юлька ощущала себя выброшенной из потока событий, чуждой, лишней. Очень многие предметы ежедневного обихода ставили ее в тупик. К ним приходилось привыкать заново, к тому же освещению в виде многозарядных батарей, утюга в виде ладошки, гладившего холодом, к визорам, которые и записывали, и показывали, и работали как средства связи, или к тем же гворам — аналогам стационарных беспроводных телефонов. Румянцев несколько раз объяснял ей местную волновую теорию и теорию сил и стихий, на которой здесь все держалось, но она так ничего и не поняла. «Магия» — подытожила она, когда ей надоело слушать. «Технология, — поправлял Румянцев, — сильно иная. Чертовски интересная!» — и он зарывался в очередной толстый фолиант, напечатанный на бумаге, которую делали не из дерева, а из переработанных промышленных отходов.

Румянцев чувствовал себя лучше всех. Он был в восторге от обрушившегося на него массива информации и не вылезал из книг, мучая вопросами всех, кто попадался под руку. В конце концов местные начали от него шарахаться, и только Грейг, глава Двумликих и первый советник Эрлен, пытался терпеливо отвечать на его бесконечные «как» и «почему», если находил время, ворча, что парень попал не по адресу. "Тебя бы к техноасам, — говорил он раздраженно. — Или к Горностоям — вот они бы точно обрадовались такому любопытному".

Не торопясь, она сосредоточенно двигалась через парк, любуясь густо-лиловым вечерним небом, на котором пылал, медленно опускаясь к горизонту, огненно-красный солнечный диск. Еще немного и зажгутся фонари-аэры, и замок погрузится в таинственную полутьму, жутковатую и манящую. На противоположном конце парка располагалась площадка для вимм, а верхняя площадка Южной башни была отдана Крылатым. Юлька могла часами наблюдать, как взлетают и садятся гонцы, курьеры или просто гости, владеющие непростым умением самостоятельно перемещаться по воздуху. Летать, как птицы. С тех пор, как она увидела первую «ласточку» — так тут иногда называли тех, кто передвигался на крыльях, она загорелась идеей полета. На вопрос Грейга, чем она хотела бы заняться, Юлька робко выдала просьбу научить ее летать. Старый райзе осмотрел ее решительно и бесцеремонно: ощупал суставы, вывернул руки назад к лопаткам, заставил сгибаться и разгибаться, ходить по прямой с закрытыми глазами, заставил стать на руки рядом со стеной и держал за ноги, пока она не взмолилась о пощаде. Проворчав что-то себе под нос, он вынес решение: «Данные у тебя есть. Жди, пришлю тебе учителя».

— Мороз Воевода дозором обходит владенья свои, — раздался над ухом голос Саши. Юлька радостно вздрогнула — последние два вечера они гуляли вместе.

— Присоединяйся, — предложила она, слабо улыбаясь и тщательно скрывая волнение.

— С удовольствием. Я попытался вытащить Румянцева, но того засосало в очередную книжку.

— А ты?

— Грейг водил меня в оружейную, — Юлька увидела, как в его глазах зажглись искры восторга. — Провел что-то вроде исторического экскурса на примере того, что там хранится. Предложил выбрать что-нибудь.

— И как?

— Видишь ли... У них много клинкового оружия, но есть и такое... — он покачал головой, — я даже не знаю, что в нем больше — магии или технологии. Да и клинковое тоже не совсем обычное. Не знаю, как это тебе объяснить... Смотри.

И он снял с пояса подвешенную к ремню перчатку.

На вид она блестела как металлическая, но когда Саша натягивал ее на руку, гнулась и мялась как самая обычная кожаная. Он сжал и разжал кулак — перчатка вросла в руку, облепила ее, словно вторая кожа. Пальцы неожиданно удлинились, превратившись в острые и опасные на вид когти-лезвия, костяшки уплотнились, заострившись шипами.

Юлька опасливо отошла подальше.

— И знаешь, что самое интересное? — спросил Саша, осторожно стягивая перчатку. Когда он подцепил ее край, шипы и лезвия исчезли почти мгновенно. — Возьми, попробуй!

Перчатка оказалась Юльке велика, приспособившись к ее руке явно не собиралась. Она мяла ее, тянула, несколько раз снимала и одевала снова — ничего так и не произошло. Блестящая мягкая тряпочка в ее руках так и не стала оружием.

— А Дима? Ему ты давал попробовать?

— Та же история. Только на его руку она вообще не надевается — мала.

Юлька повертела ее в руках и вернула Саше.

— Странно, правда? — сказал он с растерянностью. — Когда я спросил Грейга, в чем здесь хитрость, он долго и нудно грузил меня местной физикой. Ничего не понял, — вздохнул он сокрушенно.

— А остальное? — спросила Юлька.

— Остальное... — Саша вздохнул. — Остальному надо учиться. Впрочем, я не против Грейг сказал, что пока перчатки мне будет достаточно. Еще он мне посоветовал взять в библиотеке всеобщую историю земель, — Саша споткнулся о неровный край плиты, и Юлька поспешила поддержать его. Он благодарно улыбнулся, отчего у нее екнуло сердце. — Только читаю я хуже, чем Румянцев.

Юлька и сама читала не очень быстро — к новой, непривычной письменности, чем-то схожей с арабской вязью, все они привыкали с трудом. Язык, на котором говорили в Солнечных Землях, давно был единым. Им несказанно повезло — при пересечении Грани любой путешественник приобретал умение понимать местный язык на слух. Объяснение этого феномена снова упиралось в теорию сил и стихий и в загадочную полуразумную "вуаль", с которой на мгновение сталкивался каждый, кто проходил через порог Ар Соль, а значит, так по сути и осталось для них загадкой. А вот с чтением пришлось изрядно помучиться.

— Кое-что я уже понял, — продолжил Саша. — Откололись они где-то тринадцать тысяч лет назад. Причина та же, что привела к всемирному потопу и гибели цивилизации того периода. У нас придерживаются геофизической теории, здесь же считают, что причиной катаклизма стали неосторожные научные эксперименты, вышедшие из-под контроля. Надо сказать, уровень науки тогда был такой, что ни мы, ни они до сих пор его не достигли. Людей выжило много, кроме того, запущенный горе-учеными процесс сформировал еще несколько отдельных земель, их обнаружили позднее. Еще считается, что божественные существа, обитавшие на Старой земле, после катастрофы ее покинули и поселились здесь, в этой части пространства, но потом то ли снова ушли куда-то, то ли уснули, передав и перераспределив свою силу между другими Вечными сущностями, пришедшими им на смену. Собственно, это и есть нынешние Вечные, которые здесь боги и правители одновременно. Понять это у меня не хватает ни мозгов, ни веры, — вздохнул он под конец. — Кстати, что это там светится?

Они дошли до юго-восточной башни, в стенах которой располагался бестиарий.

Юлька уже давно заметила странный сиреневый свет в одном из окон башни. Свет неровно пульсировал, меняя интенсивность и оттенки.

Они подошли к окну, укрепленному тяжелой кованой решеткой. Саша ухватился за ее ажурные петли, подтянулся и вскарабкался на широкий каменный выступ чуть ниже подоконника.

— Ого, — он оглянулся вниз на Юльку. — Прямо как в дурном американском фильме... У тебя нервы крепкие?

Юлька до петель не доставала, но Саша помог ей взобраться. Зрелище, представшее перед ее глазами, действительно напоминало фантастический фильм. Комната, часть которой открывалась их взгляду, была напичкана аппаратурой, сильно напоминавшей медицинскую. Прямо напротив размещалось нечто вроде саркофага, внутри которого лежал

голый, опутанный светящимися ниточками-проводами человек. Напротив него сидел еще один, в светло-серой одежде. Ниточки-провода тянулись из саркофага к прозрачной сетке на его голове и руках. Человек в саркофаге метался и дергался, заставляя нити вспыхивать и пульсировать, человек на стуле вздрагивал и раскачивался из стороны в сторону. Звуков не было: видимо, там стояла мощная система звукоизоляции.

— Ужас, — прошептала Юлька. — Доктор Моро отдыхает.

— А может, его так лечат, — предположил Саша.

— А может, пытают, — сказала Юлька.

Саша прыгнул вниз и помог спуститься Юльке. Оказавшись на несколько мгновений в его руках, она поспешила отстраниться, чтобы он даже случайно не услышал бешеный стук ее сердца.

— Пойдем отсюда. Лучше не знать, что здесь творится... — сказал он, вытаскивая ее на тропинку и подталкивая вперед.

— Лучше знать и быть готовым, — не согласилась она. — Давай лучше завтра днем пойдем в бестиарий с кем-нибудь из местных, и как бы случайно туда заглянем. И спросим. А вдруг на самом деле этому есть простое объяснение? Может, так мнемозапись делают?

— А может, так мозги вынимают? — поддразнил ее Саша.

Ночь стояла безлунная и облачная. Черное беззвездное небо давило, нависая тяжелым влажным одеялом. Тишины не было: со стороны парка и хозяйственных построек доносились едва различимые, приглушенные звуки. Замок возвышался мрачной громадой, заросли вокруг него неожиданно приобрели зловещие очертания. С этой стороны не оказалось ни одного светящегося окна. В нескольких жилых покоях, расположенных на самом верхнем этаже, окна тускло мерцали разноцветными пятнами уже привычных витражей, но сумрак они почти не рассеивали. Темнота навалилась, холодная и опасная, враждебная, со стороны черного парка потянуло сыростью и еще чем-то затхлым и чуждым. Юльке стало неуютно, мурашки побежали по коже. Она съежилась, но признаваться Саше в неожиданно возникших страхах было стыдно и трудно. Он шел рядом, совсем близко от нее, по узкой тропинке, отставая на полшага, иногда они соприкасались локтями. После подглядывания в бестиарии они не сказали друг другу ни слова. Так хорошо начавшаяся прогулка неожиданно стала Юльке в тягость, ей страстно захотелось остаться одной, наедине со своими смутными опасениями и подозрениями.

Так они дошли до северной башни, в которой располагался храм Эрлен. У круглого крыльца со статуями рыси по бокам, такими же, как в городе, она попросила:

— Пойдем домой? Мне что-то... холодно.

Он понимающе улыбнулся.

— Не бойся, с нами ничего не случится. Ты иди, а я еще поброжу.

Пожелав ему спокойной ночи, Юлька шмыгнула за массивную дверь и поспешила свернула на лестницу, ведущую мимо храма в открытую галерею вокруг башни. Оказавшись под защитой крыши и стен, она почувствовала, как почти панический страх постепенно уходит, уступая место обыкновенной усталости, что она замерзла и хочет есть. Сумрачный парк, расстилавшийся прямо перед входом в храм, пересеченный узкими дорожками-галереями, теперь казался ей обыденным и совсем не страшным: ветер шевелил верхушки аккуратно подстриженных кустов и деревьев, нес запахи сырой земли, травы, начинающих увядать листьев. Было в нем что-то печальное и по-осеннему прохладное.

Юлька остановилась и подошла к арочному проему, отыскивая Сашу. Он стоял там же,

где они расстались, окаменевший, напряженный и настороженный, положив руку на пояс, туда, где висела перчатка.

Там, внизу, что-то изменилось за те короткие минуты, пока она бежала по лестнице. Ощущение опасности стремительно разливалось в воздухе, источник ее находился там, где остался Саша. Юлька заметалась по галерее, не зная, то ли кинуться на помощь, то ли закричать, она уже была готова сделать что-нибудь безумное, но вдруг увидела выступивший из сумрачных зарослей гибкий звериный силуэт.

Пятнистое, пепельно-рыжее существо в несколько раз крупнее настоящей рыси, изящное и опасное, с человеческими раскосыми зелеными глазами, светящимися в темноте, медленными шагами ступало по дорожке, надвигаясь прямо на Сашу. Он замер в оцепенении, на всякий случай убрав руку с пояса.

Рысь остановилась в полушаге от него и опустилась на дорожку, грациозно, по-кошачьи присев напротив. Подняла выразительную хищную морду, с любопытством заглянув в глаза. Оцепенела на несколько долгих мгновений, изучая своего противника; кончики изящных ушей лишь изредка подрагивали, да едва шевелилась рыжая пушистая кисточка на хвосте.

От страха за Сашу Юлька забыла, как дышать. Только потом она обнаружила, что стоит, вцепившись мертвой хваткой в перила и судорожно ловит ртом воздух. Сияющие изумрудной зеленью глаза Рыси неожиданно закрылись, она зажмурилась, как довольная кошка, встала, обошла Сашу и не спеша поднялась по ступенькам крыльца, а затем оглянулась снова, еще раз бросив пристальный взгляд на ошарашенного Сашу. Он поклонился ей, по-местному сложив руки на груди. Глаза ее на мгновение вспыхнули ярким светом и потухли, она благосклонно опустила морду, словно принимая его поклон, и села у входа в собственный храм, повернувшись в сторону парковой аллеи. Юлька посмотрела туда же, куда был обращен ее взгляд, и увидела направляющегося к ней человека. Невысокий, худощавый, судя по смуглой коже, черным смоляным волосам, он был уроженцем знойного Ар Шамалья. Легко взбежав на крыльцо, он отвесил рыси шуточный полупоклон и открыл перед ней тяжелую дверь храма, и, дожидаясь, пока она войдет, неожиданно поднял голову вверх, встретившись глазами с Юлькой.

В следующее мгновение она, поймав его взгляд, почувствовала жуть: его темные сумрачные глаза заглянули ей прямо в душу. Взгляд незнакомца, властный и холодный, имел почти гипнотическое воздействие. Юльке показалось, будто перед ней разворачивает кольца и начинает свой опасный танец гигантская змея. Ее потянуло вниз, туда, на крыльцо, и она непроизвольно наклонилась вперед, не в силах остановить вдруг вышедшее из-под контроля тело. К счастью, гость в это мгновение опустил голову, разорвав зрительный контакт, и обернулся на Сашу, по-прежнему стоявшего на боковой дорожке. Секунда, другая — шаам решительно тряхнул головой и сделал шаг следом за Эрлен, исчезнув за тяжелой, старинной дверью.

Саша постоял в оцепенении, а потом медленно побрел по тропинке куда-то вглубь парка, в настороженную и небезопасную темноту. Юлька еще какое-то время ждала его на галерее, потом, почувствовав тягостную усталость и опустошение, с трудом заставила себя двигаться к жилым комнатам.

В их общей гостиной тускло мерцал разрядившийся аэр. Румянцев сладко спал, положив голову на толстый фолиант.

— Знакомьтесь, — Грейг подтолкнул вперед высокого и тощего подростка-лэйсе,

державшего под мышкой нечто громоздкое, чем-то напомнившее Юльке пляжный зонтик. — Это твой учитель полетов. Брес, девушку зовут Юлия. Расписание занятий на твое усмотрение.

Оглядев их обоих не без скептицизма, он резко развернулся и ушел.

Юлька и Брес уставились друг на друга с бесконечным недоверием. Взгляд мальчишки оказался колючим, не по-детски цепким и серьезным.

— Не поздновато учиться-то?

Она насмешливо прищурилась.

— Что, слабо?

Он развернулся и вразвалку, всей своей походкой демонстрируя превосходство, пошел в парк, махнув ей следовать за ним.

Днем парк производил совсем другое впечатление: ухоженный, подстриженный, с ровными чистенькими дорожками, он напомнил Юльке дворцовые сады Старой Земли. Брес увел ее куда-то в самый его конец, где обнаружился старый неработающий фонтан, в центре которого располагалась старая и обшарпанная статуя Ворона.

Брес развернул «зонтик». Это оказался комплект крыльев яркого синего цвета с черным и серебристым узором. Подозвав Юльку, он помог ей надеть непривычную полужесткую конструкцию, сопровождая процесс одевания неловкими комментариями.

— Ну вот, это твои собственные крылья, строго по росту и размеру. Ухаживать за ними будешь сама, потом объясню как. Они, конечно, неразумные, — сказал юный лэйсе после долгой задумчивой паузы, — но все, кто летает, верят, что они... ну, живые, что ли... В общем, ты на всякий случай думай, что они живые, потому что все, кто в это не верил, ну... ну в общем, разбивались. Можешь им имя дать, потом, когда прилетаешься. Они это любят, ну, когда по имени...

Тут он совсем смутился и замолчал. Юлька поспешила заверить его, что обязательно будет за ними ухаживать и придумает какое-нибудь имя. Парень встрепенулся и радостно принялся объяснять ей их устройство и принцип работы.

Крылья оказались вдвое длиннее ее рук. Их очертания действительно напомнили земную птицу-ласточку. Голову и лицо защищала маска со встроенными очками-светофильтрами. Гибкий хребет-костяк тянулся вдоль всего тела и заканчивался раздвоенным хвостом, который выдвигался в полете с помощью специального рычага. Оказалось, хвостом придется управлять в полете с помощью ног. Вся конструкция застегивалась в районе солнечного сплетения, там же крепился навигатор и панель управления, которая дублировалась на правом плече, а вот гравидиск — устройство, позволяющее людям летать — крепился на спине между лопатками и показался Юльке довольно тяжелым. Закончив экипировку, она сделала несколько неловких шагов, покачалась с пятки на носок, привыкая к необычному ощущению удлинившихся рук, изменившегося центра тяжести, холодных мурашек вдоль позвоночника. Юный лэйсе смотрел на нее с добродушной усмешкой.

— Распахни крылья... Вот так, только не торопись. Почувствуй равновесие. Почувствуй воздух, его плотность, его осязаемость. Ощути ветер. Попробуй понять направление. Только стой, ничего не делай, и держи крылья распахнутыми.

Он помог ей забраться на парапет фонтана и медленно развести крылья-руки в стороны. Юлька стояла, слегка покачиваясь вперед-назад и честно пыталась почувствовать все, что он ей велел. Ощущение легкости пришло неожиданно, будто накатило волной, мир постепенно

наполнился едва заметными потоками, воздух стал густым, плотным, осязаемым. Поддавшись легкому дуновению ветерка, она не удержалась и сделала полушаг вперед, изменив наклон одетого в крылья туловища — и поплыла по воздуху, полетела — ее подхватило, чуть приподняло вверх и отбросило на газон, куда она и приземлилась весьма комичным способом — на пятую точку.

— Испугалась? — Брес, казалось, испугался больше ее самой. Подняв ее на ноги, он показал ей, как складывать крылья во время движения пешком по земле и снова велел забраться на парапет.

Она падала еще несколько раз, пока наконец не научилась держать равновесие с распахнутыми крыльями.

— Смотри: на пульте четыре уровня тяги, — он пощелкал тугими рычажками. — Зависят от высоты, на которой ты собираешься лететь. Сейчас нам нужен первый. Вот так, — он показал ей, как установить гравитатор на нужную мощность.

— Теперь приподнимись на цыпочках, легко — слышишь, очень легко — оттолкнись кончиками пальцев и сделай шаг вперед двумя ногами. Когда будешь приземляться — чуть согни колени.

Юлька рассмеялась.

— Шаг двумя ногами — это прыжок.

— Именно шаг, а не прыжок! Не вздумай прыгнуть — унесет! — загорячился лэйсе.

Но у нее получилось с первого раза. Неожиданно для себя, стремительно и плавно дорожка ушла вниз, потом приблизилась обратно, и ноги сами ощутили толчок — и твердую землю под ними — только уже на другом конце дорожки. Ощущение полета было таким... захватывающим, волнующим, волшебным, что она «шагала» снова и снова, пока, наконец, от непривычных усилий не начали дрожать руки и ноги, не заныли судорожной болью нетренированные плечи. Впрочем, ее учитель и сам решил, что на первый раз хватит.

— Ну что, сильно разочарован? — спросила она, плетясь за ним по направлению к замку. С крыльями не хотелось расставаться, но сил тащить их на себе уже не было, и Брес великодушно предложил поднести их за хозяйкой. Отказываться Юлька не стала.

— Не-а, — ухмыльнулся Брес. — Тебя легко учить — ты способная.

— Да ну? — Юлька перевела дух. — С чего бы это? Я ж старая, сам ведь сказал.

— Не говорил я такого, — буркнул он. — А ты с первого раза полетела. У нас большинство на первом занятии разбивают себе колени, локти и носы. Мало кто хватается полет с первого раза. Ты завтра приходи с утра прямо сюда же, мы продолжим.

Глава 9. Анг Мирт

Лучшее лекарство от хандры — работа. Старая, давно известная, избитая истина.

Особенно работа такая нудная и трудоемкая, как зарядка зеркал и визоров. Зеркала нужны для наблюдения за пространством и за людьми, их делают только у нас в Элезии, и технология строго охраняется Детьми Ворона. Так же, как и технология «паучьих глаз» — маленьких переносных или карманных визоров, способных передавать информацию даже со Старой Земли. Визоры могут не только наблюдать, но и записывать и воспроизводить информацию, как звук, так и картинку. Само устройство визора предельно просто, но для его активации требуется дар, а значит, тут не обойтись без элементала, специалиста по силам и стихиям. Для зеркал нужны мастера высшего класса, для бытовых визоров хватит и рядовых специалистов.

Но есть такие случаи, когда заряжать Зеркала и визоры предпочитаю я сам. Сложные, высокоточные приборы, предназначенные для работы под водой, под землей, или в других неблагоприятных условиях. Визоры для нашей разведки, заряженные лично Вороном, становятся во много раз надежнее и дольше служат. Зеркала для наших собственных служб, ну и те, которые представляют особый коммерческий интерес. Поэтому время от времени я вынужден откладывать все менее срочные дела и запираюсь у себя в башне над грудой больших и маленьких стекляшек. День, считай, пропал полностью. Эта работа требует терпения и выносливости, и к вечеру от меня обычно остается апатичное, брюзгливое и голодное человеческое тело, способное только на бездарные шутки и язвительные замечания.

Вчера Глава Пауков, явно недовольный моим подавленным настроением и уклонением от своих прямых обязанностей, с невинно-непроницаемым выражением лица принес мне грудку визоров, варварски свалил их на стол в моем любимом кабинете, аккуратно положил на край кипу отчетов и, злорадно ухмыльнувшись на прощанье, сообщил, что отправляется в Элласар. На пару дней. Отдохнуть и повеселиться.

А я с чувством стыда остался разгребать свои же бумаги и заряжать визоры.

Так... осталось, в общем-то, совсем немного. Два больших зеркала, кстати, предназначены как раз для Северной Стражи, пострадавшей при последнем памятном прорыве через Грань, и с десятков «глазок». Собираю все «глазки» в горсть, концентрируюсь... Огоньки пробегают по моим ладоням, когда я начинаю работать с эгри и джив, пальцы колет все сильнее, и постепенно, один за другим, безжизненно-серые «глазки» разгораются все ярче и ярче, потом вспыхивают как звезды, и тускнеют, пряча свет от посторонних глаз. Я расслабляюсь и откладываю их в сторону. Эти готовы.

Теперь зеркала. Они сложнее, хотя бы потому, что требуют многократно больше энергии. Поднимаясь из-за стола, я чувствую изнеможение, как от длительного физического труда, но результат налицо: упадочное настроение улетучилось, словно дурной сон.

Распахиваю окно. Ночь. Скоро рассвет. Небо сегодня ясное, иссиня черное, но при этом прозрачное, с яркой россыпью звезд. В кабинет врывается холодный воздух, насыщенный солью и йодом. Рабочий кабинет под крышей Северной Башни всегда был моим самым любимым — он круглый, камень стен — очень светлый, почти что белый. Камин с полустертой причудливой резьбой огромен, кажется, что он вырублен целиком из куска стены; пол из толстых дубовых досок старше, чем я сам. В изголовье такого же тяжелого,

огромного стола, черного от старости, стоит массивное, невероятно удобное кресло-глыба, и еще два размещены напротив камина, вместе с чайным столиком на гнутых ножках в форме львиных лап. Камин я топлю дровами, хоть он и имеет гнезда для аэров. В башне есть единая система отопления, тут всегда тепло, даже в самую холодную зиму, но мне нравится живой огонь. Мой предшественник, Хэйген Ант, аэрами вообще не пользовался, и от него мне досталась огромная коллекция старинных подсвечников из всех материалов — металлов, камня, стекла, даже из драгоценных камней. Говорят, он умел зажигать огонь взглядом...

Камин уставлен разными милыми безделушками вперемешку с ценными артефактами и забавными статуэтками. Больше всего в этой коллекции, собранной моими предшественниками-Воронами именно статуэток — необычных, порой нелепых изображений Вечных. Чего стоит, например, Кошка в полосатых носочках и шапочке с помпоном, Саламандра на мешке с золотом и с банкнотой в пасти, испражняющаяся золотыми монетами, Пардус, вывернувшийся кверху брюхом, с Рысью, это брюхо почесывающей, или Зубр — пьяненький такой бычок на кривых ножках, с глазками, смотрящими в разные стороны, и колокольчиком на шее. Есть и художественные шедевры. Расправляющий крылья Феникс, заключенный в огненный опал, словно застывший в языках пламени, или коленопреклоненная Элианна-Любовь, сломленная, раздавленная грузом невидимой тяжести. Чтобы воплотиться и стать Элианной, та, в которую вселяется эта Вечная сущность, должна отринуть свою любовь — предать, потерять или даже убить. Незавидная участь, что уж тут сказать.

Змеев в этой коллекции аж четверо. Самый нелепый — короткотельный, раскрашенный во все цвета радуги Аспид с маленькими дурными глазками, с широко распахнутой пастью и непропорционально большими кривыми зубами, лежащий в нелепой позе на брюхе, смотрится как насмешка над могущественными и мудрыми Нагами. Воронов в коллекции два: один самый обыкновенный, ценен тем, что выточен с особой тонкостью из черной яшмы. Второй представляет собой артефакт-концентратор большой емкости; я-Ворон, взяв с собой маленькое грубоватое изображение себя самого, удваиваю, а то и утраиваю личную силу. Иногда это бывает очень кстати, и не только в бою.

Задумчиво постояв перед камином, я неохотно вернулся за стол, к бумагам. В первую очередь — финансовые, не люблю их, но никуда не денешься. Есть статьи расходов, которые я предпочитаю контролировать сам: все-таки у меня жизненный опыт побольше, чем у самого хитрого бухгалтера.

Стандартные обобщенные сводки с Основы я читаю внимательно и вдумчиво. Особо интересные сообщения постоянных наблюдателей откладываю в сторону. Тут требуется свежая голова, а иногда и дополнительная информация. Население на Старой Земле растет с каждым годом, ее разобщенные страны нестабильны и неблагополучны, а наука, ставшая безвольным придатком коммерции, давно представляет опасность для Ар Соль. Их попытки понять устройство мироздания бестолковы и небезопасны, их поиски все более смертоносных технологий для создания орудий убийства с каждым годом усиливают угрозу для тех, кто имеет с ними общую границу — для нас. Общая у нас с ними не только Грань. Маар, мир Некроса, изнанка мироздания, у нас тоже одна. Этим-то и опасны бесконтрольные и беспечные эксперименты соседей по пространству.

Информацию о делах житейских, типа местной политики, светских и не очень событий в других землях, я бегло проглядываю и откладываю на потом. Это почти литература. Если случится что-то действительно важное, в приемной на втором этаже башни меня будут

ждать просящие о помощи — защите — поддержке — совете — нужное подчеркнуть.

Суточные отчеты Стражи и Мастеров-Следопытов я просматриваю вскользь. Любое происшествие я почувствую шкурой без всяких докладов, где бы я ни был. Отчеты Пауков тоже пробегаю по диагонали, Шандр работает с ними сам, мне он кладет их только тогда, когда это важно для всей Элезии. Или когда недоволен мною. Как вот теперь.

Шандр не считает мою вторую ипостась чем-то особенным. Он родился и вырос в почтении к Вечным, впрочем, как все обитатели наших земель. Да, зверь. Да, хищник. Давно пора уже смириться с этим и пользоваться силой, подаренной мне мирозданием. Он не понимает, что древняя и хищная сущность внутри меня не всегда поддается контролю, и что я до сих пор не до конца осознаю его цели и возможности. Некоторые поступки, ощущения, желания все еще повергают меня в глубочайшее недоумение и растерянность, а зачастую и отвращение к самому себе.

В папке был всего один лист — сообщение о странной волне происшествий в зданиях архивов и библиотек, прокатившихся по Элезии одна за другой в течение нескольких дней. Я присмотрелся к датам и насторожился — все они произошли сразу же после пересечения Грани той загадочной четверкой. Спецхран в Южном Ферте пострадал сильнее всего, там сгорела целая ячейка записей с визоров, в архивах Элласара пожар быстро удалось потушить, в центральной столичной библиотеке кто-то разбил окно, влез и разгромил секцию старинных атласов, в Ларне, столице Лаорики, в общественном архиве внезапно прорвало канализационные трубы, залив два этажа, там тоже пострадали архивные записи, снятые с визоров, и, наконец, в Аске, столице Аскарема, охрана почти поймала двух вервовдиверсантов, собиравшихся поджечь архивы Аскаремской Стражи, но удержать Дзуликих не сумела, и они вырвались на свободу, когда те конвоировали их с места преступления в здание Стражи. По отдельности эти эпизоды не говорили ни о чем, кроме халатности персонала, но сведенные вместе, они заставляли задуматься. Кто-то явно пытался уничтожить информацию. Я решил, что мне необходимо пройтись по каждому из упомянутых в сводке мест, возможно, там я смогу уловить больше, чем обычные люди.

Бросив папку на стол, я уже собрался было спуститься на кухню и потребовать завтрак, но стоило мне встать, как в одно мгновение сознание мое взорвалось клочками черных пятен, уродливых, но явно живых форм, омерзительным воем и визгом. Пытаясь сосредоточиться на мельгешении хаотичных образов, я в конце концов вычленил из них хорошо знакомые картины: грязно-алое безумное небо, огненные сполохи, острые клыкообразные скалы, черная выжженная земля, грубый силуэт крепости, вокруг которой маревом растекалось нечто удушливо серое, тяжелое, давящее, рвущее и пожирающее...

С трудом я отстранился от наводимых на меня картин, изгоняя из своего сознания боль и панику. Эйла, бедная моя, я все понял, потерпи еще немного, я сейчас приду. Я уже лечу...

Ледяной ожог, холод, каменные плиты стремительно уходят из — под ног. Вырываясь в небо, я стремительно увеличиваюсь в размерах, так, чтобы скорее достичь северной оконечности хребта Фераннон — там часть Приграничья соприкасается в пространстве с Анг Миртом.

Нэрги прорывались в наш мир регулярно, однако последние тридцать лет их нападения стали исключительно редки. Анг Мирт живет своей жизнью, живет и развивается в очень своеобразном направлении, и, к сожалению, контролировать его мы давно уже не можем. Вернее, никто никогда не задавался целью разобраться, что там происходит. Мы трусливо закрывали глаза на его существование и ограничивались охраной тех территорий, что имели

с Анг Миртом общую Грань. А их было немало: часть Элезии, небольшой участок Ар Ирнана, несколько районов Ар Лессена, Шеннон Ар и почти весь Ар Хойт. К счастью, Подлунные земли мало интересовали нэргов, возможно, из-за небольшой населенности, так же, как и ледяной Ар Хойт. Ар Лессен, Ар Ирнан и Ар Элес — лакомый кусок для существ, с легкостью преобразующих джив в наэр. К сожалению, не так давно мы обнаружили, что Анг Мирт соприкасается в пространстве не только с Ар Соль, но и с Основой, причем в нескольких густонаселенных местах, а некроэманации Старой Земли — богатейший и практически бесконечный источник пищи для нэргов.

Мы знали, что после провальной попытки Вечных уничтожить Анг Мирт на его земля осталась какая-то разумная жизнь, но во время их коротких вылазок сталкивались только с нэргами. Эти прожорливые низкоразумные существа представляли собой плотные сгустки наэра-Некроса, заключенные в живую оболочку, бесформенные, но активные и подвижные. Они шустро перемещались по любым поверхностям, формируя для этого по шесть гибких, изменяющих длину лап. Живая материя разрушалась под их воздействием, они словно переваривали ее, а переварив — разрастались и усиливались. Только камень и металл особой закалки были им неподвластны. Живую плоть они разъедали одним прикосновением, а облепив человека, могли и убить. Металл тоже разрушался под их воздействием, и только старые клинки нагов, закаленные по специальной технологии, выдерживали подобное столкновение.

Мы охраняли границу с Анг Миртом уже много веков, с тех пор, как обнаружилось, что потерянный и погубленный Вечными рай превратился в ад. Последние пару столетий нэрги время от времени прорывались в Приграничье и расползались по его землям. Пауки многократно пытались захватить их в плен, для исследования, но они разъедали металлические клетки и благополучно переваривали установленные на них органопластовые ловушки. Нам казалось, что нэрги имеют какой-то примитивный, но отличный от нашего разум, и действуют вполне целеустремленно. Ширин и школа Джмар, изучающая пространство Маара, некросферу и стихию наэра, очень интересовалась этой странной формой жизни — или нежити, и многократно просила нас принести им образцы тканей нэргов для исследований. К сожалению, мы так и не смогли исполнить ее просьбу.

Граница Ар Элес и Анг Митра проходила по северной части Фераннона, по предгорьям, и по океанической части на юго-востоке. Северные предгорья Фераннона представляли собой либо каменистые пустоши, либо голые отвесные скалы. Они и раньше были редко заселены, а теперь и вовсе обезлюдели. Общая с Анг Миртом грань простиралась на 220 хааров, вдоль нее стояли наблюдательные посты и вышки, почти вся территория просматривалась зеркалами, но нэрги постоянно меняли точки проникновения. В местах прорыва жизнь возрождалась трудно и долго, даже простая трава первое время там не росла. Обычно твари проникали через Грань небольшими группами, но в последнее время они научились очень быстро отрываться от точки выхода и скрытно преодолевать внушительные расстояния. Если им попадалось живое тело, нэрги его захватывали, впитывали в себя и вылепляли псевдоподобие, отличить которое от нормального человека можно только на близком расстоянии по отсутствию мимики и речи. Случалось, нэрги-лазутчики таким образом добирались до городов. Цель их вылазок, как массовых, так и одиночных, так и осталась для нас загадкой.

Я стремительно мчался на север. Судя по ужасающей реакции Вуали-Эйлы, случилось что-то необычное. Уже на подлете я увидел размытые очертания реальности там, где

начиналась граница опасного района. Со стороны разрыв выглядел пугающе: от земли до небес тянулась широкая грязно-алая прореха, в глубине которой виднелись тускло-серые, с оранжевым и лиловым небеса, терзаемые росчерками молний, и клыки аспидно-черных скал. Тяжелый смрадный жар хлестал сквозь пробойну, смрад от смеси пепла, раскаленного песка и горячей растительности уже тянулся в сторону леса. Я снова услышал панический вопль Эйлы и увидел, как исчез еще один кусок Грани, расширяя провал в Анг Мирт.

Бросившись в зону прорыва, я увидел нэргов. Бесформенные и нелепые, они ловко вываливались из щели и шустро расползались в разные стороны, оставляя после себя след из серой трухи. По краям разрыва шевелились еще более странные существа, гигантские, такие же бесформенные, как и нэрги, но без лап-щупалец. Я издали уловил их чудовищные некро-эманации, и чуть не захлебнулся отвратительной, давящей психику волной. Сначала мне показалось, что они неподвижны, затем я увидел, что они ползут в стороны от прорехи, и вместе с их медленным, едва различимым движением исчезает сама Грань, а прореха растет, так же, как растет и сама тварь.

Да она же питается Гранью, понял я с ужасом. Поедает ее, расчищая проход остальным, и растет сама. Чем больше ее тело, тем больший кусок Грани она может сожрать. На переднем фланге я насчитал четверых таких поедателей, еще двух заметил в глубине разрыва, но на той стороне.

Ничего подобного раньше не было.

Я вырос, насколько смог, и рванулся прямо в прореху. Боевая гвардия Пауков уже стягивались вокруг нее, успешно кроша нэргов или вышвыривая их обратно за Грань. Клинки, устойчивые к псевдоплоти нэргов, делали Наги, безвозмездно, вовремя и в нужном нам количестве, за что я всегда был глубоко благодарен Кольеру, местоблюстителю Нигейра Аспида. Несмотря на кажущуюся безопасность, уничтожить нэргов было не так-то просто. Сначала их разрубали на части, чем мельче, тем лучше, а затем дожигали из огнеметов, поскольку целиком они не загорались. Большие части нэргов вели себя точно так же, как целая взрослая особь. Несколько Пауков отважно атаковали пожирателя, а я на всякий случай снизился, чтобы помочь им, если что. Стоило первому коснуться гранееда, как его стало засасывать в аморфное тело твари, и он исчез в ней за несколько мгновений. Остальные поспешно отступили. Его товарищ издали ткнул в гранееда саблей, но никакой реакции не последовало.

Эх, жаль огонь-эгри — не моя родная стихия... Нигейр справился бы здесь гораздо лучше меня. Я — ветер и ураган, даже гроза, если сильно напрячься, но здесь, против сгустков Некроса, нужно что-то посущественнее. Что ж, попробуем.

Все шесть гранеедов находились теперь на границе разрыва. Ударом ураганного ветра я зашвырнул их обратно в Анг Мирт, сначала одного, затем другого, потом и оставшихся.

Обернувшись ураганом-фэйром словно одеялом, я накопил, насколько мог, на лапах разряд эгри, а затем бросился на ближайшую тварь. Когти погрузились в вязкое, липкое тело, я навалился сверху и попытался разорвать плоть, но она неожиданно поддалась, и я понял, что проваливаюсь в нее, словно в густой кисель. Меня обволокло грязно-серой массой, и я сложил крылья и позволил *этому* сомкнуться надо мной. Студенистая масса облепила, сдавила тисками, затем последовала попытка сожрать — выпить из меня силы. Я рванулся, распахивая крылья и фэйром разметывая сгусток Некроса по сторонам. *Это* разлетелось ошметками, похожими на куски мяса, из которых сочилась густая черная жидкость, похожая на кровь. К ним уже бежали гвардейцы-Пауки с огнеметами, а я, взмыв над полем сражения,

вернулся в родное небо, чтобы передохнуть — силы эта дрянь вытянула изрядно.

Вторая тварь оказалась больше и сильнее, разметать ее за один раз у меня не получилось, зато со второй попытки я раскрошил с помощью крыльев и когтей крупные куски. Третий сгусток Некроса оказался то ли старше, то ли опытнее — он не пытался поглотить меня, он создавал и вытягивал щупальца, цепляясь за шею, крылья и лапы, высасывая силу, отчего я вынужден был сбрасывать размер и отступать назад. В конце концов, сосредоточив на концах крыльев то небольшое количество металла, что было на мне в момент трансформации, я полоснул его острыми, как ножи, кончиками перьев, по одному отсекая куски твари и порывами ветра выбрасывая их под ноги Паукам, дожигавшим остатки. Когда тварь уменьшилась наполовину, я рискнул обхватить ее крыльями, и, почуввав рванувшийся ко мне Некрос, попытался преобразить его в привычный мне джив. Не получилось. Тогда я бездумно шарахнул по нему оставшимся у меня эгри, и удивился, что заряд чистой энергии ушел в гранееда, как в пустоту. Какое-то время ничего не происходило, а затем тварь словно взорвалась, а меня отшвырнуло аж за границу прорыва.

Откровенно воняло палеными перьями, но я в этом состоянии боли не чувствовал и снова взмыл вверх. Оставалось еще три куска дерьма, и все трое бодренько драпали обратно, по направлению к темнеющей вдалеке уродливой крепости. Большая часть нэргов к этому моменту обугленными ошметками валялась на камнях, остальные поспешно ретировались на свою территорию. Там, на землях Анг Мирта, Пауки их не преследовали: вблизи разрыва и по ту сторону Грани пространство вело себя не так, как обычно, люди там быстро теряли силы. Сверху я видел, что среди Пауков есть раненые. Краем глаза я заметил почти у самого края прорехи высокую гибкую фигуру Шандра, крошащего двумя нигийскими саблями тех нэргов, что еще ползали по нашей земле. После его работы от них не оставалось ничего — он умело размалывал их в труху. Где бы ты ни был, друг мой Шандр, свою гвардию ты никогда не бросишь. Хорошо... Я подал ему знак следовать за мной, и сам устремился к отставшему от остальных гранееду.

Тот оказался весьма прытким, преодолев порядочное расстояние до своего пограничного оплота. Никому из нас ни разу не удавалось добраться до клыкообразной крепости, куда уходили сейчас остатки чужого воинства. С той стороны аномальное пространство рядом с разрывом ощущалось еще сильнее, меня тянуло к земле, а связи с родным миром превратились в тоненькие ниточки. Не зная, что будет дальше, я поспешил напасть. Тварь сражаться не хотела — она торопилась в укрытие. Описывая над ней круги, я когтями и крыльями отсекал от нее куски, подбрасывая их Шандру на растерзание. Его быстрые, отточенные движения замедлились, и я решил не тянуть — упав на тварь и зажав ее крыльями, я, тоже порядком измотанный, повторил преобразование состояний. Уж полыхнуло так полыхнуло...

Оглушенный вспышкой, я бездумно таращился на алое небо и зарастающую прореху в родной мир. Шандр тряс меня за плечи — оказалось, я валяюсь на земле в человеческом облике, с окровавленными руками. Чья кровь, неужели моя? Может быть. Наэр в чистом виде — очень опасная штука даже для вечной сущности, а на мне не было ни концентраторов, ни щитов, чтобы смягчить удар.

Попытка сменить облик удалась со второго раза. Я взлетел, плавно набирая высоту и оглядываясь по сторонам. Впервые мы зашли так далеко на земли Анг Мирта. Те переходы, что существовали тысячелетия назад, были давным-давно уничтожены, все наши короткие вылазки в Анг Мирт происходили во время прорывов, построить туда портал мы не могли

из-за отсутствия пространственных координат. Можно, конечно, поставить односторонний портал в зону, которая открывалась во время атаки нэргов, но как тогда возвращаться обратно? Решетку шеадра надо к чему-то крепить и не только с нашей, но и с той стороны, ставить защитный купол, а делать это в чистом поле, да под наблюдением противника я считал верхом глупости. Сейчас я понимал, что Анг Мирт придется как-то исследовать, и на начальном этапе никому, кроме меня, это не под силу.

Чувствуя слабый приток сил родного мира из проеденной тварями дыры, я решил забраться настолько далеко, насколько позволит чуждое мне пространство с необычными свойствами.

К собственному удивлению, до крепости я добрался довольно легко. Чем дальше я уходил от Грани, тем легче было двигаться. Как я и предполагал, она оказалась продолжением черных скал, которые тянулись до самого горизонта. Ворота я не обнаружил, хотя возможно, сверху они не были заметны. Стены оказались невероятно толстыми и мощными, но потом я сообразил, что это не стены, а скалы, надстроенные и превращенные в стены. Окна имелись только на самом верху и были закрыты дымчатыми непрозрачными стеклами.

Я стал снижаться над внутренним двором крепости, чтобы получше разглядеть ее обитателей. Уцелевшие нэрги беспорядочно металась серыми шестилапыми тенями, издавая тоскливые вопли. Им навстречу вышли существа, которые ничем не отличались от обычных людей. Несколько взмахов руками — и нэрги успокоились, перестали метаться и дружно поползли к одной из башен, у подножия которой я разглядел ведущие вниз ступени.

Никогда ранее мы не видели в Анг Мирте людей. В нападениях на земли Ар Солн участвовали только нэрги. Впрочем, с тварями, пожирающими Грань, мы тоже раньше не сталкивались.

Тем временем мое наглое вторжение в их воздушное пространство было обнаружено. Над крайней левой башней — той, в которую вползали нэрги, — взвилось несколько желтых огней, на стенах замелькали человеческие фигуры, и в мою сторону полетело нечто, по форме похожее на обычные стрелы, но летящее с более высокой скоростью. Они светились в полете и, вероятно, были чем-то заряжены. Из любопытства я стал снижаться, пытаюсь разглядеть стреляющее устройство. Два заряда ударили мне в крыло. Ого! Чувствительно... В большом обилие обычные арл-стрелы мне нипочем, стрелы от бронебойных баллист, предназначенных сбивать виммы, могут ранить. Раны эти неопасны для Ворона, но болезненны для человека и заживают за несколько дней, и только стрелы стазиса или Некроса способны реально причинить мне-Вечному вред. Стрела Некроса, пущенная в грудь, убьет меня-человека так же, как и любого другого обитателя Ар Соль.

Я решил, что для первой вылазки увидел достаточно, резко взмыл вверх и полетел обратно, выискивая взглядом Шандра, чтобы подобрать его по дороге. Чувствовалось, что с моим крылом что-то не так, но прежде всего надо было выбраться отсюда, и поскорее. Ох, мне же еще Грань восстанавливать! А, как-нибудь переживу, не в первый раз...

Шандр ждал меня на том же месте, где мы с ним растерзали последнюю прожорливую тварь. Смуглое лицо моего друга побледнело, однако он, двигаясь медленно и неторопливо, набирал полные карманы камней — будет что притащить нашим ученым для исследований. Я вцепился когтями в его одежду и медленно поднялся в воздух. Переносить таким образом людей очень опасно: на высоте им тяжело дышать, когда ветер бьет в незащищенное лицо, им некомфортно до паники висеть в воздухе, одежда может не выдержать их веса и

порваться, да и мой полет не всегда плавный: маневры в воздухе доставляют им много неприятных ощущений.

Нырнув в прореху и оказавшись на родной земле, я отнес его к ближайшему сторожевому посту, спустил на землю и снова поднялся в воздух. Крыло двигалось как-то... с натугой.

Надо было восстанавливать Грань. Можно, конечно, плюнуть на это дело, сама затянется, но на это уйдет больше времени. Теперь, когда мы знаем, что у крепости есть люди-хозяева, оставлять такую большую прореху вдвойне опасно. Я бы на их месте воспользовался приглашением и быстренько, пока противник не очухался, заслал на его территорию несколько свеженьких отрядов.

Я уменьшился до привычных размеров и, призвав нужный мне ветер, развернулся в сторону зияющей дыры.

«Спасибо», — прозрачное лицо с пронзительно зелеными глазами казалось заплаканным и несчастным.

«Да ничего, бывает, — ответил я ей, ощущая привычный колючий холод разделения пространств. — Сейчас все поправим.»

Глава 10. Решение

— Мало ли чего ты не понимаешь, — Румянцев стащил пирожок с Юлькиной тарелки и отправил в рот почти целиком, запив его огромным глотком чая. — Они верят, молятся, вера — это энергия, она питает божественную часть Вечного, он ее переваривает и обретает силу. Ты же видишь Эрлен почти каждый день, что тебе еще надо?

— Ну должно же быть этому какое-то нормальное научное объяснение! — в сотый раз повторяла Юлька.

— Оно есть. Вот книжка, — Дима кивнул на очередной толстый фолиант. — Там не только про то, кто, как и откуда. Там и теория, и история знаменитых воплощений, и особенности каждого, и приколы.

Юлька тяжело вздохнула.

— Ладно, попробую. Я и так читаю не переставая, голова уже болит.

Всю прошедшую неделю она только и делала, что тренировалась с крыльями в парке, а во второй половине дня честно читала всеобщую историю земель. По большей части, она напоминала Юльке историю родного мира, с его кровопролитными войнами, расцветами и гибелью цивилизаций и народов, взлетами и падениями тиранов и диктаторов. Здесь они оказались не менее кровавыми и жестокими, а последствия случались порой и более разрушительные, учитывая глубокие знания законов природы, пространства и умения превращать в оружие не только предметы, но и живые существа. Восемь земель — восемь разных пространств, тесно объединенных паутиной шеадров, жили и взаимодействовали, не разделяя себя на разные миры. По сути, это был единый, тесно спаянный мир, густо населенный людьми и Двуликими, равными в правах и мирно уживающимися вместе. На территории каждой земли существовало по несколько автономий разных форм управления, которые контролировались общим советом земель, но в каждой земле были свои особенности. Ар Лессеном правили 10 аристократических домов, по количеству суверенных земель, во главе которых стоял Корт. Элезия делилась на четыре исконные территории, управлял ею Совет земель. В Ар Шамале было пять эмиратов с верховным эмиром во главе, Ар Ирнан делился на три марки, управляемые маркграфами, Кэммон Ар был автаркией с единоличным правителем, Шеннон Ар состоял из семи земель и управлялся старейшинами родовых кланов, так же, как и Ар Хойт.

Над властью людей стояла власть Вечных, державших в руках местных правителей, и именно здесь Юлькино понимание реальности заканчивалось. Как человек может превращаться в мифическое существо, да еще и увеличивая свою физическую массу? Как он может жить бесконечно долго, при этом частично оставаясь физически уязвимым? И почему люди почитают их как богов при том, что все Вечные — люди, в обычной жизни ничем не отличающиеся от их самих?

Тренировки с Бресом доставляли ей огромное удовольствие, хотя и не принесли пока что столь желанного результата. Полет на небольшой высоте получился у нее с первого раза. Брес, вдохновленный талантливой ученицей, потащил ее на башню бестиария, но, надев крылья и взглянув вниз, Юлька наотрез отказалась прыгать. Пришлось вернуться обратно в парк... Юлька прыгала с небольших парашютов, забиралась на скамейки, карабкалась на статую Ворона, приводя в ужас своего учителя, трепетавшего перед всемогущим хозяином Приграничья. Она научилась подниматься в воздух на уровень второго этажа замка, сносно

планировала, но взмыть в небо, как это делали обитатели Ар Элес, у ее не получалось: страх высоты сковывал ее до неподвижности, стоило лишь представить, как исчезает из-под ног земля, как стремительно уменьшаются предметы и фигурки внизу. Брес ходил к кому-то советоваться, а вернувшись, вынес вердикт: надо подождать. Он велел ей практиковаться как можно чаще, высоту пока не набирать, делать то, что доставляет удовольствие и не торопиться с подвигами.

Саша тоже не терял времени даром: Грейг привел его на боевую арену замка, расположенную на одном из подземных уровней бестиария, и сдал на руки пожилому локки, учителю борьбы. Саша, когда-то в юности занимавшийся спортивными единоборствами, теперь проводил за тренировками большую часть времени, домой приползал еле живой, но светящийся от удовольствия. Когтистая лапа, подобранная им в оружейной, оживала теперь с необычайной легкостью, стальные когти трансформировались по его желанию то в лезвия, то в крюки, то в шипы. В один прекрасный день локки вложил в его руку длинный кинжал с трехгранным лезвием. Юлька, время от времени приходившая посмотреть на его тренировки, была очарована красивым и опасным танцем единения человека и оружия, слиянием живого тела и холодной стали. Она любовалась Сашей издали, не привлекая внимания и радуясь, что Нэсте не видит его, что в эти редкие моменты она может любоваться им, не скрывая своих чувств.

Румянцев по-прежнему или поглощал тома разнообразной литературы, или пропадал где-то в лабораториях замка. Нэсте они почти не видели, но Юлька знала, что та время от времени прибегает к Саше по ночам. Ее отношение к ним изменилось — появилась в ней некая пренебрежительность, словно они — существа даже не второго, а самого последнего сорта, и даже при обращении с Сашей в ней сквозило высокомерие.

— Кстати, залез я в ту вашу жуткую лабораторию, куда вы недавно ночью заглядывали, — сказал Румянцев, глядя, как Юлька листает очередную книгу с откровенной скукой на лице — Ничего жуткого я там не обнаружил. Тренажеры там, для модификантов. Их там тестируют.

— Кого тестируют?

— Модификантов. Некоторых там держат, — Румянцев поморщился. — Есть ведь и неудачные образцы. Есть низкоразумные, которых просто так бегать по территории не выпустишь — кусают. Кстати, вы в курсе, что низкоразумные на равных входят в состав Совета Дзуликих?

Саша кивнул. Вчера его учитель предложил ему сойтись врукопашную с одним из таких, существом с человеческим лицом и телом хищника. Саша ему проиграл, но поведение существа и последующее обсуждение проигранного боя ничем не отличалось от поведения обычного разумного. Потом ему объяснили, что кхеоры — так называлась раса его учебного противника — к Дзуликим не относятся, поскольку сохраняют один постоянный облик, но их строение, базовое поведение и образ жизни не позволяет отнести их к разумным расам.

— Ну что, так и будем сидеть-трястись? — ядовито ухмыльнулся Румянцев, оглянувшись на Нэсте, которая тихо съезжилась на краю старого дивана общественной гостиной, где они собрались, ожидая вестей от Грейга — именно сегодня должно было быть принято окончательное решение их судеб. — Пойдемте лучше пожрем, а то вдруг потом кормушку менять придется.

Нэсте неприязненно зыркнула на него, послушно поднялась и направилась к выходу, но в дверях столкнулась с Грейгом, на чьем обычно малоподвижном лице они прочитали

облегчение.

— Что, уже? — спросила Юлька нервно.

— Уже, — старый райзе слабо улыбнулся. — Начнем с вас. Вас признали членами домена Эрлен, вам выдадут идентификаторы.

— И что это означает? — спросил Саша.

— Идентификатор — это удостоверение личности и финансовый счет, — пояснил Грейг. — Действителен на всех землях Ар Соль. На нем будет легенда, в которую вам надо поверить и выучить наизусть. Вы все еще в розыске, если не забыли.

— Забыли, — ухмыльнулся Румянцев, и Грейг бросил на него осуждающий взгляд.

— Ваши финансы — это счет местной общины Дзуликих, ваш уровень полезности пока низкий, его надо будет зарабатывать, тогда и денежный лимит вырастет. Трудитесь на общину, ищите себе применение, только помните об осторожности.

— Я же говорил, все будет нормально! — хихикнул Румянцев. — Захотели бы, сразу пришли.

Нэсте подняла на Грейга затравленный взгляд.

— Месяц в шкуре, — коротко сказал тот.

Нэсте сдавленно охнула.

— Радуйся, что не год. Пойдем, я отведу тебя, — советник развернулся и направился к выходу.

Нэсте покорно поднялась из-за стола.

Саша, опередив ее, догнал Грейга уже у дверей.

— Неужели нельзя хоть как-то смягчить решение? Может быть, если подойти к нужным людям... или, может быть, к самой Эрлен...

— Эрлен и решала, — оборвал его Грейг. — Она хотела выслать ее на рудники в Кэммон Аре, но ей Кольер отсоветовал. Так что ты, моя дорогая, перед орденом Аспида теперь в неоплатном долгу. Ты идешь или мне принести ошейник?

— Но почему? Я же выполнила задание! — жалобно заскулила она.

— А также убила Пауков и привела с собой хвост, — раздраженно ответил Грейг. — След от тебя остался такой, что пол-Элезии стоит на ушах, а Ворон злобно рыщет в поисках нарушителей. Скажи спасибо, что он начал с Тайрема. Я б на его месте сразу бы подозревал нас, но он добросовестно проверяет все варианты. Но он доберется — он упрямый. Так что... Пошли.

Он крепко взял Нэсте за руку и вытащил в коридор.

— Хвост — это мы, — заявил Саша. — Какое же задание она выполняла?

— А что значит — «в шкуре»? — озадаченно спросила Юлька. — И «ошейник»?

Саша с Румянцевым переглянулись и пожали плечами.

— Я узнаю, — ответил Дмитрий.

Гостиная Эрлен больше располагала к праздному времяпровождению, чем к каким-либо деловым разговорам. Ужинали они вдвоем, Реваль почти перед самым советом сообщил, что прибыть не может — какие-то неотложные дела потребовали его присутствия в Эксере, при дворе Вагабра.

Эрлен вытянулась на оттоманке, как сытая кошка. Бокал вина она отставила в сторону, и Кольеру уже неоднократно приходилось наполнять его. С удовольствием он разглядывал ее вызывающе откровенный наряд, состоявший из узких полосок ткани на некоторых частях

тела. Эрлен не впервые пыталась соблазнить его, и, хотя он по достоинству оценивал ее совершенную фигуру, выразительные черты лица, чувственные движения, что-то глубоко внутри его очень древней сущности оставалось равнодушным. Обычная женщина, капризная, прихотливая и жаждущая ласки, изредка принимающая облик большой дикой кошки.

— Это правда, что Ширин была твоей любовницей? — мурлыкнула она, потягиваясь и одновременно глядя на него из-под густых, отливающих пеплом ресниц.

— О да, — Кольер улыбнулся. — Недолго, правда. И давно. Тогда она только что обрела ипостась. Это оказалось для нее потрясением...

— Неудивительно, что у тебя такие хорошие отношения... со смертью, — фыркнула она.

— С Некросом, — поправил он. — Не сказал бы, что она ко мне хорошо относится с тех пор. Я, видишь ли, несколько циничен в интимных вопросах.

Глаза Эрлен на мгновение потемнели, зрачки превратились в щелочки.

— Зато ты, я слышал, когда-то очень тесно дружила с Хэйгеном, — он вернул ей взгляд, вложив в него то, что было накоплено им почти за тысячелетие. Глаза ее расширились, помутнели, во взгляде, прикованном к его лицу, появилась беспомощная покорность жертвы, рука с длинными серебристыми ногтями, так похожими на когти хищницы, безвольно скользнула по груди, к незаметной застежке между чашечками. Он отвлекся на бокал с вином и Эрлен, очнувшись от наваждения, раздраженно рыкнула, показав заострившиеся клыки.

— С предыдущим воплощением Хэйгенов, — уточнила она сквозь зубы. — Я с ним не дружила, а... — тут она замолкла, а ее красивое лицо сделалось каменно-непроницаемым.

— Еще я слышал, что ты помогла Анту Хэйгену стать бывшим, — продолжил Кольер, вновь пытаясь поймать ее взгляд, но Эрлен старательно отворачивалась.

— Это была не только моя игра, — ответила она сердито. — И я ни капли не жалею об этом.

— Что ж, по крайней мере честно, — хмыкнул он.

— Давай вернемся к теме Свода, — попросила она. — Это гораздо важнее, чем кто и с кем когда-то спал.

— Не скажи, — Кольер наконец поймал ее взгляд и снова приковал ее глаза к своим. Их взгляд стал мягким и покорным, она вытянулась и изогнулась, чуть раздвинув стройные бедра, потом через силу зажмурилась, рыкнула, мотнула головой и с усилием, но вырвалась из его змеиной хватки. Облик ее стал стремительно меняться, еще несколько мгновений, и перед ним на оттоманке сидела огромная разозленная рысь. Хищно оскалив морду, она прошла по гостиной, сшибла лапой его бокал и бутылку с вином, и, вернувшись на место, приняла человеческий облик. Обрывки одежды, слетевшие с нее во время преобразования, так и остались лежать на полу.

— Не зли меня больше, — сказала она резко. — Я не хочу проверять, кто из нас сильнее.

— Тогда оденься, — усмехнулся он.

Она медленно поднялась, бросила на него насмешливый взгляд и царственно удалилась из комнаты. Вернулась она уже в длинном, до щиколоток, яблочно-зеленом платье.

— Что ты помнишь о Своде? — спросила она, снова располагаясь на оттоманке.

Кольер откинулся на спинку кресла и вернул ей насмешливую полуулыбку.

— Все. Ну... почти все.

— Почти?

— Начать с того, что вы с Ревалем неправильно называете эти... сооружения. Свод знаний Аспидов состоит из Награ и Либрума. Нагр — это хранилище оружия. Либрум — лаборатория и библиотека. Аспиды всегда делились на воинов и ученых. Я был воином, поэтому хорошо знаю, где располагался Нагр и что там лежало. В Либруме я даже не был ни разу и, увы, не знаю его точного местоположения. Если ты спросишь меня, что ценнее, ответ будет однозначным — это Либрум. Нагр — ценный склад оружия, но знания — не в нем.

— Сейчас ценнее та часть Свода, где хранится Асгарот, — сказала Эрлен.

— Тогда мы говорим о Нагре, — согласился Кольер. — А зачем тебе Асгарот? Ты все равно не сможешь им воспользоваться.

— А разве он не нужен ТЕБЕ? — удивилась Эрлен. — Это же артефакт ТВОЕГО ордена. — А кстати, что он из себя представляет? — невинно поинтересовалась она.

— Оружие-трансформер. Как и другое оружие, созданное Нагами, активизируется только в определенных руках и в ограниченных случаях.

— Он точно остался там, в Нагре?

— Точно, — усмехнулся Кольер. — Точнее не бывает. Я лично видел, как его туда отнесли.

— Так где же находится Нагр? Или ты нам не доверяешь?

— Не доверяю, конечно, — рассмеялся он. — Кто ж станет полностью доверять своим союзникам в таком опасном деле? Но местонахождение оружейного склада Нагов не является секретом, моя дорогая кошечка. Он в Ледяных землях. Я могу отметить место на карте и начертить все удобные маршруты, как туда добраться.

— А ключи? — похоже, Эрлен пропустила «кошечку» мимо ушей. — Всем известно, что Свод был запечатан совместными силами Вечных.

— Все очень просто. Проще не бывает. Они сконструировали уникальный замок, а ключ к нему разделили на части. Ключ представляет собой сложное устройство, состоящее из двух половинок и активатора. Собирается как детская головоломка. Замок сделали Горностаи, а совместные усилия состояли в дележе частей.

— И...

Кольер рассмеялся.

— Мне не верится, что ты не знаешь.

— Откуда? — зашипела Эрлен. — Думаешь, Вечные хвастаются друг перед другом мелкой собственностью?

— А что, Реваль не похвастался?

— А разве он там был?

— Были все, — отрезал Кольер. — В том числе Элианна и Наджар. Элианна, кстати, терпеть не могла Нигейра, и активно способствовала его уничтожению.

— Разве Вечная Любовь может... ненавидеть? — удивилась Эрлен

— Может, — отрезал Кольер. — Еще как. Более того, ненависть — ее оружие, причем похлеще любви. Чтобы убить ей хватало обычной ненависти. Убивала силой чувства, ей никакие артефакты и ритуалы не требовались. Вечные помоложе боялись ее, старались иметь в союзниках, не спорить, не перечить. Кстати, никто так и не знает, как и почему она погибла, да еще при таких обстоятельствах, что до сих пор не может воплотиться.

— Видимо, кто-то умел ненавидеть сильнее нее, — задумчиво пробормотала Эрлен. — Ладно, давай вернемся к частям ключа. Так что там с Ревалем?

— С Ревалем? Да в общем, ничего. У него часть ключа от Награ. Хотя, возможно, при дележе ключей его нынешнее воплощение не присутствовало, — Кольер поднялся, прошелся по залу, остановился у окна, прислушиваясь к шуму дождя — погода над Рамьеном так и не улучшилась. — Не поверю, что он не в курсе, какой ценностью владеет.

Эрлен пожала плечами.

— По-моему, о Своде Аспидов он знает ровно столько же, сколько и я. То есть, ничего. Кольер развернулся к ней, с трудом сдержав готовую сорваться насмешку.

— Сколько лет Ревалю Рауху, Эрлен? — спросил он серьезно.

— Не знаю.

— А я знаю. Больше четырехсот. Четыреста шестьдесят или около того. Из нынешних Вечных старее него только Даллах, Альсар и Ширин.

— Так что насчет частей ключа? — перебила его Эрлен.

Кольер расхохотался.

— Что я получу в обмен на эту информацию?

— А что ты хочешь? — улыбнулась Эрлен.

— Ту девочку на балконе над твоим Эрлениумом.

— Бери. Мне не нужен никто из участников этого почти провального похода. Лишние свидетели... Но убирать их пока нельзя, сам понимаешь. Их несвоевременная смерть, да еще и в моих землях, может надолго отодвинуть воплощение наших замыслов. Кто ж знал, что эта рыжая дура потащит за собой такой хвост!

Кольер кивнул, не желая втягиваться в обсуждение предмета, в котором Эрлен не разбиралась. Правильно организованная смерть, с его точки зрения, не только не испортит, а скорее поспособствует реализации планов. Другое дело, что Эрлен не знает, как правильно.

— Итак, Нагр. Один ключ — у Вагабра, другой — у Ширин. Активатор у Ревая. Ключи от Либрума у Хэйгена и Даллаха, активатор — у Элианны. Активаторы одинаковые, ключи — разные. Где находится Либрум... Я и сам не знаю. Но вам, Вечным, будет легко отыскать его, если вы объединитесь. Троих единомышленников будет достаточно.

Сбросив маску игривой кошечки, Эрлен стремительно поднялась. Глаза ее хищно сияли.

— Вагабр отдаст свою часть ключа без особых проблем, он на нашей стороне, — сказала она. — С Ширин можно договориться. Либрум... Не знаю. Активатор Элианны можно не учитывать, если такой же есть у Ревая. Ворон... Хаос его заberi, не знаю, что с ним делать!

— Зато я знаю, — успокоил ее Кольер. — Оставь Ворона мне.

Глава 11. Расследование

Утром я еле поднялся. Нэрги оставляют свои следы на теле живых существ — некроожоги очень болезненны и заживают долго, но мне в вороновом облике мало что угрожает, хотя потом, когда я становлюсь человеком, некоторые ранения все же остаются. Стрела, воткнувшаяся в крыло, при трансформации выпала, на теле обнаружилась рана, которую привычно обработал и заштопал Нвер; от прямого соприкосновения с гранедами остались синяки и ощущение обожженной кожи. Неприятно, но через пару дней я снова буду как новенький. Трансформации это не мешает, но затрудняет ее, делая необыкновенно болезненной, зато, если ты нашел в себе силы это сделать, выздоровление пойдет быстрее. Мне же пришлось выкинуть из головы идею поваляться полдня на любимом диване, скрипя зубами заставить себя принять облик и отправиться в штаб-квартиру Пауков, где я же сам и назначил срочное совещание по нынешней внезапно изменившейся обстановке. Потом позвонил один из секретарей Вагабра с просьбой появиться в Эксере. С трудом сдержав желание послать его к демонам Маара, я пообещал, что постараюсь найти время для этого визита. В ближайшие дни я этого делать не собирался, а дальше... дальше видно будет.

Вместо Рузанны я направился в Элласар, столицу Элезии, разбираться, кому и что именно могло понадобиться в наших архивах.

Элласар даже больше, чем Рузанна, но я очень люблю этот город, несмотря ни на что. Элласар для меня — исключение из правил. Может быть потому, что этот портовый город, яркий, шумный, праздничный, прокаленный солнцем и просоленный дыханием океана, является для меня средоточием жизненной силы. Жизнь здесь не утихает даже глубокой ночью: восточная часть побережья превращена в роскошный курорт, один из лучших в землях Ар Соль — музыка, танцы, казино, фейерверки, аттракционы, вино и все прочие удовольствия всегда текут здесь рекой. В западной части кипит деловая жизнь, приходят и отходят корабли, прогулочные, грузовые и рыбацкие, огромные пирамиды транспортных шеадров, ведущих во все концы земель, ярко светятся даже ночами. В горячую пору на перегрузке товаров с корабля через шеадр на другой корабль в порту другой земли зачастую можно заработать целое состояние. И тут же спустить его, перейдя по хрустальному мостику над каналом, делящим город на две половинки, в ближайшее кабаре, где обольстительные и умелые танцовщицы разных рас, на любой вкус и выбор, быстро опустошат карманы, выполняя все, даже самые сумасшедшие, прихоти.

В Элласар я прибыл уже в середине дня, как самый обычный элез, пешком через шеадр. Столицу только что умыло дождем, в воздухе разлилась чудесная свежесть, и я неторопливо шел по главной улице, вдоль канала, вспоминая, где здесь центральная историческая библиотека. Кажется, в деловом городе, в конце аллеи, которая идет от площади Солнца прямо к зданию городской управы — старинному, с темно-синим куполом, украшенным белыми каменными звездами, зданию. Аллея, широкая, тенистая, усаженная цветами, все не кончалась, и я, разглядывая прохожих, пытался представить себя обычным человеком: работягой, спешащим в порт, клерком, неторопливо возвращающимся в свой кабинет после обеда, водителем вон той общественной виммы, выполняющей пассажирский маршрут через город. Получалось средненько: мне все время хотелось трансформироваться и взлететь. Хотя... чем их жизнь отличается от моей? То же утро с совещаниями, те же бумаги, та же рутина, только сдобренная изрядной порцией экзотики. Я точно так же несвободен, как и

они, и точно так же хочу вырваться из однообразного круговорота собственной жизни. Только они все-таки могут что-то изменить, а я — нет. Даже умереть не получится — Вечному надо очень постараться, чтобы себя угробить.

Меня долго не хотели пускать, требуя идентификатор с объяснением цели визита. Я не знал, рассердиться мне или рассмеяться. Да, Шандру было бы проще... С ним в этом плане не поспоришь — глава Пауков наводит страх даже в таких далеких от Приграничья местах, как океанический Ар Иллим. В принципе, он у меня есть — идентификатор. И даже с собою. Там я Рессер Райз, элез, уроженец Западного Ферта, второй помощник руководителя Гвардии пауков, и внешность моя почти не изменилось с тех пор, только вот год рождения может сильно выбить пожилую заведующую из колеи — я родился 226 лет назад. Не так уж и давно, по меркам Вечных. Младше меня только нынешние воплощения Вагабра, Гевора и Лануэль. Что ж, не демонстрировать же им черные перья прямо посреди холла... К счастью, слов "помощник" и «пауки» оказалось достаточно: заведующая рассыпалась в извинениях и повела меня наверх, прямо к пострадавшим стеллажам.

Неизвестные вандалы проникли в библиотеку ночью, разбив окно. К счастью, охранная система сработала, как часы, подняв тревогу, и диверсантам пришлось уносить ноги. Все, что они успели, это сбросить со стоек несколько рядов старинных атласов и утащить некоторые из них.

Я надеялся взять «след» — отпечаток личности, сохраняющийся во всех четырех сферах пространства довольно долго, если там ничего не менять, и хорошо заметный для опытных элементалов. К сожалению, даже простая уборка может разрушить этот след в витасфере и эмосфере, а затем уж стираются и остальные следы. Конечно же, они давно привели все в порядок, и след уже не улавливался, но тщательно сосредоточившись, я почувал легкий «звериный» запах. Не знаю, как это передать — для меня это именно «запах», хотя тот же Даллах ощущает присутствие двуликих как особое «колючее» тепло. Здесь явно поработал кто-то из зависимых с ярко выраженной звериной ипостасью: кицу, вервы или кхеоры. Последние два низкоразумных вида здесь не селятся, но у меня в голове нарисовался образ парочки вервов в шкуре, пепельно-серых с белоснежным подбрюшьем, с густой длинной шерстью и черными ободками вокруг серо-зеленых глаз. Элесские вервы все как на подбор рыже-коричневые, короткошерстные, а эти обитают в южных долинах Ар Ирнана.

Обнаружилось, что среди нескольких порванных манускриптов отсутствует старинный географический атлас Земель Ар Соль, изданный чуть менее тысячи лет назад. Ценности атлас представлял разве что историческую, поскольку карты земель той эпохи давным-давно потеряли актуальность. Атлас можно было найти и в других библиотеках или в музее, и я сразу же позвонил своим и распорядился отыскать для меня близкое к этому году издание, а сам отправился в следующее пострадавшее место — в столичные архивы.

Там меня помнил в лицо нынешний глава службы, и я быстро узнал все, что хотел. Загорелись ячейки, содержащие записи с визоров времен последней Всеобщей войны, кое-что пострадало, но в целом немного. Никаких особенных следов в ментасфере не осталось, из чего я сделал вывод, что действовали свои. Посоветовав главе внимательнее присмотреться и расспросить сотрудников, я отправился в спецхран Южного Ферта, пострадавший сильнее всего.

Южный Ферт — большой старинный город в низовьях реки Ория, речной порт и административный центр, уникально сохранившийся с древних времен. Тут до сих пор существуют объекты, пережившие раскол земель в целости и сохранности, как, например,

мой старейший храм — храм Хэйгена-Ворона, совершенно уникальный, построенный в виде гигантской пирамиды. Я люблю этот храм и изредка прихожу постоять здесь, впитывая его умиротворяющие и вместе с тем насыщенные верой эманации — они наполняют меня бодростью, верой в себя и желанием сделать что-нибудь полезное. Статуй Ворона здесь почти нет, вернее, есть единственная, в самом центре храма, гигантская, жутковато мерцающая синими огоньками. Я-человек, глядя на нее, испытываю легкий холодок, понимая, что *он* давно уже часть моего сознания, и что, в общем-то.... иногда я такой и есть — страшная, безжалостная тварь, для которой человеческие чувства — страхи, надежды, любовь и радость, боль и сожаления — всего лишь пища, чтобы длить свою вечность...

Любопытно, что других храмов Вечных в Южном Ферте нет, словно Ворон для него — единственное и самое главное божество. А вот других старинных зданий тут множество. Многие из них стали нынче объектом паломничества и исторических исследований, а вот современных построек тут почти не найдешь: брэнны Ферта давным-давно запретили изменять исторический облик города.

Хранилище мнемо-оттисков находилось на окраине, в просторном современном здании, фасад которого в точности повторял исторический стиль Ферта. Заведующий что-то жалко мямлил, оправдываясь, и я сделал зарубку на память отправить сюда проверку — пусть разберутся, чем он тут занимается и в каком состоянии архивы. След был очень слабый, но я почуял остаточные возмущения ментасферы, характерные при активации некоторых биопротекторов — они-то держатся очень долго, элементарно-техноас бы даже смог определить тип устройства и его назначение. Я не стал морочить себе голову: «след» и так явно пах техноасами. Даже если исполнитель не имел никакого отношения к Технологической Ассоциации, то без них все равно дело не обошлось.

Опять же, оказалось, что пострадали отделы, в которых были собраны записи с визоров и мнемо-оттиски того же самого периода — последней Всеобщей войны. Дело было чуть менее девяти столетий назад, когда крупные промышленные корпорации, принадлежащие Ревалю и Гевору, затеяли передел богатейших месторождений руд в Шеннон Аре и втянули в нее сначала все подлунные кланы, а затем и домены в Солнечных землях. Территория военных действий ширилась, захватив домен Гевора в Ирнани и Ревалю — в Кэммон Аре, и прекращать их пришлось личным вмешательством Вагабра.

К сожалению, на этом дело не закончилось. Почти сразу же после подписания мирного договора вспыхнула новая война, но уже не между кланами и корпорациями, а между Землями. Нигейр Аспид неожиданно бросил нагов против Ревалю, безжалостно истребляя жителей шамальских эмиратов, находившихся под его контролем, опаснейшим оружием массового поражения, а когда Вагабр снова вмешался, пытаясь остановить кровопролитие, и против него. Именно тогда перед Вечными встал вопрос об адекватности главы ордена Нагов и они приняли решение не просто избавиться от тогдашнего воплощения Нигейра, а надолго изгнать сущность Змея-воина из Объединенных Земель, дав им отдохнуть от бесконечной череды войн, развязанных либо самим главой ордена, либо при его непосредственном участии.

Конечно, в исторических хрониках Разумных рас все изложено немного иначе. Изнанку этой истории я знаю в пересказе Даллаха и Ширин, да и в архивах Братства Стражи и Пауков можно найти немало интересных подробностей. К сожалению, моего Ворона-предшественника прикончили в самом его расцвете, и хотя он был, как все Вороны, обязан вести записи для преемников в передаточной книге, делал это весьма неохотно и сумбурно.

Эпизода с Последней войной в хрониках Хэйгенов нет вообще.

Передаточные книги есть у всех Вечных. Есть она и у меня. Эту древнюю амбарную книгу я называю «Хрониками» просто из вежливости. Пожалуй, это даже не книга, а некий рукописный многотомный дневник, который дается в руки только настоящему Ворону. Начинается он с требования заносить в этот труд все важные события, для того, чтобы последующим поколениям Вечных-Воронов не мучиться, вступая в должность. Первые страницы содержат множество действительно необходимой информации о трансформации, системе башен, устройстве мира, Вуали, порогах и т. д., однако дальше каждый из Воронов писал туда все, что считал нужным по собственному разумению. По-моему, там достаточно бредятины. Чтобы найти там что-то полезное, приходится продирается через архаичный слог, смены письменности, дурной почерк, потеки вина и пятна еды, безумные исповеди тех, у кого не получилось контролировать ипостась, жуткие признания тех, для кого ипостась стала родной, истерики, пьяные откровения и прочее, прочее, прочее...

Потребовав у заведующего точный перечень всех погибших в пламени записей, я собрался в Ларн, уже догадываясь, с чем столкнусь. Опасения мои подтвердились, но к счастью, там пострадали только несколько ячеек, содержавших данные о военных действиях на территории Шеннон Ара. Я обрадовался: теперь можно было попробовать сузить период и место действия, чтобы поточнее понять, какие именно события — или места — интересовали диверсантов. В Аск я не полетел, вспомнив, что задержанные вервы сбежали, а вместо него отправился в Ирнан к Гевору, чувствуя, что мне нужно поговорить с ним начистоту. Что-то слишком часто в моем расследовании стали мелькать обитатели Ар Ирнана.

Я заявился прямо во Фьерхольм, умышленно не предупреждая его о своем визите.

— Приносим свои глубочайшие извинения, Верховный, — ответил мне хорошо знакомый пожилой секретарь-нигийец, когда я весьма нагло свалился им на голову в вороновом облике, влетев в приемную через открытое окно. — Вечного Гевора нет на месте, — тревожные ноты в его голосе заставили меня насторожиться.

— Что-то случилось?

— Он отсутствует уже неделю.

— И что? — удивился я. — Что в этом такого?

— Он не оставил информации, куда направился и сколько будет отсутствовать. Это не в его правилах, — пояснил секретарь. — Он очень ответственный... Верховный, — добавил он с заминкой. — Мы всегда знаем, где его найти.

— Даже если он завис у новой подружки? — цинично хмыкнул я.

— Даже тогда, — в голосе нигийца послышалось осуждение. — Его нет и в других доменах Пардуса, и он не появлялся в малых очагах ни в одной из земель. Это слишком необычно. Мы беспокоимся, не случилось ли чего-нибудь... — пожилой секретарь замялся, — опасного.

— Понял, — кивнул я. — Что ж, давайте подождем еще немного, хотя бы неделю. А то вдруг окажется, что ничто человеческое ему не чуждо и причина весьма банальна. Если же он не найдется сам, сообщите мне, я попытаюсь его поискать.

— Спасибо, Верховный, — с чувством поблагодарил меня секретарь. — Хочется верить, что ваша помощь не понадобится.

Я беспечно пожал плечами. Что может случиться с Вечным?

Вечером в башню ввалился хмурый и уставший Шандр.

— Посты вдоль грани с Анг Миртом усилены, над океаном тоже на всякий случай ведется патрулирование. Вот краткое описание событий, зафиксированных в визор-архивах, которые ты просил из Ларна и Элласара, и атлас нужного тебе периода. Кстати, зачем они тебе?

Я рассказал ему о своих находках.

— Пепельные вервы обитают только в Ирнани, — сказал Шандр. — Думаешь, это след?

— Кто-то интересуется чем-то очень старым, расположенным на территории или Шеннон Ара, или Ар Шамала. Связи с проникновением через Грань, кроме, собственно периода времени, я, если честно, не улавливаю. Почему были выбраны именно эти хранилища? Есть же дублирующие записи... Все не уничтожишь.

— Атлас редкий, — задумчиво произнес Шандр — Напечатан на бумаге. Сохранился только в очень крупных библиотеках. Не Рузанну же им грабить. А мнимо-оттиски вообще есть только в наших архивах, потому что снимать память с «глазок» и Зеркал умеем только мы.

— Ладно, попозже просмотрю записи, почитаю описания, подумаю... вдруг осенит. Ты предупредил всех, кто граничит с Анг Миртом, о его активизации и тех новшествах, с которыми мы столкнулись?

— Да, — кивнул Шандр. — Когда встретился с главами Шеннон-арских кланов, узнал кое-что... настораживающее.

— И?

— Все земли, где проходит грань с Анг Миртом, выкуплены у подлунных кланов некоей корпорацией «Блик», зарегистрированной в Кархе.

— При чем тут Карха? — пробормотал я с недоумением. — Демоны Маара, опять Ирнан.

Карха — столица земель Ар Ирнана. Красивый, кстати, город, хоть и небольшой и совершенно не похожий на столицу. Наган-Карх, крепость Нагов, с ее высоченной восьмигранной Стеклой Башней и главным храмом Нигейра Аспида, находится совсем недалеко от нее.

— Кто хозяин корпорации — пока не знаю. Укрепления построены по типу наших фераннонских. Промышленный купол второй категории. Слетал посмотреть, но на территорию не заходил, мало информации, — тут он усмехнулся. — Зато за годы, проведенные рядом с тобой, я научился чутко чувствовать знакомые колебания сфер... У них там шеадр, и не один.

— Карты смотрел? — спросил я.

— Новых шеадров в Шеннон Аре не появлялось уже несколько лет. Последний был установлен одним из кланов четыре года назад, связывает клановый дом с Ар Шамалем.

— А договора Мастеров Путей?

— В Шеннон Аре они ничего не устанавливали.

— А если запросить Мастеров Кинэна?

Шандр усмехнулся.

— Просто так этот хореk ничего не скажет. Я дал команду проверить, но лучше тебе самому взглянуть на те края — если ты уменьшишься, никто и не узнает о твоём визите. Или спроси Гевора напрямую. Вы же все-таки друзья.

— Нет Гевора, делся куда-то, — проворчал я. — Да так, что его окружение забеспокоилось.

— Тебе не кажется, что его исчезновение случилось слишком уж вовремя? Именно тогда, когда появилась необходимость задать ему несколько прямых вопросов?

Я пожал плечами.

— Он не мой подданный, чтобы на них отвечать.

— Но ведь ты ему доверяешь?

Я медленно кивнул. Доверяю. Доверял. Но всегда помню, что в нем, как и во мне самом, сидит разумный зверь, чьи намеренья никогда не бывают понятными до конца.

Глава 12. Побег

— Это- твоя подруга? — Брес остановился напротив камеры-вольера с толстыми решетками и внушительной задвижкой снаружи. Юлька кивнула, сопроводив кивок вздохом. — Нэсте, кажется? Знаю ее, — продолжил лэйсе с солидностью человека, много чего повидавшего на своем веку. — Ну, чуть — чуть, — поправился он. — Она же из приближенных воинов Эрлен. На нас такие не смотрят, — в голосе юноши звучали завистливые нотки. — Чем это она так провинилась?

Юлька не ответила, глядя на существо в клетке. Райзе лежала в углу вольера, свернувшись кольцом, лишь изредка поднимая голову. Рыжая, некогда пушистая шкура потускнела и свалаялась, яркие зеленые глаза, ранее живые и разумные, растеряли последние искорки жизни. Она поднималась на лапы, только чтобы попить и поесть, редко реагировала на посетителей, и только в присутствии Саши немного оживлялась, тычась унылой мордой в его протянутую ладонь. Толстый металлический ошейник был едва заметен в густой шерсти, но Юлька знала, что он там — и именно он удерживает райзе в облике зверя.

— Сколько уже? — спросил Брес.

— Две недели.

— Много, — пробормотал он. — Плохо. А сколько осталось?

— Столько же.

Брес вздохнул.

— Плохо, — повторил он.

— Почему? — забеспокоилась Юлька.

— Потом очень трудно восстанавливаться, — ответил лэйсе. — Когда ты сам принимаешь второй облик, это одно. Ты такой же, как всегда, только в шкуре. А если с помощью ошейника, да еще так долго... Забываешь, как это — быть разумным. Даже ходить потом трудно. Все время хочется... — он смутился, но закончил мысль, — на четыре лапы встать. Слова забываются... Глупеешь.

— Тебя наказывали, — с ужасом поняла Юлька, протянув руку и погладив его по плечу. — За что?

— Было дело, — буркнул Брес и отвернулся.

— А если снять ошейник? — спросила она, глядя на дремлющую в углу Дзуликую. — Никто же не видит...

— И куда она отсюда денется? — хмыкнул парень. — Охрана все равно узнает. Оденут обратно, а нас выгонят и больше не пустят даже посмотреть, — он решительно взял ее за руку и потащил к выходу из бестиария. — Пошли отсюда.

Он увел ее в парк, туда, где они когда-то начинали свои занятия. Юлька, пригорюнившись, присела на край фонтана с Вороном, думая о незавидной судьбе Нэсте. Может, на самом деле не все так плохо? Если она одичает, Саша в ней разочаруется. Или наоборот, пожалеет?

— Брес, а покажи мне свой второй облик, — попросила она, глядя на своего юного учителя с неожиданным любопытством. — И вообще: расскажи, как вы, Дзуликие, с этим живете?

— Нормально живем, — фыркнул Брес. — Мне непонятно, как вы, элезы, живете всю жизнь в одном облике. Неудобно ведь. Двигаешься медленно, неловко, слух хуже, нюха

совсем нет. И вообще... Неинтересно.

— А хозяин? — настаивала Юлька. — У тебя же есть хозяин. Он тобой повелевает. Захочет — прикажет какую-нибудь гадость, и будешь потом мучиться!

— Тьфу ты глупость какая! — рассердился Брес. — Где наслушалась-то? Хозяину надо, чтобы я приносил как можно больше пользы! Работал хорошо, вел себя порядочно... Семью свою содержал, детей как надо воспитывал. А если он будет часто в мое сознание вмешиваться да приказывать, я чокнусь. Оно ему надо — чокнутый лэйсе в общине? Вот скажи, отец у тебя есть?

— Конечно, — с достоинством кивнула Юлька.

— Ну вот хозяин — тот же отец, только далекий. Он как самый старший, самый главный в семье. Вмешивается редко, но его воля — закон. Не переступишь.

— А зачем тогда ему вы сдались? — продолжала она.

— Не знаю, — буркнул Брес. — Так повелось с древних времен. Боги создали Двудликих на заре Ар Соль в помощь людям. Чтобы наладить контакт с людьми, Двудликие принимали их облик. Считается, что если у Двудликого нет хозяина, он плохо контролирует свой второй облик, и в конце концов становится зверем.

— То есть, получается, что не вы нужны хозяину, а он — вам.

— Не знаю, — раздраженно буркнул Брес. И, чтобы прервать этот не слишком понятный ему разговор, быстро сдернул с себя свитер и в тот же момент оброс черной блестящей шерстью. Плечи стали уже, руки удлиннились, превратившись в лапы, лицо вытянулось, став похожим на морду дикой кошки, ноги трансформировались в звериные лапы. Огромные, раскосые золотистые глаза мигнули, вертикальный зрачок сузился до щелки, дрогнули жесткие черные усы-вибриссы... Хищно зашипев, лэйсе упал на лапы, выгнулся дугой, затем распрямился и стремительно вернулся в человеческий облик.

— Ну как? — с небрежной гордостью Брес натянул свитер обратно и украдкой поправил брюки, во время трансформации съехавшие ниже обычного.

— А хвост где? — шепотом спросила Юлька.

— Там же, где у всех, — буркнул он обиженно.

На подходе к столовой она столкнулась с Сашей: он шел с очередной тренировки. Изменения, которые она подмечала в нем каждый день, резко бросились ей в глаза: и без того худощавый, теперь он стал еще более поджарым, узким в талии и бедрах, а вот плечи раздались, словно развернулись. Движения стали скупыми и резкими, черты лица заострились, появилась в них какая-то странная неподвижность, будто к лицу приросла маска вечной сдержанности. Чуть улыбнувшись, он пропустил Юльку вперед, проводил к столу, за которым они привыкли сидеть, и ушел за тарелками. Выбор пищи здесь был скромный, но кормили сытно и вкусно.

— Ты не видела Румянцева? — спросил он, расставив на столе все, что набрал у стойки. — Он уже третий день не ночует у себя, и в замке я его не вижу.

— Может, его послали куда-нибудь? — предположила Юлька, пожав плечами.

Саша недовольно покачал головой и принялся за еду.

Его самого она тоже видела нечасто. Саша изматывал себя тренировками с оружием и без него, а кроме того, заинтересовался пилотированием виммы. Взяв несколько уроков, он заявил, что ее только ленивый не подымет. Все просто — есть автопилот, есть карты, вложенные в память пилотирующего устройства, есть проложенные маршруты, выбирай

название конечного пункта да лети. Автопилот, естественно, можно и отключить, вот тогда пилотирование становится сложнее, но, благодаря гравитатору вимма застрахована от неконтролируемого падения на землю. Реальную сложность представляет самостоятельная посадка, однако в управление вшиты программы, которые корректируют неумелого самостоятельного пилота. Саша уже несколько раз летал с инструктором на короткие расстояния, и Юлька, которой все не удавалось по-настоящему полететь на крыльях, втайне сильно ему завидовала.

Высота ее по-прежнему пугала. Юлька делала все, чтобы укрепить тело тренировками: прыгала, бегала, занималась гимнастикой, даже плавала в обнаружившемся неподалеку мелком озере, но по-настоящему оторваться от земли так и не смогла. Недовольный Брес грозился, что в один прекрасный день столкнет ее с Южной башни.

— Утром я спросил Грейга, где Румянцев, — продолжал Саша. — Он ответил, что тот занят делом. Странно...

— Не странно, — обрезала его Юлька. — Димка и раньше пропадал в здешних лабораториях. Может, он так увлекся, что и спит там. Ты же знаешь, какой он увлекающийся... Он вообще освоился лучше нас с тобой. Словно местный. Мне кажется, он даже домой не хочет.

Саша вздохнул.

— Тоска... — пробормотал он, принимаясь за пироги, которых всегда было в изобилии. — Неужели мы действительно никогда не вернемся домой? Мне все время кажется, что я сплю, — он провел рукой по лицу, словно пытаясь проснуться. — Или кино смотрю. Слушай, я тут немало читал и про Вуаль, и про Порог, и про Ворона с Пауками. Мне кажется, Нэсте преувеличила. Похоже, у нее самой были какие-то терки с ним, вот она и пошла на конфликт. И нас в него втянула.

— Может, конфликт не у нее, а у Ворона с Эрлен? — спросила Юлька заинтересовано.

— Может и так, — задумался Саша. — Сейчас, оглядываясь назад, многие ее поступки кажутся мне странными. Например, что же все-таки она делала в нашей конторе? Какая такая там могла быть ценная для здешних миров информация? Рядовая транспортная контора провинциального города, никаких государственных секретов. Что-то здесь нечисто.

— Нам не узнать, — обреченно покачала головой Юлька. — Нэсте не признается, а больше никто не станет с нами разговаривать.

— Вернее все-таки было бы вернуться в Приграничье, самостоятельно найти тот порог и попасть домой. Не обязательно соваться к Паукам, и уж тем более к Ворону.

— Нэсте очень не хотела, чтобы мы это сделали, — сказала Юлька с горечью. — Ты видел ее в клетке?

Саша отвернулся. Юлька знала, что он по несколько раз в день приходил к клетке и грустно сидел перед райзе, иногда пытаясь с ней разговаривать и добиваясь реакции. Та лишь поднимала морду, тыкалась в его ладони и жалобно подвывала.

— Как-то не слишком уж благородно поступили с ней хозяева, — пробормотал он, собирая тарелки. — Да и вообще — как можно быть хозяином разумного существа?

— Здесь это норма, — возразила Юлька, вспомнив Бреса. После его отповеди она совсем перестала удивляться. — Все мы чему-то или кому-то подчиняемся.

— Чушь, — вспыхнул Саша. — Она человек!

— Разумное существо, — поправила Юлька.

— И ты туда же, — прошипел он. — Какие же вы, бабы, жестокие.

— Разумные, — поправила она. — Приземленные. Практичные.

Саша скривился, но промолчал. Потом, после паузы, продолжил:

— Ее надо отсюда вытащить. Тем более, если это так сильно сказывается на ее разуме.

— Ну вытащим, — кивнула Юлька. — А дальше что?

— Уберемся отсюда, — сказал Саша со злостью. — Не нравится мне это место!

— А куда?

— Найдем куда. Тут целых восемь земель есть, где-нибудь, да спрячемся.

Все остальные дни они методично продумывали план бегства из Рамьена. Казалось, никто за ними не следил, никому не было до них дела. Несмотря на то, что по словам Грейга, они должны были работать на общину, ни к каким полезным общественным работам их никто не привлекал. Юльке казалось, что уйди они из замка через центральные ворота, никто даже не заметит этого.

Гораздо больше их беспокоило отсутствие Румянцева. Он так и не объявился, ни в спальнях покоях, ни в столовой. Юлька и Саша принялись обыскивать замок, стараясь заглянуть во все его укромные уголки, но Румянцев словно в воду канул. Немногочисленные друзья, возникшие за время обитания в Рамьене, подтверждали, что не видели его уже несколько дней, а Грейг только пожимал плечами, отмахиваясь от вопросов. Саша почувствовал неладное в его молчании, и затаился, оставив подозрения при себе. Теперь он старался не отпускать Юльку одну, требовал, чтобы она присутствовала на его занятиях. Она сидела в уголке зала, с восторгом наблюдая за его тренировками с мечами и перчаткой, за его учебными боями с такими же, как он, разновозрастными учениками. Саша выделялся среди них, как породистый пес в стае разномастных щенков, высокий, сильный, гибкий, с каждым занятием он наращивал мускулы, скорость и мастерство.

... Она стояла на башне Рамьена, на площадке, откуда взлетали «ласточки». Она поднималась сюда часто, почти каждый день, глядя вдаль с восторгом и тоской. Там, за обширным неухоженным парком, лежал лес, через край которого они прошли по пути сюда. Высокие, раскидистые дубы стояли в золоте на фоне темно-зеленых, таких родных на вид елей, и осень уже уверенно вступала в свои права. Жадно глотая холодный воздух, она всматривалась в белесо-голубое небо, пытаясь представить, каково это — лететь так высоко над землей, над лесом, покачиваясь в потоках воздуха, снижаясь и взмывая, ловя нужный ветер, и потом, в конце концов, приземлиться, ощутив твердь под ногами. Много раз приходила она сюда, одетая в крылья, и ни разу так и не отважилась сделать шаг вперед. Ее пугала даже не высота — она просто не верила, что это возможно.

— Твоя перчатка похожа на лапу дракона, — сказала Юлька Саше, когда он, переодевшись после очередной тренировки, вышел из зала. — По крайней мере, я так ее представляю, — поправилась она, недовольная его удивленно-насмешливым взглядом. Разгоряченный очередным успехом, Саша находился в приподнятом настроении и предложил ей прогуляться по окрестностям.

— Мне любопытно, какую форму она примет в итоге, — сказал он, затапливая в карман маленький пестрый кусочек кожи. — Каждый раз она становится все больше и сложнее. Какие-то шипы, когти-лезвия, — он задумчиво поглядел на свою руку, — размер опять же. И правда, драконья лапа получается.

— А может, это когда-то и было частью дракона? — предположила Юлька с азартом.

— Что-то не попадались мне драконы в здешней мифологии, — фыркнул он.

— Так может, они есть на самом деле, — прошептала Юлька. — Какие-нибудь

двуликие-зависимые...

— Нет уж, — отрезал он. — Хватит с нас прочей разумной живности.

Бестиарий лежал на их пути. Дверь оказалась открытой, и они оба, не сговариваясь, повернули в его сторону. Войдя под полутемные своды, Юлька вздрогнула и обеспокоено повернулась к Саше: откуда-то изнутри доносилось сдавленное скуление и резкие хлопки, похожие на удары бича. Клетка Нэсте находилась именно в том направлении, откуда шли подозрительные звуки.

— А вдруг это... с ней, — предположила Юлька с дрожью в голосе. Саша отодвинул ее назад и решительно двинулся на звук, вытаскивая перчатку из кармана.

Клетка Нэсте была открыта нараспашку. Один из постоянных надзирателей — тоже райзе, которого Юлька видела здесь неоднократно, стоял в ней, щелкая бичом по полу. Райзе жалобно скулила, забившись в угол. Судя по следам на ее шкуре, ей уже досталось, и не раз.

Саша, сжимая перчатку в кулаке, мгновенно оказался рядом.

— Что здесь происходит? — голос его звенел от плохо сдерживаемой злости.

Райзе не обратил на него внимания, снова щелкнув кнутом по полу. Нэсте прижалась к стене, ощерив клыки. Саша бросил на нее лишь мимолетный взгляд, а потом схватил охранника и с силой вывернул кнут из его рук. От неожиданности тот пошатнулся, отпрянул назад и удивленно уставился на незваных посетителей.

— Ты чего тут разбушевался?

— А зачем ты ее... — Саша кивнул на забившуюся в угол Нэсте.

— Эта тварь выла и бросалась на решетку, — все еще удивленно объяснил тот. — Перепугала всех соседних обитателей. Для райзе в шкуре она ведет себя неадекватно.

— Оставь ее в покое, — потребовал Саша хмуро.

— Успокойся, парень, — насмешливо сказал сторож, приходя в себя. — Я ничего не сделал твоей подружке. Немного покорности ей не повредит. Даже в шкуре Двуликий не должен вести себя так, словно он дикарь. Так и опуститься недолго.

— Не надо было запирать ее в шкуре, — отрезал Саша. — Прошу тебя, оставь ее в покое.

— Ладно, — хмыкнул сторож и вышел из клетки, попутно отобрав у Саши кнут. Ушел он недалеко, оставшись в коридоре в прямой видимости клетки.

Заходить в клетку Юлька не стала. Что-то в словах сторожа насторожило ее, и она предпочла глядеть на райзе через прутья решетки. Сознанием она сочувствовала Нэсте, но душой... поведение Саши причиняло ей боль, заставляя завидовать побитой райзе: он гладил ее, как любимую собаку, она рычала и извивалась, но его не укусила. Присмотревшись, он разглядел свалывшуюся вокруг ошейника шерсть и кровавые мозоли на шкуре. В углу обнаружился крюк с клоками бурой шерсти.

— Она пыталась сорвать ошейник, — шепотом предположила Юлька.

Саша ощупал металлическую конструкцию у нее на шее.

— Не могу понять, как он открывается, — бормотал он, пытаясь найти застежку. — Дикость, варварство... — шептал он сквозь зубы, — какие-то варварские, абсурдные порядки... — бессильно отпустив ошейник, он отодвинулся от райзе и присел на корточки. — Такое впечатление, что он вообще цельнолитой... — маленький, сморщенный комоч блестящей кожи выпал у него из рук, и Саша некоторое время озадаченно смотрел на него. Медленно развернув его, он натянул перчатку на руку, и на его глазах она почти сразу же трансформировалась в уже известную Юльке драконью лапу: пять длинных, мощных стальных пальцев с трехгранными, матово поблескивающими когтями.

Саша решительно сунул лапу под ошейник и быстрым, легким движением разорвал его.

Райзе жалобно заскулила, мотая головой, и прямо на их глазах трансформировалась в человека. Вид бывшей рыжей красавицы был жалок — грязная, поцарапанная, со спутанными, а кое-где и свалывшимися волосами, с красными, слезящимися глазами, дрожащими руками, Нэсте стояла на четвереньках, по-звериному пятясь назад и все еще по-волчьи ощерившись.

Сзади раздались торопливые шаги — сторож уже входил в клетку.

— Ты сдурел, парень? — Сашу он сердито отодвинул в сторону, подбирая обломки ошейника. — А ну выйди отсюда! Ишь что удумал... Кто ж без разрешения такое делает, — он демонстративно постучал кулаком по лбу, и затем повернулся к райзе. — А ты сиди, я сейчас новый принесу. И не вздумай у меня!

— Оставьте ее в покое, — звенящим от ярости голосом заявил Саша. Перчатка, когти на которой почти исчезли после того, как он порвал ошейник, снова принялись расти. Сторож поглядел на них опаской, но продолжал стоять на своем.

— Так, а ну-ка вон отсюда оба, пока я не позвал Грейга. Вы, ребята, что-то не так понимаете. Ну так вам сейчас объяснят...

Саша заслонил медленно поднимающуюся на две ноги Нэсте.

— Это ты меня не понимаешь... — тихо и угрожающе заговорил он. — Я забираю ее отсюда. Пусть Эрлен придумает для нее другое, более человеческое наказание. Или, если сочтет нужным — и для меня. Я готов.

И он подхватил растерянную Нэсте на руки и понес к выходу из клетки. Сторож, заступив ему дорогу, вырвал райзе у него из рук. Та, все еще будучи не в себе, свалилась обратно на четвереньки, а Юлька, наблюдавшая за событиями из коридора, испуганно отпрянула от прутьев.

И тут Саша бросился на сторожа. Райзе, почуяв опасность, мгновенно перекинулся, и напротив Саши лицом к лицу встал уже не человек, а оборотень гораздо крупнее Нэсте. Ростом он тоже превосходил своего противника, но их схватка была короткой и молниеносной: Юлька так и не поняла, кто ударил первый и что вообще произошло — на ее глазах райзе рухнул под ноги Саше, располосованный когтистой драконьей лапой.

Юлька охнула и судорожно вцепилась в прутья клетки. Саша, отпрянув назад и стремительно бледнея, с отвращением глядел на дело своих рук. Нэсте, шатаясь, снова поднялась на две ноги и что-то сказала почти по-человечески, но никто из них не разобрал, что именно. Медленно до Юльки начало доходить, что они натворили. Все еще цепляясь за прутья, на дрожащих ногах она подобралась к месту побоища и изо всех сил толкнула Сашу, тем самым выведя его из оцепенения.

— Я уведу ее к себе, — сказала она, осторожно обходя тело сторожа. — А ты положи его в угол и ошейник как-нибудь прицепи. Пусть думают, что это она, — Юлька кивнула на отупевшую Нэсте, — спит. И дверь закрой.

Он медленно кивнул. Потом согнулся в приступе рвоты.

Юлька глядела на очередного мертвеца с поразительным равнодушием. Он не человек, сказала в ней что-то хладнокровное. Он — райзе. Животное с обманчиво человеческим обликом. Пусть даже человеческого в нем больше, чем звериного, все равно, он — животное. Как и она. Всем им нужен хозяин. Они без него не могут.

И она повернулась к Нэсте, властно схватила ее за руку и потащила к себе.

Саша появился не сразу: видно было, что он заходил в туалет умыться и привести себя в порядок. К этому времени Нэсте почти очнулась, отмылась, жадно поела руками и немного стала похожа на прежнюю Нэсте, только тощую и без бывшего блеска и высокомерия. На своих спасителей она глядела настороженно и недовольно.

— Зря ты это сделал, — сказала она Саше, когда он пришел в Юлькину комнату. — Меня все равно вернут в шкуру, а у вас, ребята, будут очень серьезные неприятности.

— К черту их всех, — буркнул Саша. — Я не хочу здесь оставаться. Дикость, рабство, варварство. Я вообще не понимаю, как это может сочетаться — ваши высочайшие технологии, ваш безумный политеизм и ваша рабская покорность.

— Это не рабство, — отрезала Нэсте. — Задумайся как-нибудь на досуге — каким образом человеческое меньшинство будет контролировать нечеловеческое большинство? Которое, кстати, физически сильнее, быстро размножается и к тому же достаточно агрессивно?

— Мне наплевать, — зарычал Саша. — Мне не нужен этот дикий мир с его дикими порядками. Я хочу домой. И все сделаю, чтобы туда вернуться. И вас заберу. И тебя, — он в упор посмотрел на Нэсте. — Кстати, где, черт возьми, Румянцев?

— В бестиарии, — ответила райзе. — В лаборатории. Скорее всего, он уже или мертв, или...

— Как это? — у Юльки задрожали губы и от ужаса затряслись руки. — Зачем?

— Эксперименты по обращению разумных свободных в зависимых ведутся постоянно, — сказала Нэсте с удивительным равнодушием в голосе. — Добровольцев, естественно, мало. А он — лишний, чужой. Пришелец. Я даже не удивлюсь, если он сам согласился, когда ему объяснили суть эксперимента. А может, и не объяснили. Обманули. Не знаю, — пожала плечами она.

— Этого не может быть, — прошептала Юлька с отчаянием.

— Может, — хмыкнула Нэсте, не глядя на нее. — Наши умеют уговаривать. Скажут, например, убедительную полуправду.

— Идем, — потребовал Саша. Нэсте покачала головой.

— Да пойми ты в конце-то концов! Не хочу я никуда убегать. Спасибо, конечно, за ваше желание мне помочь, но для меня лучше всего будет вернуться в клетку. Ар Соль — мой родной мир, а ваша Основа — чужая и странная. Я туда не хочу! Мне там делать абсолютно нечего!

— Так уж и нечего, — проворчал Саша. — А раньше что ты там делала? Кстати, у тебя неплохо получалось.

— И вам не советую туда рваться, — продолжила она, не обратив внимания на Сашину реплику. — Вам не пройти Элезию. Лучше повиниться перед Грейгом, представив все досадной неловкостью. Мол, он на тебя набросился, а ты его оттолкнул, ну и не совладал с перчаткой... Грейг достаточно справедливый и вовсе не жестокий. Накажет, конечно, но не сверх меры.

— А как же Румянцев? — охнула Юлька.

— Смириться, — отрезала Нэсте. — И самим быть осторожнее.

— Идем, — Саша смотрел на Дзуликую требовательно и строго. Юлька, попав под его взгляд, и сама оцепенела от выражения этих глаз. В их спокойной голубизне сверкнул холодный огонь, взгляд стал хлестким, как бич, и острым, как лезвие клинка. Он не просил, он приказывал. С трудом она оторвалась от них, словно из-под гипноза, и потихоньку

перевела дыхание. Нэсте тарашилась на него с неподвижностью зачарованного змеей зверька.

— Показывай, где Румянцев, — приказал он.

Нэсте покорно встала, руками пригладила растрепанные волосы, поправила одежду, и поплелась за ним.

— А ты останься здесь, — сказал он Юльке другим тоном, но мягко и настойчиво. — Собери наши вещи и вообще все, что может пригодиться. Жди нас. Если у нас ничего не выйдет, скажешь Грейгу и остальным, что вообще ничего не знаешь. Мол, никуда не ходила, все время здесь сидела. Свалишь все на меня.

Юлька молча кивнула, не желая ввязываться в спор. Там видно будет, кому что рассказывать.

Они вернулись примерно через час — бледно-зеленый Румянцев, перепачканный чем-то Саша, и Нэсте, такая же грязная и злая.

— Сидел в такой же клетке, только для людей, — ответил он на Юлькин немой вопрос. — Говорит, все эти дни его регулярно засовывали в ту машину, что мы с тобой видели в окно. Не совсем добровольно, однако он говорит, что никто его не мучил.

— Тошнило только от их экспериментов, — проворчал Румянцев. — И чесался весь, словно паршивый.

— Тебе объяснили, зачем это? — спросила Юлька, пристально разглядывая его нездоровую физиономию и пытаясь понять, то ли это с перепугу, то ли результат варварских опытов.

— Говорили чушь про биоритмы мозга и тела, якобы для сравнения, хотя я не дурак, понял, что тут что-то другое, — сказал Румянцев неохотно. Выглядел он уставшим, испуганным, но не замученным. — Вы твердо решили драпать? Может, подождем?

— Ага, после того, как я грохнул эту фигню, в которой ты лежал, и она полыхнула... — огрызнулся Саша. — Там, кажется, сейчас пожар... Валить надо, — твердо заключил он.

— Тогда быстрее, — вдруг решительно заговорила Нэсте. — Я с вами не пойду, но отход прикрою и вообще помогу, чем смогу. Потом вернусь в клетку, скажу, что ты узнал про Румянцева, разозлился, пришел требовать от меня объяснений, психанул со сторожем, а потом решил вернуться домой. Скажу что ты отправился в Элезию. Только не вздумай идти туда на самом деле! Вообще, хочешь совет?

— Хочу, — сказал Саша, быстро осматривая вещи, собранные Юлькой и уплотняя их в заранее заготовленные для побега рюкзаки.

— Попробуй затеряться в Ар Ирнани, в горах. Эта земля населена не так густо, как Ар Лессен или Ар Элес, но там есть большие города, похожие на ваши. Многоэтажки, промышленное производство, офисы. Из Вечных там сидят Гевор Пардус и Кольер-Хранитель Нагов. Техноасы там много всего понастроили... Вам привычнее будет. Да и ты сам вылитый ирнанец, тебя от местных не отличить.

— Хорошо, — коротко согласился Саша, надевая перчатку на руку. Она облепила кисть, перетекла на предплечье и остановилась около локтя, но так и осталась обычной перчаткой: видимо, он научился лучше контролировать ее трансформацию. — Как туда добраться?

— Через шеадр, конечно. Недалеко от Рамьена есть шеадр с четырьмя путями. Один из них — прямо в Карху, столицу Ар Ирнана. Большой город... затеряетесь. До шеадра я вас провожу.

Ведомые Нэсте, они выскользнули из замка незамеченными, никого не встретив по пути. Юлька и Румянцев нервно оглядывались, вздрагивая от каждого громкого звука, но райзе уверенно толкала их вперед:

— Не оглядывайтесь, не торопитесь, — шипела она раздраженно. — Ведите себя уверенно. Никто еще ничего не знает. Стража занята пожаром в бестиарии. Обычные обитатели заняты делами. Спокойно.

Сама Нэсте изменилась до неузнаваемости. Спрятав волосы под плотный летный шлем, какие носят крылатые, она ссутулилась и надела мешковатый рабочий костюм. Под ее руководством они надергали в кладовке различной одежды. Нэсте посоветовала взять теплые куртки и штаны — в высокогорном климате Ар Ирнана холодно, грядет зима, в тех краях она снежная и морозная.

Двор они пересекали не спеша, приветливо здороваясь с теми, с кем уже были знакомы. Саша выразил обеспокоенность по поводу пожара и получил заверение, что его потушат в самое ближайшее время. Румянцев, встретив знакомых, выслушал версию об умышленном поджоге и пожелал успехов в поимке преступника. Юлька улыбнулась кому-то из женщин. Нэсте то наклонялась, то отворачивалась, то чихала и кашляла, прикрывая лицо, не позволяя случайным встречным взглянуть в него. Выйдя из центральных ворот Эрлениума у всех на виду, они благополучно обогнули западную башню и углубились в парк, на краю которого размещалась посадочная площадка для вимм.

В какой-то момент она обернулась и увидела на крыльце центральных врат Эрлениума рысь, задрывшую морду к небу. Машинально Юлька бросила взгляд туда же, куда и она, и не удержала вырвавшийся из груди панический вскрик.

— Это же Ворон!

Там, в прохладно — голубом небе, над парком медленно снижалась огромная черная птица, кончики крыльев которой переливались яркими синими бликами. Сделав круг над замком, ворон немного уменьшился в размерах и спланировал на верхнюю площадку Южной башни.

— Бежим, — крикнула Нэсте, мгновенно оценив ситуацию.

Со всех ног они рванули в сторону взлетной площадки. Небо перечеркнула серебристая молния — на краю парка приземлилась очередная вимма. Нэсте зачем-то плутала по дорожкам, потом кинулась через парк напрямую, требовательно подгоняя свою спотыкающуюся о камни и корни деревьев компанию. Юлька бежала последней, слыша сначала далекие, но неуклонно настигающие их звуки погони, но голоса и ритм шагов подсказали ей, что преследуют их уже не только люди.

Их догнали на самом краю парка, там, где на границе площадки для вимм стояли резные каменные ограждения высотой по пояс. Юлька, сбитая с ног сильным звериным телом, откатилась назад и с трудом поднялась на ноги. Румянцев удачно отскочил в сторону и напрямую кинулся к только что приземлившейся вимме. Саша развернулся к преследователям лицом, на него бросился огромный рыжий райзе, но, увернувшись, он взмахнул рукой, снова ставшей драконьей лапой, и райзе упал с разорванным горлом. Нэсте, приняв боевое обличье, тоже схватилась с кем-то из своих. Юлька, понимая, что в драке ничем им не поможет, кинулась к вимме, в которую уже забрался Румянцев; толкнув ее, он лихорадочно принялся жать на кнопки и дергать рычаги. К счастью, вимма послушно оторвалась от земли и, зависнув на высоте человеческого роста, двинулась прямо к

дерущимся.

Двое райзе, посланные в погоню, лежали исполосованные стальными когтями. Третий только что упал рядом, и от него на четвереньках в человеческом облике отползала Нэсте. Напротив Саши стояло еще двое, но ни один из них не решался нападать.

Он боком приблизился к Нэсте.

— Уходи, — проскулила она, зажимая рукой рваную рану на шее, из которой ручейками струилась кровь. — Мне конец. Уходи быстрее.

Он схватил ее поперек туловища и потащил к вимме. Из последних сил Нэсте оттолкнула его.

— Пстой, — хрипло заговорила она. — Я сильно виновата... перед вами. Перед тобой, потому что потащила тебя... сюда. Перед Юлей и Дмитрием...еще сильнее. Пусть они... простят меня. Жаль... Я не знаю, зачем им это было нужно... не знаю, — и когда он снова попытался поднять ее на руки, оттолкнула от себя ничего не понимающего Сашу и вырвалась.

Райзе, замершие в нескольких шагах, видя, что внимание самого опасного бойца занято, начали медленно приближаться. Из-за деревьев на опушке парка появилась подмога — еще двое бойцов, но на этот раз — в человеческом облике.

— Она не выживет, — сказал тот райзе, что был ближе всех. — Не мучай ее. Сражайся — или уходи.

И тут они оба прыгнули на Сашу. Он удачно увернулся от одного, ударил другого и бросился к вимме. Юлька помогла ему влезть в кабину, и Румянцев немедленно взмыл вверх. Саша сразу же перебрался на второе пилотское место, переключил управление виммы на себя, заложил резкий вираж, меняя направление, и стремительно набрал скорость и высоту.

Глава 13. В "гостях" у Эрлен

Эрлен приняла меня в огромном величественном зале, расположенном над Эрлениумом, окна которого выходили в парк. Скорее раздетая, чем одетая, она приветствовала меня сдержанным кивком и плавно опустилась в кресло, походившее на трон, напротив которого стояло несколько сидений попроще. Я выбрал небольшой диванчик и, желая поддеть ее, вальяжно развалился, подложив под спину подушку. Она хмыкнула и, медленно и демонстративно перекинув ногу на ногу, продемонстрировала идеальные формы и ширину разреза ярко-алого платья.

— Что привело Вечного Ворона в мои скромные владения? — спросила она с едва уловимой иронией

— Соскучился, — бросил я, вернув ей усмешку.

— Неужели? — фыркнула она надменно. — Интересно, почему я никогда по тебе не скучаю?

— Я, в общем, тоже, — я выдержал ее колючий, полный неприязни взгляд. — Но бывают дела поважнее личных антипатий.

— Что ж, я слушаю.

— Месяц назад в Приграничье случилась чрезвычайная ситуация, — начал я, осторожно подбирая слова. — Диверсия по разрушению Грани большого масштаба. Расследование обстоятельств показало, что в ней принимали участие твои подданные.

Я блефовал. В поисках загадочной четверки мы зашли в тупик, полностью потеряв их из виду после побоища в шеедре Льера. У нас не было информации, что райзе, участник перехода со Старой земли, подчинялся непосредственно Эрлен, но Шандр предложил мне рискнуть и бросить ей это обвинение прямо в лицо, понаблюдав за реакцией. Умением скрывать свои чувства Эрлен никогда не отличалась, ее реакция могла рассказать о многом. Я ничего не терял — если Рысь не имеет к диверсии никакого отношения, она полыхнет ярким гневом, а когда остынет, я попробую расспросить ее о крупных владельцах райзе на территории Ар Лессена и других земель. Если же это действительно ее рук дело, она попытается как-нибудь скрыть свое участие и избежать расспросов. А то и в атаку кинется: мы с ней не только не были друзьями, но и откровенно враждовали, не особо скрывая свою взаимную неприязнь.

— Почему ты так уверен, что они мои? — ледяным голосом спросила она.

— А чьи же еще? Райзе-диверсанты — твоя гордость, не так ли?

Она снисходительно кивнула.

— Докажешь?

— А то, — широко улыбнулся я. — Записи с Зеркал. Райзе опознали и в месте перехода, и в деревне кицу, и в Льере, где они задержались, перед тем как направиться к тебе.

— Все твои зеркала рассыпались в труху, — бросила она презрительно. — Кого они там опознали?

— Велась запись, — невозмутимо соврал я. — Поверхности действительно разрушило, но память устройства от этого не страдает. Кстати, а откуда ты знаешь про зеркала? Мне стоит поискать шпиона в своем окружении?

— Каждый идиот знает, что при применении черной дырки...

— А откуда ты знаешь, что она была? — спросил я с издевкой, и она вздрогнула и на

мгновение растерялась, но мне и этого было достаточно.

— А от чего они еще могут разрушиться? — нашла она.

— Итак, ты знала о зеркалах, — я сменил издевательский тон на ледяной. — Ты сама дала райзе дырку, чтобы скрыть ее передвижения, — я уже не говорил, а обвинял, и голос мой звенел на весь зал. — Ты не забыла, что их применение запрещено? А помнишь, почему? Дрянная поделка, слепленная кривыми лапами Горностаев, приносит минимум пользы и бездну вреда.

— Заткнись, — огрызнулась она, свирепея. — Не было никакой дырки, я про нее понятия не имею. Ты бредишь.

— Я, конечно, понимаю, что нагадить мне — это особое удовольствие, но при этом ты гадишь не сколько мне, сколько нам всем. Ты хочешь, чтобы перепуганные жители Основы шарахнули по тому, что увидят при массивованном разрушении Грани, ядерным оружием? Ах да, я забыл, что Ар Лессен не имеет с Основой общей Грани, а ты не имеешь в моей Элезии своих доменов. Тебе не кажется, что подобный подход к нашим землям слишком скотский даже для такого эгоистичного существа, как ты?

Эрлен резко подалась вперед. Ее красивое лицо поплыло, вытягиваясь в рысью морду и местами обрастая шерстью, а изящные кисти с ярко-алым, сложным маникюром, мгновенно превратились в хищные когтистые лапы. Она боролась с неприкрытым желанием броситься на меня, с трудом удержала трансформацию, и я подначил ее еще сильнее.

— Голая останешься, — многозначительно ухмыльнулся я. — Давай. А я посмотрю.

Ее лицо исказилось, по телу пробежала судорога, но она невероятным усилием остановила ее, сохранив человеческий облик.

— Скотина, — с ненавистью бросила она, откидываясь назад и тяжело дыша.

— Интересно, что скажет тебе Даллах, чьих земель это коснулось, и Вагабр, когда я представлю доказательства твоего целенаправленного срыва Грани и причинения вреда родным землям? Боюсь, в этом случае ты услышишь кое-что похлеще, и не от меня. А может, и не только услышишь, но и почувствуешь на своей шкуре.

Она резко поднялась, отвернулась от меня, ушла к окнам и долго молчала, а я чувствовал в воздухе не только ее клокочущее негодование, но и эгри, готовый сорваться с кончиков пальцев.

— Может, эту райзе действительно вырастили здесь, в Рамьене, — сказала она после долгой паузы, по-прежнему стоя спиной ко мне. Голос звучал хрипло, но ровно и почти спокойно. — Я выращиваю их на продажу. Это бизнес, не более. И выгодный. Я не несу ответственность за них после продажи и не интересуюсь их судьбой.

— Кто же тогда? Предложи свою версию, а я проверю.

— Да почти все бренны Лессена имеют райзе в своей охране, — бросила она с усмешкой. — Хочешь проверять — начни с Вагабра, — обретя самоконтроль, она повернулась ко мне, снова демонстрируя высокомерное спокойствие.

Я пожал плечами.

— Могу и с него. Только давай все-таки начнем с тебя. Предлагаю очистить тебя от подозрений прямо сейчас. Давай пройдемся по Рамьену и посмотрим на всех райзе в его пределах. Думаю, я узнаю твою рыжую ведьму с первого взгляда.

Она бросила на меня очередной холодно-надменный взгляд, и в глазах ее я увидел отсвет растерянности. Я уже понял, что попал в точку, когда услышал от нее "эту райзе". Из двух женщин именно рыжая, та, которая, судя по отзывам из деревеньки и с городской

гостиницы, возглавляла маленький отряд, могла быть райзе в силу особенностей внешности. Теперь надо быстро придумать, что я буду делать, если рыжих райзе окажется несколько... Придется надавить взглядом и перехватить контроль, выжав признание, хотя, боюсь, в присутствии Эрлен-Хозяйки это будет чертовски трудно повернуть.

— Или мне передать записи Даллаху и Вагабру, и пусть они сами с тобой разбираются? — протянул я с насмешливой задумчивостью.

Эрлен не успела ответить — дверь зала распахнулась, и в нее поспешно вошел высокий и крупный, хорошо вооруженный мужчина, в котором я, приглядевшись, узнал начальника ее охраны, которого видел мельком, когда прилетел. Кажется, он тоже из райзе... Настороженно зыркнув в мою сторону, он низко поклонился, пробормотал скомканные извинения и обратился напрямую к Эрлен.

— Верховная, у нас проблемы, — он опять покосился на меня. — Нижайше прошу вас пойти со мной.

На ее надменном лице проступило плохо скрываемое облегчение.

— Подожди здесь, — сказала она сквозь зубы. — Я сейчас вернусь, и мы продолжим.

Когда она вышла из зала, я встал и подошел к окну, наблюдая за суматохой в саду. Откуда-то явственно тянуло горелым. Я усмехнулся — что ж, неожиданности бывают даже в доменах Вечных, никто не застрахован и от обычного пожара. Пожалуй, я получил ответы на некоторые свои вопросы, но вместе с ответами получил и новые вопросы — что Эрлен было нужно на Старой Земле и зачем посылать туда далеко не самых стабильных обликом и сообразительных Двумиких, когда всем давно известно, что люди в таких случаях справляются лучше? Тем не менее, она рискнула и, возможно, что-то выиграла. По ее реакции я уверился, что интересующая меня райзе находится здесь, в Рамьене, и сейчас, прикрывшись пожаром, у Эрлен есть все шансы ее спрятать. Пожалуй, мне есть смысл провести это маленькое расследование самому, воспользовавшись пожаром и не дожидаясь ее возвращения.

Собираясь покинуть зал, я сделал шаг за дверь, в коридор, но неожиданно меня грубо втокнули обратно. Оказалось, с той стороны дверь охраняли два матерых райзе в шкуре, вооруженных тяжелыми шамальскими клинками. Один из них, не церемонясь, атаковал меня, несмотря на то, что у меня не было с собой никакого оружия.

Что ж, от Эрлен можно было ожидать и не такого. Увернувшись от сабли, я поднырнул ему под руку и сбил с ног, ушел от второго нападающего, забежал за массивное кресло, в котором только что сидела Эрлен, швырнул его на уже поднявшихся на ноги и готовых к очередной атаке райзе и, выгадав несколько мгновений, стремительно трансформировался, наращивая размер. В помещениях мне менять облик не стоит, размахом крыльев я снесу все предметы и мебель, могу даже развалить стены, но древняя кладка Рамьена рассчитана и не на такое. Что ж, Вечная Эрлен, ты опять начала первая... не обессудь, что двух охранников ты теперь недосчитаешься, а стекла в твоём парадном зале придется вставлять заново.

Я с силой ударил клювом одного из райзе, схватил когтями второго и швырнул его в окно, сбросив вниз и освобождая себе путь наружу. Потом уменьшился, чтобы аккуратно пройти в оконный проем, и вырвался в сад.

И сразу же увидел пожар. Полыхала одна из башен. Пожар успешно тушили, но до окончания бедствия было еще далеко. Пожалуй, тут дело действительно серьезное, и вряд ли Эрлен освободится в ближайшее время.

Сделав пару кругов над замком и не заметив больше ничего необычного, я отправился в

Далерну, к Даллаху, поделиться информацией и послушать его мнение.

— Погоня, — сообщил Саша через несколько минут после взлета. Юлька высунулась в окно — им в хвост действительно пристроилось несколько вимм.

— Сколько их? — спросил Румянцев, что-то лихорадочно переключая по его команде. На маленьком экранчике стремительно мелькали пестрые рисунки, в которых Юлька узнала местные карты.

— Кажется, четыре. Только взлетели, — ответил Саша. — Надо оторваться, — и он неожиданно рванул на себя щиток справа, освобождая скрытую под ним панель. Там обнаружилось несколько дополнительных кнопок. Он уверенно отжал две из них.

— Ты что? — задергался Румянцев.

— Вырубил ограничитель скорости и высоты, — пояснил Саша. — Все виммы делают со встроенными программами безопасности. Без них летают только Пауки и Стражи границы — гвардия Ворона. Не думаю, что местные законопослушные твари вообще знают о том, где они расположены.

Одновременно с этим машину сильно встряхнуло, и вимма, резко накренившись, пошла вниз, но Саша сразу же выровнял ход и поднялся еще выше. У Юльки, как в самолете, заложило уши — вимма стремительно наращивала высоту и скорость.

— А ты откуда знаешь?

— Готовился, — буркнул Саша.

Темные точки в небе быстро затерялись где-то внизу, но Юлька еще долгое время наблюдала, как они упорно продолжают преследование, хотя Сашин маневр позволил им значительно оторваться от хвоста.

— Куда идем? — спросил Румянцев севшим голосом.

— К тому шеадру, через который Нэсте нас сюда притащила. — сказал Саша. — Другого я не нашел ни на картах, ни по расспросам местных. Не знаю, что уж там Нэсте имела в виду... А дальше — запутаем следы ее же способом.

Первый раз Саша самостоятельно вел вимму. До этого, конечно, он неоднократно тренировался, но чтобы так... Хорошо еще, умная машина была проста в управлении и слушалась легкого касания штурвала. Стемнело. Несясь на огромной скорости и высоте, гораздо больше разрешенной для простых пассажирских вимм, они проскочили мимо шеадра. Пришлось возвращаться, теряя драгоценное время и сокращая расстояние между ними и погоней. К счастью, их преследователи — жалкие точки внизу и вдалеке — сильно отстали и росли медленно. Шеадр, тот самый, из которого они вышли так недавно и так давно, знакомо светился в сумерках. Бросив вимму, один за другим они взлетели по каменным ступеням.

Там, внутри, было три картины: пустыня, лес и город. Юлька растерянно остановилась посередине пирамиды.

— А как мы узнаем, где Ар Ирнан? Подписей же нет?

— Зато есть номер, — Саша кивнул на табличку на полу. — И справочник шеадров, — он показал на лежащий в углу толстый том. Подписи были на входных воротах со внутренней стороны, — успокоил ее Саша. — Но мы пока поскачем по шеадрам наугад, попутаем следы.

— Можно и догадаться, — буркнул Румянцев, разглядывая шеадари с лесом. — Похоже на матушку-Основу, — кивнул он. — Ар Элес.

Саша, поколебавшись, выбрал пустыню.

Шеадр с той стороны отличался от предыдущего: его стены, сложенные из рыжего пористого камня, были не такими высокими, воздух казался ощутимо сухим и пах пылью и зноем. Юльку прямо таки потянуло к очень красивой картинке с морем, песчаным берегом и пальмами на берегу. Мужчины не возражали против ее выбора.

Еще шеадр — Румянцев первым шагнул в пряничный городок...

... Опять море, белоснежный пляж, белые колонны...

... Пейзаж, похожий на среднюю полосу России...

... Город, напоминающий старинные маленькие европейские городки...

... еще и еще картины-шеадари, сменяющие друг друга...

... темно-серые скалы, молочного цвета река, гладкие круглые башни на берегу...

В следующем шеадре было всего две картины: сосновый лес на берегу моря, белая башня на скале и тень ворона на поверхности моря, и напротив — покрытые снегом скалы и словно вырастающие из них невысокие каменные башенки.

— Похоже на то, о чем говорила Нэсте, — сказал Румянцев, опять разглядывая шеадари Ар Элес.

— Пошли, — позвал его Саша.

Там, куда их занесло, вообще не оказалось вариантов. Один только путь — назад, к белой башне с тенью ворона.

— Выйдем, посмотрим? — спросила Юлька.

— Ну не назад же тащиться, — хмыкнул Румянцев. — В когти к неприятелю.

Неожиданно крутая, неудобная лестница вела не вниз, а вверх, словно они поднимались из-под земли. Тянуло холодом.

Там, снаружи, в лицо сразу же хлестнуло ледяным ветром. Глядя на огромные заснеженные валуны, а за ними — снежную пустыню, думалось вовсе не о горных склонах.

Саша и Румянцев озабоченно переглянулись.

— Совсем не похоже на то, о чем говорила Нэсте, — сказал Саша.

— Это Ар Хойт, — прошептала Юлька, давясь холодом. — Ледяные земли. Давайте вернемся. Поищем другой шеадари...

— Ага, — кивнул Саша. — Пошли.

Но они не успели. Вылетевшая откуда-то сбоку сеть сбила Юльку с ног, и она, не успев даже пикнуть, запуталась в ней и почувствовала, как ее рывком сдернули со ступеней на снег и поволокли. Извиваясь, чтобы не тыкаться лицом в снег, она мельком увидела, как такая же сеть уже тащила Сашу.

— Я их найду, — произнес Кольер с холодной и острой, словно отточенный кинжал, злостью. — По идентификаторам. Они засветятся. Ты подкидывала Нэсте мысль об Ирнине?

Эрлен поставила опустошенный бокал вина, чуть не промазав мимо столика. Вечная Рысь была явно пьяна и раздражена до крайности — внешность роскошной женщины периодически начинала "плыть", теряя человеческие черты.

— Подкидывала, — фыркнула она, недовольно глядя, как старый наг убирает подальше почти допитую бутылку. — Но он не дурак, этот юноша. Кроме того, читая сознание Нэсте, я поняла, что многое в наших мирах похоже, — она рассмеялась. — Берегись, хранитель Нагов. Он может обыграть тебя.

Кольер пожал плечами. За его спиной были бесчисленные годы бесконечной жизни. Он слишком хорошо изучил человеческую натуру. Он давно научился не ошибаться ни в поступках, ни в прогнозах. Он сомневался, что в этом мире осталось нечто такое, о чем он мог бы не знать. Или не догадываться.

— Ворон... что ему было нужно?

— Он нас вычислил. Явился более чем не вовремя — в разгар пожара и побега этой троицы.

— И ты?

— Должна признаться, я выкрутилась с трудом. Фактически, пожар меня спас. Он, тварь, убил одного из моей охраны и ранил другого. И окно расколотил.

— Ни за что не поверю, что он напал первый, — Кольер не удержал ядовитого смейка. — Не так ли?

— Мне надо было удержать его подальше от того безобразия, что творилось внизу. Радикально удержать — чтобы не совал нос.

Эрлен приблизилась к нему вплотную и замерла в неловкой позе, не дойдя лишь шаг. Тело ее плыло, то обрастая рыжеватою шерстью, то снова покрываясь человеческой кожей.

— Вроде бы недавно охотилась, — усмехнулся он холодно. — Голод замучил? Или другой... голод? Любовники кончились?

— Когда-нибудь я тебя разорву, — пообещала она, возвращая себе человеческий облик.

— Надеюсь, это случится не сегодня, — буркнул Кольер, поднимаясь. — Найдешь следы наших беглецов — черкни мне весточку.

Глава 14. Ключи от Свода

— А ты уверен, что твоя загадочная четверка — это операция исключительно дома Дзуликих? — спросил Даллах, ухмыльнувшись в бороду. — Раньше Эрлен мало интересовалась Старой Землей, ей и здесь забот хватало. Что если она — только исполнитель?

Я пожал плечами. Может быть и так. Все может быть.

— Мне, должен признаться, гораздо важнее понять, как срыв Грани связан с вандализмом в спецхранах, — признался я, отхлебнув пива. — Гложет оно меня.

— Хм, есть у меня одна идея... — пробормотал старейший из Вечных. — Повтори-ка еще раз, информацию о каких землях пытались удалить из хранилищ?

Глава Повелевающих жизнью даже внешне походил на свою ипостась. Огромный, лохматый и кудрявый, с короткой, но пышной бородой, с глазами навыкате и низким, рокочущим голосом, он двигался медленно и основательно-вальжно. Он был огромен, но не грузен: широченные плечи, бычья шея, мощные руки и ноги создавали образ богатыря, вышедшего из детской сказки. Его просторные кожаные штаны и пестрая безразмерная рубаха напоминали причудливую пятнистую шкуру животного. Серые колечки в бороде и гриве дополняли картину, напоминая, что этот богатырь вовсе не молод; впрочем, особенный прищур глаз и сдержанная ухмылка, вечно спрятанная в бороду, выдавали истину — это существо видело на земле гораздо больше, чем все остальные, и относилось к миру с легкой иронией.

— В том то и дело, что не самых густонаселенных, — буркнул я, наливая себе еще пива. Эх, хорошее пиво варят они здесь, в Далерне... темное, хмельное, с бархатной горчинкой и легчайшей сладостью, с медовым послевкусием. — Ар Шамаль и Шеннон Ар. Жаркие и Подлунные Земли. Особенно кто-то сильно интересуется землями Подлунными, — я отхлебнул большой глоток, облизав пену с губ. Пиво заметно улучшило мое настроение после встречи с Эрлен и примирило с темой разговора. Думать об очередных играх, затеянных Вечными, в такой чудесный зимний день совершенно не хотелось.

— Нагр и Либрум, — Даллах поднял палец. — Слышал о таких?

Я кивнул. Исчезнувшее наследие Нагов. Оружейка и лаборатория.

— Ну найдут они их, — пробормотал я, глядя на хрустально чистое, без единого облачка, залитое холодным белым солнцем небо. Домой обязательно полечу, и чтобы длинным путем...Надоела суета. Сил нет, как надоела... — И что дальше? Даже если откроют... если еще узнают, как, там же наверняка на двери не амбарный замок висит, а что-нибудь похитрее. — Поглядев, как Даллах прячет многозначительную улыбку в темную кудрявую бороду, я почувствовал нарастающее раздражение. — Оружие там очень специфическое, только Наги и умеют им пользоваться... В Либруме наверняка все зашифровано, а шифры — в Стеклоанной башне где-нибудь в глубоких подвалах за ста замками да под охраной. Не вижу смысла, — буркнул я, допивая кружку. — Бред.

Даллах снова ухмыльнулся.

— Для кого-то — бред. А для кого-то — великая идея, которая может вдохнуть жизнь в угасающий орден.

...Надоела вся эта чертова возня. Анг Мирт, склоки с Ревалем, изматывающие вылеты в Ар Хойт, где грань рвется теперь чуть ли не каждый день. Нэрги словно испытывают нас

всех на прочность, напозрут, выгрызут дырищу и драпают обратно, оставляя после себя ошметки псевдоплоти и вонь мертвой материи. Кажется, что их цель — это именно выматывание, тупое и планомерное, такое, чтобы ни у кого не было ни сил, ни времени задуматься об истинной цели их атак. Ее словно и не было. Чуть-чуть здесь, немного — там. Иногда — тут, рядом, где много разумных и пищи для некреса. Иногда — там, далеко, где никого нет, и жрать некресу нечего. Наги с Пауками наловчились зачищать небольшие прорывы от лезущих в дыры самых низших созданий Анг Мирта менее чем за час. В целом, мне это, конечно, понравилось — сотрудничество с Нагами всегда приносило нам с Шандром, кроме обычной выгоды, чисто эстетическое удовольствие. Идеальные воины — искусные, разумные, в меру хладнокровные, но с толикой боевого безумия, возникающего только в бою. В обычной жизни они были простыми дружелюбными ребятами, чуть более сдержанными, чем остальные. Расчетливость и разумность Кольера, вкупе с его умением просчитать ситуацию далеко вперед, всегда приводила меня, существо наполовину стихийное, в восхищение. В общем, от плодотворного союза с Нагами мы только выиграли, но...

Эйла устала от постоянных ран. Я это чувствовал всей своей шкурой. Бедная моя девочка, я почти ничем не мог ей помочь, разве что заживить их поскорее. Раз я не вижу смысла в атаках, у меня нет идей, как их прекратить. Мы хорошо продвинулись в понимании тактики нэргов, мы научились их уничтожать быстро и результативно, но мы так и не поняли, что им от нас нужно.

Поднявшись на ноги, Даллах прошелся по беседке, больше похожей на огороженную плетнем лужайку с крышей. Даже сейчас, зимой, здесь было тепло и солнечно, зеленела коротенькая травка, а воздух, несмотря на прохладу, казался особенно вкусным и не зимнему теплым. Далерна огромна, ее трудно назвать крепостью. Скорее она похожа на огромное поместье, окруженное обычной лесной чащей, раскинувшееся на высоком холме и обнесенное длинной крепостной стеной. Небольшие деревянные строения и элегантные каменные домики скрыты в ее глубинах и удивительно естественно вписаны в ландшафт. Защищаться разумным Далерны не от кого: стены — дань прошлому, не более. Не разрушать же их... Опять же, удобно — в стенах есть башни, высокие, просторные, удобные для жизни. В каждой из них — шеадари, ведущие в разные концы Ар Соль, у башен дежурят небольшие одно-двухместные виммы, а для любителей прогулок проложены дорожки. Повелевающие жизнью всегда умели устраиваться мудро и вольготно, в полной гармонии с окружающей природой. Еще они умели находить эту гармонию везде, где селились, независимо от климата, растительности и окружения.

— Представь, что их ищут сами Наги, — предположил Даллах. — Надоело им за столько веков быть полуживыми. Захотелось вернуть потерянное. Воскреснуть. Глядишь, и родится через несколько лет светловолосый и сероглазый мальчонка с нужными способностями...

— Думаешь, они забыли, где хранится их собственное добро? — фыркнул я. — Думаешь, Кольер не знает? Чушь. Не верю. Это кто-то чужой. Причем работает этот кто-то не слишком тонко.

— Чужой... — Даллах вернулся в гигантское кресло, обтянутое молочно-белой кожей, сел и откинулся назад, закрыв глаза, словно что-то пытаюсь вспомнить. — Чужой... Есть, конечно, у нас и такая байка — о сторонней силе из хаоса, которая может занять пустующее место Вечного, если это место слишком долго остается пустым. В нашем маленьком мире

за прошедшее тысячелетие образовалось целых три дырки, — усмехнулся он, открыв глаза. — Залезай в любую. А вообще — ты никогда не задавался вопросом, куда и кому уходит сила верящих в Нигейра, Элианну и Наджара разумных?

Я действительно никогда не задумывался об этом. Некогда было. И не особо интересно.

— У нагов есть орден, — прикинул я. — И Кольер. Он, конечно, человек, но весьма любопытный. Сколько он уже живет на свете?

Даллах снова закрыл глаза.

— Не меньше, чем я, — последовал ответ. — Сколько живу, столько его и помню. Хотя он и не Вечный, нет... но та еще тварь. Хорошо, с Нагами понятно, а что с остальными?

— Допустим, вера в Элианну питает Ар Иллим, — предположил я. — Иллимский архипелаг, Райские острова в океане. Идеальный климат, совершенная природа, полная гармония обитателей со средой обитания. Процветание. И это — в отсутствие хозяйки.

— Только Иллирию с исчезновением хозяйки никто так и не может найти, — возразил Даллах. — Был остров — и нет острова. Исчез.

Я покачал головой.

Да, ни один шеадари, ведущий на Иллирию, не работал. С близлежащих островов тоже не могли доплыть туда, сколько не пытались — какая-то сверхъестественная сила отворачивала путников от цели. Но остров Элианны существовал, он был виден в бинокль с соседних островов, его можно увидеть сверху, пролетая в тех краях на виммах или крыльях. Но только увидеть. Издалека.

Так и должно быть. Место силы Вечного недоступно в отсутствие хозяина.

— А Наджар? — Даллах приоткрыл один глаз и прищурился.

Я пожал плечами.

— Наджар... Ну, может быть, благодаря тому, что в него все-таки верят, мы до сих пор не забыли свою историю и вообще помним, кто мы и откуда. Хотя и это уже настолько далеко, что... мало кто знает причины, почему Единая Земля когда-то раскололась на части.

— Филины обладали абсолютной памятью. Тут даже не в мудрости дело, — Даллах задумался, а я ждал продолжения. — Они просто помнили. Фактически, на любой вопрос о прошлом Филин мог дать тебе абсолютно исчерпывающий ответ. Ему нужно было только вспомнить. Иногда на это уходило время, но он всегда отвечал тебе. И еще, — в глазах старого Зубра мелькнуло что-то вроде сомнения, словно он не был уверен, что мне стоит об этом знать. — Филины умели видеть будущее. Довольно точно. Это даже не гадание и не ясновидение... они знали, как все произойдет. И опять же — чтобы получить от Филина ответ, нужно было уметь правильно задать вопрос.

— Меня всегда удивлял сам факт их отсутствия. Что они не возрождаются, — пояснил я. — Допустим, Нигейра убрали, проведя ритуал объединенными силами Вечных, и мы об этом помним. Но почему нет Элианны и Наджара? Любовь и знание, чем они помешали Ар Соль?

— Возможно, не так уж они и нужны обитателям наших миров, как нам кажется, — пробормотал Даллах, глядя в небо. — Кстати, возвращаясь к Своду: надеюсь, ты никуда не выкинул свой ключ от Либрума?

Меня аж подбросило на месте.

— Мой ключ от Либрума??? Откуда он у меня?

— Части ключей поделены между Вечными, — пояснил Даллах. — Две половинки ключа и активатор. Активаторы — одинаковые, ключи — разные. Ключ от оружейки у

Вагабра и Ширин, ключ от лаборатории — у тебя и у меня. Активаторы у Реваля и у Элианны. Поинтересуйся как-нибудь у Ширин, куда она дела свою половинку. И знает ли она вообще, что где-то среди ее коллекции странных артефактов есть один не такой уж странный...

— А мне-то где его искать? — пробормотал я, все еще не избавившись от потрясения. — И как он выглядит?

Даллах пожал плечами.

— Мой лежит в футляре в виде кинжала, выглядит как металлическая пластинка с прорезями. У Реваля, насколько я знаю, футляр другой, — тут Даллах неожиданно хихикнул. — Кстати, если кто-то ищет Свод, этот кто-то придет и за ключами. Или хотя бы спросит о них, — подытожил он.

— Тебя уже спрашивали? — поинтересовался я, лихорадочно соображая, как он может выглядеть и где валяется. И стоит ли вообще искать его.

— Спрашивали, — усмехнулся старый зубр. — Эта хитрая ящерица. Осторожненько так... я даже поначалу и не понял, о чем речь. Потом уже, когда он ушел, я сообразил. И хорошо, что так, — он все еще улыбался, но в его добродушных глазах весельчака-увальня при этом появилось что-то холодное и очень опасное. — Он уверен, что я не знаю. Или забыл. Отлично.

Мы еще долго сидели, потягивая пиво и разговаривая о самых разных вещах: о войне с Анг Миртом, о новых колониях низкоразумных Двумких, расплодившихся на востоке Фераннона, о хитростях Кошек и новых игрушках Пардусов, об удивительно теплой зиме, о жадности Саламандр и об очередной любовной интриге Альсара. Последнее воплощение Феникса был необычайно красивым айором, отличавшимся, к тому же, фантастической любовной ненасытностью. О его бурных романах ходили легенды, причем не только среди Вечных. К нему были равнодушны даже свои, давным-давно пропитавшиеся циничностью и разочарованием женские ипостаси Вечных. Когда же я засобирался домой, Даллах, проводив меня до ворот своей гостеприимной крепости, на прощание крепко сжал мой локоть своей огромной железной пятерней.

— Будь осторожнее, Рес. Все наши догадки — не более чем игры разума. Мне почему-то кажется, что мы с тобой ни на шаг не приблизились к пониманию того, что происходит на самом деле. Не знаю, что за силы зашевелились тут у нас в последнее время, но то, что они зашевелились вокруг тебя... — он по-бычьей мотнул головой. — Будь осторожен.

Я кивнул. Не представляю, как я смогу последовать его совету.

Глава 15. Ледяные земли

Юлька проводила глазами очередного всадника и, тревожно оглянувшись на порядком отставшего Румянцева, свернула на широкую улицу, в конце которой виднелись торговые ряды, изрядно припорошенные снегом.

Приземистые, распластанные по земле домишки со скошенными на одну сторону крышами слепо таращились на них мутными крохотными окнами. Двухэтажный особняк дома Саламандры — Золотой Гильдии с высоким, чисто выметенным мраморным крыльцом, выглядел среди них, словно нарисованный фломастером на черно-белой фотографии. Здесь, в Ледяных Землях, так не строили. Здесь жались к земле, сохраняя малейшие крупинки тепла, заботливо подгоняя друг к другу большие каменные блоки, или, как в Небесном крае, выдалбливали полости внутри скал, превращая маленькие естественные пещеры в подземные чертоги, где ютились целыми кланами. Тут же, по соседству, держали ууррсов — ездовых животных, похожих на карликовых, одомашненных белых медведей.

Рейм, столица Ледяных Земель, вытаивал из-под снега только на пару месяцев в году. Юлька не представляла его без снега, без этого бесконечного черного неба с тусклыми точками звезд, без вонючих угольных костров вдали друг от друга, едва освещавших широкие, кое-где разъезженные, а где-то заваленные снегом улицы. Несмотря на пронзительные ледяные ветра, здесь всегда было достаточно оживленно: постоянные обитатели столицы, торговцы из кланов со всех краев Ар Хойта, покупатели из разных земель Ар Соль, работники с добывающих фабрик Красного края, выбравшиеся сюда в редкий для них выходной, низкоразумные обитатели земель, презрительно называемые храгами, опасливо жмушщиеся по сторонам дорог, ищущие здесь лучей доли.

Целью их путешествия был местный рынок. Ездить по Рейму на санях запрещалось, поэтому упряжку с ууррсами пришлось оставить на въезде в город, на постоялом дворе — здесь он представлял собой низкий каменный сарай со множеством въездов; внутри жгли костры и за небольшую плату подкармливали ууррсов рыбой. Жилище клана Снежных оленей, принявшего троих беглецов в свою семью, находилось далеко на юго-востоке от столицы; его обитатели недолго любили город, слишком оживленный и шумный, и поэтому охотно поручали чужакам покупки, сделать которые можно было только в городе.

Юлька с завистью проводила взглядом парочку верховых хойгоров в богатых белоснежных шубах. Уурсы, рожденные в неволе, в холке были чуть выше полуметра; их запрягали в сани, используя для различных домашних нужд. На настоящих ледяных ууррсов охотились специально обученные следопыты Серого Края, затем — приручали и объезжали; они были далеко не такие безобидные, как их одомашненный вариант, и приручить настоящего ледяного ууррса считалось большой удачей. Хойгоры верили, что ууррсы признают только равных себе по силе духа; одним из самых важных испытаний для юного охотника — хойгора становился первый выезд на этом внешне неуклюжем и добродушном, но на самом деле ловком и гордом звере.

Именно так из пленников Юлька, Саша и Румянцев превратились в полноценных членов клана Снежных оленей. Прямо на ступенях шеадра их захватила разбойничающая молодежь клана. Когда оказалось, что выкуп за них никто не заплатит — а похищение с последующим выкупом одиноких путешественников в Ар Хойте было одним из местных

весьма прибыльных способов заработка, их оставили в рмерде — жилище клана на положении пленников. Впрочем, плен был весьма условным: никто не ограничивал их передвижения по рмерду, понимая, что убежать им некуда и не на чем — с упряжкой уррсов им не управиться, ехать некуда, а с ледяным уррсом не каждый взрослый хойгор поладит. К общему котлу их охотно пускали, одобрительно принимая посильную помощь по хозяйству, и на Сашу уже начинали заглядываться местные девушки. Вот только статус — без роду без племени, «мягкотелые» — так называли хойгоры обитателей всех прочих земель, кроме Ар Хойта — портил все. «Мягкотелые» не участвовали в общинной жизни клана, а значит, не имели права голоса, права на часть добычи, да и на уважение, если уж на то пошло. Здесь они были низшими существами, безвредными, но и бесполезными.

Так прошли пара унылых и безотрадных недель, за которые Саша с Румянцевым успели построить и отвергнуть десятки планов побега. Ни карт местности, ни запасов продовольствия, ни подходящего для путешествия по Ледяным землям снаряжения у них не было. Все, что у них осталось — личные вещи да Сашина перчатка, производившая на хойгоров сильное, но сдержанное впечатление. У них у самих имелось оружие наподобие когтистых лап, хотя, конечно, ничем не похожее на Сашино, и управлялись они с ним не менее ловко.

В один из сумрачных и холодных дней Юлька из любопытства забрела в загон с молодыми ледяными уррсами. Тогда она почти ничего о них не знала и совсем не испытывала страха при виде мирно спящих в загородках белых медведей с вислыми собачьими ушами и песцовыми хвостами. Миленькие такие зверушки, вроде тех, что санки таскают, подумалось ей при виде ушей и хвостов. Один из них показался Юльке меньше остальных, кроме того, у него были забавные рыжие пятна на морде, напомнившие ей человеческие веснушки...

Она уселась рядом с ним на подстилку из рыбьей кожи. Зверь не возражал. Погладила по морде — он зажмурил глаза. Она притащила ему рыбы из стоящей в соседнем загоне огромной бадьи — он сожрал все, благодарно чавкнув напоследок и живописно облизнувшись, демонстрируя внушительную зубастую пасть. Положив морду ей на ногу, он закрыл глаза и заурчал, как сытый кот, под энергичные почесывания и поглаживания новой хозяйки.

Так их и застал один из старейшин клана, когда Румянцев заметил Юлькино длительное отсутствие и поднял тревогу. Юлька, совершенно не понимавшая, с какой это стати ее посадили на расписанную узорами шкуру и потащили в самый большой зал рмерда, визжала и отбивалась, а ее зверь, разбуженный потасовкой, бросился за ней и прыгнул на шкуру, подмяв под себя всех, кроме хозяйки...

С тех пор все изменилось. Сашу стали брать в охотничьи рейды, пока — вторым седоком на парном седле, а позже, когда и ему удалось найти общий язык с молодым уррсом из того же загона, наравне с остальными охотниками. Тем более, что у него достаточно ловко получалось метать костяные ножи, используемые хойгорами для охоты на пушного зверя. После недолгих тренировок он научился попадать точно в глаз хищнику, набрасывать сеть на дерсов — местных оленей, бить птиц из длинных трубок, стреляющих иглами.

Юлька училась ездить на Умке — так она назвала своего зверя. По меркам взрослых уррсов он действительно был маловат, но зато брал проворством и скоростью. Характер у него оказался покладистый, но никого, кроме Юльки, он не признавал. Женщин, оседлавших

уррсов, в клане было немного, все они оказались женами вождей или лучших воинов. Некоторые из них участвовали в охоте, но чаще на них возлагались иные обязанности — поддерживать связи с другими кланами, со столицей, приносить новости, делать нужные для клана покупки.

Торговые ряды были заполнены народом. Сюда привозили большую часть добычи охотничьих промыслов со всех четырех краев Ар Хойта, изделий ремесла, редкие и дорогие в Ледяных Землях продукты. Румянцев сказал, что всю торговлю контролирует Дом Саламандры, где — открыто, где — подпольно. На рынок Рейма съезжался самый разный народ: богатые торговцы из столицы, охочие до мехов, шаамы из Жарких Земель, интересовавшиеся морскими промыслами, ирнанцы, которые тоже были охочи до рыбы, хотя в их озерах она ловилась не хуже морской. Провожая глазами солидных, одетых в искусно пошитые полушубки прохожих, напряженные лица и богатый наряд которых выдавал в них гостей из теплых краев, Юлька спросила Румянцева:

— А Пардусы здесь бывают?

— Иногда. У Ассоциации в Красном Краю есть несколько больших предприятий по добыче. Здесь они сменами. Ну, та же система, что и у нас, — напомнил он, — а сюда выбираются, когда скучно станет, или когда баб нет.

— И что, местные с ними... встречаются? — быстро поправилась Юлька, заменив крепкое словцо. — Или Дом Саламандры открыл для работяг отдельный публичный дом?

Румянцев заразительно расхохотался.

— Надо подкинуть идею местному главе Дома, — сказал он. — Думаю, будет пользоваться успехом. А в общем, местные рмерки охочи до других рас. В некоторых племенах это очень даже поощряется, детки крепенькие рождаются.

Юлька улыбнулась.

— Кто еще здесь есть?

— Элезы за мехами и шкурами приходят, — Румянцев кивнул на двух рьяно торгующихся Разумных человеческой наружности. — Сама знаешь, охота ради шкуры и мяса запрещена во всех землях, кроме Ар Хойта и Шеннон Ара.

Добравшись до крытых рядов, она отыскала прилавки, где торговали сахаром и солью и, найдя торговца с маленькой брошкой-саламандрой на груди, принялась азартно торговаться. У официальных членов Золотой гильдии всегда было дешевле, да и товар хорошего качества: саламандры дорожили своей репутацией. В конце концов, немного сбив цену, она нагрузила Румянцева мешочками и повернула в сторону аптекарских палаток: необходимо было закупиться еще кое-какими лечебными травами.

— Давай я до трактира, а? — жалобно попросил Румянцев. — А ты иди по своим лавкам без меня. Я там чихаю, и вообще...

— Пиво же все равно невкусное, — проворчала Юлька. — И холодно его хлестать.

— Мы неделю в Рейме не были, — сказал Димка. — Надо же узнать последние новости. Газет они не читают, Интернета нет... — он тяжело вздохнул.

— Ладно, иди, только недолго. Здесь и встретимся.

Румянцев быстро закивал и мгновенно затерялся в толпе между рядами. Его любимый трактир находился у выхода с рынка; там подавали местное сваренное непонятно из чего пиво со странным вкусом и запахом, и закуску из сушеной и вяленой рыбы. Рыба была ничего, съедобная, а вот пиво... Больше поживиться там было нечем. Саша был здесь пару раз, но достоинств сего места не оценил. У Румянцева и здесь быстро завелись знакомые,

через которых он узнавал разные, полезные и не очень, новости. К Юлькиной радости, женщин туда не пускали.

Юлька зашла в одну из аптекарских лавок, разместившихся в крытом павильончике рядом с рынком. Лекарям в мирах Ар Соль покровительствовали сразу две вечные силы: Даллах-Зубр и Ширин-Смерть. Лекарства производились последователями обеих, существенно отличаясь подходами к лечению болезней в целом; кроме них, в свободной продаже находилось немало весьма действенных медицинских приборов, изготовленных все теми же техноасами и детьми Ширин. Здесь, в Ледяных землях, в маленьких лавочках все силы мирно сосуществовали друг с другом, лишь символы — зубр, леопард или летучая мышь — на упаковках говорили о том, где именно их изготовили.

Юлька нырнула в хорошо знакомую приземистую дверь; в глубине полутемных комнат глухо брякнули глиняные колокольчики. Сюда она заглядывала и ранее. Аптекарские лавки Ар Хойта напоминали ей жилище Бабы Яги: пучки трав по стенам, старые, испачканные сажей глиняные горшки, кривоватый низенький прилавок, черный зев печи, в которой тускло тлели угли, склянки со странным содержимым, чучела местных зверей и птиц по углам, шкуры на лавках для посетителей... Она допускала, что многие вещи находятся здесь больше для антуража, чем для дела, поскольку хозяин лавки казался ей вполне нормальным, современным Разумным, и уж на ведьмака не походил нисколько.

Хозяин лавки, пожилой хойгор, совершенно седой, с глубоко посаженными темными глазами, характерным темно-золотистым загаром лица и рук, прищуром обитателей ледяных пустынь, вышел ей навстречу, держа в руке склянку с порошком собственного приготовления. Местные жители предпочитали снадобья на основе местного сырья, чем привезенные издалека и зачастую весьма дорогие по цене. Юлька, обменявшись приветствиями, перечислила нужные ей травы и пока он неспешно отбирал и упаковывал упомянутое, украдкой посмотрелась в стоявшее в дальнем углу зеркало. Зеркал в рмердах не было, а в лавках их вешали специально для приезжавших из дальних концов Ар Хойта хойгоров, никогда не видевших подобного чуда. Юлька же, попав в город, старалась зайти куда-нибудь, чтобы посмотреть на свое отражение и хотя бы потом попробовать привести себя в соответствие со своими представлениями о красоте.

Отражение ее давно уже не радовало. Волосы, отросшие почти до плеч, стали заметно гуще, расчесывались плохо, путались, завивались неожиданно крутыми кольцами, и все время вылезали из-под шапки. Лицо ее, мягкий правильный овал, заметно похудело и осунулось, кожа обветрилась, местами покраснела, губы были вечно сухие и иногда трескались. На скулах был не то загар, не то румянец. Носик, чуть вздернутый, лишился последних веснушек. Руки огрубели, ногти, привыкшие когда-то к уходу и регулярному маникюру, пришлось коротко остричь. В глазах, темно-серых, больших, с пушистыми, не очень длинными, но густыми ресницами, появилось странное выражение — что-то диковатое, резкое, словно она на самом деле стала истинной ледяной наездницей.

Расстроившись, она резко отвернулась от зеркала.

Старый хойгор, подняв на ее глаза, улыбался.

— Юлья — хоор что звездочка на ночном небе, — сказал он.

— Вы знаете, как меня зовут? — удивилась Юлька.

— Слухи бегут быстрее ууррсов, — хмыкнул тот. — Во многих рмердах сейчас шепчутся о новой ночной звезде, которой поклонился сын хозяина ледяных степей, — продолжил аптекарь все в той же витиеватой манере. Юлька улыбнулась краешком рта. Это ее Умка —

сын хозяина ледяных степей? Хозяин ледяных степей был божеством хойгоров, но не Вечным, не живым богом во плоти, а обычным мифологическим персонажем. Грозный богатырь-великан с тысячей черных кос, один глаз его был солнцем, другой — луной, дыхание — ветром, шаги — землетрясением, а любовь — пожаром, — так пели в рмердах сказители.

— А о чем еще шепчутся в рмердах? — любопытствовала она.

— О, всего не упомнишь, — аптекарь, закончив упаковывать травы, протянул ей тонкий полотняный мешочек. — Говорят, что один из вождей Ночных Птиц собрался вскоре навестить Снежных Оленей. Он уже год, как вдов, — и, видя недоумение Юльки, продолжил. — Ночные Птицы — богатый, сильный клан. Только в Красном краю у них двенадцать рмердов. И жены у них под стать вождям. Обычные девки им не нужны...

Юлька смутилась. Намек показался ей слишком прозрачным.

— Думаете, это ради меня? — спросила она шепотом.

— Я не вижу красных серег в твоих нежных ушках, Юлья-хоор, — лукаво улыбнулся аптекарь. — Может быть, рубины Ночных птиц придутся тебе по душе?

Поспешно забрав покупки и скомкано поблагодарив старого хойгора, Юлька выскочила из лавки. Странную новость следовало проверить.

Вид рмерда казался Юльке уже почти родным. Жилье коренных обитателей Ледяных земель было удобным, теплым и очень необычным. Казалось бы, племена хойгоров не отличались высоким уровнем развития, но их жилища говорили об обратном. Рмерды строились еще в прошлом тысячелетии, когда цивилизация Ар Хойта, по их легендам, находилась на более высокой ступени. Впрочем, это было заметно по уникальной архитектуре и инженерным решениям рмердов. Они стояли на скальных выступах, в тех местах, где имелись хотя бы небольшие природные пустоты. В скалах были выдолблены комнаты и залы самых разных размеров, нижние подземные этажи отданы под хозяйственные помещения. Средние — жилые подземные уровни — отапливались с помощью сложной системы воздуховодов, а горячий воздух поступал из кухонь по трубам, искусно проложенным сквозь все жилые помещения. Некоторые их части были сделаны из прозрачного, как стекло, вещества и светилось в темноте. Окна — вертикальные щели, выдолбленные в тех местах, где стены рмерда выходили наружу, были залиты тем же светящимся составом, и благодаря им в полуподземных помещениях почти всегда было светло, как днем. Когда надо, их завешивали или накрывали нарядными тканями ковриками.

Печи топили углем, добываемым на востоке Ар Хойта, которого всегда было в избытке и который был дешев. Свежий воздух поступал в рмерд по такой же системе скрытых воздуховодов. Стены сплошь покрывали росписи, старые, как сами рмерды. По ним хойгоры учили детей и рассказывали историю своих кланов и земель. Юлька нашла здесь и изображения Вечных: здесь их чтили так же, как и в остальных землях.

Она зашла на кухню и в кладовые, сдав свои приобретения старшей хозяйке, и направилась в отведенный им закуток на одном из средних уровней. Это были три маленькие спальни, выходившие в одну большую полукруглую комнату-пещерку, разрисованную картинами охоты, пеструю, словно детский мультик. Комнатки не имели дверей, входы-выходы были выполнены в форме низких арок: чтобы зайти к себе в спальню, приходилось нагибаться. Туалет — низкая, но удобная чаша, труба которой уходила куда-то очень глубоко, отделялся от жилой зоны толстой шкурой, а помывочное пространство — иначе Юлька не могла назвать это странное место с выдолбленной в скале высокой

овальной бадьей и краном, из которого всегда текла теплая, чуть теплее температуры тела, вода, — располагалось над туалетом, и туда требовалось подниматься по крутой и узкой лесенке.

Но жить было сносно. Она занавесила вход в свою каморку старым покрывалом, выпрошенным у одной из пожилых хозяек, и теперь не стеснялась залезать гольшом под мягкие, тонко выделанные шкуры.

Единственное, что угнетало ее время от времени — это скука и полное отсутствие перспектив. Мужчины строили планы возвращения в Ар Элес, планы поиска того порога, через который попали сюда, и даже безумную возможность попросить помощи у Ворона. Саша считал, что если они будут максимально честны, у них есть шанс остаться в живых. Румянцев ругался, считая, что ничего путного из общения с властями выйти не может.

Она уже собралась поплескаться в каменной бадейке, пока туда не залез Румянцев, любивший мыться невероятно долго, когда в общую комнату ввалился взволнованный, потный и раздраженный Саша.

— Что-то вы рано, — бросила Юлька, глядя, как он стягивает с себя тяжелую меховую куртку и штаны. Везет ему... Он давно ее не стеснялся, оставаясь при необходимости гольшом, а она смущенно отворачивалась, тайком любуясь его крепким, мускулистым телом.

— Нам пришлось вернуться, — сообщил он, — свернуть охоту. — Там было такое... — он сел на лавку, вытирая лицо ладонями, — я даже не знаю, как это описать.

— Описывай как можешь, — забеспокоилась она.

— Ну, мы уже к тому моменту кое-что подстрелили, — начал он, устало опускаясь на лавку. — А потом... Сначала нас словно током ударило. Потом на небе появилась полоса. Красная. Неровная, через все небо. Она выросла, расширилась... — он замолчал, пытаясь подобрать слова. — Представь себе, ты куртку порвала, и теперь из дыры торчит подкладка. Оранжевая. Так и там — прореха через все небо, оранжево — алая. И из нее ветер дует. Горячий, вонючий... паленой органикой пахло. Снег сразу же вокруг растаял, лужи образовались, уурсам тяжело, скользко. Хойгоры засуетились, а главный приказал собираться домой, как можно быстрее.

— А как они это объясняют? — спросил Румянцев, который только что вошел и остановился в проходе, внимательно слушая его рассказ.

— Говорят, что их земли граничат с миром мертвых, — невесело усмехнулся Саша. — И что этот мир иногда пытается сюда прорваться. Говорят, сейчас мертвые твари ползут, от них не отобьешься, они все сожрут. Говорят, скоро придут Пауки, убьют тварей и прореха затянется.

— И здесь Пауки, — вздохнула Юлька.

— На что это было похоже? — Румянцев сел на лавку рядом с ним, ободряюще похлопав его по плечу.

— На сюрреалистическую жуть, — буркнул тот. — На галлюцинацию. Кстати, там, за красной щелью в небе, была какая-то земля. Темная, почти черная. И снега на ней не было.

Румянцев вздохнул.

— Поспрашиваю, — кивнул он. — Может, кто получше объяснит.

На следующий день с утра выглянуло солнце и Юлька, пользуясь хорошей погодой, решила выгулять Умку. Спустившись в загон с уурсами, она поначалу долго гладила своего любимца, причесывала его лохматую белую шкуру, трепала уши, на что он начинал урчать,

как довольный кот, только с утроенной громкостью, и только потом, наобщавшись, она принялась крепить на нем упряжь. В этот момент с внешней стороны загона в него зашли четверо хойгоров, в которых Юлька узнала старейшину клана, а остальные, судя по вышивке на рукавах курток и подвескам на шапках, принадлежали клану Ночных Птиц. Вспомнив разговор со старым аптекарем, она съежилась и захотела сбежать, но потом, глянув на мужчин сбоку, вдруг успокоилась. Пусть сначала действительно... посватаются, а потом уж мы пугаться будем, решила она, выпрямившись и напустив на себя невозмутимый вид. Старейшина действительно указал на Юльку, а потом ушел с двумя Ночными Птицами наверх. Оставшийся в загоне хойгор неторопливо подошел к девушке, и, не обращая внимания на ощерившегося Умку, помог ей затянуть самый широкий ремень упряжи — под брюхом.

— Прокатиться собралась, красавица?

Она съежилась и отступила назад, а потом вдруг разозлилась. Чего она боится? Умка ее в обиду не даст, да и парни, если что, защитят. Она окинула хойгора внимательным взглядом, пытаясь понять, нравится он ей или нет. Высокий, худощавый, с темным, загорелым лицом — явно охотник, и темными, прищуренными глазами, на вид ему было лет сорок, не меньше.

— Собралась, — бросила она небрежно.

— Позволишь с тобой?

Она решительно запрыгнула в седло и еще раз оглядела его, на этот раз сверху вниз, с легким оттенком превосходства.

— Пешком пойдешь?

— Мой ууррс в соседнем загоне, — пояснил он с ухмылкой, которая, впрочем, Юльке понравилась — он словно не имел ничего против ее игры. — Ты езжай, я догоню тебя.

Юлька шлепнула Умку по холке, веля двигаться. Он с радостью сорвался с места и вылетел на белый, сияющий на солнце снег.

Глаза сразу же ослепли и наполнились слезами. Брес рассказывал, что у крылатых для полетов над Северной Элезией и Реарскими горами в Ирнани есть специальные маски для лица, со светофильтрами. Вот бы сейчас такую маску! Эх, какая жалость, что она так и не научилась летать... Где и когда теперь у нее будет возможность снова надеть крылья... Что же она за трусиха такая, упустила нереальную, сказочную возможность подняться в небо.

Умка радостно бежал по плотно спрессованному ветрами снегу, почти не проваливаясь, и она, вдруг вспомнив про хойгора, шлепнула его между ушами, велев бежать быстрее. Он рванулся вперед, а она чуть не задохнулась от ледяного удара ветра. Черт, все время она забывает правильно наматывать шарф, чтобы не обжечь холодом лицо. Притормозив его, она оглянулась вокруг и обнаружила, что ууррс унесся куда-то в сторону, откуда ни скал, ни рмерда не было видно. Ну да нестрашно, ууррсы всегда находили дорогу в родной рмерд. Укутав лицо и поправив выбившиеся волосы, она заметила, как на горизонте возник еще один ууррс со всадником на спине.

Юлька огляделась. Встречаться с малознакомым чужаком в ледяной пустыне ей не очень-то хотелось... Она поддернула шарф по самые глаза, натянула капюшон на уши и, прижавшись к Умке, снова шлепнула его по холке — вперед! Ууррс сорвался с места, а она еще дважды командовала ему ускориться. Умка мчался, радостно подвывая. Она направила его по собственным следам, по которым теперь навстречу им шел пришлый хойгор. Расстояние между ними неуклонно уменьшалось. Еще несколько мгновений — и они

стремительно пронесли мимо, а тот едва успел отшатнуться назад.

Влетев в загон, потная и довольная Юлька свалилась с Умки, весело хохоча. Вот так пробежка! Ууррс ластился, головой толкая ее в спину, в ту сторону, где стояли баки с рыбой. Накидав ему целое ведро, Юлька потащила его к загородке, где находились подстилки, чтобы прицепить к задней лапе длинную веревку, но в этот момент в загон неторопливо вошел уже спешившийся гость. Ууррс его, здоровенный лохматый белоснежный зверь, послушно вышагивал за ним следом.

Подойдя к баку, хойгор бросил своему спутнику несколько рыбин и повернулся к Юльке.

— Что, догнал? — усмехнулась она, на что тот сдержанно рассмеялся.

— Ну и норов у тебя, красавица, — темные глаза смотрели с ласковым прищуром, и Юлька неожиданно смутилась.

— А не нравится — не подходи, — фыркнула она.

— Почему ж не нравится? — улыбнулся он, протягивая к ней открытые ладони. — Нравится. Женке вождя именно такой норов и нужен. И зверь у тебя шустрый, даром что молодой. Ну да ничего, подрастет еще в холке, заматерееет.

— Я чужая, — огрызнулась она, привязав своего зверя и собираясь побыстрее сбежать от двусмысленного и неприятного разговора.

— Была чужая, — поправил ее хойгор. — А теперь наша. Ууррс лишь бы кого не выберет. Только истинный хойгор может мчаться по ледяной пустыне против ветра.

Стиснув зубы, она молча шмыгнула мимо него и бросилась обратно в рмерд.

Вечером Румянцев, знавший все сплетни рмерда, сообщил ей, что ее собираются сватать.

— И будешь ты у нас любимой женой вождя, — прокомментировал Саша шутливо.

— Я не хочу! — чуть не закричала она. — Вы издеваетесь, да?

Саша примирительно погладил ее по плечу.

— Мне тоже сватают местную девушку, — рассмеялся он. — Это же не значит, что я должен на ней жениться. Тут у нас временное убежище, чтобы собрать силы, накопить денег и знаний о мире. Кое-что уже есть. И карты, и деньги. Что до вождя, так он достойный мужик. Охотник хороший, опять же, свой рмерд...

— Ты с ума сошел! — закричала Юлька обиженно — Мне же с ним спать придется! Ты вообще думаешь, что говоришь? Ты за кого меня принимаешь?

— Я пошутил, — смутился Саша.

— Дурак ты, командир, и шутки у тебя дурацкие, — бросила она сквозь зубы. — Это хорошо, что меня напрямую еще не спросили. Мне же ответить придется. Как бы после моего ответа нам всем хуже не стало.

— Ну не сердись, — Саша явно растерялся, не зная, как ее успокоить. — Я что-нибудь придумаю. Конечно, если они будут настаивать, придется уходить в Ар Ирнан раньше, чем планировали. Уйдем, не волнуясь. Никаким вождям мы тебя не отдадим.

— А ты потяни, — вмешался Румянцев. — Не говори ни "да", ни "нет". Поморочь ему голову.

— Поморочишь ему, как же, — буркнула Юлька, все еще испытывая обиду на своих спутников. — Не дурак он. Вообще он мне понравился, если честно.

— Вот! — воскликнул Румянцев. — Давай я узнаю, сколько тут девки в невестах ходят,

от помолвки до свадьбы. Вдруг — как у нас в старину, по году и больше? Погуляешь с ним немножко, развлечешься-развеешься.

— Узнай, — Юлька решила сменить гнев на милость. — Только побыстрее.

— Да ты сама рмердских девок спроси, — предложил Саша. — Вернее будет. Вдруг этот, — он кивнул на Дмитрия, — что-нибудь недопоймет?

Через три дня вождь их клана встретил ее в загоне с ууррсами, когда она вернулась с очередного выезда.

— К тебе посватался Нойгр-хорг, третий вождь Красных птиц, — начал он напрямиком. — Пойдешь за него?

Юлька вздохнула.

— Ну вы же видите... — начала она неуверенно. — Мы же чужаки. Совсем чужие. Мы даже не из Ар Лессена, мы с Основы. А брак — это общность, хоть какая-нибудь. Интересов, рода, занятий, культуры... Хоть что-то общее должно быть. А мы с ним... — она помялась. — "Захотел — догнал" — это ведь не про семью, а про кое-что другое.

Вождь долго молчал, глядя, как она вытирает и вычесывает взмыленного после очередной бешеной гонки Умку.

— Ты мудра, Юлья-хоор, — слова его почему-то звучали печально. — Но давай и мы будем мудрыми. Третий вождь Красных птиц не поймет тебя. Он как раз из тех, кто "захотел-догнал" — вождь мягко улыбнулся. — Давай найдем другой повод для отказа.

— Давайте, — обрадовалась она.

— Съезди к Нойгру в рмерд, якобы в гости, — предложил он, крепко задумавшись. — Только не одна, возьми с собой твоих спутников да кое-кого из наших девушек, с кем сдружилась. Рмерд Нойгра меньше и беднее, хоть и охотник он знатный. Вот пусть твои родичи с Основы это заметят и возмутятся. Пусть Алекс-хорг не позволит отдавать тебя в такой рмерд.

— А Нойгр не вызовет его на поединок? — забеспокоилась Юлька.

— Если не говорить резких слов ему в лицо, то не вызовет. А если вдруг и загорячится, то я Алексу такой поединок запрещу, как чужаку. Вспомню, что он пленник, а не равный член рмерда.

— Спасибо, — от всего сердца поблагодарила Юлька. — А можно я не сразу поеду? Мне бы подумать, как себя вести...

— Конечно, — кивнул хойгор. — Тебя никто не торопит. Но сильно не затягивай, а то он сам сюда приедет, труднее будет отвертеться.

Глава 16. Еще один след

Я очнулся в Восточной башне, самой далекой и самой пустынной, расположенной на небольшом островке у восточного побережья Аскарема, и, проклиная все, что попадалось на глаза, обернулся Вороном и полетел домой. Судя по последним воспоминаниям, отсутствовал я недолго. Последние пару недель после каждого прорыва Грани я понемногу исследовал Анг Мирт, залетая все дальше и дальше, и снимая его поверхность пристегнутым к лапе визором. То, что постепенно открывалось моим глазам, все глубже погружало меня в мрачные размышления о природе и родстве наших земель-пространств. Это оказался сумрачный и бедный, но вполне живой и активный мир, впитавший в себя черты и Ар Соль, и старой Земли. Пожалуй, он напоминал Основу гораздо больше, чем Ар Соль. Люди здесь обитали в огромных городах-башнях и ничем не отличались ни от нас, ни от них. Возможно, там были и Двумкие, но пока что никто из них не попался мне на глаза.

Вчера утром, по просьбе Даллаха я направился в Лаорику, где в очередной раз схватился с советом брэннов, устроивших склоку за наследство недавно умершего главы. Тамошние брэнны — через одного Двумкие, старый глава успешно держал их в кулаке, несмотря на то, что хозяином большинства был Даллах. Тут, почуввав свободу, они устроили поножовщину и теперь дружно переваливали вину друг на друга. С трудом я удержался, чтобы не пугануть их вечным обликом, поднять самого склочного в воздух и шлепнуть об землю. Вечный Ворон во мне клокотал яростью, и когда я почувствовал, что больше не могу удерживать контроль, то принудил виновных сознаться вороновым взглядом и, не дожидаясь окончания, рванул подальше от их склок — к океану.

Охоту помню — две, нет, три жертвы. Черт, совсем не помню, кто это был, помню только, как кружил над восточным побережьем, стремительно влетел в закат, помню зеленые глаза Эйлы, которые следили за Вороном-мною восторженно и маняще, ее сладостный, чувственный призыв, так мало отличимый от реального, свою острую жажду, затем экстаз, наслаждение... Почему древняя тварь в моем теле видит конкретную, пусть и призрачную женщину? Что их связывает? Для Ворона она имеет постоянный облик, разумна и даже... осязаема. Она льнет к тебе так же, как льнут обычные, земные, реальные женщины, и способна испытывать такой же экстаз, затягивать, завлекать, ввергать в странный оргастический водоворот... Интересно, можем ли мы с ней что-нибудь создать? Каков вообще результат таких полетов, охваченных страстью к не существующему во плоти, но реальному существу? Вечные боги, я даже не знаю, в каком виде я это делаю... Черную птицу или человека по имени Рес видит зеленоглазая? Я никогда не решался спросить, до того постыдными, противоестественными, жадными и неистовыми казались мне эти совокупления в небе. Она всегда предлагала первая, а я-Ворон загорался как сухая травинка и не мог остановиться, пока не иссякали силы. Затем большая черная птица опять охотилась и отправлялась куда-нибудь на острова, или в одну из башен, и сладко спала, просыпаясь сильной, довольной и полной энергии. Человек же загонял безумные воспоминания куда подальше и возвращался домой, к такой обыденной, простой и понятной жизни.

И Шандр еще считает мое Вечное бытие нормальным! Иногда я ненавидел Ворона и себе, а еще больше — самого себя, за слабость, особенно когда начинал чувствовать, как растет во мне этот иррациональный, дикий и жестокий голод, принуждающий отправляться на охоту. Невозможность прервать ее, остановиться, запретить твари питаться живой кровью

разумных существ доводила меня-человека до иступления. Если же присоединялся другой голод — жажда физических удовольствий, который тоже накатывал регулярными волнами, я чувствовал себя озабоченным маньяком, реагируя на каждую проходящую мимо женщину. Я-человек предпочитал обычных женщин, но Ворона притягивали Двумикие, и как же трудно в такие моменты было не обращать внимания на их острый, возбуждающий запах.

Кстати, во время таких приключений я все время остаюсь человеком. Хотя когда-то, в первое время после обретения ипостаси, мне было чертовски трудно удерживать человеческий облик. Иногда трансформация начиналась самопроизвольно. С годами я научился и самоконтролю, и умению гасить подобные чувственные вспышки. Я знаю, что далеко не все из моих коллег смогли совладать со звериной страстью своего второго облика. Я знаю, что у них бывали жертвы. Слава богам, что меня это минуло.

Добравшись до Северной башни, я уменьшился до размеров обычной птицы и тихонько сел на верхней площадке, стараясь не привлекать внимания. Вечный Ворон был сыт и доволен — энергия бурлила через край. Спустившись в спальню, я быстро переоделся и принял душ, отогреваясь и пытаясь в очередной раз примириться с самим собой. Буквально через полчаса в дверь постучали, и мой верный Нвер молча принес мне большую кружку кофе и блюдо со свежеспеченными булочками. Следом за ним в комнату бесшумно вошел Шандр, сел в кресло напротив кровати и принялся молча наблюдать, как я жадно заглатываю этот сладкий, ароматный, бодрящий напиток.

Зыркнув на него, я тоже сел в кресло напротив и принялся за сдобу.

— Слетал бы ты Шеннон Ар, — начал он без предисловий. — Корпорация "Блик" по документам принадлежит техноасам. Большая территория, высоченный забор, причем не из этих новомодных саморастущих органопластиков, а из обычного местного камня. Нет, не дешевле, — предупредил он мою реплику. — Сам помнишь, какие там условия работы... на труде местных каменщиков можно корпорацию разорить. Другое дело, что тамошняя порода не пропускает никакое излучение, не зря ж Некрос в свое время выстроил свой замок исключительно из шеннон-арской породы.

Я кивнул. Да, Нуэйн, крепость Ширин, впечатляла... Хотя весь Шеннон Ар впечатлял, это очень, очень своеобразный мир. Подлунные земли необычны сами по себе: представьте себе мир без солнечного света, скудно освещенный двумя зеленоватыми лунами разной величины и одним слабо светящимся карликовым спутником мутно-розового оттенка. Растительность, несмотря на недостаток света, там все же есть — белесая, желтоватая, а иногда и вовсе бесцветно-прозрачная. В реках и озерах водятся причудливые существа, по большей части холоднокровные, и почти все съедобные; низкие, стелющиеся по земле заросли скрывают множество теплокровной живности, меха и шкуры которой пользуются у нас, в мирах Солнечных, наивысшим интересом. Населяют Подлунные земли пять разных народов — две расы ассаров с постоянным обликом и три Двумиких. Их можно было бы считать совсем чуждыми Ар Соль, если бы не те же самые боги — тринадцать Вечных, которым в Шеннон Аре и Кэммон Аре, другой земле Подлунного мира, поклоняются. Шеннон Ар — домен Ширин, хозяйки Некроса, смерти, если по-простому. Хотя она не любит, когда ее так называют. Некрос — это не смерть, это всего лишь особое состояние материи.

— Мои люди туда все-таки попали, — продолжал Шандр свой рассказ. — И — ничего. Обычное производство. Стоит несколько заводиков, органику гонят из местных нефтеподобных субстантов, сами и добывают, на другой стороне Лунного Кряжа. Несколько

стандартных шеадари, из них два грузовых, для транспортировки с той стороны земель и в наши края. Шеадари им делали Горностаи, и надо сказать, паршиво сделали. Настройки сбоят, мастера перекалибровку каждые полгода делают. Охраняют хорошо, даже слишком, и не понять, от кого — местные кланы с Пардусами очень дружно живут... Уважают. Слетай, а?

Я кивнул. Почему по пути не сделать пару кругов над Лунным Кряжем? Красивое место. Необычное, впрочем, как и все в Подлунных Землях.

— Слетаю... Странно, что люди Гевора заказали шеадр не у нас, а у Горностаев.

— Слишком уж часто в нашем расследовании стали мелькать техноасы, тебе не кажется? — задумчиво спросил Шандр.

— Еще как кажется, — проворчал я. — Гевор явно что-то затеял... а сам исчез.

— Его по-прежнему нет?

— Нет, и я не знаю, где его искать. Я осторожно поспрашивал тех, с кем он мог контактировать перед исчезновением — Реваль, Ширин, Лануэль, кое-какие наши общие знакомые из Ирнана и Элезии, но никто ничего стоящего не припомнил. Его отсутствие меня настораживает, — признался я неохотно и поспешил сменить тему. — Что с поисками тех четверых? Удалось разговорить кого-нибудь из Рамьена?

Красивое лицо Шандра исказилось от раздражения.

— Удалось. Какое-то время назад в Рамьене появилось трое новичков-чужаков, по слухам — со Старой Земли. В тот день, когда загорелась лаборатория модификантов, они сбежали, убив и ранив тех, кто пытался их задержать, а райзе, которая их привела, погибла, прикрывая бегство. Они бесследно исчезли, и, что интересно, Эрлен их не ищет. По словам местных, она отреагировала и на побег, и на потерю райзе с удивительным равнодушием.

— Странно, — заметил я.

— Нет, если допустить, что все четверо выполнили свою задачу и больше ее не интересуют. Что, если она их сама и убрала, чтобы ты ничего не узнал?

— Даллах предположил, что Эрлен действовала не одна.

— Вполне вероятно, — коротко кивнул Шандр. — Мне продолжать поиски троих выживших? У нас есть достаточно подробные словесные описания.

— Найди лучше мой ключ от Либрума, — проворчал я. — А то я не представляю, как он может выглядеть и где его искать.

— Кто его знает, этот шашлык ходячий, может он над тобой так подшутил, — фыркнул Шандр с недовольной миной.

— Кто угодно, только не Даллах. И не со мной. Надеюсь все-таки, что не со мной...

— Сам поищи, — предложил Шандр. — Книжку свою многотомную почитай, может оно там где-нибудь и записано.

Идея была хорошей, но для ее исполнения следовало сначала отыскать том, в котором хранились записи той эпохи. Более 800 лет назад... А Вороны никогда не отличались особой аккуратностью.

Чтобы не раздражать Шандра, я умиротворяюще кивнул.

— Я слетаю в Шеннон Ар. И к Ширин тоже. Только не сегодня. А ты подумай, как бы он мог выглядеть, этот чертов ключ.

Глава 17. Нападение

Они отправились к Ночным Птицам через пару дней. Рмерд Нойгра лежал в двух часах езды на ууррсе, но туда вела накатанная и утоптанная зимняя дорога. Им повезло с погодой, день выдался пасмурный, но безветренный и не слишком морозный. Саша ехал в паре со своим постоянным партнером и наездником ууррса Бросом. Их сопровождал совершенно незнакомый хойгор, старше всех остальных, и Юлька подозревала, что он отправлен с ними вождем. Его ууррс тащил сани с Румянцевым и двумя Юлькиными подругами. Истинную цель поездки знали все, но если мужчины Юльку поддерживали, то девушки критиковали.

— Ты же за ним как за каменной стеной будешь, — говорила первая.

— Ничего он не старый, наоборот — опытный, — повторяла вторая. — Баловать будет, холить да лелеять.

Юлька то смеялась, то морщилась, слушая их рассуждения о семейной жизни и наивные мечты о достойных женихах. Румянцев иногда подкидывал им провокационные реплики, отчего волны споров о семейной жизни и личном счастье накатывали с новой силой.

Им оставалось совсем немного до рмерда Красных Птиц, когда прямо на пути поперек горизонта красная молния расколола небо.

Поначалу Юлька ничего не почувствовала. На ее глазах серый небосвод разделился на две части, а кривая розовая полоска, змейкой спустившаяся сверху вниз, стала шириться и наливаясь грязно-алым огнем. Потом пришел ветер, и словно сотни крохотных иголок вонзились ей в лицо, горло наполнилось едким смрадным запахом паленой органики. Уурсы встали как вкопанные, а Умка так испугался, что чуть не опрокинулся на бок, и ей пришлось спрыгнуть на снег и обхватить его за шею, глядя морду и уши и шепча ласковые слова.

— Надо как можно быстрее добраться до рмерда, — крикнул старший хойгор, хлестнув своего ууррса, отчего тот первым рванулся вперед.

— Сейчас мертвяки напозут, — заволновался Брос. — Ты, Юлья-хоор, не отставай.

Меж тем трещина расширилась настолько, что в нее стали пролезать тошнотворного вида существа. Первые, большие и бесформенные, облепили ее по краям, словно разъедавая изнутри. Другие такие же, поменьше и пошустрее, с нелепыми разномастными лапами, бесформенным потоком повалили навстречу, расплзаясь в разные стороны. Там, где они проходили, оставался голый серый камень. Они мгновенно растапливали снег, частично съедая его, и кажется, съедали они не только снег, но и всю до основания землю под ним. От прорехи в небе шел жар, снег таял на глазах, и дорога постепенно покрылась высоким слоем воды, оставаясь ледяной снизу. Уурсы оскальзывались, сани заносило и выворачивало.

Огненная трещина лежала прямо на пути к рмерду, перегораживая дорогу. Брос велел им свернуть с торного пути, так, чтобы обогнуть трещину справа, и они ускорили свой панический бег, теперь уже по рыхлому, проседающему снегу. Но увы — цель продолжала расти вширь, а в том месте, где она соприкоснулась с землей, теперь и вовсе зияла грязно-алая, словно выгрызенная гигантскими мышами, дыра.

И тут Юлька неожиданно увидела людей, выходящих из грязно-огненного проема следом за бесформенными шестилапыми существами. Внешне они ничем не отличались от здешних обитателей, разве что одеты были в серую форму с нашивками. В руках у них были бичи, плеть которых светилась и то удлинялась, то укорачивалась, а еще устройства, похожие на мини-арбалеты, какие Юлька видела в Рамьене, заряженные короткими

светящимися стрелками. За ними по обнажившейся земле ехало шестиколесное транспортное средство с открытой кабиной и кузовом, в котором, кроме водителя, сидели люди. Вскоре щель разрослась настолько, что обходить ее уже не было смысла. Там, впереди, за гранью, виделась голая, серая и скалистая земля, а на горизонте выступало нечто, напоминающее крепость. Из проема на скорости выскочила вторая машина, и в ней тоже ехали люди.

— Назад, — крикнул Брос. — Возвращаемся!

Маленький отряд решительно повернул назад, поскольку рмерд оказался теперь полностью отрезан ширившимся разломом в пространстве, но через несколько мгновений им стало ясно, что вырваться из аномальной зоны не получится, потому что они привлекли внимание налетчиков.

Снег продолжал таять, образуя черную скользкую корку, под ногами хлюпала вязкая и мокрая снежная каша. Уурсы вязли в ней, едва пробираясь вперед, а в некоторых местах им приходилось ползти по брюхо в воде. В какой-то момент сани перевернулись, налетев на вытаявший камень, и девушки с криками ужаса вывалились на грязный снег. Румянцев, на четвереньках выбравшись из снежной каши, принялся поспешно поднимать сани. Хойгор успокаивал перепуганного мишку, который метался, нервно рычал и скалился. В конце концов они почти добрались до большой, покрытой жухлой травой проталины, но точно также с другой стороны до нее добрались и налетчики.

Их догнала вторая машина, в которой сидело восемь человек. Трое остались в машине, остальные неторопливо выбрались и, вытащив из-за пояса пока еще короткие бичи, направились к их маленькому невезучему отряду. Саша и Брос спешили и вытащили оружие: у Броса был нож местного изготовления, у Саши — перчатка, которая сразу же выросла до размеров когтя длиной в полруки. И если Брос пятился, отступая от человека, который шел прямо на него с бичом, то Саша отважно кинулся на второго и после короткой схватки сбросил его на землю с перерезанным горлом. И сразу же метнулся к следующему. Еще двое направились к вывороченным саням, и Юлька мельком увидела, что старший хойгор тоже выдернул нож. Румянцев испуганно пятился, прикрывая собой девушек, но Юлька знала, что оружия у него нет. Никакого.

Она спрыгнула с Умки, чтобы дать ему возможность хоть как-то ползти по рыхлому мокрому снегу, и, держась за его упряжь, поползла в противоположную от места сражения сторону. Мужчины рубились с пришельцами, как могли, отвлекая на себя внимание, и ее никто не замечал. Те трое, что поначалу остались сидеть, вышли из машины, собираясь прийти на помощь остальным, но неожиданно остановились, озираясь и задирая головы к небу.

И в этот самый момент она увидела на горизонте виммы. Они мчались с быстротой молнии, их было много, штук десять, наверное. Вскоре она смогла разглядеть опознавательные знаки, черные и синие, с желто-черным пауком на бортах. Одна за другой они садились рядом с небесным разрывом, на бесснежный участок земли, из них выскакивали одетые в черную с синим форму воины и, выхватив сразу два длинных клинка, бросались на шестипалых существ, быстро и ловко крошили их на мелкие кусочки, а потом эффектно дожигали из похожих на пистолеты, но изрыгающих пламя орудий. Большая часть высадившихся Пауков отважно бросилась прямо в прореху и взялась за тех больших и бесформенных созданий, что находились в месте разрыва и расширяли проход. Сначала их обжигали огнем, окружив со всех сторон и заставляя съеживаться, потом точно так же

разрубали на мелкие куски и снова дожигали. Буквально через несколько минут на проталину рядом с ними с неба упало еще пять вимм, золотистых с эмблемой черного крылатого змея на бортах, привезя с собой других воинов, в черной с золотом форме, которые кинулись на врага не менее неистово. Двое из них бросились на подмогу Саше и Бросу. Юлька охнула — они почти мгновенно положили четверых, а остальные, увидев результат, метнулись к брошенной неподалеку машине, но воины со знаком змея настигли их и так же безжалостно уничтожили.

Юлька огляделась в поисках второй машины, которая успела подъехать к проталине и остановиться, но ее уже и след простыл. Поискав Румянцева и девушек, она нашла только перевернутые пустые сани, а рядом с ними — хойгора с перебитой бичом шеей и застреленного ууррса. Обхватив Умку руками, она стала пятиться к виммам со змеем, но возбужденный и испуганный зверь рвался из рук в противоположную сторону, норовя дать деру поближе к родному рмерду.

В этот момент над головой промелькнула огромная черная тень, гигантский ворон прорезал пасмурное зимнее небо и метнулся прямо в огненную щель, которая усилиями Пауков перестала расползаться. Исчезнув за огненно-алой пеленой, он через несколько минут вынырнул обратно, поднялся до самой верхней точки разрыва, упал вниз, почти до земли и снова нырнул внутрь. На ее глазах разрыв стал уменьшаться, а недобитые шестилапые вдруг изменили направление, развернулись и поползли обратно. Обе группы воинов пустились им вслед, не позволяя сбежать, безжалостно кроша на части и дожигая останки.

Добравшись до крайней виммы, девушка снова стала искать среди хаоса Сашу и Румянцева. Саша нашелся в самой гуще сражения: прикончив еще одного человека с той стороны, он отважно кинулся за шестилапыми, но воин в черно-золотом перехватил его за плечо, грубо отшвырнул назад и что-то гневно крикнул. Саша поднялся на ноги и отошел к сидящему на земле Бросу, который вцепился себе в ногу и громко стонал. Найдя глазами Юльку, он помахал ей рукой.

Ворон продолжал сновать туда-сюда, пока щель не стала совсем узкой, а потом принялся кружить над землей, постепенно, по спирали, подымаясь все выше в небо. Еще немного — и прореха полностью исчезла, он описал круг над полем боя, качнув сначала одним, потом другим крылом, на что ему отсалютовал один из воинов-Пауков и один из воинов со знаком змея, и так же стремительно помчался прочь от места сражения. К этому моменту на земле не осталось ни одного шестилапого. Саша о чем-то разговаривал с воином со знаком змея, показывая ему перчатку. Юлька озиралась в поисках Румянцева, но того нигде не было. В конце концов она, успокоив и уговорив Умку сесть, рискнула отлепиться от спасительных вимм и подойти к Саше.

— Это Наги, — пояснил он, кивнув на своего собеседника. — Орден Аспида.

Воин-наг отвесил ей вежливый полупоклон.

— Где Дима? — дрожащим голосом спросила она.

— Не знаю... — Саша растеряно озирался по сторонам. — Разве он не с тобой?

Юлька отрицательно затрясла головой, а наг, слушавший их разговор, обеспокоенно добавил:

— Если он налетел на нэрга, от него могло... ничего не остаться. Нэрги съедают живую материю. Всю, до последней клеточки, — он бросил взгляд на охнувшую Юльку и с сочувствием продолжил. — Если вашего друга нет на поле боя, очень может быть, что он

погиб.

Ужас нахлынул на нее тошнотворной волной. Как так — съедают? Она пошатнулась и, чтобы удержаться на ногах, ухватилась за Сашин рукав.

— Давай обыщем местность, — Саша встряхнул ее, не давая осесть на землю. — Может он... ранен. Лежит, а мы его не видим.

— Мы сейчас поищем, — заверил их воин-наг. — Не волнуйтесь. Если он здесь, то мы найдем его. Мы заберем всех, кого обнаружим.

Глава 18. Цитадель Некроса

Считается, что небо в Шеннон Аре черное, но на самом деле это не так. Оно состоит из сотен оттенков, от глубоко фиолетового до сияюще пепельного. Здесь есть облака, цвет которых меняется в зависимости от того, какая из шеннон-арских лун светит сегодня наиболее ярко, здесь идет дождь, бликующий светлой бирюзой на фоне белесых, а иногда и вовсе хрустально-прозрачных скал. Иногда мне кажется, что небо и земля в этих краях поменялись местами. Темно-серая земля, бледная, цвета земных туманов, или желтая растительность, аспидно-черные — а иногда и неожиданно прозрачные, словно стеклянные, скалы... Деревца низенькие, причудливо скрученные, ветви с листьями, словно паутина, стелются по земле. Забрeдeшь в местный лес — не выберeшьcя, опутает-обмотает-затянет, так и сгинeшь нeвeдoмo гдe. А уж живнoсть тут кaкaя вoдитcя! ЕстЬ милые, пушистые белoвoлoсые звeрушки, а естЬ тaкoe, чтo и в кoшмaрнoм снe нe приснитcя.

В oбщeм, крaсивый oн, Пoдлунный мир, цaрствo Ширин.

Кaкoe-тo врeмя я пaрил нaд Лунным крeжeм, любясь вceй этoй экзoтичeскoй крaсoтoй, а пoтoм нaпрaвилcя нa югo-вoстoк, пoсмoтрeть нa зaинтeрeсoвaвшиe нaс пoстрoйки тeхнoacoв.

Сбросив рaзмeр, чтoбы сoйти зa чaу, мeстных крeпкoкрылыx хищникoв, пoхoжих нa кoршунoв, я пoкружил нaд oбъeктoм любoпытствa. Грaницa с Анг Миртoм прoлeгaлa пo пpeдгoрьям Луннoгo Крeжa и, пo мoим oщущeниям, былa абсoлютнo стaбильнa. Никoгдa нa мoей пaмяти здeсь нe случaлoсь прoрывoв Грaни, ни в этoм, ни в прoшлoм стoлeтии. Нэргaм здeсь сoвeршeннo нeчeм питaтьcя — гoлый кaмeнь, минимум рaститeльнoсти, мнoгo пoлнoвoдных хoлoдных рeк, кaк рaз тo, чтo сoвeршeннo нeпригoднo в пищу. Я прoлeтeлся вдoль стaндaртных нaблюдaтeльных пoстoв, нa кoтoрых, пoхoжe, живых вoобщe нe былo — тoлькo рaзмeткa для нaблюдaющих зeркaл дa нeскoлькo стaндaртных визoрoв. Чтo ж, рaзумнo. Тoлькo зaчeм прoмышлeннoй кoрпoрaции вклaдывaтьcя в зeмли, кoтoрыe мoгут в любoй мoмeнт пoдвeргнутьcя рискy? Стрaннo, нa прaктичнoгo, рaсчeтливoгo Гeвoрa этo нeпoхoжe.

Я спустился нa юг и снизился нaд рaйoнoм, выкуплeнным кoрпoрaциeй "Блик". Вoобщe-тo этo дoмeн Ширин, нe Гeвoрa. Свeрху oн выглeдeл кaк типичнaя прoмзoнa, тaкaя жe, кaк вce нaши прoмышлeннe рaйoны. Вce, кaк oбычнo: прoизвoдствo, кoтoрoe мoжeт пpeдстaвлять oпaснoсть для oкружaющeй срeды, скрyтo пoд купoлaми, администрaтивнe здaния выстрoены с мaксимaльным удoбствoм для людeй, внyтpeнниe кoммуникaции скрyты пoд зeмлeй, пeредвигeниe тeхники пo пoвeрхнoсти прoисхoдит пo спeциaльным эстaкaдaм или пo вoздyху.

Нo вoт в мeтнaсфeрe и в витaсфeрe прoстpaнствa мeня чтo-тo нaстoрaживaлo.

Нaши взгляды нa всeлeннyю сильнo oтличaются oт тeх, чтo сущeствyют нa Стaрoй зeмлe. Дoкaзaтeльствo нaшeй прaвoты — сaмo сущeствoвaниe мирoв Ар Сoль. Мир — этo нe тoлькo рaзные фoрмы мaтeрии, нo и рaзные ee сoстoяния, рaзные силy, стихии и сфeры. Джив, эгри, рoх, нaэр, фэйр, стaзис, нeкрoс — вce этo oчeнь примитивный жаргoн, нa сaмoм дeлe зa ними крoeтcя слoжнaя и сoвeршeннaя кoнцeпция мирoздaния. Нa Стaрoй зeмлe этo нaзывaли бы "мaгиeй", нo y нaс этo дaвным-дaвнo чaстЬ oфициaльнoй нaуки.

Мнoгие из нaс, нe тoлькo Вeчныe, мoгут этими силaми и стихиями oпeрирoвaть. Мы зoвeм этo дaрoм, oтбирaем людeй, кoтoрыe пoслe дoлжнoгo oбyчeния бyдyт спoсoбны читaть

сферы, управлять стихиями и оперировать силами на пользу всем живущим. Так вот, операторы сил и стихий — мы зовем их элементалами — оставляют в сферах свой собственный след. Чем сильнее в тебе дар, тем четче и выраженнее след. Самый сильный след будет от Вечного: он оставит после себя отпечаток силы, лежащей в основе его могущества. От меня, например, несмотря на мой базовый джив, всегда остается сильный отпечаток фэйра-движения, который зачастую ошибочно приравнивают к стихии ветра, а от Ширин будет сильный, характерный след наэра. След этот невозможно скрыть, как невозможно пройти по свежему снегу, не оставив отпечатков.

Здесь, над территорией промзоны, витал чей-то след. Необязательно Вечного, но кого-то, кто умел очень хорошо обращаться со стихиями. Сильного, опытного элементала, а может, и не одного. Самым сильным шлейфом вилял рох-"вода", джив и эгри накладывались на него поверху. Техноасы использовали элементалов меньше, чем все остальные, но и им иногда требовались их особые способности. Но тут работали явно не по мелочи. Я поболтался по территории, посидел на вышках и крышах зданий, и довольно быстро почувствовал установленные на одном из ангаров щиты.

Щит — это устройство, отражающее или рассеивающее определенный вид энергии. Делают их только Дети Ширин, ревностно оберегая технологию. Обычно их настраивают на тот или иной вид силы, например, на тот же наэр. Используют их для защиты от неблагоприятных условий окружающей среды, от внешних атак, а еще для рассеивания сигналов. Сеть расставленных под определенным углом эгри-щитов дезориентирует автопилоты вимм, сеть рох-щитов блокирует над территорией нежелательную погоду, наэр-щиты могут скрыть от наблюдения целую территорию. Главное — знать, как их расставлять и настраивать.

Здесь я учуял именно наэр-щиты, но для того, чтобы скрыть от наблюдения какие-нибудь объекты, их было слишком мало. Скорее всего, их монтировали с другими целями. Было еще что-то, что оставляло отпечаток рох и эгри, но находилось оно где-то под куполами и фонило слишком слабо, чтобы я мог считать эманации.

Я покрутился над шеадрами. Все, как сказал Шандр — два больших, для вимм, один обычный, рядом с главным зданием, судя по эманациям — два шеадари, один — в Ар Лессен (я это чувствовал и без специальных приборов, шкурой), второй явно в Кэммон Ар; другой шеадр стоял на отшибе, почти у самого забора, три шеадари, опять Ар Лессен, и еще два каких-то редких направления, которые я сверху определить не смог. В Ирнан ничего не ведет. Странно... а должно бы.

Что ж, я не заметил тут ничего особенного, а след эгри-джив мог вполне быть собственным следом Гевора Пардуса — это его базовые стихии. А вот рох — не его. Попробую-ка я осторожно расспросить, когда он найдется, кто из его помощников-элементалов владеет рох настолько, чтобы оставлять в ментасфере столь отчетливый след, и зачем ему понадобились эти территории.

Отсюда было далековато до Нуэйна, и я подавил искушение воспользоваться здешним шеадром на Ар Лессен и перескочить в Мардину, столицу Шеннон Ара, через Рузанну. Так, конечно, быстрее, но в Рузанне придется тащиться пешком через шеадр-парк с 121 дыркой в пространстве, а у меня от него возникало что-то вроде зуда под кожей. Нет, лучше лететь, увеличив размах крыльев и поднявшись повыше.

Что я и сделал, собираясь всласть полюбоваться по дороге мистическими пейзажами Лунного кряжа.

Отдалившись совсем немного от промзоны, я вдруг заметил, что по каменистой и плоской, как стол, равнине что-то движется. Чуть снизившись, я разглядел странное существо, ничем не напоминавшее мне местных животных. Внешний вид некоторых был своеобразен, а иногда и уродлив, но это создание противоречило всем законам природы. Слишком большое, чтобы прокормиться здесь, на голых камнях. Покрытое черно-белой длинной шерстью, хотя тут животные в основном голокожие или короткошерстные, поскольку холодов тут нет, климат достаточно мягкий. Мускулистое, крупное тело с крепкими, широкими и сильными лапами заканчивалось мощным, длинным, подвижным скорпионьим хвостом, с навершием в виде треугольного жала. Такой хищник должен был охотиться на менее хищных животных, а здесь вся хищная живность была привязана либо к рекам, либо к пещерам Лунного кряжа, а на равнинах обитали в основном мелкие и юркие зверушки. Чем же оно тут питается?

Из любопытства я снизился еще сильнее и погнался за зверюгой. Обычно они меня пугаются, чувствуя смешанный интеллект, но эта не проявляла никаких признаков страха. Более того, она остановилась, задрав морду вверх и глядя прямо на меня. Я аж вздрогнул — у существа было три миндалевидных желтых глаза и три дыхательных дырки на месте носа. Ну и уродище... Нет, природа точно не могла породить такое нерациональное, неприспособленное к здешней жизни существо — это было делом человеческих рук. И что любопытно, приглядевшись, я почуял от него те же самые эманации рох и эгри, что заметил над территорией промзоны. Эта тварюшка совсем недавно бегала по ее земле.

Модификант, подумал я с раздражением. Только с какой целью его создали? Для охраны? Или для охоты? Гевор никогда особенно не интересовался биоконструированием, хотя время от времени заговаривал на эту тему, проявляя свое фирменное любопытство. Ширин тоже никогда не экспериментировала с живой материей — только с некросом. Кто-то, например, та же Эрлен, построил эту тварь по заказу корпорации. Но зачем?

Тварь выглядела хищной и опасной, и одним своим видом могла напугать кого угодно.

Я решил проверить, на что она способна. Стремительно кинувшись вниз, я проскочил совсем рядом с ней, едва не задев когтями, но она в самый последний момент успела увернуться. Прыжок показался мне нелепым и неловким, словно тварь плохо владела собственным телом. Описав круг, я зашел еще раз, целя когтями в морду. Та пригнулась к земле, а потом, когда я уже развернулся, чтобы уйти вверх, неожиданно хлестнула меня хвостом, попав в мягкое, слабо защищенное подхвостье.

Больно, черт! Даже в Вечном облике больно.

Решив больше не дразнить уродца, я продолжил свой полет. Существо какое-то время бежало за мной по земле, время от времени задирая голову, но потом отстало и бросило преследование. Не мое это, конечно, дело, но кому и для каких целей оно могло понадобиться?

Цитадель, в которой обитали силы, подчиненные Ширин, находилась за Лунным кряжем, в стороне от густонаселенных обитаемых районов. Слишком уж много тут проводилось разных экспериментов с живой и неживой материей. Некрос, он такой... непредсказуемый. Шуток не любит. Хотя слуги Ширин — искусные, виртуозные, но в первую очередь — осторожные, веками творили здесь свою странную магию, к которой некоторые из нас, Вечных, даже близко подходить боялись: кто-то всерьез опасался за жизнь, кто-то просто был антагонистичен Некросу. Что уж говорить о людях, которые часто называли Нуэйн не иначе как адовой твердыней.

Только не Вороны. Все Вороны, независимо от воплощения, отличались устойчивостью к наэру и даже немного умели им оперировать. Может быть, именно поэтому мы с Ширин всегда хорошо находили общий язык. Я любил бывать у нее в гостях, по делу или просто так, поболтать обо всем на свете. Разведка у Ширин была налажена пожалуй даже лучше, чем у Вагабра — она всегда была в курсе всех важных событий, происходящих в наших землях, и никогда была не прочь немного посплетничать, при этом отличаясь трезвостью взглядов и тончайшей иронией.

Со стороны цитадель Некроса выглядела изумительно просто. Четыре гладких, пепельно-серых стены высотой до небес, длинный параллелепипед с сферообразной крышей и выдающейся вперед надвратной башней, крыша которой служила посадочной площадкой для Крылатых; на ней помещалось не больше трех-четырех человек, а дальше вниз вела обычная лестница с весьма крутыми ступеньками — обитателям Нуэйна не было дела до удобства гостей, потому что иначе как строго по делу сюда мало кто заглядывал. Для приема грузов и вимм перед воротами в цитадель имелась оборудованная современная площадка. Вокруг не было ни деревца, ни кустика, лишь ровное, гладкое, голое пространство. Мороки и прочие и наведенные иллюзии, на которые были способны некоторые подопечные Горностаев и отсутствующего нынче Филина, тут мгновенно саморазрушались, военная техника любой из земель попадала в зону видимости задолго до приближения к цитадели, бесшумные и умелые Наги и хитрые Рыси тоже достаточно быстро обнаруживались, несмотря на умение мимикрировать. Трудно было представить, что вся эта грозная мощь принадлежит и управляется хрупкой, изящной женщиной, равнодушной к цветам, драгоценностям и комплиментам.

Мне было проще — я всегда приходил сюда как друг, не ожидая от союза с Некросом ни выгоды, ни поблажек.

Приземлившись на посадочной площадке донжона, я еще раз огляделся. Сколь часто тут не бывай, все равно оно поражает воображение, это суровое и сумрачное место. Как же мог столь необычный, столь чуждый нам мир оказаться всего лишь в шаге от таких привычных, родных, обыденных миров того же Ар Лессена или Ар Элес? Нас связывали одни и те же законы мироздания — вот настоящий ответ. Но все таки, какой же он экзотичный, этот мир без ярких красок и без такого привычного нам солнечного света...

Там, внизу, был просторный и пустой приемный зал. Если ты прилетел по приглашению или по делу, тебя обычно встречал кто-нибудь из постоянных обитателей цитадели. Если визит не был запланирован, приходилось ждать, пока откроется одна из скрытых за изящными шпалерами дверей и выйдет кто-нибудь, кто проводит тебя к заветной цели. Двери в Нуэйне слушались только рук его обитателей, чужаки и непрошеные гости становились здесь абсолютно бессильными.

Впрочем, ждать мне тут еще никогда не приходилось.

Не пришлось и сейчас. Одна из дверей сразу же открылась и навстречу мне вышла невысокая изящная женщина в простом темно-сером платье, темноволосая и темноглазая, с тонкими чертами лица, нежно-белой кожей и крупно очерченным ярким ртом. Иссиня черные волосы были убраны в тяжелый узел-улитку, их украшала серебряная игла с жемчужиной. Несмотря на бледность, на тонкие синеватые жилки на висках и на руках, она казалась теплой и живой, и умела быть не менее привлекательной, чем Эрлен.

— Давненько тебя не было, — улыbnулась она, протягивая мне руку, которую я с удовольствием поцеловал. — Анг Мирт, как я понимаю?

— По большей части, — согласился я.

Мы шли по хитро закрученным лестницам цитадели Некроса. Самому мне тут дороги не найти — они еще и движутся, эти лестницы, причем сколько не бывал — никогда не мог запомнить, как и куда. Пару раз навстречу попались хауры — раса разумных постоянного облика, обитавшая в Шеннон Аре с незапамятных времен и очень хорошо приспособленная к этим странным землям: низкорослые, с серой толстой кожей и красными глазами без белков, тонкотелые и очень гибкие, они густо заселили долины и предгорья Лунного края, деля его с другой местной расой — камардами. Из всех обитателей Шеннон Ара, эти постоянные разумные были ближе всех к привычному человеческому облику: тоже невысокие, но ширококостные и тяжеловесные, с густыми пепельно-русыми волосами, светлой розоватой кожей, очень светлыми, словно светящимися голубыми глазами, они чаще всех появлялись в Солнечных Землях, славясь своим уравновешенным и спокойным характером, надежностью и умением вести дела не хуже подопечных Дома Ящерицы. Светлоглазые жители Шеннон Ара обычно носили линзы в других землях или темные очки — свет резал им глаза. Нигийцев, третьих знаменитых уроженцев Шеннон Ара, в обители Ширин водилось немного — слишком уж они были изнеженные и легкомысленные для ее епархии. Зато тут обитало немало айоров — иллирийцев. Все иллирийские расы были удивительно красивы, а зачастую и экзотичны, при этом отличались весьма неуживчивым характером. Когда-то я был глубоко изумлен их появлением в Нуэйне, но Ширин объяснила мне, что ребята эти весьма работоспособные и выносливые, несмотря на внешнюю броскую красоту. Кроме того, тут, в Шеннон Аре, достаточно теплых озер с кристально чистой водой, чтобы эта удивительная раса, привязанная к морю, могла удовлетворить свою потребность поплавать.

По дороге мы обменивались местными сплетнями — сплетнями Вечных о Вечных, пока не пришли в ее любимое место. Удивительно, но это был не кабинет с книгами и не лаборатория, а самая обычная комната — гостиная, с мягкими подушками, креслами и диванами, аэрами, цветочными горшками и вазами. Уютно и тепло. И очень неожиданно для суровой и аскетичной цитадели Некроса.

— Молодежь у меня рвется в бой, — усмехнулась она невесело. — Все хотят попасть в Анг Мирт, лично отщипнуть кусочек нэрга и притащить его сюда для исследований. Иногда я думаю — может им позволить? Ты как считаешь?

Я пожал плечами, устраиваясь в одном из уютных кресел и оглядываясь в поисках, чего бы съесть — после полета в облике, особенно со сменой размера, всегда накатывает голод. Ширин знает это, наверняка сейчас прикажет что-нибудь принести.

Она улыбнулась, видя мой голодный взгляд.

— Потерпи немного, сейчас будет. Так как насчет моей молодежи?

— Молодежь должна расти, — согласился я. — И риск им тоже нужен, хотя бы для того, чтобы научиться не лезть, куда не надо. Но просто так я их туда не выпущу. Опасно. Пауки не няньки для молокососов. Если хотят сражаться — отправляй самых боеспособных к Кольеру. Или к Шандру. Пусть сначала хорошенько потренируются.

— Наги участвуют в вылазках? — переспросила она с легким удивлением.

— Давно, — подтвердил я. — Вернее, всегда участвовали. Мы много лет с ними сотрудничаем, особенно по теме Анг Мирта.

Ширин кивнула.

— Тогда лучше уж к Шандру. Кольер мне в последнее время что-то не нравится... Ты в

курсе, как он жизнь себе продлевает?

Я покачал головой. Никогда не интересовался подробностями, хотя долгожительство местоблюстителя Нагов меня несколько удивляло. Он обычный разумный с постоянным обликом, расы Ар Шамаль, продолжительность их жизни — как у всех, не более. Кольер же существовал во главе Ордена Нагов столько, сколько я себя помнил — а значит уже более двухсот лет. На деле ему было гораздо больше. Из всех наших рас дольше всех живут Дзуликие: метаморфозы тела позволяют им успешно избавляться от болезней и травм. Все остальные расы особой продолжительностью жизни не отличаются.

— Был бы способ — мы бы об этом знали, — усомнился я. — Или ты как раз знаешь?

— Как раз знаю, — сказала Ширин. В этот момент две сказочно красивые айоры вкатили в комнату столики с едой и вином, и я проводил их не менее голодным взглядом. Тварь внутри оживилась и заворочалась, и я привычным уже усилием загнал ее обратно. Ширин едва удержалась от смешка.

— Ты ешь, ешь, — как хозяйка, она сама налила мне вина. — Так вот, про способ. Что если это некий кровавый ритуал, сильно не поощряемый в наших мирных цивилизованных землях?

— Поедание живой девственницы? Выпивание крови семи новорожденных младенцев?

— Почти, — кивнула она. — У меня есть информация, что именно сейчас он разыскивает подходящее для ритуала существо.

Я поморщился. Не хочу ничего знать. Пусть Кольер развлекается, как хочет. Это его дело.

— Нашла кого шокировать, — буркнул я. — Я сам такой. И ты тоже.

— Ты Вечный, а он — нет. Тебя это не настораживает?

— А должно? — удивился я.

— Что если таким образом можно обрести не только долгую жизнь, но и часть Вечной силы? Смотри, он успешно заменяет Нигейра на его троне вот уже не одно столетие.

— Хоть кто-то его заменяет, — проворчал я, уделяя больше внимания еде, чем теме разговора. — Лично мне Нагов жалко. Хиреет Орден. Дело ведь не в войне, а в гибели искусства.

— То есть ты не беспокоишься?

— Нет, — ответил я, прислушавшись к своей второй ипостаси. Ворона внутри меня совершенно не волновал Кольер. Зверь не чувствовал равного себе, поэтому молчал.

— Хорошо, — кивнула она. — А то мне иногда всякое приходит в голову... Я не понимаю, не чувствую его природы: ни его базовой силы, ни рабочей стихии. Ничего. Словно он — пустой. Или обычный, смертный, ничем не примечательный ассар.

— Возможно, он такой и есть, — сказал я. — Обычный. А мы его переоцениваем. Меня больше Гевор тревожит, — признался я, продолжая поглощать вкусности. — Ты видела его постройки у тебя под боком?

Ширин кивнула.

— Он ведет себя тихо и вежливо. Перед тем как развернуться — прислал официальное письмо с описанием видов деятельности, заверял, что ничего опасного делать не собирается. Впрочем, все так и есть. Было до сих пор, — поправилась она. — Но раз ты интересуешься, значит это не так?

— Не знаю, — вздохнул я. — Пока не понял. Но кое-что настораживает. Я тут, кстати, пока летел, забавное существо увидел, — и я подробно описал свою встречу с нелепой

тварью. — Тут есть такие?

— Однозначно модификант, — отрезала она. — Здесь подобных не водится. И не мой, это я тебе прямо скажу. — Любопытно, чей... Поговори с Крейгом сам. Мне он точно не скажет.

Я кивнул. Знает она или нет, что Гевор ее побаивается?

— Где-то пару месяцев назад он почтил меня визитом, — продолжила она с легкой иронией. — Ему тут явно неуютно было, но интерес победил. Спрашивал, нет ли у меня коллекции старых артефактов Вечных — ну помнишь, были такие забавные статуэточки? Когда-то у каждого из Вечных было по набору. Фигуры в пол-человеческих роста, весьма искусные, словно в движении, изображают Вечных. У него, говорит, не полный набор, собираю, мол. Готов приобрести или обменять на что-нибудь ценное, если у тебя есть. — Ширин подняла на меня глаза, печально улыбаясь. — Но у меня нет, к сожалению. Интересно, зачем они ему?

— Спрошу, — пообещал я. — Или у Даллаха спрошу, может он знает, для чего они предназначены.

— Ты действительно просто в гости? — спросила она неожиданно, пока я в задумчивости таращился на пустые тарелки. Это что, все я съел? Неудобно как-то.

— Нет, — признался я. — Тревожно мне как-то в последнее время. Мелочей много, детали, детали, а картина не складывается. Резко проснулся Анг Мирт, после длительного затишья, срыв Грани этот непонятный, который руками Эрлен организовали, потом вдруг всплыла давно забытая тема — Нагр и Либрум... Ты знаешь о них хоть что-нибудь?

— Не больше тебя, — ответила она после паузы, и пересказала мне почти то же самое, что я уже слышал от Даллаха, не прибавив ничего нового.

— Даллах сказал, у тебя должна быть часть ключа, — я решил не врать. Вернее, не придумал, как сделать это, не выдавая своих целей.

— У меня? — изумилась она. — Разве? Хотя... — Ширин надолго замолчала, словно что-то пытаюсь припомнить. — У меня прорва неопознанных артефактов. Если ты знаешь, как оно выглядит, я могу поискать. Что ты хочешь с ними делать?

— Да в общем ничего, — признался я. — Вернее, я хочу разобраться, кому, кроме собственно Нагов, могут быть интересны их архивы и оружие. Если воспользоваться ими могут только сами Наги, то вся эта суета вокруг ключей — бессмыслица.

— Есть одно "но", — продолжила она задумчиво. — В принципе, оружием, созданным Нагами, может пользоваться любой умелый воин. Сам понимаешь, в любое оружие при его изготовлении вкладывается сила. В основном, особые свойства оружия Нагов — это эгри, или сочетание эгри-джив. Оружие, сделанное не Нагами, чаще всего имеет наэр-энергетику, как те же стрелы Некроса, например. Беря оружие, ты всегда чем-то жертвуешь, расплачиваешься за его использование. Наэр отдать легче всего, но он менее эффективен, чем тот же джив или эгри. Это ведь целая философия, если помнишь. Убить — трансформировать джив в наэр, Витос в Некрос. Наги не убивают без крайней необходимости, их цель — забрать эгри. Наги не жертвуют ничем, потому что их собственная базовая стихия — это переходно-динамичный эгри-джив, они умеют ее накапливать, чтобы выплеснуть в бою, а у не-нагов их оружие потянет часть личной джив, т. е. как бы отнимет часть жизненной силы. По капельке. Наги от своего оружия подпитываются — заряжаются, а чужаки будут его кормить и выдохнутся. Грубо говоря, не-Наг от хорошего сильного наговского оружия может и ноги протянуть.

Я кивнул. Да, знаю, но вот посмотреть с этой стороны не удосужился. Умница все-таки Ширин...

— В общем, попользоваться им может любой, — подытожил я. — Кратковременно, для достижения целей. Дав его в руки профану, которого не жалко. Вечных не исключаем, так?

Ширин покачала головой.

— Но тогда зачем? — продолжил я. — Мы не можем усилиться за счет других. Наши сферы влияния определены ипостасями. Что будет делать Вечный с этим оружием? Ну отхватит кусок домена у конкурента. Чуть больше разумных добавят еще одного Вечного к своему домашнему кругу идолов. Ну станут какие-нибудь араки с Ар Ирана чтить не только Даллаха, но и Эрлен. Станет она чуть сильнее — самую малую толику. В принципе, только молодые Вечные балуются с перетягиванием одеяла на себя. Все мы через это проходим после обретения ипостаси, — я улыбнулся, вспомнив себя самого. — И все — успокаиваемся через некоторое время.

Ширин опять покачала головой, глядя на меня печально и иронично.

— Упрощаешь, — сказала она. — А еще... ты не делишь свою землю с другими.

— Делю, — возразил я. — С Даллахом. С вездесущей Лани и Вагабром, с Ревалем. Да со всеми остальными.

— Нет, — усмехнулась она. — Элезия — полностью твоя. Ты там главный. Остальные — так, дополнение. Несколько очагов, не более. Подумай... Чем больше тебе поклоняются, тем больше у тебя возможностей. Я, например, не могу вырасти до гигантских размеров, когда летаю. Могу увеличиться вдвое, но это мой предел. А хотела бы. Эрлен и этого не может — у нее только один, статичный размер ипостаси — очень большая хищная кошка. Она не может присвоить неживую материю, когда обращается — тряпки теряет. Ты при обращении в Ворона берешь все, что на тебе, даже металл, и возвращаешь обратно — перерабатываешь. Я — нет, только одежду и кристаллы, остальное с меня сваливается при трансформации. Даллах и Гевор делают то же самое, а Лануэль — нет. Видишь, какая разница... Подумай, что делает тебя сильнее их? Территория и количество чтящих Ворона? Или что-то другое?

— Ну, мы вообще разные, — проворчал я. — Сами ипостаси, как мне кажется, изначально наделены разными возможностями.

— Если ты подерешься с Гевором в теле ипостаси, кто победит?

— Не получится у нас поединка, — улыбнулся я. — Он на земле, я в небе. От меня он увернется, а до меня не допрыгнет. Фарс, а не поединок.

— Хорошо, а если с Нигейром?

— Я не представляю Нигейра живьем, — признался я. — Как, впрочем, и все мы. Но думаю, против Змея в боевом облике мне не выстоять ни в небе, ни на земле.

— Что если кто-то из нас хочет изменить возможности своей ипостаси и ищет для этого пути? — предположила она.

— Думаешь, Либрум Аспида хранит ответ?

Ширин пожала плечами.

— Почему нет? Наги прошлого знали и умели во много раз больше, чем сейчас. Но знаешь... Насчет боя с Нигейром, — она лукаво улыбнулась. — Я бы поставила на тебя.

Я скептически поморщился.

— Я в тебя верю, — заключила Ширин.

Глава 19. Наган-Карх

Юлька с тоской смотрела на величественные пики гор на чистойшей, незапятнанной облаками лазури. Солнце и холод. Воздух настолько свежий, что, кажется, имеет собственный вкус. При взгляде на вечнозеленые долины, лежавшие у подножья, накатывало умиротворение и покой, но стоило отвернуться, и пустота, помноженная на безысходность, мгновенно возвращалась. Стоило закрыть глаза — и жуткие, парализующие волю темные глаза хозяина Наган-Карха неотвратно всплывали в сознании, заставляя съеживаться от страха.

Эх, если бы ей попасть сюда в других обстоятельствах... например, путешествуя по землям Ар-Соль в веселой компании друзей. Прийти в замок на экскурсию, разглядывать фрески, обильно украшающие его стены как внутри, так и снаружи, посидеть за столом в огромной библиотеке, с восхищением и ужасом задирая голову вверх, к сводчатому потолку, и пытаясь представить, как это люди забираются на такую высоту, да еще с толстенными фолиантами в руках, да еще и не падают. Побродить по стенам, издалека любясь сочной зеленью горных долин с их крохотными часовнями, аккуратными домиками, рыжими петлями наземных дорог с каменными столбами, на которых, как в Элезии Ворона, здесь изображали жутковатого крылатого змея. Вдыхать сладкий воздух, от которого чуть кружится голова, и ощущать себя легкой, беспечной и бессмысленно счастливой...

Вместо этого она изо дня в день бродила по замку Нагов, как привидение, с тоской вспоминая диковатых и добродушных хойгоров и их непритязательную и незатейливую, но такую простую и уютную жизнь. Здесь, в этом удивительном месте из древнего камня, стекла и стали на окраине Кархи, в цитадели ордена Аспида, ее навязчиво преследовали тени. Тени шестипалых тварей на фоне грязно-алого неба, черных скал, равнодушных людей в сером, стремительных фигур в черном, синем и золотом, и пугающая тень иссиня-черной птицы, на несколько мгновений закрывшая небо. Саша, отважно бросившийся на врагов с одной лишь перчаткой, и смеющийся, болтающий ерунду Димка...

Его так и не нашли. Никто из воинов — ни Пауки, ни Наги — его не помнили. Не помнил и Саша, которому в горячке боя происходящее казалось обрывочным и скоротечным. Юлька самолично обошла всю местность вокруг перевернутых саней, пытаясь разобраться в следах, но ни живого Румянцева, ни его тела, ни девушек не обнаружила. Они или действительно столкнулись с нэргами, или были увезены в плен другой машиной. Юлька не могла вспомнить, приближались ли к ним воины из второй машины или нет, они все казались ей одинаковыми, к тому же страх и паника в тот момент тоже затмили ей разум. Думать о гибели Димки, такой неожиданной и бессмысленной, было невыносимо. Еще сильнее ранила догадка, что он жив и в руках у загадочных обитателей Анг Мирта.

Наги, высоко оценившие Сашино мастерство, сразу же предложили ему уйти с ними в цитадель. Саша, покосившись на Пауков, которые методично и сосредоточенно зачищали территорию от остатков нэргов, немедленно согласился. Юльку он представил, как свою сестру. На "сестру" посмотрели с равнодушием, словно она вещь бездушная и ненужная, но захватить с собой милостиво согласились.

Делать в Наган-Кархе ей было решительно нечего, впрочем, как и когда-то в Рамьене. Саша целыми днями был занят. К нему приставили персональных учителей, преподававших ему не только воинское мастерство, но и историю и философию Ордена. Она ходила

смотреть на занятия, слушала рассказы наставников и честно пыталась читать книги, взятые в библиотеке. Но общее подавленное состояние мешало ей понять самое главное: что же ей теперь делать с собой и со своей жизнью. Она просто жила, разменивая один серый день на другой, и стараясь не думать о будущем.

Надев пушистое вязаное пальто и шапочку, Юлька бросила косой взгляд в зеркало и уныло побрела по лабиринту стеклянных коридоров к выходу из цитадели. Никто не запрещал ей выходить в город. Никто по большому счету не интересовался, что она делает и чем занята. Наги поклялись, что защитят их обоих от гнева Ворона. Им выдали новые идентификаторы, на которых они оба обнаружили неплохие по здешним меркам суммы денег, и которые никто не мешал им тратить. Она повадилась гулять по Кархе каждый день, невзирая на погоду и методично исследуя столицу Ар Ирнана. Ей казалось, что проникнув в жизнь ее рядовых жителей, она сможет понять свое место в этом мире. Заходя в кафе, она подолгу сидела где-нибудь в дальнем уголке зала, наблюдая за текущей мимо жизнью, столь сильно похожей на жизнь ее родного мира, и в то же время столь отличной от нее. Вернувшись в цитадель, она находила Сашу, чей круг знакомых пополнялся каждый день, и присоединялась к его компании, но в разговорах не участвовала. Ей было нечего сказать. Обитатели цитадели, наги всех рас — а здесь были и постоянные обликом, и Двуликие, относились к ней с теплотой и скрытой симпатией, но Юлька держалась особняком. Хотя и женщин среди них хватало, у нее никак не получалось влиться в их сообщество. Причиной было то же самое, что и с хойгорами — отсутствие общности.

Слишком далекие, слишком чуждые, они не были *ее* миром.

Философия завоевания была их сущностью. Любовь к оружию — любому — частью души. При этом к убийству — умерщвлению живого — наги относились с удивительной для адептов войны безразличностью. Они стремились к победе, используя искусство покорения и завоевания, они изобретали и совершенствовали оружие, которое могло мгновенно истребить на месте любого врага или остановить, подчинить любое живое существо, но больше всего они ценили победы бескровные и стремительные. Столкновение с противником рассматривалось как повод продемонстрировать наивысшее мастерство владения оружием и своим телом. Виртуозная победа в наикратчайший срок самым оптимальным способом была для них самоцелью. Они всегда были готовы к смерти и относились к ней, как к естественному продолжению бытия, просто в другом энергетическом состоянии — в том, что здесь называли Некросом.

Их всех отличала одна внешняя черта — эмоциональная сдержанность, этакая "змеиная" холодность, и серьезный, гипнотически пристальный взгляд, словно они всегда задавали тебе вопрос, готов ты или нет к этому самому переходу в небытие, любым из тысячи доступных им способов, или еще нет. Юльку поначалу пугала, а потом стала смешить их словно нарочитая серьезность: на любой, даже простейший вопрос, они отвечали так, будто от их ответа зависела судьба вселенной. Постепенно она привыкла, научилась не задавать пустячных вопросов, если могла найти ответ сама, а позже и подшучивать над ними. К счастью, юмор был не чужд детям Аспида, иногда они могли искрометно пошутить в ответ.

Уже на выходе она услышала за спиной торопливые шаги.

— Возьмешь меня с собой? — никакие холода не могли заставить Сашу носить шапку. Волосы он теперь стриг строго по традиции Нагов — коротко. Но ему шло. Ему шло все, подумала Юлька, от дурацких комбинезонов из шкур до элегантной, идеально сидящей

черной с золотым орденской формы.

— Я так, погулять, — ответила она с напускной беспечностью. Последнее время ей становилось все труднее находиться с ним рядом. Он активно, с жадностью и с перегибами впитывал философию Нагов, он все время был то резкий, то замкнутый, то холодный, то насмешливый, а иногда все вместе и сразу. Он восхищался нынешним главой ордена, Кольером, обычным человеком, сумевшим сохранить орден и его традиции без Вечного Нигейра. Кольером, которого Юлька боялась, как огня. Он никогда не упоминал об исчезнувшем Румянцеве, считая, что Димка погиб. Юлька не верила: она решила считать его живым и пропавшим, пока ей не представят убедительные доказательства. Он с презрением вспоминал свой роман с Нэсте, сокрушаясь, как это он мог так заставить на зависимое существо со звериным обликом, а когда Юлька попыталась пошутить насчет инстинктов, обрывал ее резко и обидно. Казалось, он успел забыть, что она погибла за него. В охотку он говорил только об ордене, его истории, оружии, о своих новых друзьях, о тренировках и поединках, а главной его мечтой стало попасть в один из летучих отрядов, которые по договоренности с Вороном вместе с Пауками защищали Грань.

С ним что-то происходило. Медленно, но верно философия Нагов перекраивала его под себя, и то, что получалось в итоге, вызывало у Юльки отторжение. Но она по-прежнему его любила. И от этого становилось еще горше, еще больней.

Центр Кархи находился в получасе прогулочным шагом от цитадели Нагов. Этот небольшой город, несмотря на статус столицы Ар Ирнана, на столицу не походил — скорее на уютный провинциальный городок средних размеров. По духу Карха чем-то напоминала Юльке родную Основу, разве что среди пешеходов было поровну и Двуликих, и ассаров, в небе, ниже, чем в Рамьене, проносились крылатые путешественники-ласточки, да мелькали серебристые пятна вимм. Над правильными, прямыми, широкими улицами, изящными башнями-небоскребами, мостами, соединявшими здания на разных уровнях, арками, лифтами, стальными и стеклянными виадуками — везде в Кархе витал дух Нагов. Их эмблема — золотой змей-дракон — попадалась всюду, от указателей на улицах и канализационных люков до гербов на самых старых зданиях. Но при этом все, что было связано с обычной жизнью — офисы и магазины, школы и жилые дома — выглядели так похоже на земные... Именно это мучительно сбивало Юльку с толку, потому что сущность у этого мира все равно оставалась иной. Достаточно было взглянуть в нечеловеческие глаза каждому второму прохожему, чтобы вспомнить об этом.

Они финишировали в просторном кафе в центре города, расположенном наверху одной из башен; к нему вел сначала плавный, элегантно украшенный узорами из металла виадук, а выше — лифт. Из огромных окон кафе можно было бесконечно любоваться горами, вдыхая аромат кофе и свежей выпечки. Юльке здесь нравилось. От созерцания величественных и вечных горных вершин ее тоска притуплялась.

За кофе с булочками Саша опять заговорил об Ордене.

— Упадок, — с горечью сказал он. — Вот что это такое!

"В который раз уже," — с досадой подумала Юлька и уткнулась носом в чашку, привычно съеживаясь от того, что последует дальше.

— С каждым годом Нагов все меньше и меньше, — продолжил он ожесточенно. — В землях Ар Соль считается, что воины теперь не нужны. Ха, раньше Анг Мирт не нападал так часто... чувствуют твари, что им некому противостоять!

— Но ведь они ни разу не прорвались в наш мир, — осторожно вступилась Юлька. —

Пауки вроде бы справляются.

Саша презрительно усмехнулся.

— Ворон разучился держать Грань, — сказал он так, словно повторял чью-то многократно выраженную вслух мысль. — Земли Ар Соль напрямую смыкаются с землями Анг Мирта всего-то в нескольких местах. Можно было бы и получше организовать охрану.

— Какой смысл охранять Ар Хойт, да еще пустынные земли под снегом? — опять возразила Юлька. — Если ты говоришь, что сил и так немного, зачем ими разбрасываться? Вот там, где люди живут, там — да...

— Это понятно... — протянул он и замолчал, задумавшись. Отхлебнув кофе, он продолжил. — Я хочу сказать, что искусство Нагов сегодня — всего лишь тень того, что было раньше. Раньше мы могли бы навсегда прекратить эти вторжения, а теперь вынуждены кидаться на каждый прорыв, затыкая дыру, вместо того, чтобы уничтожить нэргов навсегда. Можешь себе представить, что наги умели в те времена, когда у их ордена был глава?

Юлька пожала плечами. Мысль о главе ордена — Вечном Нигейре — крылатом драконоподобном змееобразном существе, высшей целью которого была война во всех ее видах — вызывала подспудный ужас. И ведь когда-то он и правду существовал... Даже обычный, живой человек Кольер, самый старый в мире Наг, казался ей отвратительной безжалостной тварью. Что уж говорить о Вечном. Вон, Ворон всего лишь дважды в небе мелькнул, а она до сих пор помнила то холодное, мучительное чувство страха, сдавившее ей горло, когда он пронесся над ними, чтобы нырнуть в небесную щель.

— Они были всесильны, — продолжил Саша с пафосом, от которого Юльку замутило. — И ведь они делали не только оружие! Лучшие бойцовые разумные расы — это их рук дело. Куда там Эрлен с ее бестиарием.

— Ты думаешь, Наги все это забыли? — осторожно спросила она, желая погасить его пафос или хотя бы сменить тему. — Вряд ли. Просто... ну, теперь бойцы в таком количестве не нужны, так ведь?

Саша покачал головой.

— Пока не нужны, — с нажимом сказал он. — А дальше? Кто знает, что творится в Анг Мирте и почему некротвари так активно лезут на живые земли?

— Наверняка можно начать все сначала, — предположила она.

— У них была лаборатория и библиотека, где хранились труды тысяч поколений нагов. Моя перчатка — это их творение, древнее, как, как... как сам Наган-Карх. А замок? Все, что в нем сделано — сделано нагами по их собственным технологиям. Техноасы тут вообще ни при чем... И где это все теперь?

— Где? — робко переспросила она. Хотелось поскорее закончить разговор, потому что пламенные Сашины речи уже привлекали внимание соседних столиков.

— Мне рассказали сказку, что лаборатория с библиотекой — то, что они называют Либрумом, до сих пор цел и где-то спрятан. И никто из них не знает, где он. Якобы это было тысячу лет назад, следы утеряны, но Либрум цел. Ты в это веришь?

Юлька пожала плечами. В этом диком мире, где люди могут превращаться в зверей и летать по небу, было возможно все.

— Еще был Нагр, где хранилось оружие, причем такое, о котором сейчас уже забыли. Тоже, говорят, уцелел, но неизвестно, где он спрятан.

— А что все-таки случилось с их Верховным? — спросила Юлька, которой совсем не понравилась идея о том, что где-то в этих мирах есть тайный склад с необычным оружием.

— Говорят, убили в поединке.

— Но тогда он должен был возродиться, — удивилась она. — Убили же просто носителя ипостаси. Через какое-то время должен был появиться новый Змей.

— Как видишь, не появился до сих пор, — буркнул Саша. — А без него орден мертв. Кольер говорит, что Вечные не хотят его воплощения, потому он и не приходит.

При имени Кольера Юлька не удержалась и скривилась.

— За что ты его не любишь? — тут же рассердился Саша. — И не говори мне про взгляд, тебе просто кажется.

— Зачем Вечным это нужно? — Юлька сделала вид, что пропустила его замечание мимо ушей.

— Потому что они поделили власть, принадлежавшую Нагам, между собой. И прекрасно живут, — Саша допил остывший кофе и устался на двух вычурно одетых нигиек за соседним столиком. — Так почему ты все-таки не любишь Кольера?

— Я не обязана его любить, — огрызнулась Юлька и встала из-за стола. — Он твой учитель, вот ты его и люби.

На обратном пути она неожиданно для себя зашла в магазин, где продавали снаряжение для полетов. Крылья стоили очень дорого, но ей вдруг стало наплевать, что ей скажут Наги, если обнаружат эту немалую трату. У них есть дело всей жизни, ради которого они готовы на все, да так, что даже Сашу заразили. А у нее нет ничего... Совсем ничего.

Пусть будут хотя бы крылья. А летать она обязательно научится. Главное — как Саша с перчаткой — практиковаться.

ючила Ширин.

Глава 20. Модификант

Меня сбили с ног неожиданно, сзади, на окраине Старого Крома, на полпути к штабу Пауков, на территории которого стоял нужный мне шедр. Старый Кром... он действительно старый. Совершенно особенное место. Мною — Вечным — оно ощущается как намоленное, богатое положительной энергетикой, которую мне-Ворону очень легко позаимствовать. Древнейшее из поселений Ар Элес, которое помнит еще старых богов, и где до сих пор сохранились постройки эпохи Единой Земли. Мне кое-что было нужно в городе, а потом требовалось обсудить несколько рабочих моментов с главой местной Стражи. Кром — город большой и суетный, пожалуй, самый оживленный в северном Тайреме, и в основном элесский, Двуликих здесь мало. Модификант редкого типа сразу бы привлек внимание местной дружины порядка, его бы вежливо, но твердо остановили для уточнения хозяина и намерений. А значит, следила за мной не тварь, а обычные элезы, которые потом и выпустили по моему следу этого боевого биоробота.

Я успел откатиться в сторону и подняться на ноги. Существо напротив не принадлежало ни одной из живущих в мирах Ар Соль рас. Модификант, продукт экспериментов когонибудь из увлекающихся прикладной генетикой. Крупный, но не массивный. Пластичный и быстрый. В каждой руке — по удлиненному ножу неизвестного мне происхождения. Я не знаток оружия, но базовые модели, имеющие хождение в наших землях, я все-таки знаю. Эти кинжалы я не узнавал.

Напал он стремительно и снова свалил меня, но я вывернулся из захвата и ушел от удара ножом. Оружия у меня не было, не ношу я его, оно мне не нужно, а вот навыки рукопашного боя кое-какие имеются. Я могу долго уходить от атак, но вот прикончить его мне нечем. Значит, придется измотать зверя до замедления его реакций, а потом дать деру, выиграв хотя бы секунд десять для того, чтобы принять облик. Ворон сожрет напавшую на него тварь, но мне-человеку он был нужен, в идеале — живой и относительно целый, но если не получится, то и труп подойдет. Пауки разберутся, что это за тварь и кто ее сделал.

Хорошо, что вокруг никого не было, потому что тварь не уставала. Интересно, просматривают ли эту дорогу Пауки: так я бы мог надеяться на помощь. Но вряд ли — паучьи логова всегда расположены чуть в стороне от городов, и бояться им некого, разве что любопытных да вездесущих пацанов, жаждущих всяческих приключений и подвигов. Если мы так и продолжим бороться, мне вскоре придется улепетывать со всех ног, если, конечно, он не окажется быстрее меня. Пару раз он поймал меня в захват, но мне удалось вырваться и избежать ножа. В конце концов один из клинков я у него отобрал, но приблизиться и достать тварь кинжалом пока не получалось.

Модификант казался неутомимым: я все-таки зацепил его пару раз, но кровь быстро сворачивалась, а шкура казалась непробиваемо плотной. Интеллекта в глазах не наблюдалось. Тупой одноразовый биоробот для убийства, ровно с одной функцией. Возможно, даже заточенный только под меня или вообще под Воронов — выносливость, гибкость, быстрота движений, пренебрежение к оружию, низкая чувствительность к популярным нынче не смертельным видам оружия, типа парализов и иглопалов, пониженная восприимчивость к ядам.

Работа Эрлен, скорее всего. Гевор с живым не экспериментирует, а Двуликие Даллаха не занимаются убийством. Наги же давно потеряли возможности, оборудование, да и мозги

для подобного рода занятий... Хотя в свете последних событий ожидать можно всего, что угодно.

Сколько мы тут уже валяем друг друга? Надо заканчивать. Я изловчился и, сбив противника с ног, всадил нож ему в глаз, отпрыгнул назад и рванулся в сторону, на обочину дороги. Тварь взвыла, выдернула нож из раны и поднялась на лапы, но чуть медленнее, чем раньше. Этих мгновений мне хватило, чтобы начать трансформацию. Я рванулся в воздух буквально из-под очередного броска теперь уже на самом деле озверевшего модификанта, поднялся повыше и стал увеличиваться в размерах, кружась над тварью. Потеряв противника, модификант повел себя странно: он остановился и замер в неподвижности, словно вслушиваясь в безмолвные команды, а потом неожиданно всадил нож себе в шею. Я поспешно спланировал вниз, зацепил бьющееся в конвульсиях тело и стремительно взмыл в небо. Надо бы постараться дотащить издыхающего модификанта до Шандра живым.

Когда я вернулся с вечернего облета земель, Шандр ждал меня в Северной башне. Летаю я регулярно, стараясь бывать в разных местах, делясь с Элезией своей силой и заимствуя ее, восстанавливая равновесие стихий, поворачивая силы природы во благо моей земли. Давно уже замечено обитателями моей Ар Элес, что во время полетов Воронов в небе и дети рождаются здоровее, и погода устанавливается хорошая, и урожай созревает богаче, бури успокаиваются, проливные дожди и засухи прекращаются и даже активность агрессивных племен, до сих пор обитающих в малонаселенных лесистых районах Тайрема, идет на спад.

И Эйле нужно, чтобы я был в небе. Возможно, мы-Вороны зря персонифицируем это странное явление, разделяющее пространства жизни и не-жизни и отделяющее миры друг от друга, и это всего лишь совокупность процессов взаимодействия пространств с разными физическими свойствами. Так говорят Горностаи. Все Вороны, от самого первого до нынешнего, всегда видели зеленоглазое женское лицо. Возможно Эйла — из древних богов, потерявших или пожертвовавших телесной сущностью, чтобы удержать миры от полного распада. Возможно — бред больного воображения человека, превращающегося в хищную птицу. Женщина с зелеными глазами — вот все, что упоминалось в передаточных книгах. Я готов допустить, что все мы на самом деле видим разную женщину, ее черты зависят от того идеального женского образа, что живет в нашем собственном подсознании.

Вот я и летаю. Не могу без этого. Привык. И вообще... с каждым годом мне проще в воздухе, чем на земле.

Шандр вежливо подождал, пока я поем. Его взгляд то и дело останавливался то на огненно-багровом закате, заливающим пол и стены кабинета жидким пламенем, то на оранжевых языках в камине — сегодня мне было холодно и я потребовал живого огня, то на моем сумрачном лице. Когда я потянулся за вином, он соизволил начать:

— Его сделали персонально для тебя.

— Для Воронов, — поправил его я.

— Для тебя, — подчеркнул Шандр. — Твари лет двадцать. — Ты понимаешь, что его создали для тебя задолго до сегодняшнего дня? Терпеливо выращивали и дрессировали, чтобы в нужный момент выстрелить по тебе.

— Шансов у него было немного, — буркнул я.

— Но они были, — покачал головой Шандр. — И я не уверен, что он такой один. А если бы их напало несколько?

Я пожал плечами. Ну дал бы деру изо всех сил, или на дерево залез бы и там

трансформировался. Шандр словно прочел мои мысли и усмехнулся.

— Судя по строению мускулатуры, эта тварь очень быстро бегают и хорошо лазает по деревьям.

— И мало живет, — огрызнулся я. — С такими данными продолжительность жизни у них короткая

— И что? Достаточно все время поддерживать популяцию в 10–20 тварей и следить на генетическом уровне, чтобы они не вырождались. Если ты спросишь меня, кто это мог сделать, я отвечу — все. Любой из Вечных.

— Не любой, — возразил я. — Выращиванием модификантов занимаются только Эрлен и Даллах, ну и Наги раньше баловались, но это когда еще было... Ставлю на Эрлен. Я тут совсем недавно, как ты помнишь, разбил ей окно.

— Вырастить — да, она. А вот заказать ей модификанта с конкретным набором качеств, аргументируя это, например, необходимостью охраны важных объектов, мог любой. Даже не Вечный. Да любой берг, который вдруг возомнил себя обиженным на Хэйгена.

— Ты умышленно расширяешь список подозреваемых, — раздраженно заметил я.

— А ты его зачем-то сужаешь. До привычных врагов, — в голосе Шандра прозвучал упрек. — У меня нет прямых доказательств, что это Эрлен. Кроме того, это слишком уж очевидно.

— Ну и что?

— Кому, кроме Рыси, ты так сильно наступил на хвост? — голос главы Пауков звучал сурово и сердито. — Подумай хорошенько, пока на тебя не выпустили всю стаю.

Какого черта, я ему что, мальчишка, чтобы меня отчитывать? Чувствуя, что закипаю, я встал и отошел к окну.

Что я в последнее время делал? Воевал с Анг Миртом и разведывал их пустоши, по большей части. Занимался ежедневной рутинной работой всех Воронов — визоры, зеркала, прочие артефакты, производимые Пауками для наблюдения пространства. Летал над землями, поддерживая в них жизнь и благополучие. Попытка связать воедино какие-то мелкие, разношерстные и фактически ничем не связанные события, вроде разговора с Ревалем и нападения на старые архивы. Ходил в гости к Ширин. Трижды встречался с Кольером по вопросам координации действий Нагов и Пауков и исследованиям тканей нэргов. Ужинал у Лани, когда она пригласила своих друзей оценить ее заново отстроенный очаг в Ар Шамале. Поболтал ни о чем с Ревалем, почетным гостем на этом сборище. Как все-таки они умудряются уживаться на одном поле? И зачем Лани вообще лезет в его вотчину? Хотя... Кошки обитали в Ар Шамале столько же, сколько и Ящерицы, а Реваль, несмотря ни на что, хитер и мудр, и никогда никуда не торопится. Еще два раза пил пиво с Даллахом, просто так, потому что нравятся они мне, Даллах и его пиво, ну и поговорить, конечно...

Самым ценным из всего этого было поддержание Грани и разведка Анг Мирта.

— Кому из Вечных может быть выгодно наступление Анг Мирта и разрушение границ?

— Об этом я тоже уже думал, — ответил Шандр после длительного молчания. — У меня есть одна версия, но она слишком уж невероятная.

— Почему? — удивился я.

— Потому что тогда получается, что кто-то искусно управляет Анг Миртом, направляя его на нас. И эти кто-то — Наги. Для них эта борьба — способ обрести смысл существования и возродить былое величие. Или подготовиться к подобному возрождению.

Или спровоцировать его.

— Осталось только заключить договор с Анг-Миртом и натравить его на нас, — буркнул я. — Кольер, конечно, тот еще тип, но не думаю, что он способен на подобное. Надо же не только проникнуть за Грань, но и установить контакт с тамошними обитателями и заключить союз. А потом — еще и вернуться.

Шандр кивнул.

— Вот и я о том же. Анг Мирт нужен ордену Аспида, как воздух. Иначе они совсем перестанут дышать.

Глава 21. Путиами Нагов

Проводив глазами исчезающие в небе виммы, Юлька кинулась в храм.

Ее не на шутку трясло. Зачем, зачем Кольер отправил его туда? Саша еще совсем неопытный, подумаешь, перчатка, он всего месяц у Нагов, о каких боевых вылетах может идти речь?

Тем не менее, командир отряда, вылетевшего на помощь Паукам при очередном прорыве Грани, приказал Саше садиться в его вимму, да еще и за штурвал пилота. Юлька успела поймать горящий, сосредоточенный Сашин взгляд. Он был бледен, но решителен и уверен в себе.

А что, если... Наги гибли исключительно редко, но ранения случались, особенно, если в прорыве участвовали наземные силы. Нет, Саша умелый и осторожный боец, с ним не должно ничего случиться!

Когда-то храм Нигейра Аспида поразил ее в самое сердце. Величественный и прекрасный, сила и красота, красота силы... Он находился в самом сердце замка, куда вело несколько входов и выходов, через него можно было пройти по пути из одной части Наган-Карха в другую. Наги не считали храм местом поклонения идолу, для них это было еще одно помещение для жизнедеятельности, и они давно не замечали той особой энергетики, которую Юлька чувствовала кожей — холодом, мурашками, онемением пальцев. Ей он казался чудовищным средоточием силы Нагов. Пусть даже без Нигейра.

Храм был огромен. Статуй Вечного Нигейра насчитывалось всего три, зато каких! Чтобы охватить взглядом каждую из них, требовалось отойти подальше, в противоположный конец. В полумраке гигантского зала камень изваяний мерцал багровыми искрами, словно через камень пробивался скрытый в самом его сердце огонь.

Нигейра изображали в виде полудракона-полузмея: мощное чешуйчатое тело свернуто кольцами, огромные крылья полураспахнуты или подняты вверх, удлиненная, змеевидная голова с раскосыми золотыми глазами, похожими на человеческие, топорщится искусно выточенными из камня роговыми лентами, мощные, схожие со львиными лапы полусогнуты или частично прикрыты кольцами хвоста. Это было бы величественное, прекрасное, совершенное в своей бесконечной мощи создание, если бы не тяжелый, сверлящий взгляд, который преследовал Юльку в любой части храма, и от которого она не могла избавиться, даже покинув его.

Она подошла к тому из Змеев, что находился в центре. Каждый шаг давался с трудом, словно Змей отталкивал ее, не позволяя приблизиться.

— Помоги ему, — взмолилась она. — Есть ты, или нет тебя — неважно. Защити его! Видишь, он в тебя поверил...

Он ведет себя как зависимый, — подумалось ей с горечью. Словно Змей — его хозяин, а он, человек Саша, его подданный, двуликий оборотень, способный из симпатичного, веселого, неглупого молодого человека становиться не рассуждающим смертоносным зверем.

— Хозяева обязаны защищать своих подданных, — продолжила она требовательно. — Он тебе служит. Значит, ты должен!

Змей молча смотрел на нее равнодушными безжизненными глазами.

Неожиданно Юлька успокоилась. В конце концов, чего она паникует? Их двадцать

человек в отряде, командир — старый опытный Наг, плюс там, на месте, всегда есть поднаторевшие в таких боях Пауки, а часто — и сам Ворон. Что бы не говорил Саша про Вечного Хэйгена, тот свое дело знал. Ни разу не случилось, чтобы Пауки проиграли бой.

Медленно, стараясь не сгибаться под тяжестью змеиного взгляда, она покинула храм. На улице наваждение рассеялось, позволив ей облегченно вздохнуть. Юлька вдруг поняла, что мелко, нервно дрожит, и натужно рассмеялась своему страху перед каменным изваянием, пытаясь изгнать из сердца остатки холода.

Полетать, что ли?

К сожалению, с полетами у нее все обстояло так же, как в Рамьене. Она прыгала с небольшой высоты, летела и приземлялась, но стоило подняться чуть выше собственного роста, хотя бы на галерею второго этажа, и ее охватывал страх. Она мгновенно забывала, что ей нужно делать, руки-ноги отнимались, и никакие силы не могли заставить ее сделать шаг вперед. Хоть бы толкнул ее кто-нибудь, вынудив сделать тот самый шаг, на который она сама так и не могла решиться.

Наги доброжелательно, с уважением и симпатией отнеслись к ее попыткам научиться. Некоторые подбадривали и давали советы. Редкие в Наган-Кархе женщины смотрели с завистью, но ни разу Юлька не слышала в свой адрес ни одного насмешливого, резкого или грубого слова. Вообще она заметила, что отношение к ней за этот месяц сильно изменилось с равнодушного на заинтересованное, а после — и на полное затаенной симпатии. Серьезные воины с некоторых пор улыбались ей при встрече, некоторые пробовали общаться и привлечь к себе внимание. Небольшие подарки, заинтересованные вопросы, предложения выйти из замка куда-нибудь развеяться стали поступать все чаще и чаще. Юлька держалась. Ей нравились они все — и никто в отдельности. Ее сердце все еще принадлежало Саше.

Но дело не двигалось. Юлька честно и старательно прыгала с невысоких поверхностей, со скамеек, с низенького балкончика во дворе, качественно планировала вниз, мягко, как учил ее Брес, приземлялась, но полететь по-настоящему так и не вышло.

Измучив себя до изнеможения, она с унынием сложила крылья и поплелась в трапезную — ужинать.

Кормили Наги вкусно и щедро, на столах всегда присутствовало вино, но она почти никогда не пила: местные вина казались ей сильнее земных и она панически боялась опьянеть и превратиться в бездумно улыбающуюся дурочку — именно так действовало на нее вино.

Насытившись, она уже собралась уходить, когда в трапезную один за другим ввалились члены отряда, отправленного на боевой вылет вместе с Пауками. Юлька аж привстала на месте, жадно следя за дверью. Ну где же он, где?

Саша вошел последним. Вместе с командиром отряда они что-то бурно обсуждали. Лицо его было бледным и осунувшимся, но в глазах горел все тот же страстный огонь. Не заметив Юльки, он присоединился к товарищам по оружию и только закончив ужин, поймал ее внимательный, настороженный взгляд. Махнув остальным рукой, он окликнул ее и кивнул головой на дверь — пошли мол, поболтаем...

— Я взял кусок псевдоплоти! — заявил он с гордостью. — Наша троица прорвалась на ту сторону со специальным контейнером, и мы зацепили кусок ткани нэргов!

— Зачем? — удивилась она.

— Для исследований. Никто не знает, что они такое, а без этого эффективная борьба невозможна. Оружие в этом мире могут создавать только Наги... А для этого нужны

исследования. Здесь, конечно, не лаборатории, а жалкое подобие того, что было в Либруме, но и этого достаточно, чтобы начать работу! Кольер обещал мне, что разрешит смотреть все эксперименты и вообще даст поучаствовать...

Она кивала, слушая его восторженный и сбивчивый пересказ боя. Черно-огненный ад на той стороне. Бесформенные сгустки материи, обжигаяще холодные, мертвящие, парализующие. Командир Пауков по имени Шандр, холодная смертоносная тварь похуже Ворона. И он может разгуливать с ТОЙ стороны, не теряя сил. Все Пауки могут, кто-то больше, кто-то меньше. Некрос им близок, хоть они и не являются его прямыми проводниками, как слуги Ширин. Наги так не могут, увы. Но ведь это именно он, молодой начинающий воин ордена Аспида, смог захватить кусок живой псевдоплоти! Он, а не эта паучья стая...

Потихоньку он успокоился, остыл, отдышался. Юлька предположила, что он сильно устал, но Саша только отмахнулся от нее. Устал? Есть немного, но он уже восстановился, когда поел. Он может выдержать еще один такой бой, и еще...

Эйфория, подумала она. Как после экзамена. Завтра он будет еле ноги волочить.

— Кстати, я тут обнаружил одну интересную вещь, — неожиданно он остановился прямо посреди внутреннего двора. — Точнее, не вещь, а место... Хочешь покажу?

Юлька напряглась: поход в бестиарий Рамьена когда-то закончился для них очень плохо. Но Саша уже тащил ее к центральной лестнице, поднялся на два этажа и остановился, свернув в широкий, но короткий коридор, который заканчивался тупиком — стеной, на которой в хорошо уже известном полусказочном стиле было нарисовано очередное изображение Змея.

— Довольно мирный, — усмехнулась Юлька, глядя на свернутые кольца змеиного туловища, сложенные крылья и вполне себе философский взгляд так не полубившихся ей золотистых глаз.

— Смотри! — Саша подошел к картинке и сунул руку прямо в змеиное туловище. Рука свободно прошла сквозь изображение и провалилась внутрь. — Это шеадари!

— Ты уже был... там? — спросила Юлька, опасливо приблизившись к картине и протянув руку вслед за Сашей. Ее рука ткнулась в рисунок и дальше не прошла.

— Был, — кивнул он. — То, что там находится — здесь и не здесь одновременно. Я пытался попасть в то место из замка — и не смог найти дорогу. Идем, покажу... мне любопытно, что ты скажешь.

Она похлопала ладошкой по картине.

— Меня оно не пускает.

— Странно... — Саша сделал шаг вперед и мгновенно исчез, в точности, как через шеадари прошел. Потом вернулся обратно. — Странно, — повторил он задумчиво. — Интересно, почему?

— Ну, ты у нас, считай, член ордена Аспида, — улыбнулась Юлька. — А я так, случайный прохожий. Все правильно — нечего случайным людям шастать, куда не надо.

Саша решительно поднял ее на руки и шагнул вперед. В глазах у Юльки на мгновение потемнело, но, очутившись на той стороне шеадари, она сразу же пришла в себя.

В огромном пространстве комнаты было очень немного мебели: большой, круглый и массивный стол с такими же тяжелыми, обитыми кожей стульями, несколько кресел в том же стиле, два таких же кожаных дивана друг напротив друга, стеллаж с книгами на всю стену, два камина в противоположных концах комнаты; стена напротив стеллажа была

сплошь увешана оружием, в основном — холодным. Юлька зачарованно уставилась на прекрасные и смертоносные творения рук человеческих и не только; от них веяло опасностью, и в то же время их красота и совершенство поражали воображение. Каково же Саше, подумалось ей, если уж даже такой профан, как она, стоит здесь, не в силах отвести глаз.

— Иди сюда, — позвал ее Саша, и она наконец оторвалась от восхищенного разглядывания экспонатов. Он стоял у окна, задумчиво глядя на горные вершины. — Ты представляешь, где мы находимся?

Юлька оглядела панораму открывшихся из окна гор.

— Кажется, это самая дальняя башня, — сказала она неуверенно. — Та, которая наверху самого длинного луча.

Наган-Карх имел форму шестиконечной звезды с непропорционально длинным верхним лучом. Пять башен из шести были круглыми, шестая — верхняя — квадратной. Доступа изнутри замка к башне, венчающей длинный луч, она не нашла, хотя, по правде говоря, и не искала, особо не интересуясь той частью. Выходит, Саша исследовал замок более скрупулезно и тщательно... Впрочем, как и всегда.

— Потрясающая красота, — выдохнул Саша. — Я на эти горы могу смотреть... вечно, наверно. — Вот так стою и смотрю...

Красиво, мысленно согласилась Юлька. И холодно. Горы — это всегда красиво. Белые, холодные и вечные. И острые, и опасные, как вот эти железки на стене.

Она перевела взгляд на Сашу. Следы усталости уже исчезли с его лица, хищно заострившиеся было черты обрели прежнюю мягкость, взгляд его карих глаз потеплел.

— Давно ты нашел это место?

— Несколько дней назад. Здесь так... спокойно и уютно, — усмехнулся он. — Тихо, просторно. Я тут читаю, — он кивнул на сложенные около ближайшего кресла книги. — Тут и спать можно, — он повел ее к стеллажам с книгами, толкнул крайний, и тот повернулся, как дверь. Там, в глубине, обнаружилась уютная спальня с гардеробной и туалетной комнатами. — Спится, кстати, очень хорошо, совсем не так, как внизу.

Юлька постояла у входа, разглядывая такую же тяжеловесную старую мебель, но внутрь так и не зашла. Хотя... место это ей тоже понравилось. Оно было... *домашним*.

— Смотри, еще интересная деталь, — он повел ее к другой стене, в которой неожиданно обнаружилась огромная арка, за которой шла лестница. Широкие крутые ступеньки привели на открытую площадку на крыше башни. Зубцы, казавшиеся издали длинными и острыми, на деле получались чуть выше ее колена. Фактически, это была прекрасная стартовая площадка как для вимм, так и для крылатых.

Она решительно подошла к самому краю и посмотрела вниз. От высоты замутило. Сердце сжалось и словно ухнуло... туда, на землю, к подножию башни.

Саша тоже стоял на краю, покачиваясь с носка на пятку.

— Мне, что ли, поучиться летать на твоих крыльях? — добродушно усмехнулся он. — Эх, круто, наверно, сигануть отсюда...

Юлька схватила его за руку и потащила обратно в зал, подальше от опасно манящих высот.

— Любопытная, я должен сказать, тут библиотека, — продолжил Саша, пока они спускались. — Здесь, в землях Ар Соль, везде один язык — точнее, одна и та же письменность. Но здесь есть книги, которые я не могу прочесть. Самое обидное, что там

полно иллюстраций, и все по оружейной тематике. И, черт, ничего не понятно, — вздохнул он. — Тайнопись это, что ли? Секретный язык Нагов?

— Это действительно тайнопись, — раздался снизу низкий хорошо знакомый голос. Юлька вздрогнула, остановившись на последней ступеньке. Саша аккуратно обошел ее, и, пройдя к центру зала, отсалютовал Кольеру традиционным орденомским приветствием.

— У Нагов всегда были свои способы шифрования информации, тем более — такой ценной. Если тебе интересно, где-то здесь был учебник...

Старый наг направился к полкам и, внимательно осмотрев несколько рядов, вытащил на свет небольшую, ничем не примечательную на вид книжонку.

— Все не так сложно, — на его неподвижном лице проступило подобие улыбки. — Попробуй.

Как только книга оказалась у Саши в руках, он тотчас же забыл обо всем на свете. Стараясь быть незаметной, Юлька опасливо переместилась из-под арки к стене, где в портретной раме была изображена та часть замка, из которой они сюда попали — шеадари, ведущий наружу. Кольер проследил за ней внимательным и безжизненным взглядом, отчего она в очередной раз съежилась, но, к счастью, внимание его быстро переключилось обратно на Сашу.

— Завтра мы патрулируем Северный Крен, — сказал он, подойдя к окну и встав к нему спиной — вид на горы явно не привлекал его. — Есть жалобы местных жителей на обитающих там врангов.

Саша кивнул, не отрываясь от книги.

— Да, я слышал...

— Это территория Пардусов, но вранги слишком быстро плодятся. Двумикие пытались взять их под контроль, но эта раса, к сожалению, практически неразумна и цивилизованным способам воспитания не поддается. Приходится чистить.

Саша опять кивнул.

— Выявление агрессивных особей, стерилизация их потомков, — пробормотал он.

— Патрулирование мы ведем совместно с Пардусами, — продолжал Кольер, внимательно глядя на Сашу. — Пардусы отслеживают и фиксируют маршруты их миграций, и метят тех, у кого их приборы фиксируют высокий уровень агрессии. Потом приходим мы и уничтожаем отмеченных.

— Гуманное превентивное уничтожение, — кивнул Саша. — Кинжалы Арка, парализы второго и третьего поколения.

— По сути, это обычная охота, — Кольер улыбнулся, и Юлька, наблюдавшая его гримасы — а назвать это улыбкой у нее не поворачивался язык, съежилась от нехорошего предчувствия. — Мы их провоцируем в качестве дополнительной проверки, и если у них срывается поведенческий контроль, уничтожаем. Но это поединок со зверем. Настоящий. Никаких парализов — только иглокинжал и точечный удар по вектору Арка. Мгновенная смерть.

— Толщина заточки иглокинжала равняется двум с половиной кранам при погрешности в три сотых в зависимости от длины средней трети иглы, — пробормотал Саша, все еще не отрываясь от книги.

— Хочешь попробовать? — вкрадчиво спросил Кольер.

Не надо, взмолилась Юлька мысленно. Поединок со зверем... Не надо, пожалуйста, ну зачем это тебе, неужели тебе Анг Мирта не хватило?

— Конечно, — просиял Саша и захлопнул книгу.

Глава 22. У Ревалья

Кольер любил бывать в гостях у Ревалья, в его самандангской резиденции. Восток все-таки... есть восток. Совершенство. Дразнящие ароматы, намягчайшие ложа, пластичные танцовщицы-нигийки, бесшумные слуги, ритм, цвет, свет, тонкий дым курильниц... Жизнь прекрасна. Даже дышать тут — наслаждение. Густое, сладко-терпкое вино. Шепот воды. Нега. Блаженство...

Ящерица, подумал Кольер, глядя на развалившегося на подушках Ревалья. — Сидит, пригрелась на солнышке, не шевелится. Протяни руку — ускользнет, моргнуть не успеешь. Хитрая, неуловимая, мудрая ящерица, которая только прикидывается, что похожа на сухую ветку на камне. Все камни мира — ее. Тем она и сильна, что никуда не спешит — сидит себе на солнышке, жмурится, наслаждается жизнью. Весь шепот мира — ее. Все тени на солнце — ее...

— Как у тебя успехи?

— Весьма существенно.

— Не думаешь, что это ошибка?

— О нет, — улыбнулся старый наг, — ни в малейшей степени.

— Уверен?

— Еще как уверен, — усмешка вышла слишком самодовольной, и Кольер поспешил убрать ее. Рано хвастаться. Путь еще не пройден. Хотя у него впервые появилась уверенность, что путь будет пройден, и может быть, даже быстрее, чем казалось вначале.

— Эрлен наведывается?

— Была пару раз, но приблизиться не рискнула.

— Притихла она что-то, — Реваль подлил вина себе и гостю. — То ли опять новые выдумки, то ли потеряла интерес. То ли все на Ворона зуб точит.

— Ворон меня беспокоит, — признался Кольер.

— Почему?

— Сам не знаю. Тревожно. Он по-прежнему идет по следу, и он совсем рядом.

— Я бы его не трогал, — мурлыкнул Реваль, прикрыв глаза.

— Это твой приказ?

— Ну что ты, — миролюбиво улыбнулась золотая ящерица, хозяйка всего золота в мире. — Это мысли вслух. Я.БЫ. ОСТАВИЛ.ЕГО. В ПОКОЕ.

— Я подумаю над твоим предложением, — буркнул Кольер.

— МНЕ можно к тебе в гости? — спросила ящерица, глядя сквозь щелочки век.

— Ах вот ты зачем меня позвал. В гости хочешь.

— Хочу. Так можно?

— Двери Наган-Карха всегда открыты для Вечного Ревалья, — церемонно ответил Кольер. — Орден Аспида будет рад встрече.

— Тогда жди. Ага, ну вот и плов, — Реваль с удовольствием потянулся к огромному, благоухающему специями блюду, которое только что внесли два смуглокожих шаама. — Ты попробуй. Вряд ли в твоей стеклянной башне водится нечто подобное.

Нет, все-таки это не для него, думал он, глядя на нигиек, дым курильниц, игру света и

тений. Это не поможет восстановить силы, особенно теперь, в изменившихся обстоятельствах, когда тонкий ручеек остаточной силы Невоплощенного совсем иссяк. Нужна жертва, спасительная, живительная жертва, живая, сильная душа, чтобы продлить свой собственный срок хотя бы на одну жизнь. Скоро, уже скоро хлынет на всех щедрый живительный поток, но именно сейчас его движение направлено в обратную сторону: так ручьи стекаются в одно целое, чтобы капля за каплей наполнить реку. Его собственный ручей нынче слишком немощен и беден, и русло почти пересохло, он может просто не дожидаться полноводья.

Та девочка с Основы... То, что нужно.

Глава 23. Тварь

Дыхание перехватило, и, нервно отступив от края, Юлька села на бортик.

Опять не то.

Площадка с виммами, находившаяся наверху Стеклоанной башни, была практически пуста: почти все отряды Нагов разлетелись, кто на патрулирование в Северный Крен, кто на совместные тренировки с Пауками. Никто не мешал ей пытаться, никто не смотрел в спину, не подсказывал и не советовал. Хотя... она была бы рада поговорить с кем-нибудь, кто разобрался в полетах на крыльях. С хорошим, толковым учителем. Конечно, у нее было уже несколько книг из библиотеки Нагов, посвященных различным техникам полета и планирования, но поскольку никто и никогда не объяснял ей терминологию, сложный наукообразный стиль изложения ставил ее в тупик. Может быть, ее проблема именно в том, что у нее нет учителя?

Она решительно отошла назад, раскрыла крылья на треть размаха. Разбежалась. Буквально в шаге от бордюра, отделявшего твердь от воздуха, страх парализовал дыхание, она судорожно дернула руками, изменив угол крыльев и жестко затормозив. Потеряв равновесие от неловкого движения, она некрасиво завалилась и рухнула на бок.

Опять синяки. Хорошо еще, никто их не видит. *Некому жалеть.*

Зачем это тебе, пришла в голову вкрадчивая, осторожная мысль. Пришла и обосновалась прочно и непринужденно, как родная, собственная. Тебе здесь и так хорошо. Тебя все любят. Просто так. Такою, кака я ты ешь, а не за то, что летаешь — или не летаешь — на крыльях. Ты ешь — и это хорошо... Зачем сигать вниз, пытаешься убиться?

Юлька встала, выпрямилась и снова отошла назад, готовясь к очередному старту.

На этот раз она даже не смогла как следует разбежаться. Ноги заплелись. Замутило. Страх сковал дыхание.

Надо передохнуть, надо передохнуть, надо просто передохнуть... Просто передохнуть. Поесть. Попить водички. Помедитировать, изгоняя страх. Она сюда вернется. Даже крылья складывать не будет, тут оставит. Все равно никто не возьмет.

Так, в полетном костюме, она и потащилась вниз.

Ноги были словно не свои. Ватные, тяжелые. Тело ныло от ушибов. В голове стоял странный звон, похожий на далекий фоновый шум улицы, пробивающийся сквозь неплотно закрытые окна. Она спускалась, ступенька за ступенькой, вяло думая, зачем ей лестница, если есть три лифта. Ступенька, еще ступенька, поворот. Тело шагало, как заведенное, лестница и стены башни расплывались перед глазами, разум клонило в сон. Ей казалось, что она погружается куда-то на дно моря, что это толща воды давит на барабанные перепонки, делая звуки глухими и долгими, движения — замедленными, зрение — размытым.

Волевым усилием она попыталась всплыть. На какое-то мгновение иллюзорная толща воды расступилась, она осознала, что открывает дверь в незнакомую комнату. Попыталась отдернуть руку от ручки, но тело почему-то перестало слушаться. Сознание опять погрузилось в гулкую зеленую муть...

...И всплыла под уже знакомым, черным с алмазно-огненными сполохами небом, опустившись на глубокий, прозрачно-голубой лед. Хрустальное и черное безмолвие простиралось словно бы в нескольких измерениях сразу, вверх и вниз, кристальная пропасть под ногами являла ей словно вмерзшие в лед опрокинутые в себя горы. Пронзительный

холод сначала стиснул, а потом отпустил ее из своих колючих объятий. Монотонный раздражающий гул исчез и рухнула тишина — звонкая, закономерная, правильная. Ледяной воздух неожиданно наполнил безжизненное тело силой. Обнаружив, что стоит босыми ногами на льду, она удивилась, что ей совсем не холодно.

Прошлый раз она видела здесь женщину в облике летучей мыши. Юлька оглянулась, ища поддержки, и остолбенела, снова парализованная страхом: прямо напротив нее, буквально в нескольких шагах, возвышалось жуткое, словно выскочившее из ночных кошмаров, создание.

Поначалу тварь показалась ей бесформенной, но потом Юлька поняла, что существо сливается с черным пространством. Его очертания струились, словно она еще не окончательно обрела форму и облик. Чем-то оно напомнило ей змея-Нигейра... Длинная, как у Аспида, шея, мощная, но не настолько изящная и гибкая, как у того же изображения Нигейра в храме; крупное, массивное тело с чешуей матово темно-серого, почти черного цвета. Шесть мощных лап, вооруженных страшными когтями. Голова твари, непропорционально крупная, глазастая, с мордой скорее удава, чем змеи, производила впечатление каменной глыбы, криво нанизанной на шею-ствол. Ушей, усов, носа словно не было. Однако пасть имелась, черная, в ней что-то поблескивало, но опять же, зубы-клыки-язык издали не просматривались.

А вот глаза... Юлька глянула и мгновенно попала в ловушку цепкого, словно капкан, взгляда. Дернулась, пытаясь отвести глаза — никак. Хотела закрыть — веки отказались повиноваться. Попыталась шевельнуть головой — и та вышла из повиновения.

— Ты моя, — сказала тварь... — Иди сюда.

— Нет, — крикнула она. — Оставь меня в покое.

— Иди сюда, — повторила тварь, и Юлька против воли сделала шаг ей навстречу. — Ближе.

Еще шаг. И еще.

— Сдохни, — выдохнула она через силу, сопротивляясь самой себе, пытаясь вернуть контроль над своевольным телом. Движения немного замедлились, но сила зова была столь мощна, что у нее сводило мышцы. Идти было больно, стоять — стократ больнее.

— Ты моя, — продолжила тварь бесстрастно. — Иди.

Юлька сделала еще один мучительный шаг вперед. Расстояние до твари успело сократиться уже вполовину.

— Зачем я тебе? — выкрикнула она отчаянно. — Есть и покрасивее! И да, я не девственница, чтобы меня жрать! Отравишься!

— Ты — жизнь, — ответила тварь. — Джив. Много джив. Много силы. Иди...

Она изо всех сил попыталась остановить движение и это ей почти удалось — следующий шаг оказался совсем крохотным.

— Иди, — повторила призыв тварь и потянула невидимую цепь, связавшую их, на себя. Юлька уперлась, всем весом отклоняясь назад. — Тебе не вырваться, — сказала тварь с удивительным спокойствием, близким к равнодушию. — Не ты первая, не ты последняя. Смирись. Так легче.

— Нет уж, — взявшаяся ниоткуда ярость помогла отыграть ей крохотный шаг назад. — Сдохни!

— Тебе не уйти из Маара, — усмехнулась тварь. — Отсюда не уходят. Люди, — закончила она. — Некрос все равно придет за тобой. Не надо длить агонию. Иди.

— Уходила уже, — прошипела Юлька, озираясь по сторонам. Голова поворачивалась, немного двигались плечи. Ого! Это уже кое-что...

И тут она заметила вдалеке, где-то на самом краю видимости, пепельно-черные крылья. Хозяйка ледяного мира мчалась к ним. Тварь ее не видела, а может быть, и не считала помехой. Тем не менее, это придало Юльке сил.

— Сдохни, — с ненавистью сказала она и всем телом и душой рванулась из его невидимого захвата. Цепь порвалась, ее отшвырнуло назад, спиной на лед, по прозрачной поверхности которого сразу же побежали трещинки. Тварь шевельнулась — от огромного тела плавно отделились крылья, чересчур широкие и тяжелые, для того, чтобы взлететь. Монстр приподнялся на лапах, мгновенно становясь вдвое больше себя, но Юлька все сильнее убеждалась, что летать он не может, а значит, сверху — по воздуху — он ее не догонит.

И она бросилась бежать, судорожно вспоминая, что помогло ей вырваться в первый раз. Воспоминание о месте входа — вот что это было. Стены и лестницы мелькнули в памяти, она вспомнила, что куда-то шла... Наган-Карх, вспомнилось ей. Стартовая площадка для вимм, путь вниз...

Почувствовав, что тварь совсем рядом, почти за спиной, она зажмурилась и попыталась представить хотя бы верхнюю площадку.

И упала, споткнувшись. А тварь шарахнулась в сторону, рухнув неподалеку от нее. Над нею, разросшись до гигантских, в полнеба, размеров, кружила уже знакомая летучая мышь. Кружила по спирали, то снижаясь вплотную к телу твари, то взмывая вверх.

С трудом поднявшись, Юлька зачарованно глядела на этот странный, безмолвный бой. Тварь покачивалась в такт движениям мыши и уменьшалась в размерах, словно ссыхалась, расплывалась, словно таяла, светлела и мутнела. Крылья летучей мыши почти полностью закрыли небо, отразились в ледяной поверхности и мир ослеп, лишившись последних капель света... Лед пошел множеством извилистых трещин, одна из которых раскололась прямо под ногами твари. Та вскинулась, словно собрав последние силы, и... исчезла.

У Юльки закружилась голова, так что лед под ногами перевернулся и стал небом. Неожиданно она увидела склонившееся над ней узкое бледное лицо черноволосой женщины.

— Немедленно беги оттуда, где ты находишься в Витосе, — приказала та. — Он ушел, но он вернется.

И, схватив девушку за плечо, отшвырнула ее от себя.

Ощувив под лопатками что-то твердое и холодное, Юлька открыла глаза и уперлась взглядом в потолок из светло-серого пористого камня. Потолок Наган-Карха. Три узких окна в ряд на противоположной стене, солнце заливает пол золотистыми лужицами. Комната пустая, все, что есть — это камин, старый, закопченный, видно, что рабочий. Она с трудом села, осознавая, как сильно онемело тело. Сколько уже она лежит здесь голышом, на этом странном каменном столе с частыми желобками в виде лучиков, под которыми стоят большие стеклянные чаши... Вмиг она догадалась об их предназначении и, моментально согревшись от жаркой волны ужаса и отвращения, спрыгнула со стола и схватила сваленную на полу одежду.

Кто это был? Кто из них — эта мерзкая тварь, питающаяся жизненной энергией своих жертв? Вечный Нигейр, ищущий воплощения, пытается таким образом вырваться из небытия, или кто-то рангом пониже? Кольер, например...

Кто бы это ни был — прочь отсюда. Куда-нибудь, лишь бы не здесь.

Одевшись, она поискала, чем бы вооружиться, и заметила лежащие на каминной полке инструменты — несколько ножей, похожих на хирургические. Взяв в каждую руку по ножу, она осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу.

Соседнее помещение было пустым. Его владелец, уходя, даже не закрыл его, настолько, видимо, был уверен в своей безнаказанности. Кто еще, кроме Кольера, мог себе такое позволить?

Судорожно стиснув ножи, Юлька зашла в следующую по порядку комнату. Стены ее были отделаны деревянными панелями, на них висело оружие не менее причудливое, чем в Сашином зале. На массивном старинном бюро громоздились книги. Стол напротив был заставлен старинной посудой и статуэтками. Кресла, расставленные вокруг него, обтянутые кожей, покрылись заметным слоем пыли — никто давным-давно не использовал их по назначению.

Юлька нашла глазами дверь и собралась уже бежать дальше, но внимание ее зацепили статуэтки на полу у одной из стен. Статуэтки были размером с напольную вазу и напоминали Вечных. Все они светились, кроме одной.

С трудом оторвав взгляд от ярко-огненного узора на теле Змея, она собралась с духом и выбежала из комнаты. Дверь вела еще в одни покои, на этот раз — в обычный рабочий кабинет обычного Нага, аскетический и функциональный, и еще дальше — в самый обычный коридор. Тут дверь оказалась запертой, но к счастью, замок открывался изнутри. Вырвавшись на свободу, Юлька поспешно спрятала ножи в рукав и постаралась придать лицу как можно более спокойное выражение.

Бежать. Взять самое необходимое и бежать, срочно бежать.

Только куда? И как?

Оказавшись в своей комнате, она поспешно стала запихивать в рюкзак, прилагавшийся к комплекту крыльев, самую необходимую одежду и белье. Повертела в руках идентификатор, сунула в карман — на всякий случай; вытащит из нее все деньги и сразу же выкинет. Надо бы хоть немного еды с собой, неизвестно, где и когда ей придется в следующий раз поесть. Вспомнив, что у Сашы были стандартные наборы выживания нагов, содержащие не только питательные мини-брикеты, но и запас лекарств, средства для ориентирования на местности, раскладные миски-тарелки и прочая бесценная мелочь, она кинулась в его комнату, схватила сразу два и немедленно запихнула оба в рюкзак. Так, что еще? Ножи, вот эти самые — пусть будут.

И тут ее снова накрыло холодной мутной волной... Закружилась голова, тело налилось свинцовой тяжестью, захотелось лечь, забраться под одеяло и закрыть глаза. Откуда-то словно повеяло ледяным ветром черного пространства смерти, из которого она только что вырвалась. Ноги непроизвольно подогнулись, и она обнаружила, что сидит на полу, уронив рюкзак, и монотонно раскачивается из стороны в сторону.

Нет. Раз уж она вырвалась из пространства смерти, затащить себя обратно она не позволит. Отчаявшись встать, Юлька зацепила рюкзак рукой и на четвереньках поползла вон из Сашиной комнаты. В коридоре никого не было и она, сжав зубы, медленно, по стеночке, поднялась на ноги и словно против ураганного ветра двинулась к лестнице, ведущей во внутренний двор крепости. В какой-то момент зов многократно усилился, ее потянуло в противоположную сторону, но неожиданно вспыхнувшая злость вновь придала ей сил. Она упрямо переставляла ноги, раскачивая свою ненависть, и с каждым ее усилием образ твари, возникший было где-то на краю сознания, блек и отдалялся.

Она почти дошла до ближайшего — центрального — выхода, когда вдруг почувствовала, что он ждет ее именно там. Тварь находилась прямо на ее пути, причем совсем недалеко. Конечно, мысленно усмехнулась она, он догадался, куда она кинется в первую очередь. Развернувшись, она двинулась в другую сторону, к другому выходу из крепости. Тот лежал дальше, но Юлька, все еще чувствуя зов, но уже почти освободившись от его власти, ускорила шаг. Будь ты проклят, людоед, чудовище, тварь, — думала она с яростью, и чем сильнее росла в ней ненависть, тем быстрее съеживалась и отступала тварь.

И опять, почти дойдя до цели, она ощутила, что он там.

Может, это обман? Может, он внушает ей, что выход перекрыт, загоняет в ловушку?

Нет, он действительно там, она ЗНАЕТ, что он там.

В панике она повернула обратно. Куда бежать? Куда, если он у себя дома и знает каждый поворот, каждую лесенку, более того, он видит и чувствует, куда именно она идет?

"Бесполезно, — услышала она смешок. — Не трать силы. Ты моя. Смирись"

"Ни за что, — подумала она яростно. — Если уж мне умирать, то тебе я точно не достанусь".

И, не рассуждая больше, она опрометью кинулась на верхнюю площадку. Тварь шла следом, Юлька чувствовала ее поступь, ее дыхание совсем близко от себя, но у нее было крохотное преимущество в скорости. Вылетев наверх, она поспешно надела крылья, закрепила рюкзак на спине; мысль о том, что она разобьется, отскочила от нее, слово мячик от стенки.

"Разобьешься, — насмешливо повторила тварь. — Дело даже не в смелости. Ручки у тебя слабые, вот почему тебе не летается. Спортом надо было заниматься, дура, — голос из насмешливого превратился в сладкий. — Ну же, давай! Я все равно поймаю момент твоей смерти и заберу душу. Так даже проще — выброс энергии будет не слабее, чем если бы я сам тебя убил, а мне не придется придумывать легенду, куда ты делась, и прятать тело."

Он появился следом за ней на верхней площадке — невысокий, худощавый, черноволосый. Элегантный немолодой шаам в темно-синем бархатном жилете. Холодные пронзительные глаза пытались поймать ее взгляд, но Юлька уже знала, что именно этого делать не стоит.

"Будь ты проклят," — крикнула она, распахнув крылья и, разбежавшись, сиганула вниз. Воздушный поток подхватил ее, подбросил вверх, но тело, на самом деле неплохо подготовленное регулярными, хоть и неудачными, тренировками, неожиданно само поняло, что и как оно должно делать.

Ее захлестнул идиотский восторг, радость, от которой захотелось кувырнуться в воздухе. К счастью, когда-то еще Брес предупреждал ее от таких вот безумных фокусов. Успокоив бешено трепыхающееся сердце, она выровняла полет и огляделась. Наган-Карх оказался неожиданно далеко, присутствия Кольера больше не ощущалось.

Что, съел? — подумала она со злорадством. — Чудовище...

Еще раз оглянувшись назад, она убедилась, что следом за ней никто не отправился. Саша, подумалось ей с тоской. Я его больше не увижу. Все кончено. Навсегда. Так, наверно, даже лучше. Все равно бы у нас ничего и никогда не вышло. Теперь они сделают из него настоящего Нага, и он выкинет меня из головы так же, как выкинул Румянцева.

Что ж, пусть так. У нее теперь другая цель — спрятаться и выжить.

Так, а куда летим-то?

Глава 24. Ключ

— Я нашла то, что ты просил, — сказала Ширин безо всякого вступления, когда я пересек порог ее гостиной. — Заберешь?

Я пожал плечами. Часть ключа от оружейки нагов — Награ. Зачем оно мне, я же просто так спрашивал... Пусть лучше хранится у Ширин, в ее неприступной цитадели.

— Кстати, знаешь, кто интересовался им чуть позже, чем ты? — она невесело улыбнулась. — Угадаешь?

Я покачал головой. Мне не то чтобы думать, мне глаза открывать не хотелось, а еще требовалось лететь в Лаорику, тамошний глава Стражи просил о личной встрече. Непростой вопрос... у них там два древних законсервированных порога-перехода на Старую Землю, и один из них явно разваливается: с Основы к нам стало затягивать животных и предметы быта. Скорее всего, с той стороны вокруг порога тоже образовалась похожая аномальная зона. До людей дело пока не дошло, но это только начало. Если оставить все как есть, порог распадется, Грань в этом месте начнет истончаться и расползаться. Надо решать, нужен ли нам этот порог, и если да, то заняться ремонтом. Если же мы примем решение порог убрать, то сделать это желательно при моем участии — только Ворон может удержать рвущуюся в этом месте Грань от окончательного разрушения.

— Сколько ты уже в воздухе? — неожиданно спросила Ширин.

Я задумался. Сколько я не спал? Не помню. Дней пять, наверное... Несколько прорывов подряд, в разных местах, нэрги словно обезумели. Раньше они прорывались через Грань, мимикрировали под местную среду, под местных жителей, и стремились уйти как можно дальше от места прорыва, слиться с нашим миром, задержаться в нем как можно дольше. Теперь же они сменили тактику. Нэрги выгрызали дыру, через которую проникали небольшие группы людей на транспортах, и неистово набрасывались на наших воинов, пытаясь уничтожить как можно больше бойцов, а затем так же стремительно отступали. Появились раненые, уже были жертвы, как среди Пауков, так и среди Нагов. Я кидался от одного прорыва к другому, помогая и с нэргами, и с людьми, и время от времени заменяя Шандра, который, при всех своих достоинствах, всего лишь человек, не обладающий выносливостью Вечного, и на котором висит множество других обязанностей. Ширин, отчаявшись вызвонить меня по гвору, прислала мне письменное приглашение в Нуэйн. Я обнаружил его, вернувшись с одного из вылетов в Ар Хойт, боевой запал еще не выветрился, и я решил, что отдохну потом. Когда я приземлился на верхней площадке Нуэйна и принял человеческий облик, я вдруг понял, что даже стоять ровно не могу.

— Давай я тебя хотя бы покормлю, — предложила она с сочувствием, выслушав мой рассказ. Я кивнул, соглашаясь.

— Реваль это был, — бросила она, распорядившись насчет обеда. — Только у него имелось примерное описание, как эта вещь выглядит. За что я ему, кстати, очень благодарна, — усмехнулась Ширин, протягивая мне небольшой серебряный цилиндрик миндалевидной формы, сплошь покрытый изящными узорами, больше похожий на женское украшение, чем на ключ. — Смотри, — она ногтем нажала на едва заметную насечку сбоку, и капсула открылась, словно футляр, явив мне тонкую пластинку с витиеватыми прорезями и углублениями.

— Ты уверена, что это оно?

— Похоже. Тут есть петелька для цепочки, можно носить, как украшение. Я нашла один из портретов моей предшественницы именно с этим кулоном на шее.

Я задумался. Почему у меня нет портретов предыдущих Воронов?

— Потому что вы не девочки, — рассмеялась она. Оказывается, я произнес эту мысль вслух. — Так ты заберешь его?

— А надо? — спросил я. Обед уже несли, и все мои мысли сосредоточились на еде. Ширин терпеливо подождала, пока я уголю первый голод.

— Не нравится мне вся эта суета вокруг ключей, — задумчиво произнесла она. — Помнишь, о чем мы говорили в прошлый раз?

— Оружие Нагов доступно не только Нагам, — повторил я. — А любому, кто сможет им эффективно воспользоваться. Никаких специфических ограничений не существует. Не-Наг тоже сможет его использовать, но с большими для себя потерями и, возможно, менее эффективно. Я думал, Шейла. Мало думал, — вздохнул я, — времени не было, сиюминутных проблем больше, чем часов в сутках, но все-таки... Это никак не ограничивает наш круг подозреваемых, это его расширяет. Любой может решиться на это, главное — попробовать.

— Например, Гевор-Пардус? — бросила она невинным тоном.

— Не думаю, что он причастен.

— Потому что он твой давний союзник? — хмыкнула Ширин. — Ты не слишком доверчив? Очень уж он активно расширяет свою сферу влияния. Молодой, деятельный, не так давно вошедший в силу Вечный. Первые лет сто все мы бешеные... и лезем везде, где можем.

— Он обрел ипостась достаточно поздно, — напомнил я. — Уже после пятидесяти. Это, знаешь ли, важно. Ума больше. С некоторыми не сравнить.

— Это ты на Кинэна намекаешь? — рассмеялась она. — Согласна, Гевор — не мальчишка-подросток, самолюбивый и нетерпеливый, у него и мозгов, и выдержки поболее будет. Как ты думаешь, может он иметь контакт со Старой Землей? — она встала и неторопливо прошла по залу туда-сюда. Я следил за ее движениями, как замороженный. Тонкая, изящная, со скупыми и отточенными движениями, как старый клинок, и в то же время полная глубокого внутреннего спокойствия. В ней никогда не было ничего смертоносного... она была как ее мир — прохлада, сдержанность, мягкие, приглушенные краски, утонченность... И при всем этом — какая-то неожиданная мягкость и глубина...

Я встряхнулся, выдернув себя из полусонного оцепенения.

— Путь техноасов близок к тому технократическому пути, по которому идет Основа, — продолжила она. — Гевор контактирует со Старой Землей?

— Все пытаются с ней контактировать, но мало кому удастся чего-то добиться, — пояснил я. — Те разумные Основы, что стоят там у власти, жадны и агрессивны. Такое впечатление, что в их мире есть всего лишь два Вечных — Нигейр-воин и Реваль-золото. Ну и общество... слишком уж мы разные. Там только Разумные с постоянным обликом, формально — свободные, но по существу — зависимые, и вся эта масса людей очень, очень плохо управляема. У нас тут смутно представляют, что такое Старая Земля и чем чревататы контакты с ней. По большому счету, там не с кем разговаривать, чтобы наладить контакт. Безопаснее закрыться от них, чем пытаться установить даже тайные, осторожные связи.

— Так есть у Гевора контакты с Основой? — остановила она мои философские излияния.

— Да, есть, — я кивнул. — Но немного. У него есть наблюдатели, но меньше, чем у

Реваля и много меньше, чем у меня.

— Ты уверен, что он ничего сюда не тащит?

— Был уверен, — кивнул я. — Пауки за этим следят. — У нас нет технологий со Старой земли, вернее, их до сих пор не было, или они пока что не заявили о себе.

— Ты так и не нашел оставшихся троих нарушителей границы? — поинтересовалась она сочувственно.

Я отрицательно покачал головой.

— Если райзе погибла, то остается элементарно... — она надолго замолчала, словно пытаясь что-то вспомнить. — Знаешь... Где-то приблизительно в то же время, когда случился тот разрыв Грани, у меня произошла странная встреча в Мааре. Я даже мельком подумала, что она связана со срывом, но потом сочла версию недостоверной. Девчонка, совсем молоденькая, случайно выпала из Витоса в Некрос, вернее, в Маар. За ней тянулся смертельный шлейф, но то, что ее атаковало, на нее не подействовало. Ее явно пытались убить, но она этого не поняла. Я сначала подумала, что это кто-то из учеников Джмар впервые в Маар вышел и растерялся, но потом, вытолкнув ее, я сообразила, что девочка не местная. Вообще не наша. Маар-облик у нее был с отпечатком Основы.

— Можешь ее описать?

Ширин покачала головой.

— Ты не забывай, Маар-облик и реальная внешность могут сильно отличаться. Не риску. Хотя... она на айору чем-то похожа.

— Только нос нормальный, — рассмеялся я, вспомнив Ригду. — Мне ее так в той деревне кичу описали.

— Но это еще не все. Через какое-то время, месяца три назад, я опять столкнулась с ней в Мааре, только на этот раз ее пыталась сожрать какая-то тварь с немалым потенциалом Некроса.

— Что, они еще не повывелись? — удивился я.

Ширин покачала головой.

— Они и не исчезали. Ты, само собой, не представляешь, в чем тут дело.

— Я же не ученик школы Джмар, — фыркнул я. — И в Маар не хожу.

— По сути, любой из нас, обладая определенной силой, может себя туда спроецировать, — хозяйка Некроса благосклонно кивнула очередным айорам, снабдившим нас кофе и восхитительной свежей выпечкой, а я с трудом удержался, чтобы не цапнуть с блюда первую же попавшуюся булочку. — Там можно свободно перемещаться, встречаться с другими такими же способными к выходу существами. По сути, связь хозяин-зависимый создается и поддерживается именно через Маар. Часто хозяева с большим кругом зависимых проецируются там, не осознавая, что у них в Мааре есть проекция. При этом они могут видеть в Мааре облик зависимого, но не понимают сам механизм контакта с этим обликом. Кстати, все Вечные наделены этим умением, но обретают его в разное время. Большинство из нас — лет после трехсот...

— Я не умею, — вздохнул я.

— Твои предшественники умели, — мягко, словно извиняясь, сказала она. — Возможно, ты еще не достиг того порога, когда вы входите в Маар. — Ант Хэйген появлялся в виде человека с головою ворона, а его предшественник имел крылья вместо рук.

— А что, еще и облик меняется? — забеспокоился я.

— По-разному, — улыбнулась она. — Реваля, например, не меняется никак. Даллах

появляется редко, но всегда в облике зубра. Прошлый Вагабр разгуливал в облике огромного — больше, чем в реальности — оленя. Альсар сам на себя не похож, — тут она хихикнула, как девчонка. — Этакое красочное, фееричное существо... Иногда стало проявляться некое подобие рыси, но бледное и нестойкое, и буквально на несколько мгновений — это Эрлен пытается выйти в Маар, — тут Ширин усмехнулась. — Ничего, сотня-другая лет — выйдет.

— Так что про ту тварь и девочку? — напомнил я Ширин. — Кто это был?

— Тварь я знаю давно, она время от времени приходит, но собственно ничего такого в Мааре не предпринимает. Придет и сидит, подпитываясь чистым Некросом. Посидит и уходит. Момент входа я не видела, зато слышала, как меня кто-то позвал, и пошла на зов. Тварь собиралась девчонку сожрать, но она, умница, очень успешно сопротивлялась. Я ей помогла — выбросила из Маара, а тварь шугнула. Любопытно, что Маар-облик у девочки был к тому моменту ярче и четче, чем при первом выходе, и держалась она увереннее, стабильнее. Может, она и есть твой элементар с Основы.

— А жители Старой земли могут ходить в Маар?

— Могут, — ответила Ширин. — Только почти всегда — неосознанно, хотя у них есть множество эзотерических школ, весьма близко подошедших к осознанию Маара. Ты же помнишь, изнанка у наших земель одна.

Я с признательностью кивнул ей. После сытного обеда и кофе стало полегче, я чувствовал себя не таким измотанным. Хотя теперь меня клонило в сон.

Я неохотно поднялся, стянув со стола последнюю булочку. Надо было двигаться дальше.

— Можно ее как-нибудь найти, эту девушку? — лететь мне не хотелось, а хотелось прямо тут и прилечь. Предстояло еще разбираться с Лаорикой и ее порогами.

— Могу попробовать, если опять встречу, но нужен более длительный контакт, — пояснила она. — Забери его, — Ширин вложила мне в руку ключ. — На тот случай, если оружиеку Нагов действительно придется открывать. Чтобы защитить себя... — задумчиво продолжила она. — От чего-то... нового. От той же Основы, например, — неожиданно закончила она.

Я вяло пожал плечами. Вряд ли от Основы. А вот от Анг Мирта... Может быть. Покрутив ключ в руках, я сунул его в карман куртки и, сердечно попрощавшись с хозяйкой Некроса, неохотно поплелся на взлетную площадку.

Как же я все таки устал... Ничего, сейчас обернусь, будет полегче.

Глава 25. Учитель и ученик

— Ее следы затерялись, — еще раз терпеливо повторил Кольер, пристально глядя в спину молодому мужчине у окна. Казалось, холодные пики гор интересовали его больше, чем беседа. — Мы до сих пор не знаем, жива она или нет. Счет на идентификаторе опустошили сразу после ее побега.

Человек, ставший неотличимо похожим на коренного ирнанца, повернулся к своему наставнику.

— Можно отследить, где это произошло?

— Конечно. В соседнем городке, восемьдесят хааров от Кархи, в тамошнем офисе Золотой Гильдии.

— А дальше? В других местах?

Кольер покачал головой.

— Нет, больше она идентификатором нигде не пользовалась.

— Но она жива? — спросил Саша с напряжением в голосе.

Кольер промолчал. Он больше не чувствовал свою жертву. Еще тогда, на верхней площадке Наган-Карха, он потерял с ней контакт. Обманывать Сашу ему не хотелось — он ценил доверие своего ученика, который за прошедшие три месяца превратился в одного из лучших воинов-Нагов. Теперь он был не просто рядовым членом боевого отряда; проявив выдающиеся способности в тактике и стратегии, он поднялся до командира отряда и метил в командиры триады.

— Я очень тебя прошу, — продолжил молодой наг тихо. — Не бросайте поиски. Пожалуйста... Она мне дорога. Нет, она мне не сестра, ты это знаешь, и не любовь, но нас зашвырнуло сюда вместе. Я отвечаю за нее, перед своей совестью отвечаю... Я должен сделать все, что в моих силах.

Кольер медленно кивнул. Можно, конечно, установить местонахождение беглянки, обратившись за помощью к Вечным. Чтобы найти обычного человека в любой точке вселенной, требовалось два Вечных, помнящих ее внешний облик, и Зеркало.

Не получится, решил он. Эрлен может и вспомнит внешность девчонки, да и то — с трудом. А больше никто ее не видел.

Пока не получится, усмехнулся он про себя.

— Я могу поискать ее сам, — предложил Саша. — Если ты подскажешь, как.

— Ты должен помнить об осторожности, — неохотно возразил старый наг. — Не забывай, ты причастен к срыву Грани и смерти детей Ворона в шедре. Глава Пауков пока не знает, что там был именно ты, но если узнает... Тебе этого не простят. Надо выждать. Скоро этот вопрос уладится сам собой. Все, что тебе нужно — ждать. И работать над собой.

Саша пожал плечами.

— Не понимаю, как это может уладиться.

— Уладится, — заверил Кольер. — Займись лучше делом. Рабочая энергия Нагов — сочетание эгри-джив или эгри-наэр. Тебе пора осваивать теорию сил и стихий на практике. С этого дня ты начнешь работать в оружейной лаборатории. Оружие нагов изготавливается по специальным технологиям с применением искусства сил и стихий, — видя, как загорелись Сашины глаза, он с трудом сдержал довольный смешок. — К сожалению, генетической лаборатории у нас давно нет, там было бы не менее интересно.

— Лучшие боевые расы, — вздохнул Саша. — Да, я знаю. — Все потеряно.

Кольер покачал головой.

— Ничего не потеряно. Тех, кто был создан раньше, мы продолжаем выращивать и обучать, поддерживать популяцию и боевые навыки. Но создать новых — нет, без Нигейра никак.

— Почему?

— Это как раз вопрос сил и стихий, — вздохнул Кольер, зная, насколько туго давались Саше философские основы здешнего мира. — Вечный — это не только живое существо со вторым обликом, это еще и древний дух. Божество, воплощенное в физическом теле, точнее, в двух разных телах. Его сила — в управлении теми стихиями, средоточием которых он является. А еще это стабильность, вера и вдохновение для тех, кто рядом..

Тут голос местоблюстителя ордена Аспида стал неожиданно печальным. Бросив взгляд на своего ученика, он заметил непонимание, и поспешно продолжил.

— Смотри... Исчезни из этого мира Даллах, на всех землях Ар Соль начнутся неурожаи. К счастью, нынешнее воплощение Зубра — удивительно крепок здоровьем и разумом и живет давно, поэтому о жаре, засухе, землетрясениях, потопах, голоде и прочих природных катаклизмах помнят только архивы да художественная литература. Конечно, они случаются, но редко и кратковременно. Без воплощенного Гевора-Пардуса у нас начинает ломаться все, что создано умом и руками разумных. Конечно, техноасы никуда не исчезают и исправно выполняют свои функции, но в отсутствие Вечного Гевора число мелких и крупных техногенных катастроф вырастает минимум вдвое. Отсутствие Реваля приводит к финансовым кризисам, мелким и крупным, разорению устойчивых деловых отношений и всегда — к обеднению населения. Без Лануэль рушится привычный уклад человеческих и двуликих общин, учащаются склоки внутри кланов, без Эрлен Двуликие выходят из-под контроля...

— Как один, пусть даже обладающий специальной силой, человек, может на это повлиять? — в голосе Саши звучал с трудом сдерживаемый скепсис.

— Любой силе, будь то деньги, техника или природа, нужен хозяин. Тот, кто сможет держать ее в узде. Это заметно даже в мелочах — дом, оставленный без хозяина, ветшает и рушится, дело, у которого исчез руководитель, хиреет и разваливается.

— Даже когда начальник в отпуск уезжает, — вдруг добавил Саша, — бывает, что работа буксует, — тут он усмехнулся, видимо, вспомнив что-то из своей жизни.

— И страшно представить, что случится, если в наших мирах долго не будет Ворона, — продолжил старый наг. — Боюсь, в Ар Соль придет хаос... Наши земли, слитые вместе, очень специфичное пространственное образование. Их можно сравнить с ячейками-сотами, тесно спаянными друг с другом. В отсутствие Ворона увеличивается количество происшествий на границах, возрастает число аномалий Грани, шеадры-мостики между мирами начинают сбивать все чаще и чаще...

— Может ли Ар Элес слиться с Землей-Основой? — в голосе Саши прозвучал странный энтузиазм, но Кольер недовольно поморщился. — И что произойдет, если разрушенная Грань не восстановится?

— Никто не знает, — проворчал старый наг. — Не было таких случаев. Есть у детей Ворона гипотеза, что пострадавшие участки могут обособиться в отдельные земли, но проверить ее до сих пор не довелось. Коллегиум изысканий Кинэна все пытается что-то нащупать, да без толку.

— Что тогда происходит из-за отсутствия Нигейра? — спросил Саша будничным тоном.

— Что происходит... — Кольер надолго замолчал. — Так просто и не объяснишь. —

Мы стоим на месте. Не видим новых миров. Территориальная экспансия — это сфера Нагов. Наги говорят — куда идти, Горностаи — как идти, Дети Ворона открывают путь и хранят его, пока он нам нужен. У нас возникает множество мелких конфликтов и локальных кровопролитий, жестоких и бестолковых, растет уровень всеобщей агрессии. Мы не можем справиться с внешней угрозой. Сам видишь, мы можем сдерживать агрессию Анг Мирта, но мы не можем ее прекратить. И что будет с Ар Соль, если разумные Основы все-таки придут сюда? Ворон будет держать оборону до последнего, но однажды его сил не хватит.

— Существует ли однозначный ответ, почему Нигейр не воплощается? Или никто не может этого объяснить? И другие Вечные, места которых пустыют?

Кольер задумчиво покачал головой.

— Только догадки. Допустим, Нигейра нет, потому что его упокоили силой. Об этом ты нигде не прочтешь — не принято писать, — добавил он, видя изумление Саши. — Божество-божеством, но воплощение Вечного очень сильно зависит от личности человека, который стал его носителем. Последний Нигейр был очень тяжелым... существом. Элианна-Любовь... — Кольер печально ухмыльнулся. — Власть у нее была огромная... — он долго молчал, прежде чем продолжить. — Ее боялись. Любовь — оружие страшнее убийства. Более жестокое, я бы сказал. Мы ничего не знаем о гибели ее последнего воплощения. Возможно, ее убили. Почему она не рождается... Не знаю. Может, знают другие. Филин погиб сам, по неосторожности, попал в аварию на вимме. Любил погонять, сам не свой был, первое, что делал, когда садился — блок контроля выключал.

— Вот тебе и мудрость, — рассмеялся Саша.

— Филин — это не сколько мудрость, сколько память и знание. Хранитель истории, прошлой и будущей. И, как я тебе уже говорил, личность носителя ипостаси сильно влияет на ее поступки.

— Филина тоже нет, — повторил Саша. — Получается, что в отсутствие Элианны и Филина в мирах Ар Соль тоже что-то нарушено?

Кольер кивнул.

— На эту тему много написано, если хочешь — почитай, я велю подобрать тебе литературу. Но, боюсь, к делу эти опусы отношения не имеют. Лучше займись теорией сил и стихий. Оно ценнее.

— Мы так и продолжим работать в связке с Пауками во время нападений Анг Мирта? — спросил Саша, помолчав.

— Тебя что-то беспокоит?

— Не то чтобы беспокоит, — вздохнул он. — Я должен признать, мне нравятся многие из тех детей Ворона, с кем пришлось столкнуться. Меня тревожит, что по силе и умениям они не уступают нагам, а их глава даст фору многим нашим командирам.

— Наги никогда не воевали с детьми Ворона, — ответил Кольер. — Не всегда мы были с ними в одной упряжке, но до открытого противостояния еще никогда не доходило. Мы нужны друг другу, мы делаем одно дело.

Саша молча кивнул.

— Не хочешь попробовать сразиться в личном поединке с кем-нибудь из них? Мы с Рессером давно практикуем и поощряем такие состязания. Поединок по дуэльному кодексу Ар Шамалы — с реальным оружием, без нанесения физического ущерба, но до неоспоримого

поражения одной из сторон.

— Конечно хочу! — воскликнул юный наг, расплываясь в улыбке.

— Давно вы видели этого белого и пятнистого из семейства кошачьих? — ехидно осведомился утонченный светлокосый юноша, вальяжно развалившийся на огромном, укрытом тонким мехом и подушками диване. — Где он? А то все про него говорят, но никто его не видел.

Давненько Кинэн тут не появлялся, лениво подумал Кольер. Два дня назад он нашел подходящую жертву для ритуала и напился силой, которой теперь должно хватить на какое-то время. Он был сыт. Ему было хорошо и спокойно, поэтому он снисходительно смотрел на очередные попытки Эрлен его соблазнить, не реагировал на ядовитые реплики Кинэна и на ворчание чем-то недовольного, но не желающего делиться проблемами Ревалья.

Кольер с любопытством перевел взгляд на Ревалья. Интересно, как они вообще находят общий язык? Контраст между ними разительный, конечно... Настоящее имя Кинэна-Горностая было Кэйн. Горностай — Вечный, созданный усилиями всех Вечных Ар Соль нужен был для того, чтобы кто-то объединял, обобщал опыт научных исследований, ведущихся всеми силами Вечных, чтобы к кому-то стекались все находки и открытия человечества, и чтобы этот опыт анализировался, развивался и становился общедоступен. Кроме того, требовалось, чтобы кто-то мог координировать работы на стыке разных сфер знания, разных подходов и сил. Итог оказался прелюбопытным: Вечные создавали новую управляющую силу, но то, что в результате она воплотится в небольшое, юркое и подвижное существо, благородной наружности, но скромной физической силы, — такого исхода не ожидал никто. Кэйн Кинэн был всего лишь третьим воплощением Горностая с момента создания этой Вечной силы, и ипостась он обрел неожиданно рано, так и оставшись в том возрасте, в котором его застигло первое принятие Вечного облика. Впрочем, это было характерно для всех Вечных: после первого проявления ипостаси их старение останавливалось.

Они смотрелись комично, когда начинали спорить — холеный, плотный, немолодой и смуглокосый Реваль, дорого одетый, немногословный и всегда многозначительный, и невысокий худощавый темноволосый юноша, дерзкий и задиристый, выглядящий лет так на 18, не более. Казалось, что сын перечит папаше. По факту, ему было на сегодня 282 года — достаточно, чтобы считаться зрелым Вечным, чтобы пережить и перерасти все трудные этапы становления божества в смертном теле с момента первого принятия ипостаси. К Кинэну трудно было относиться серьезно — внешность сильно сбивала с толку, особенно посторонних. Свои уважали его за острый ум и проницательность, за быстроту реакции и солидную базу знаний по разным вопросам. Поэтому и прощали иногда не вовремя проявляемые непочтительность к старшим, ехидство и общую вздорность характера.

Реваль, к которому была обращена реплика, пожал плечами

— Если ты про Гевора, то лично я его видел несколько месяцев назад. Ничего необычного, он по финансовым вопросам приходил.

Реваль был чем-то явно недоволен, но в ответ на осторожные расспросы Эрлен он старательно уклонялся от темы.

— Давненько, — буркнул Кинэн. — Кто-нибудь знает, чем он занят? Вы что, в гости по-соседски друг к другу не ходите? — обратился он к Кольеру.

— Не такие уж мы и соседи, — ответил тот флегматично. — Мы на севере, Пардусы

на юге. Все его корпорации прекрасно функционируют и без его активного вмешательства. Тебе не кажется, что это лучший способ организовать работу?

— Зачем он тебе понадобился? — раздраженно спросил Реваль.

— Мы собираемся что-нибудь с Анг Миртом делать? Или так и будем бездарно отбиваться железяками от безмозглых кусков плоти? Я понимаю, что Воронам не положено иметь мозги, им и крыльев достаточно, похлопал — и свободен, но может мы все-таки сделаем что-нибудь... более толковое, чем размахивание чем попало?

— Хотел бы я посмотреть, что ты запоешь, если пара этих недорезанных кусков плоти забредет на территорию твоих драгоценных садов и переварит их до некроза, — буркнул Реваль. — А заодно и твоих гениев пространственной математики. Ар Лессен, как ты помнишь, тоже граничит с Анг Миртом. Сразу вопить начнешь, что кто-то недостаточно крыльями похлопал.

— Да уж разберусь, наверно, получше некоторых, — фыркнул Кинэн.

— Что тебе для этого нужно? — хладнокровно спросил Кольер, пытаясь перевести пустое препирательство в конструктивное русло.

— Информация. Максимум информации. Активность Анг Мирта не просчитывается никакими моделями, мои аналитики причин не видят, точных данных о том, что там вообще происходит, давно нет. Какого черта мы делаем вид, что проблемы не существует?

— Ну так попроси Ворона, в чем сложность-то? — раздраженно осведомился Реваль.

— Эту бешеную птицу невозможно заставить на месте, — Кинэн закатил глаза. — А его цепной пес меня в упор не хочет видеть.

— У Ширин есть все, что есть у Ворона, — сказал Кольер максимально спокойным тоном, — кроме, конечно, анализа боевых действий. — У меня, к сожалению, очень мало фактической информации, только результаты наблюдений гвардии ноа по совместным операциям и добытые ими два куска псевдоплоти.

— Эта летучая мышь ничего не отдаст добровольно, — поморщился Кинэн. — Вам вообще-то не приходит в голову, что позиция страуса — наиболее уязвимая из всех возможных? Зад-то на холоде, отморозить можно.

— Так подключайся, кто тебе мешает? — огрызнулся Реваль. — Коль, возьми его в отряд, когда нэрги нападут, пусть он себе уже что-нибудь отрежет. Или отстрелит.

Эрлен рассмеялась. Сегодня она помалкивала, находясь в удивительно благостном расположении духа, щедро подливая гостям вина, бродя по комнате и наблюдая за реакцией мужчин на ее очередной "раздетый" наряд. Кого она тут надеется удивить... или соблазнить? Многие Вечные теряли интерес к сексуальным утехам после первой сотни лет жизни. Когда все попробовал, когда убедился, что все женщины, мужчины, двуликие и постоянные — одинаковы, интерес смещается в совершенно иные области. Хотя... многое зависело от ипостаси. Вечные с выраженной физической компонентой — те же кошачьи, например — Пардус, Рысь, Кошка, да и прочие корпулентные — Олень с Зубром — никогда не теряли интерес к этой стороне жизни.

— Нам все равно надо собраться и обговорить кое-какие детали, — миролюбиво сказал Кольер. — Мы с Хэйгеном и Ширин хотели встретиться на следующей неделе. Я передам им твои пожелания и просьбы, Кэйн. Думаю, и Рессер, и Шейла охотно поделятся своими соображениями. Они прекрасно понимают, что в одиночку противостоять Анг Мирту у них не получится.

— Какой ты дипломатичный, — фыркнула Эрлен, не выдержав. — Кэйн, я с тобой полностью согласна, — она обольстительно ему улыбнулась. — Мы действительно очень мало знаем о посмертии мира, который сами же и разрушили. Непростительно мало.

Все потому, что в этом мире нет силы, способной решить проблему окончательно и бесповоротно, подумал Кольер.

Глава 26. Белый овраг

Прежде чем снизиться, Юлька заложила над лесом еще один вираж. Нет, ей не почудилось: по дороге к Белому Оврагу действительно двигался небольшой отряд из разных рас. Судя по отличительным знакам хозяина, это были соседи из Сальи, ближайшей от Белого оврага общины, и кажется, половина отряда состояла из аржан — высокоразумных, но зависимых Дзуликих родом из Ар Иллима. Красивая раса, подумала она с завистью. Смуглокожие, с тонкими чертами лица, черноволосые, с раскосыми синими глазами, лица и уши они имели слегка вытянутые, тела — тонкие, с удлиненными конечностями; во второй ипостаси они приобретали цепкие пальцы-когти и широкие, невероятно гибкие подошвы, позволявшие им ползать по отвесным скалам, а так же невероятную гибкость, легкость и прыгучесть. Как все дети Райских островов, они любили воду и прекрасно плавали, надолго задерживая дыхание.

Не желая, чтобы ее обнаружили, Юлька снова набрала высоту. Она намного опередит отряд, если не будет мешкать. Надо на всякий случай предупредить старейшину — вдруг они направляются в деревню с не самыми мирными намерениями? Все-таки Белый овраг — далеко не самое благополучное место, если смотреть со стороны, даже если его обитатели считают иначе.

Она поймала поток и, подхваченная нужным ветром, устремилась к окраине огромной непролазной чащи, которая заканчивалась у полуразрушенного замка на опушке. С одной стороны замка змеился длинный глубокий овраг, на дне которого обнажались, словно кости земли, белые скальные породы. С южной стороны замковых развалин жались друг к другу примитивные, но добротнo склоченные и бедно, но аккуратно обжитые хатки. Почти у самого обрыва находился старый каменный дом, видимо, оставшийся еще от прежних обитателей замка, который облюбовала семья пожилых локки. Главу семьи община единодушно признавала своим старейшиной.

Добравшись до палисадника рядом с домом, Юлька снизилась и аккуратно приземлилась. Что-то тихо сегодня в деревне, не бегает по кустам вездесущая детвора, не гремят ведрами хозяйки, не переругиваются вечно недовольные друг другом соседи крайних домиков у обрыва. Впрочем, слишком уж оживленным это место не бывало и раньше, несмотря на удивительную разношерстность жителей. Сняв крылья, Юлька заглянула в маленькое чистое окошко, убедилась, что старейшина у себя, постучала и, не дожидаясь приглашения, вошла.

Чудное это было место, Белый овраг. Когда-то здесь обитал богатый Дзуликий, из близких к Эрлен людей, имевший в подчинении до сотни зависимых из разных кланов. Но что-то он не поделил с соседями, и в результате небольшой, но разрушительной войны, вынужденно бежал в Ар Лессен и домой больше не вернулся. Замок потихоньку пришел в упадок, поселение вокруг него обезлюдело, народ разбежался кто куда. Долгое время место оставалось пустынным и заброшенным, но постепенно вокруг полуразрушенного замка в уцелевших домиках начал появляться народ. Беспхозные постройки притягивали бездомных — Дзуликих и ассаров разных рас, кому негде было приютиться. Беглецы, изгои, нелюдимы, обедневшие семьи, по каким-то причинам покинувшие родные места — все находили приют в этом живописном странноватом поселении, главным правилом которого было отсутствие любопытства и запрет на конфликты. В Белом Овраге не спрашивали, кто ты и откуда, что

привело тебя сюда, есть ли у тебя деньги и чем ты зарабатываешь себе на жизнь. Тебя просто принимали, позволяли жить и заниматься любимым, пусть даже не совсем законным делом, главное — сиди тихо и не мешай жить другим. Занятия местных очень разнились — кто-то жил с огорода, кто-то — ремеслом, продавая изделия на рынках близлежащих Сальи и Ваннеи, кто-то промышлял законным и незаконным охотничьим промыслом, кто-то приворовывал, кто-то и вовсе проживал невесть откуда взявшиеся накопления, явно скрываясь от властей.

Была здесь и своя власть — старейшина с помощниками, "правым" и "левым", которых выбирали каждый год на общем собрании из самых уважаемых членов общины. Формально община Белого оврага, как и положено, подчинялась главе округа Лаорика, граничащем с Тайремом, но по большому счету никого это разношерстное, но мирное сборище особо не интересовало. Скромный налог в окружную казну община платила регулярно, а больше она ничем местного правителя не интересовала, пока не доставляла хлопот. А уж ее старейшины делали все, чтобы не привлекать внимание.

Старейшина, пожилой худощавый локки, сразу же усадил Юльку за стол, а хозяйка принялась греть на плитке чай, поставив на стол нехитрую закуску. После полетов Юльке всегда зверски хотелось есть, и она с благодарностью схватила большой капустный пирог. Выслушав ее торопливый рассказ, локки долго тер ладонями крупное, добродушное лицо, заросшее рыжей с проседью бородой.

— Это за Лейки, — вздохнул он. — Недолго и бегала.

— Почему вы так думаете? — спросила Юлька, доедая пирог. — Может, из-за шкур. Мирре совсем страх потерял, каждую неделю в Ваннее на барахолке отирается, да еще ценами стал хвастаться. Спрос, говорит, большой. Доиграется — стукнут Паукам, что шкуры явно не песчаных волков... и конец его бизнесу. А может — и ему самому.

— Здесь не стукнут, — старый локки улыбнулся во весь рот. — Не те нравы. Кроме того, низинные вервы, чьи шкуры он за волчьи выдает, очень уж неприятные соседи. Одна напасть от них. Хорошо еще, они от нас далеко, а то бы ты так просто по лесам не погуляла. Их низкоразумными-то можно назвать весьма условно, — локки медленно качнул головой. — Ты видела их жилье? Не дома — норы! Деревяшки там только чтоб потолок не обрушился, лавки — чтоб спать теплее было. Дети до совершеннолетия дикарями в шкурах бегают, — тут он с осуждением покачал головой. — Дикость предвечная, — бросил он традиционное элзианское осуждение. — И Пауки никого просто так убивать не будут — сначала разберутся, что к чему. Сначала штраф наложат, а если не заплатит — на общественные работы отправят, дороги чинить да просеки расчищать. Может, и вервов этих окаянных проредят, а то плодится всякая шваль... Давно пора, — локки посмотрел на Юльку и решительно пододвинул к ней большое блюдо с пирогами. — Ешь давай, чего стесняешься, — ухмыльнулся он. — Далеко летала?

Юлька кивнула. На дальние расстояния она летала не каждый день, поэтому поручений иногда накапливалось немало. Ближайший рынок в Ваннее находился в двух часах пути. До Сальи было ближе, но там она опасалась появляться из-за объединенного дозорного пункта Пауков и Нагов, которых она старательно обходила стороной. Нет, она не думала, что ее активно ищут, хотели бы — уже нашли бы, но страх присутствовал. Лучше не рисковать. Да и Ваннея побольше и побогаче Сальи. Обитатели деревеньки отправляли ее за множеством нужных мелочей, которые можно было купить только в городе, посылали письма родным, если было кому слать, а иногда и отправляли довести до нужных людей кой-какую

незаконную добычу — шкуры, рога и внутренности низкоразумных и диких обитателей здешних краев, охота на которых либо была запрещена, либо требовала специального разрешения, или некоторые лекарственные, но содержащие наркотик травы, которые обильно росли в окрестностях Белого Оврага на его благодатных почвах.

Она не гнушалась ничем. Народец здесь обитал самый разнообразный, но в большинстве это были такие же, как и она, беглецы, изгои, заблудшие и не очень благополучные обитатели Элезии. Юлька удивлялась тому доверию, что они испытывали к ней, их трогательной, почти любовной заботе. "Наша Крылатая" — так называли ее за глаза, да и в глаза тоже. Она не возражала. Ее подкармливали и приносили небольшие, но нужные подарки, а в ответ она выполняла поручения, выслушивала исповеди и просто жалела, пытаясь помочь, если знала, как. Поговорить — просто так, за жизнь, приходили часто. Особенно Двумкие, которых тут было больше, чем ассаров. Поначалу ее это изумляло — она же другой расы, другого менталитета, другой культуры — она и вовсе с Основы, а не местная...

Может быть поэтому и приходили, надеясь найти ответы на те вопросы, что не находили у своих.

— Почему вы уверены, что это за Лейки? — переспросила она. — Из-за аржан в отряде?

— Я ждал, что за ней придут, — кивнул он. — У них не принято такое спускать.

Лейки, молоденькая аржана, какое-то время назад прибилась к общине, сбежав из-под венца. Семья у нее была богатая и влиятельная, а девушка не отличалась покладистым характером. Обитатели Белого оврага ее приютили, но общественное мнение считало, что это ненадолго.

— И что мы будем делать? — настороженно спросила Юлька.

— Для начала, послушаем, что они скажут, — хмыкнул локки. — Вдруг еще приплатят, чтобы не возвращалась?

— А такое бывает? — изумилась она, не распознав шутки. Обычай тут были странные, жизнь текла настолько не похоже на все то, с чем она сталкивалась дома, что Юлька уже перестала удивляться.

— Нет, конечно, — улыбнулся он. — Но я бы приплатил. Думаю, они попросят ее выдать.

— И мы?

— Выдадим, — кивнул локки

— Почему? Ее ведь насильно хотели замуж выдать, — возмутилась Юлька. — Не по любви. Как же так, она же всю жизнь мучиться будет.

Локки печально покачал головой.

— Она не элеса, она — аржана. Ты не понимаешь, — вздохнул он. — У вас там, на Старой Земле, да и здесь, у ассаров, все совсем по-другому. Вы — свободные разумные, у вас природа другая. Хочу — гуляю, хочу — рожаю. А у аржан, как и у многих Зависимых, циклы рождения детей определяет природа. Она пропустит свой цикл и пожалеет, что сбежала.

— Но если жених ей противен? — продолжала гнуть свое Юлька.

— Чем это он ей противен? — возмутился локки. — Родители не звери, не станут дочь губить. Браки составляются так, чтобы можно было родить здоровое потомство. Старшим ее рода лучше знать, с кем и когда. Смерть ей не грозит. Ей хочется еще немного в девках посидеть, хвостом покрутить. Взрослеть не хочет, — заключил локки со вздохом.

— А если за мной придут, — прямо спросила Юлька. — Выдадите?

Локки вернул ей такой же прямой взгляд.

— Выдам. Мы никого не защищаем. Мы не укрываем — мы даем жить. Помогаем, если можем. Лечим. Но... — он замялся. — Возможно, я тебя предупрежу, если за тобой придут. Повожу их, дам тебе время удрать. Но... спокойствие общины мне дороже одного разумного, даже такого, как ты.

Юлька кивнула.

— Спасибо, что предупредили, — буркнула она.

— Ты же уверена, что за тобой никто не охотится, — улыбнулся Локки. — Сама же говорила.

— А вдруг?

— Ты ведь давно в бегах, верно? — спросил Локки с сочувствием в голосе. — У нас если хотят найти — находят, и быстро. Способы есть... всякие. Сколько месяцев уже прошло?

Юлька задумалась. Сначала они прятались от Пауков. Потом — от Эрлен. Затем она сбежала от Нагов. Если бы все три стороны объединили усилия, то наверняка давно бы отловили беглянку. Но она хорошо понимала, что на самом деле не представляет никакой ценности ни для Пауков, ни для Дзуликих, ни для Ордена Аспида. Особенно для последних. Возможно, Саша считает ее погибшей. Ей страстно хотелось, чтобы он искал и нашел ее, чтобы переживал, беспокоился о ее судьбе, но с другой стороны, там, рядом с Сашей, все еще находится это чудовище по имени Кольер. Да и Саша... Скорее всего, он все больше и больше превращается в Нага — в идеального бойца, эдакого ниндзя с местным уклоном.

С момента ее побега из Наган-Карха прошло почти три месяца. Она твердо решила вернуться домой, перебравшись в Элезию и теперь старательно искала ту деревню кицу, в которую они попали сразу после переноса и откуда начался их путь по землям Ар Соль. В Белом Овраге она задержалась, потому что тут неподалеку располагалось три похожих поселения, но, осмотрев все три, она поняла, что ошиблась. У нее все еще оставалось немного денег. Сразу же после побега, еще в Ар Ирнани она забрала все, что было на ее счете-идентификаторе, и расходовала их с осторожной бережливостью. Жизнь в маленьких городках Элезии была дешевой, жилье стоило недорого, а в деревнях порою и вовсе ничего: Крылатых тут уважали и пускали на ночлег просто так, по вежливой просьбе. Юлька давно заметила, что вызывает странную, необоснованную симпатию почти у всех, с кем осмеливается заговаривать, поэтому постепенно перестала бояться местных и стала чувствовать себя в землях Элезии как дома, и даже лучше, чем дома.

В общем-то, неприхотливое, неспешное житье-бытье в Белом Овраге ее устраивало. Она облюбовала маленький домик, прилегавший к развалинам замка с северной стороны. Он находился чуть на отшибе от главной деревенской улицы, и, судя по всему, до нее в нем обитал кто-то умелый, поскольку домик был подправлен, ухожен и имел простую, но аккуратную и хорошо сохранившуюся мебель. Здесь было тепло и уютно, можно было топить классическую дровяную печь, а можно — использовать современные теплоэлементы, установленные в углах комнат. Все, что требовалось — это время от времени обновлять их, покупая стержни. Стоили они недорого, никаких особых познаний не требовали, вставляя стержень в гнездо и включай, но Юльку до сих пор смущала простота и дешевизна здешних технологий, она все еще ожидала подвоха. Печь с дровами была простой и понятной, да и живое тепло и запах дров нравился ей гораздо больше. К местным светильникам-аэрам и к синтетическому мясу она давно привыкла.

— Я хочу вернуться домой, — жалобно сказала она. — Но я не могу найти тот Порог,

через который мы пришли.

— Так ты не ищи именно его, — локки забавно всплеснул руками. — Тебе подойдет любой Порог, ведущий на Старую Землю. Ты ведь сможешь добраться домой на своей стороне?

Юлька печально покачала головой.

— Вряд ли. Скорее всего, там меня ждут не меньшие трудности. У нас совершенно другой мир. Документы, границы, транспорт дорогой... У вас тут на крыльях можно весь мир облететь, если набраться терпения. Ваш мир добрее и безопаснее, несмотря на полулюдей-полуживотных и полубогов-полузверей.

— Тогда тебе точно надо к Паукам, — видя, что Юлька опять качает головой, он рассердился. — Да ничего они тебе не сделают! Ты никого не убивала... Или это не так?

— Не убивала, — подтвердила Юлька.

— Тогда доберись до Ворона. Он здесь главный, он точно разматывает твой клубок.

— Он же зверь, — упрямо возразила она. — Дикое существо, которое полжизни проводит в шкуре. Вы же сами рассказывали, как он охотится в ваших краях. Людей жрет!

Локки гневно и забавно мотнул головой, отчего борода его встопорщилась, словно веник.

— Вечный должен охотиться, — изрек он нравоучительно. — Такова его природа. Ворон редко нападает на разумных. Предмет его охоты — низкоразумные или дикие расы. Он стихийная сила, он не может иначе, — видя, что Юлька упрямо отвела глаза, локки недовольно поджал губы, не зная, как переубедить упрямицу. — Как Вечный он весьма мудр. Твой случай — уникальный. Ничего он тебе не сделает, я уверен. Думаю, тебя он вернет домой, а с твоими спутниками уж как-нибудь и без тебя разберется.

— А где его найти? — вздохнула Юлька, понимая, что доводы старейшины гораздо разумнее ее собственных возражений, больше похожих на типичные отговорки тех, кто на самом деле не хочет ничего менять.

— В башнях. Башни Ворона стоят вокруг Элезии. У нынешнего Ворона любимая — Северная башня, она находится недалеко от Альбре, это столица Северного Тайрема. Отсюда далековато... Думаю, купол Восточной стражи в Весинне будет поближе. Придешь туда, расскажешь свою историю начальнику Восточной стражи, а он тебя Ворону и передаст. Да не бойся ты, — рыкнул он, взглянув на ее удрученное лицо. — Никто тебя не съест. Много чести.

Вот именно, подумала она с печальной иронией. Я даже не заслуживаю того, чтобы быть съеденной.

Глава 27. Провальное совещание

— Сегодня в полдень — совместная встреча по Анг Мирту, — сказал Кольер Саше, вызвав его с утра к себе в кабинет. — Нам нужна экспедиция за Грань. Полноценная разведка. Я хочу, чтобы ты присутствовал, — видя, что у его подопечного вытянулось от изумления и радости лицо, он поспешил добавить. — Твоя задача — слушать. Не вмешиваться. Наблюдать. Все вопросы — после, и только своим.

— Спасибо, мастер, — от души поблагодарил тот. — Я... ценю. Я понимаю... Можно мне принять участие в этой разведке?

— Да.

— А кто будет на совещании? — заволновался молодой наг.

— Ширин с Балейром и Венге. Балейр — глава школы Джмар, мастер Некроса. Венге — командир отряда ассасинов, — и, видя на лице Саши изумление, пояснил. — Да, у Ширин тоже есть свои убийцы. А у кого их нет?

— Я никогда о них не слышал, — пробормотал Саша.

— Ворон с Шандром, из наших — Тэр и Аркен. Можешь, кстати, после совещания спросить и Ширин, и Хэйгена обо всем, что тебя интересует. Получишь конкретный ответ. Это тебе не Кинэн, — усмехнулся он, вспоминая, какой безобразной сварой Кинэна с Ревалем закончился тот вечер. — И не Эрлен, способная превратить любой ответ во встречный вопрос.

— У меня действительно есть вопрос... — задумчиво сказал Саша после паузы. — Я слышал, что... именно в Ар Хойте, в его северной части, находится Нагр. Наша оружейка. Не могут ли нэрги стремиться именно к нему... хотя бы интуитивно? Если оружие напитано энергией нагов, может оно как-нибудь фонить и притягивать этих существ?

Кольер ответил не сразу. *Мальчик задумался о Нагре. Умница. И идея неплоха сама по себе. Действительно... Почему нет?*

— Хороший вопрос, — сказал он вслух. — Чистый наэр тянется к эгри-джив как к питательной среде. Спроси Ширин. Сочетания сил и стихий, реализация их в различных сферах нашего бытия — это ее конек.

Кольер был изрядно удивлен, заметив, с каким восторгом и жадностью Саша следит за Венге, командиром отряда ассасинов Хозяйки Некроса. Чистокровная иллирийка, она притягивала взгляды даже искушенных, избалованных женским вниманием мужчин — высокая, хорошо сложенная женщина, смуглая с ярко-синими миндалевидными глазами, волосами цвета воронова крыла, красиво очерченным ртом, роскошная и опасная. Для старого нага всегда оставалось загадкой, что иллирийцы находят в сумрачном Шеннон Аре, столь не похожем на их райский Ар Иллим. На его взгляд, Шеннон Ар был абсолютно непригоден для традиционных не-Двуликих рас. Ресурсный придаток, не более. Кто-то находил Подлунный мир уникальным и загадочным, многие восхищались его необычной красотой, но Кольер недолюбливал этот странный край и старался бывать там пореже.

Балейр, правая рука Ширин и глава школы познания Джмар, чистокровный камард, плоть от плоти дитя этой уникальной земли, тоже производил на людей сильное впечатление. Высоченный, на голову выше своих сорасцев, с буйными пепельными кудрями и пронзительно холодным взглядом ярко-синих глаз, он не носил столь привычные для

обитателей подлунных земель линзы, а физической силой превосходил многих опытных нагов. Он не хуже самой Ширин умел перемещаться в пространстве Некроса, а по мастерству владения наэром ему не было равных ни среди людей, ни среди Двуликих.

Да, мальчик пока еще очень мало видел, подумал он, едва скрыв улыбку. Упущение. Надо в ближайшее время показать ему хотя бы Ар Шамаль и Ар Иллим. Ну и Шеннон Ар наверное... пусть посмотрит на настоящую экзотику. Забавно, как он старательно отводит от иллирийки взгляд. Запал... Упустил он, учитель, физиологическую часть. Молодой сильный мальчик, жизнь и смерть ходят рядом, а женщины у него нет. Надо, пожалуй, по-быстрому решить проблему.

Совещание уже давно началось, но Кольер не вникал во вступительную часть. Если что-то потребуется, у секретаря всегда есть протокол. Он отлично знает ситуацию, что же касается тактики, Тэр с Шандром и с той же Венге разбираются в таких вопросах гораздо лучше него. Хотя... Позиция Шандра насторожила его с самого начала.

— Со своей стороны мы предлагаем короткий бросок до ближайшего с той стороны Грани населенного пункта и захват заложников или тел из числа населяющих его разумных существ, но не нэргов, — Тэр, глава гвардии ноа, боевого цвета ордена Аспида, обвел всех присутствующих пристальным взглядом, оценивая реакцию. — Возможно, потребуется короткая показательная операция устрашения.

— Ближайший населенный пункт — это крепость, — напомнил Шандр со смешком. — Город — в часе лету, но при максимальной скорости вимм можно добраться быстрее. Других поселений в районе прорывов нет, все атаки идут из одного места. Где заложников будем брать? — он покосился на Ширин, которая кивнула ему в знак согласия, и продолжил. — Хэйген считает, что на текущий момент данных по Анг Мирту недостаточно для полноценной операции. Есть трудности с пересечением искаженной Грани, не все бойцы могут находиться в аномальном пространстве. Да, чем дальше от Грани, тем меньше эффект, но для начала нужно пройти аномальную зону без потерь. Разумнее выждать и обратиться к техноасам для создания мобильных визор-разведчиков. В принципе, они и так у них есть, надо решить вопрос с передачей данных. Проще всего использовать обычную визор-систему по типу "зеркало", передающую данные в режиме реального времени, и уничтожить визор-систему по завершении операции.

— Жаль, что Ворон не смог лично почтить нас визитом, — с насмешкой прокомментировал Тэр, который не жаловал ни текущую ипостась Ворона, ни собственно Шандра. — Я бы хотел сам послушать его мнение.

— Я передам Рессеру ваши пожелания, — убедившись, что Тэр напрягся от этого многозначительного обещания, Шандр продолжил.

— Мы с Хэйгеном неоднократно обсуждали разведку и на виммах, и на крыльях. К сожалению, действовать мы можем только в момент очередной атаки на Грань, поэтому любая операция такого рода изначально не будет секретной. Я считаю разведку с участием людей преждевременной. Разумнее будет дождаться создания визор-разведчиков, и уже после анализа их данных планировать рейды на виммах.

— У вас есть данные по местности, откуда ведутся атаки? — поинтересовался Тэр. — И по протяженности аномальных зон вокруг них?

— Есть, — отозвался Шандр. — Наши разведчики во время боя отходили радиально от прорыва на расстояние около одного хаара, я сам, при поддержке Хэйгена, удалялся от Грани на два хаара и выходил из аномальной зоны. Рессер летал и до крепости, и до города.

— Кто-нибудь что-нибудь картографировал при попадании на ту сторону? — спросил Аркен, руководитель научной группы ордена Аспида.

— Вы нас за идиотов держите? — неожиданно вспыхнул Глава Пауков. — Все, кто выходил на ту сторону, имели визоры. Рессер летал с визорами, — он обвел всех присутствующих неожиданно тяжелым, неприятным взглядом. — Если тут кто-то недоволен, я могу предоставить ордену Аспида полный приоритет как в исследованиях, так и в сдерживании атак.

— Почему нет? — хладнокровно парировал Аркен. — Наша научная группа может присутствовать при каждом прорыве Грани. Так мы соберем хоть какие-нибудь данные для анализа.

— При условии, что прикрывать их будут ваши собственные бойцы, — бросил Шандр насмешливо. — Вытаскивать обморочных, отгонять нэргов...

— Вы считаете нагов не способными сохранять работоспособность в аномальной зоне? — Аркен едва сдержал возмущение. — Наши бойцы участвуют в защите Грани наравне с Пауками.

— Они не пересекают Грань, — фыркнул Шандр. — Они находятся на территории Ар Соль, вблизи, но не внутри аномалии. Сначала научите свою научную группу не блевать в зоне разрыва, а потом стройте планы.

— Давайте вернемся к картам местности, — решительно прекратила их перепалку Ширин. — Ланн Яран Шандр иль Тахир, — голос ее, тихий и вкрадчивый, заставил замолчать уже начавшего было гневную реплику Тэра. — Что с картографией аномальных зон?

— На текущий момент у нас есть небольшая, но точная карта участка Анг Мирта, прилегающего к Крепости, соотнесенная с землями Ар Хойта, Ар Элес и Ар Лессена.

— Отлично, — подал голос Кольер, чтобы снизить накал неприязни. — Это большое подспорье для всех.

— Вас замечали во время съемки? — спросил Тэр.

— Нет, — отчеканил Шандр.

— Уверены?

— Да.

— Возможно, осторожная одиночная разведка пока лучшее из средств? — миролюбиво спросила Ширин, обращаясь к присутствующим.

— При условии, что никто не отсиживается за спинами других. — отрезал Шандр. — Проблема касается благополучия всех земель, даже тех, которые не имеют общей грани с Анг Миртом.

— И как ты это себе представляешь? — насмешливо поинтересовался Аркен.

Слушая дальнейшую перепалку Шандра с нагами, Ширин все больше настораживалась. Наги настроены агрессивно, потому что малочисленны и плохо информированы. Шандр должен это понимать, но вместо того, чтобы спокойно и доходчиво изложить обстоятельства, он агрессивно и непрофессионально втягивается в перепалку. Почему?

Пока шло обсуждение, Саша украдкой разглядывал Ширин, жалея, что не удалось увидеть легендарного Ворона. Ширин-Смерть оказалась совсем не такой, как он ее себе представлял. Ничего зловещего... Элегантная немолодая женщина, изящная, спокойная и улыбчивая. Невысокого роста. Спокойная, теплая. Заметив, что она разглядывает его с не меньшим интересом, он заставил себя вернуться к обсуждению и понял, что многое

пропустил. Жаль, что он так мало знает о прошлом Анг Мирта. Недостаток знаний его раздражал, мешал понимать происходящее и обсуждаемое, но он банально не успевал их наращивать. В сутках всего 24 часа, увы, а без сна тяжело. Он же не Ворон, чтобы без передыху мотаться по землям.

— Значит, ты настаиваешь, что проводить вылазку на ту сторону рано? — еще раз уточнил Тэр.

— Да, — Шандр кивнул. — Если нас заметят, атаки могут участиться и усилиться, а мои люди устали сражаться с нэргами почти непрерывно.

— А я не хочу тянуть, — Тэр впери́л в него тяжелый, недовольный взгляд. — Ты предложил отдать нам приоритет? Я согласен. Наги справятся. Все, что от вас требуется — вовремя сообщить о прорыве Грани и о начале атаки. Вы как обычно займетесь нэргами, мы проскочим на виммах на ту сторону и попытаемся установить атакующий центр. Если получится — уничтожить его.

— Атакующий центр — это крепость, — рявкнул Шандр. — Вас поразила глухота? Или самонадеянность? Вы хотя бы изда́лека ее видели? Хотите все там полечь?

— Речь о короткой разведке, а не о полноценной боевой операции, — опять вмешался Кольер, укоризненно глянув на Тэра.

— Но зачем откладывать? — проворчал Аркен, покосившись на Главу Пауков. — Чего мы тянем?

— Есть обстоятельства, — отрезал Шандр, — которые я пока не могу озвучить, они требуют проверки. Предлагаю отложить окончательное решение вопроса хотя бы на неделю. Я еще раз проконсультируюсь с представителями техноасов насчет визор-разведчиков, и если создание необходимых нам устройств займет много времени, придется что-то решать с воздушной разведкой. Но лично я против спешки. Предлагаю завершить нашу встречу, — он резко поднялся и коротко поклонился Кольеру и Ширин. — Прошу прощения, лэнны и ланны, вынужден покинуть вас.

Кольер поднялся, предлагая остальным участникам выпить по бокалу вина и продолжить обсуждение после короткого перерыва, но по сути, без Шандра совещаться было особенно не о чем. Ширин согласно кивнула, надеясь перехватить Главу Пауков хотя бы на два слова, но Шандр рассыпался в витиеватых извинениях, ссылаясь на неотложные дела.

— Не могли бы вы позволить мне взглянуть на вашу коллекцию Вечных? — обратился он к Кольеру. — Я много слышал о ней. Говорят, она у вас самая полная — в ней присутствуют все статуэтки Вечных.

— У Реваля тоже полная, — ответил озадаченный просьбой Кольер и сделал приглашающий жест. Шандр вышел за ним, предварительно бросив на Ширин очень тревожный взгляд.

Ширин не удержала улыбки. Полная коллекция у Реваля? И этот ценитель прекрасного о ней помалкивал? О да, она бы тоже на нее взглянула... Не знала, что у Кольера — полная. Но еще лучше она знала, что любопытство Шандра никогда не бывает праздным. Или это поручение Рессера?

Ожидая их возвращения, она снова обратила внимание на молодого мужчину, который все совещание молча сидел по левую руку от Кольера, жадно следя глазами за участниками. Некто Алекс. По виду — чистокровный ирнанец. Ее разведка уже успела доложить, что у нагов появился молодой и перспективный командир, и что полностью лишенный nepoтизма Кольер, всегда подходивший к отбору кадров щепетильно и тщательно, выделяет его среди

прочих и лично нагаскивает. В свете разговоров с Рессером... любопытно, видел ли Рес на совместных вылетах этого мальчика? Жаль, что его сегодня нет. И чем так обеспокоен Шандр?

Она внимательно выслушала Сашин вопрос об Анг Мирте и возможном притяжении нэргов к месторасположению легендарной оружейки Нагов.

— Не лишено смысла, — согласилась она. — Но... по-честному, твой взгляд на силы очень примитивен. Никто никого не жрет, это же не животные. Поглощать друг друга они действительно могут, да, но поглощать не джив, а наэр. Ничто поглотит жизнь. Джив может быть погашен наэром, но в сочетании с эгри — нет. Скорее, будет иметь место сложная трансформация, результатом которой станет всплеск, выброс или эгри, или наэра. Важно учесть сферы, в какой из них какая из сил реализуется, а также процентное соотношение силовых потоков. Надо рассчитывать... она прикинула в уме — да, скорее всплеск, чем гашение. Мало данных, — она покачала головой. — Зачем это вам? И опять этот дурацкий интерес к Нагру, словно на нем свет клином сошелся в последнее время. Зачем им ваша оружейка, что они с ней будут делать? Порезутся о сабли?

— Я не считаю этот интерес дурацким, — обиженно парировал Саша. — Любое оружие в рабочем состоянии — это ценность.

Пылкие доказательства ценности Ширин слушала вполуха, зато с интересом наблюдала за молодым нагом. Подкинув из любопытства пару возражений, она смотрела, как он распаляется. Какой интересный мальчик... что это такое у него на левой руке? Серебристая перчатка из тонкого переливчатого материала, в точности повторяющая форму руки? Мальчик злится, перчатка реагирует, обрастая мелкой плотной металлической чешуей, ползя по пальцам, становясь из блестящей тряпочки смертоносным оружием?

— А вторая у тебя есть? — перебила она его с улыбкой. Саша споткнулся на полуслове, растерялся и покраснел.

— Вы о чем?

Она кивнула на правую руку.

— Есть у тебя вторая?

— А она должна быть? — растерялся он.

— Должна, — кивнула Хозяйка Некроса. — Это меч-коготь. Активируется так же, как и малая левая перчатка — твоей собственной силой. Они идут в паре. Ты, кстати, знаешь, как она называется?

— У нее есть название? — удивился Саша. — Никогда не слышал... Я спрошу у Кольера.

— А он тебе не говорил? — теперь пришел черед Ширин удивляться. — Странно. Тогда лучше не спрашивай, мой тебе совет. Подожди, пока сам скажет. А он скажет, будь уверен.

— Может, мне скажете вы? — спросил Саша, нервничая. Но Ширин замолчала, отрицательно покачав головой. Догадавшись, что продолжения не будет, он с раздражением поднялся и отошел к окну, под ее пристальным взглядом, смущаясь и раздражаясь одновременно. Он изо всех сил искал повод продолжить разговор, но слова не складывались, а Хозяйка Некроса не спешила ему помочь. Когда в зал вернулись Шандр и Кольер, Саша с облегчением вздохнул.

Вечно непроницаемый, идеально владеющий собой Кольер выглядел озадаченным и удрученным. Растерянным. Пожалуй, даже напуганным.

Шандр же... Он уже не скрывал своего отчаяния.

— Извини меня, мастер Нагов, — сказал он внезапно севшим голосом. — Сам теперь все понимаешь... Я должен вернуться домой.

— Подожди, — Кольер перехватил Главу Пауков уже на выходе. — С этого дня ноа будут дежурить вместе с вами на постоянных точках активизации Анг Мирта. Можешь полностью рассчитывать на Орден Аспида, — сказал он твердо. — Мы вас в беде не бросим.

Реваля пришлось ждать долго — он был в Эксере, вызванный Вагабром для консультации по каким-то серьезным финансовым проблемам. В другое время Кольер не стал бы ждать, оставил бы секретарям сообщение с просьбой о встрече, но сейчас ему требовалось поговорить с одним из старейших Вечных как можно скорее. Кроме того, ждать его здесь, в Самандангской резиденции, было приятнее и спокойнее. Кольер давно был равнодушен к физическому комфорту и плотским удовольствиям, но слуги Реваля умели доставлять наслаждение даже в мелочах. Кресло, которое принимает форму твоего тела. Тихая расслабляющая музыка. Тончайшие ароматы, настраивающие гостей на исключительно позитивный лад. Легкие закуски и напитки, не тяготящие желудок. Одиночество, если гость устал и не желает никого видеть. Приятная беседа, если гостю нужна компания. Развлечения, если гостю скучно.

Кольер неожиданно обнаружил, что словно загипнотизированный смотрит на театр теней, как-то ненавязчиво возникший на противоположной стене — популярное нынче развлечение аристократии Рузанны. Хм, любопытно... давно он не интересовался, что там происходит в сферах, подвластных Альсару-Фениксу. Ему исправно привозили мнемоттиски театральных и музыкальных постановок самых различных жанров, иногда он даже смотрел их — всегда любил театр, причем его почти никогда не смущали новомодные жанры и интерпретации. За свою очень долгую жизнь он убедился, что как не меняй форму, содержание все равно будет держаться на актерском мастерстве и на личности исполнителя. Но в последнее время, к сожалению, поток событий захлестнул и его, вырвав из комфортной обыденности, нарушив все привычные распорядки. К сожалению? Нет, жалеть ему не приходилось. Да и некогда было.

Реваль появился почти за полночь. Уставший. Раздраженный. Упав на соседний с Кольером диван, потребовал себе вина, закуску и халат, а потом жестом выгнал всех находившихся поблизости слуг.

— Видел, — ответил он на еще не заданный вопрос старого нага. — Кстати, я хотел адресовать этот вопрос тебе. Завтра. Хотел ворваться к тебе в Стекланную башню и устроить скандал. Обвинить тебя во всем, в чем ты виновен и тем более в том, в чем ты не виновен. Обернуться злобным вараном прямо у тебя на столе. Увеличиться раз в сто и расколотить что-нибудь ценное шипастым хвостом. Перепугать всех твоих девочек-референтов. Ах да, у тебя мальчишки... В общем, кого-нибудь напугать. Может, стекла выбить? Издать боевой клич песчаных варанов? Дьявол, с каким бы наслаждением я сейчас это сделал... — Реваль мечтательно закатил глаза — Не поймут, увы. Почему Кинэну, Альсару, Эрлен можно, а мне — нет?

— Ты не варан, — хмыкнул Кольер, представив нарисованную главой Золотой гильдии картину, — ты скорпион.

— Помесь варана со скорпионом, — буркнул Реваль. — Земля-Основа, какая жалость, ну почему именно он? На редкость адекватный был человек, хоть и упрямый, как... три варана.

— Как это случилось? И кто? Эрлен?

Реваль залпом выпил принесенное ему вино, откинулся на подушки и закрыл глаза.

— Ваэль поймал своих управленцев на нецелевом использовании государственных средств, — сказал он, поморщившись. — Короче говоря, на воровстве. А еще на взятках. Ужасно гневался, просил помочь-подсказать, как отладить контроль, — он мрачно рассмеялся. — Нет, я не смеялся, клянусь. Я только задумался — неужели впервые? Или это как раз была последняя капля? Природу разумных не изменишь — всегда найдется кто-то, кто будет играть исключительно на свой карман даже в общем деле. Идеалист он, — тяжело вздохнув, он помассировал глаза и лоб кончиками пальцев, снимая напряжение. — Не наивен, нет, очень даже неглуп и проницателен. Но... идеалист.

— Все Вагабры немного идеалисты, — сказал Кольер. — Воплощение справедливой власти иным быть не может, — он опустошил свой, почти нетронутый до этого бокал. — Ты ушел от ответа. У тебя есть соображения, кто виновник?

— Может быть и Эрлен, — с досадой произнес Реваль. — Не исключено. Но она не настолько глупа, чтобы делать это сейчас, когда ей недавно лично на пальцах объяснили, почему это делать нежелательно. Почему не надо ни провоцировать, ни хвостом вертеть.

— Гевор?

Реваль пожал плечами.

— Должен признаться, меня настораживает его отсутствие. Мы совсем потеряли его из виду. Более того, он полностью перестал интересоваться нашим... делом. Хотя он был чуть ли не первым, кто поддержал твою идею.

Кольер усмехнулся.

— Ты не поверишь, но это была не моя идея. Вернее, не совсем моя. Собственно, то, что ее можно попробовать воплотить, сообщил мне Кинэн. Он не был уверен, что получится, но у него хотя бы были соображения, как это можно сделать.

— Да, я помню, — кивнул Реваль. — Хоть какая-то польза от этого вздорного мальчишки, — он долго лежал, откинувшись на подушки и уставившись в потолок. Потом со стоном поднялся на ноги. — Ты займешься расследованием или это сделать мне? Идиот должен быть вычислен, отловлен, осужден и наказан. Если это кто-то из своих, из Вечных, плохо понимающих, что они творят — жестоко наказан, с разъяснением последствий таких поступков. Я б его — или ее — заставил своими руками нэргов ловить, а потом бы в одну клетку с ними посадил.... Если это сторонние идиоты, тех просто умерщвить, всех причастных, причем желательно и их потомков. Идиоты не должны размножаться.

— Лучше ты. Нам теперь не до мщения, — попросил Кольер.

— Дьявол, надо было раньше Анг Миртом заниматься, — в сердцах бросил глава Золотой Гильдии.

— Раньше они не слишком беспокоили, — возразил Кольер. — Пауки справлялись без особых усилий, даже Хэйген не всегда летал на прорыв. — Тут они словно обезумели.

— Я все-таки схожу к тебе в гости, — решил Реваль. — Просто посмотреть. Шуметь не буду, обещаю. Никаких варанов. Разрешишь?

Кольер молча кивнул. Кто он такой, чтобы становиться на пути у Вечного?

Глава 28. Находка

Закончив уборку, Юлька вышла из дома. В этой части Элезии весна уже всю вступила в свои права. Трава вымахала по колено, поля родных одуванчиков чередовались с местными незнакомыми растениями, благоухающими терпко и сладко. Погода установилась теплая и дождливая, отчего ручей на дне оврага наполовину наполнился, вызвав восторг у деревенской ребятни. Весна чувствовалась везде, принося приподнятое настроение и ожидание чего-то большего, чем обыденные хлопоты. Хотелось в небо. Юлька теперь летала каждый день, просто так, наслаждаясь запахом цветущих лугов, нежной зеленью леса, кружащей голову свободой и почти детской беспечностью. На окраине деревни, у спуска в овраг, играли дети, их вопли и веселый визг разносились по окрестностям до позднего вечера. К наступлению сумерек на дорожку вываливала молодежь, иногда они отправлялись на старой вимме в соседнее селение, на посиделки, и возвращались лишь за полночь.

Жарко-то как, подумала она, глядя на подернутое тонкой дымкой небо. Надо бы суп сварить, но лень. Потом, вечером. Долго ли, умеючи? Дел сегодня больше нет, поручений — тоже, можно и расслабиться немножко и просто радоваться весне. Если, например, пройти вверх вдоль оврага, подальше от местного подobia набережной, и повернуть налево, вглубь леса, там окажется небольшое лесное озеро. Вода уже немного прогрелась для купания, но Юлька еще не отваживалась окунуться. Может быть, сегодня?

Она взяла полотенце и, набросив его на плечи, неспешно отправилась по протоптанной вдоль оврага тропинке. Может быть, кто-нибудь уже купается... Живущие в деревне элезы купаться не любили, а вот Дзуликие плавали с удовольствием. Поначалу мысль о купании вызывала у нее смущение, но потом она почувствовала, что на самом деле ей наплевать — пусть глазают, если что. На полпути ей вспомнился другой поход на озеро в одиночку, бесповоротно и страшно изменивший ее жизнь... А ведь настроение в тот день было таким же беспечным, хотя и чуточку щемящим от обиды на Сашу и от ревности к несчастной Насте-Нэстэ. Вышагивая по тропинке, она с печалью вспоминала то, земное озеро, остров и портал, перенесший ее в параллельную вселенную.

Вчера она летала в Ваннею, просто так, посмотреть на казармы Пауков, набраться смелости, привыкнуть к мысли, что сюда можно прийти и попросить помощи. Совет старейшины саднил в душе, как свежая царапина. Она никого не убила, она вообще не сделала ничего плохого, она готова это доказать. Хотелось, наконец, хоть какой-нибудь определенности, хотелось поверить, что у ее мытарств есть конец. Вон, беглая аржана Лейки сама решила вернуться домой, и ничего с ней не случилось. Отряд, замеченный Юлькой на дороге, пришел именно за ней, и Лейки не стала сопротивляться. Недавно от нее пришло письмо с подарками: свадьба таки состоялась, она счастлива, спасибо, что приютили, простите, если чем обидела. Письмо читали всей деревней, искренне желая образумившейся беглянке счастья. Юльке было немного завидно — кто б вот так за ней пришел, обещая простить за все, лишь бы вернулась.

На озере никого не оказалось. Юлька сняла ботинки и попробовала ногой воду — холодная. Нет, сегодня она в воду не пойдет, пусть солнышко еще нагреет хотя бы прибрежное мелководье. Хотя лэйсе хвастались, что купались еще на прошлой неделе, а дети и вовсе лезли в воду без разрешения родителей.

Зато как приятно пройтись босиком по песку! Связав шнурки у ботинок и закинув их на

плечо, она неторопливо зашагала вдоль берега, испытывая неопишное наслаждение от теплого, хорошо подсохшего песка под пальцами. У кромки воды плескались мелкие волны, ветер гнал по блестящей поверхности серебристо-зеленоватую рябь, вместе с бело-розовыми лепестками местных буйно цветущих прибрежных кустов.

Тихо, только птицы поют...

Почти у самой кромки воды тусклым золотом блеснуло что-то металлическое, и Юлька — наклонилась из любопытства. Это оказалась большая, размером с пол-ладони, подвеска — серебряный продолговатый лепесток с петелькой и крохотными зелеными камешками по краям, покрытая тонкой резьбой. Кто-то из купавшихся потерял, подумала она, вертя ее в руках, надо будет спросить в деревне, может, найдется хозяин. Сунув ее в карман, она продолжила свой неторопливый путь вдоль берега.

Идиллия... Ветер едва шевелит верхушки сосен... Облака — белесые, теплые, плывут в синеве, подбираются, дождик обещают... Душновато...

Заглядевшись на небо, она споткнулась обо что-то мягкое, лежащее поперек берега в неглубокой яме между песчаными холмиками. И с криком отпрянула — это было окровавленное человеческое тело.

Взвизгнув и отскочив назад, она с трудом перевела дыхание. Не похоже, что Дзуликый. Хотя... нет, точно ассар. К тому же, элез — местный. Дзуликый, потеряв сознание, скорее бы принял свой второй облик. Мертвый? Она боязливо подошла поближе и похлопала его по щеке. Не реагирует. Дышит ли? Непонятно. Одежда сильно разорвана, фактически куртка и рубашка превратились в месиво, словно его стая диких зверей когтями рвала. Она осторожно раздвинула лохмотья, обнажив шею, вдоль которой тоже тянулась длинная рваная рана. Нет, с таким не живут. Жуть какая... кто его так? В окрестностях почти не было никаких диких кланов, только оседлые, хорошо воспитанные Дзуликые пополам с обычными ассарами-людьми. На востоке от Ваннеи безобразничали низинные вервы, но сюда они до сих пор не забредали... Пришла жуткая мысль, что нападавшие все еще где-то рядом, и охваченная волной паники Юлька принялась дико озираться по сторонам. Отдышавшись, она заметила красный след на примятой траве, ведущий от тела к лесу. Нет, на него напали не здесь, а где-то раньше, с облегчением подумала она.

Снова наклонившись над ним, она заметила свежую кровь, выступившую из потревоженной раны на груди. Да он все еще живой, господи боже, его, наверно, еще можно спасти. Она снова похлопала его по щекам — безрезультатно. Нет, сама она тут не справится... Юлька осторожно стерла кровь с его лица и груди и бегом бросилась обратно в деревню.

— Как ты думаешь, он выживет? — спросил старейшина Дану, пожилую кицу, которая в Белом овраге считалась за лекаря. Юлька усадила их ужинать — суп таки пришлось варить, пока Дана и еще две женщины обмывали пострадавшего и обрабатывали раны. Было решено, что он останется у Юльки, но ухаживать за ним будут женщины деревни — негоже Крылатой самой возиться с тяжелораненым, да и не справится она в одиночку.

— Не знаю, — вздохнула та. — Ран много. Две смертельные, остальные восемь тяжелые. Очень много поверхностных следов от когтей, словно в него вцеплялись, а он вырывался. Кстати, чьи когти — мне непонятно, и это очень настораживает. Вы смотрели место, где его нашли?

Локки кивнул.

— Он полз издалека. Очень издалека. След тянется чуть ли не до окраины Ваннеи... Как его хватило на такое расстояние, ума не приложу.

— Может и выживет, — задумалась Дана. — Воля к жизни есть, может, будет бороться.

— Хорошо бы, конечно, чтоб в себя пришел, хотя бы ненадолго. Страшно даже представить, что это за шваль завелась в наших краях, — сказал старейшина. — Дана... — он помедлил. — На всякий случай, предупреди-ка ты всех наших, чтобы детей далеко не отпускали, пока мы не разберемся. Особенно в сторону озера.

— Может, на него не здесь напали, — вставила Юлька. — Вы же говорите — полз.

— Все равно близко, понимаешь? — строгим голосом сказал локки. — И вот что, Крылатая. Не ходи больше, куда глаза глядят. Ты молодая, красивая, кто знает, что там за тварюка, Двумикий или ассар — неважно. Тебе не отбиться. Хочешь куда — вышла, надела крылья — и вверх. И да, просьба к тебе. Полетай над лесами, особенно над озером. Посмотри внимательно — вдруг что углядишь? Ну и детишек гоняй, если увидишь, что не слушают.

Юлька кивнула.

— Можно установить, кто он и откуда? — спросила она

Дана пожала плечами.

— Типичный элез. На вид лет 35–40, но может и старше, потому что седина есть, хоть и небольшая. В очень хорошей физической форме... был. Мускулистый, но не чересчур. Старых шрамов на теле нет, так что, видимо, не воин и не охотник. Оружия, кстати, у него не было, как и идентификатора. Вообще ничего — ни сумки, ни кошелька.

— Может, конечно, и украли, — вставил локки.

— Может, — кивнула Дана. — Только обычно у мужиков всякая мелочь по карманам рассована. А у этого — ничего, совсем ничего. Знаешь, что меня удивляет?

— Что? — хором спросили Юлька и локки.

— Одежда.

— Обычная повседневная одежда. — удивилась Юлька. — Или нет?

— Видишь ли, Крылатая, наши элезы любят принарядиться, и не только женщины, — усмехнулась Дана. — Какая-нибудь мода есть всегда. Ты вспомни, как горожане в Ваннее одеваются. Или вот ты в Ар Ирнани жила... вспомни, что там мужчины носят?

Юлька добросовестно задумалась. Ну да, в моде нынче яркие цвета и много сложных тканей с вышивкой. В моде многослойность. Шарфы и галстуки, элегантные шляпы, приталенные пиджаки и куртки. Серьги в моде, и это у мужиков-то. Броско, а на ее взгляд еще и экзотично.

Озвучив все это, она вопросительно посмотрела на Дану.

— А у нашей находки — серая в мелкую клетку рубашка, черные брюки, черная куртка из тонкой и мягкой кожи. И ботинки. И никаких личных вещей.

— Очень простой прикид, — кивнула Юлька. — Маскировался, не хотел привлечь внимание?

— В таком, как ты говоришь, прикиде, как раз внимание и привлечешь — потому что просто и не так, как нынче одеваются. Но если внимательно на его вещи поглядеть... Дорогие они. Ботинки особенно, кожа очень хорошая и идеально по ноге подогнаны. Не в обычной лавке куплено, а на заказ сделано. Куртка такая же — частным мастером на него пошитая, и рубашка из очень хорошей, дорогой и редкой ткани. А брюки — обычные. Ремня нет, потому что сидят хорошо. А ты видела у нас мужиков без ремня? Он же не для того,

чтобы штаны поддерживать, он для красоты и значимости.

Локки с удовольствием рассмеялся.

— Много вы, бабы, в мужской одежде понимаете.

— Да уж побольше вашего, — хмыкнула Дана. — Раньше я б такого даже ради одежды грабанула, — продолжила она. — И не только ради одежды, — многозначительно хмыкнула она. В прошлом пожилая кицу успела поразбойничать на большой дороге, пока ее банду в конце концов не взяли местные стражи порядка. Ей повезло — сбежала при облаве, но с тех пор она завязала с бандитским прошлым.

— Может, на него и напали ради ограбления, — предположила Юлька

Старейшина покачал головой.

— Нет, его убивали, причем с особой яростью. Звериной. Тут и пары ударов хватило бы, чтобы его завалить. Ладно, кончаем гадать. Очнется — сам скажет. Не очнется... ну, похороним. Присмотри за ним, Крылатая. Ты его нашла, если выживет — он тебе по гроб жизни благодарен будет.

Глава 29. Несчастье

Когда дурнота и головная боль отпустили, Саша выровнял полет виммы и жадно огляделся по сторонам. Тут, за мертвой зоной, мир менял краски. Алое небо сменилось серым, а антрацитово-черная земля стала приобретать теплые, естественные оттенки. Пять вимм с двумя бойцами в каждой шли ниже облаков, и полет теперь ничем не отличался от обычного рейда над теми же Реарскими горами. Местность была покрыта большими серыми валунами, местами из земли выступали черные, блестящие резкими гранями скалы, кое-где пробивалась грязновато-зеленая трава. Приборы показывали, что за бортом состав воздуха ничем не отличается от привычного, разве что кислорода меньше, а пыли больше.

Он проверил свой отряд: все ли удержались в воздухе, нет ли отставших. По договоренности, те, кто чувствовал себя слишком плохо и понимал, что не удержит управление, должен был вернуться на базу. Нападение нэргов в этот раз произошло на территории Ар Элес, на севере Фераннона, в безлюдной, удаленной от жилых районов местности. Поначалу нэргов уничтожать не стали, Пауки гоняли их за грань и обратно, держа прорыв открытым, чтобы отряд разведчиков ноа мог вернуться. Шандр заверил их, что Грань быстро не затянется. Сам он остался на той стороне. Саша так и не понял, когда и кем было принято решение провести короткую вылазку на территорию Анг Мирта — это даже разведкой нельзя было назвать. Кольер распорядился, чтобы маленький отряд возглавил именно Саша. Тэр протестовал, но глава Ордена настоял на своем. Саша был, с одной стороны, невероятно польщен подобным доверием, а с другой — донельзя испуган и взволнован. Краем уха он слышал, как Тэр возмущается решением Кольера, ссылаясь на Сашину неопытность и скудную базу знаний, но глава ордена, выслушав его, сказал только одну фразу — "так надо". Ему сразу же вспомнились странные намеки Ширин на вторую перчатку, и он уже собрался было начистоту спросить Кольера, что происходит, то неожиданно передумал. Зачем торопиться? Может быть, все разъяснится само собой.

По данным, собранным Детями Ворона, в нескольких хаарах севернее точки пересечения Грани находились два объекта, условно названные "город" и "крепость". Город, со слов Шандра, был чем-то похож на города Основы — высотный, многоярусный и населенный людьми. В крепости содержали нэргов и гранеедов, и именно оттуда велись все нападения и разрывы Грани.

Там, впереди, маячила необычной конфигурации гора, одиночно стоящая посреди покрытой все теми же валунами равнины. По мере приближения оказалось, что это сложное многоярусное сооружение, состоящее из металлических, каменных и пластиковых элементов, спроектированное в виде множества террас. Город? У Саши язык не поворачивался назвать *это* городом, но на оптических экранах он действительно разглядел людей, движущихся по террасам. Террасы были покрыты скудными вьющимися растениями, а на плоских поверхностях и невысокой растительностью. Приблизиться к сооружению не планировалось, и Саша передал команду подняться максимально высоко и описать далекий круг по периметру, запустив визоры на предельное увеличение и фиксируя все, что можно.

Город напоминал гигантский искусственный муравейник. Люди передвигались по террасам с помощью лифтов и эскалаторов. Окна в строениях отсутствовали, имелись только двери и выходы на сквозные или замкнутые террасы. На террасах имелась зелень — деревца

в кадках, выюны и суккулены в углубленных в поверхность террас искусственных участках земли. Площадь верхних террас была гораздо меньше нижних, со стороны они казались более благоустроенными, зелеными и уютными. Глядя на город, Саша не мог избавиться от чувства, что он находится в гигантском 3D-кинотеатре, и что стоит только снять очки и он обнаружит себя в маленьком душном помещении с сотней таких же, как он, очарованных обманной реальностью зрителей. Парням, наверно, необыкновенно интересно, подумал он про своих бойцов, они ничего подобного в своем зеленом благополучном мирке никогда не видели.

Закончив облет, они взяли курс на восток, где даже в прямой видимости проступали очертания другого объекта, действительно похожего на базу-крепость.

Крепость одним краем задевала аномальную зону, поэтому концентрироваться и управлять виммой сразу же стало труднее. Стоило виммам войти в район прямой видимости, как из крепости раздался удивительно знакомый залп. К счастью, огонь из орудий, сильно напомиавших обычную зенитную батарею, велся неприцельно, или стрелявшие не стремились к точности огня, или просто не имели достаточно практики стрельбы по движущимся объектам. Саша скомандовал отряду подняться вверх и держать высоту, а сам попытался приблизиться к крепости, устроив в воздухе настоящий танец на вимме. По нему палили не переставая, но не кучно и весьма хаотично, и в конце концов плотность огня постепенно уменьшилась. Надеясь, что визоры запечатлели достаточно, он вернулся и отдал команду двигаться назад, к прорехе в Грани. Вслед им вылетело несколько болидов-ракет, обстреливая их уже привычным градом коротких стрелок, пара которых достигли цели, пробив корпус одной из вимм.

Там, на границе, нэрги были уже уничтожены, разрыв уменьшился, но все еще не затянулся.

— Быстро же они отреагировали, — задумчиво произнес Шандр, глядя на клубы грязно-серого тумана в том месте, где оставалась прореха.

— Может, ждали? — предположил незнакомый пожилой Паук рядом с ним.

— Скорее, обычное хорошо налаженное оповещение и оборона, — возразил Шандр.

— Меня больше их артиллерия удивила, — сказал Саша. — Классическая артиллерия, очень похожая на ту, что используется на Старой Земле. Хотя судить издалека сложно. Но похоже.

— Снимем записи с визоров, посмотрим.

Саша молча кивнул. Кольер велел сдать все визоры с вимм Паукам, обосновав это тем, что их технологии считывания и расшифровки записей самые совершенные в Ар Соль.

— Надо бы попробовать воткнуть пару визоров на здания в городе, — Шандр хмуро наблюдал, как его люди и нелюди убирают остатки жженой нэрговской плоти с места побоища. — Или рассовать по валунам поблизости от крепости.

— Заметят, — возразил Саша.

— Не заметили, если бы... — Шандр оборвал себя на полуслове и отвернулся. — Отдыхайте, Алекс. Как только перегоним записи, пришлем вам копии. Спасибо за помощь.

Саша отсалютовал ему коротким приветствием ноа — правая ладонь к левому плечу — и скомандовал своим возвращаться.

— Нам нужно оружие, — поделившись с Кольером своими впечатлениями о разведке, заключил Саша. — И я по-прежнему считаю, что Анг Мирт может привлекать размещенная

в Ар Хойте оружейка. Неужели мы не можем воспользоваться своим собственным оружием только потому, что кто-то когда-то закрыл ее из-за одного Вечного с дурным характером!

— Можно попробовать открыть Нагр, — предложил Кольер после паузы, делая вид, что задумался над этой проблемой впервые. — Нужны две половинки ключа и активатор. Активатор и одна половинка у меня уже есть, — усмехнулся он. — Вернул я их за эти годы. Не все современные воплощения Вечных знают, что именно валяется в их экзотических коллекциях. А вот вторая недостающая половинка — у Ширин.

— С ней можно... поговорить? — заволновался Саша. — Она же знает, как нам нужна защита...

— Можно попробовать, — кивнул Кольер. — Она может прислушаться к нашим аргументам, если мы будем убедительны. У нас есть повод для визита — результаты воздушной разведки над территорией Анг Мирта. Ты видел Крепость, ты обнаружил там оружие, аналогичное земному, и отсутствующее у нас. Это угроза, и существенная, для всей Ар Соль.

Для того, чтобы добраться до Нуэйна, пришлось следовать через грузовой шеадр. В Кархе было немало шеадари, ведущих в разные концы Шеннон Ара, но сама крепость Ширин находилась в стороне от общедоступных путей, а Кольеру хотелось, чтобы Саша посмотрел на эту уникальную землю для начала хотя бы сверху. Саша завалил его вопросами, и не на все у старого нага нашлись ответы. В конце концов Саша признал, что его познания о землях Ар Соль все еще скудны, и Кольер пожалел, что уделил этой стороне развития своего подопечного мало внимания.

Они приземлились на верхней посадочной площадке. Саша недоумевал, следуя за Кольером и не видя ни лестниц, ни дверей, и вздрагивая, когда они неожиданно появлялись на их пути. Пустой зал-приемная встретил их молчаливым мерцанием неоновозеленых шпалер, напоминавших мрамор, но мрамором не являющихся. Какое-то время они были одни, потом в стене бесшумно и незаметно открылся проем, из которого вышла айора, не такая эффектная, как Венге, но не менее привлекательная, и с чарующей улыбкой пригласила их следовать за собой.

Ширин ждала их в овальном кабинете, явно предназначенном для общих собраний. Часть стены тут отсутствовала, открывая глазу экзотичный шеннон-арский пейзаж. Стекло в панорамном окне было особенным: оно фильтровало и преображало некоторые цвета, делая темные оттенки более чистыми и яркими. Результат получался потрясающим: перед глазами вставал фантастически красивый, богатый красками ландшафт. Возможно, именно таким видели свой мир его коренные жители, строение глаз которых отличалось от глаз обитателей Солнечных земель. Саша с трудом оторвал взгляд от этой удивительной картины, и, следуя за своим учителем, сел за овальный стол, повторявший форму зала. Сделан он был из цельного куска прозрачного, как хрусталь, с синими прожилками камня, и на ощупь казался холодным, как лед.

После учтвого обмена приветствиями и пустячными новостями Кольер осторожно начал подбираться к основной причине визита.

— В прошлый раз, когда мы встречались, у моего ученика возникла интересная гипотеза, — начал он. — Касательно взаимодействия нэргов с окружающей средой. Что говорит школа Джмар, возможно ли создать такое сочетание сил, которое бы разрушало псевдоплоть нэргов не механическим путем?

— Можно, — кивнула Ширин, бросая короткий взгляд на Сашу. — Но нужен материал

для испытаний. Все, что требуется — наловить как можно больше нэргов и удержать их в клетках.

Саша вздохнул.

— К сожалению, их сложно поместить в какую-либо емкость, они ее съедают, даже самую прочную. Постепенно, но они переваривают даже металл.

— Камни же они не едят, — усмехнулась Хозяйка Некроса. — А сплавы металлов, созданные старыми нагами, для них смертельны. Я полагаю, их можно держать в каменном погребе, крышку сделать в виде металлической сетки из той же нигийской стали.

— Сначала их надо до этого погреба дотащить, — вздохнул Саша. — Мы смогли захватить двоих, загнав их в тяжелые металлические короба, которые потом оказались частично разъеденными изнутри.

— Частично, но не полностью, — возразила Ширин. — Собственно, Пауки приспособились держать их у себя в подземных казематах, закладывая двери камнями, а для ловли и перевозки они уже дважды использовали стеклянные емкости.

Саша кивнул. Стекло они не пробовали.

— Орден Аспида прорабатывает вопрос о создании эффективного оружия против нэргов, — продолжил Кольер. — Нам нужна любая помощь. Собственно, мы не только за советом к тебе обратились. Меня действительно беспокоят массивные прорывы Анг Мирта на территорию Ар Хойта, в значительной близости от расположения Награ.

— Никогда не сомневалась, что ты знаешь, где он расположен, — усмехнулась она. — Все эти рассказы, что никто ничего не знает и что Свод Аспидов исчез навсегда не стоят и выеденного яйца. Кому надо, тот все помнит, — она откинулась на спинку кресла, ожидая продолжения. Саша вдруг понял, что она прекрасно знает, о чем ее собирается просить Кольер, и что старый наг это тоже понимает.

— Да, я хочу открыть Нагр, — сказал он прямо. — Нам нужно наше оружие.

Ширин встала, медленно прошла к панорамному окну и долго-долго неподвижно смотрела на разгорающийся серебром шеннон-арский рассвет.

— Я бы на твоём месте пошла официальным путем. Собрала бы всех Вечных. Поставила перед ними этот вопрос. Пусть это станет общим решением, — не оборачиваясь, сказала она. — Да и тебе все равно нужна не только моя часть ключа.

— Боюсь, не все поймут, зачем это нужно. Тот же Альсар. Или Даллах... уверен, что я не получу их согласия, — вздохнул Кольер. — Кстати, остальные части у меня уже есть.

— Может быть, разумнее его не трогать? В каком состоянии вы найдете то, что там лежит? Прошло почти 900 лет. Кроме того, ты уверен, что современные наги знают, как управляться с теми вещами, что там находятся?

— Уверен. Сплавы старых нагов фактически вечные. С остальным — разберемся. Архивы Наган-Карха помогут.

Ширин долго молчала. Потом повернулась, и на ее холодном и чуть насмешливом лице Саша прочитал ответ.

— Я против. Думаю, Нагру от Анг Миртовых биороботов ничего не грозит. Он ведь и пещерах? Значит, в камне. Значит, защищен. Что касается разумных существ... — она покачала головой. — Пусть лучше остается недоступным.

— У нас недостаточно сил, чтобы отбиваться от Анг Мирта, — в голосе Кольера почувствовалось напряжение, — Атак все больше. Нэргов больше, сами они становятся крупнее и активнее. Они сильно, быстро разрушают грань, их технология прорыва

травматична для нашего пространства. Грань восстанавливается медленно, мы пока плохо представляем, как охранять поврежденные участки. Сейчас нам нужна любая помощь. Я даже готов пойти на поклон к Гевору лично, поделиться материалами и попросить, чтобы и его люди присоединились к исследованиям.

— Хэйген не в состоянии восстановить Грань или ты перестал ему доверять? — ехидно осведомила Ширин.

Кольер ответил не сразу.

— Ты не знаешь, — печально констатировал он.

— О чем именно?

— Рессер исчез. Уже 15 дней, как он отсутствует. Есть несколько косвенных свидетельств, что его... нет в живых.

— Серьезно? — язвительно осведомила она. — С каких это пор отсутствие Вечного в течение двух недель вдруг считается свидетельством его смерти?

— С тех пор, как его близкие и друзья начинают это подозревать, — ответил Кольер раздраженно. — Например, руководство подчиненных ему и зависящих от него служб. С тех пор, как его ярые противники начинают удовлетворенно потирать руки.

— Ты... ты мне... лжешь! — голос Ширин полыхнул яростью. — Дешевая манипуляция, — продолжила она сквозь зубы. — Тебе ТАК нужна оружейка, что ты используешь подлые трюки, чтобы меня развести? Ты меня за идиотку держишь?

— Грань не затягивалась, — пробормотал потрясенный новостью Саша, глядя на Кольера. — Она не затягивалась, — повторил он с волнением, переводя взгляд с одного на другого. — Раньше, когда нэрги атаковали, к концу атаки провал в другое пространство полностью исчезал. А вчера... вчера он никуда не делся, только сжался немного. Понятно теперь, почему Пауки с нами не пошли, — пробормотал он сам себе.

— Кто-то должен был прикрывать ваши спины, — усмехнулся Кольер мрачно. — Твои нападки на Шандра совершенно излишни. Ему теперь не позавидуешь.

— Что еще, — с трудом выговорила Ширин, — заставляет вас считать, что Рессер погиб?

— По словам Шандра, при отсутствии воплощенного Ворона зеркала Стражи меняют яркость, — продолжил Кольер. — Тускнеют. Это не отражается на качестве их работы, но яркость теряется. Я лично убедился пару дней назад — да, это так.

— Других причин нет? — ехидно осведомила Ширин. — Может, их почаще тряпочкой протирать?

Она не верит, подумал Саша. Отказывается верить.

— Статуэтки Вечных — слышала про такой артефакт? — Если Вечный имеет живое воплощение, неважно, осознал он сам себя или еще нет, статуэтка светится.

— Слышала, — пробормотала она.

— Связь с воплощением — это не цель, а особенность, — пояснил Кольер, полуобернувшись к Саше. — Тот, кто их делал, стремился увековечить красоту. Так вот. Ворон потух.

— А у Реваля?

— И у Реваля. Он, кстати, взял на себя расследование обстоятельств и считает, что виновный должен быть жестоко наказан.

Ширин долго молчала. Постояв у окна, она медленно, очень медленно вернулась в свое кресло. Села, положив голову на руки.

— Как это произошло? — в конце концов спросила она севшим голосом, не глядя ни на кого.

— Не знаю, — ответил Кольер. — Шандр не делился подробностями.

— Но он уверен?

— Да.

— А ты сам? — взгляд ее неожиданно стал холодным и пристальным. Стальные серые глаза властно и жестко вцепились в лицо старого нага, который замер в неподвижности. Саша напрягся. Кольер явно пытался то ли отвести взгляд, то ли просто шевельнуть головой, но его неестественная неподвижность говорила Саше, что он явно ею парализован. Когда она сама раздраженно мотнула головой, старый наг облегченно откинулся на спинку стула.

— Что ты хочешь сказать? — проговорил он медленно, восстанавливая дыхание.

— Тебе это выгодно, — прошипела она. — В первую очередь — тебе. Временное отсутствие Защитника. Ворон все равно воплотится, рано или поздно... Но пока его нет... О как раз тебе есть, где развернуться! Прикрыться Анг Миртом, заявить, что Ар Соль слаба и ее некому защищать, под видом благородной миссии вытащить на свет оружие, а там и до Либрума недалеко. Тебе что, власти не хватает? Или... кормежки? Знаю я, как ты кормишься, и что ты из себя вообще представляешь...

— Ширин, — Саша в первый раз слышал, как его учитель повышает голос. — Прекрати истерику. Я знаю, вы были друзьями, тебе сейчас больно, но меня ты тут зря приплела.

— Правда? — вкрадчивым шепотом спросила она, и Саша со страхом заметил, как изменились ее зрачки, как едва заметно трансформировались пальцы, затягиваясь перепонками и вырастая когти. «Она сейчас обернется, если не успокоится», — испуганно подумал он, глядя, как "плывет" ее лицо, стремительно приобретая звериные черты и точно так же стремительно возвращая человеческие. Глаза уже начали светиться... Зрелище было настолько жутким и неестественным, что у него поневоле отреагировала перчатка на левой руке, трансформировавшись в чешуйчатый коготь. Он поспешно засунул ее под стол, надеясь, что хозяйка Некроса не успела этого заметить.

— Восстановить былое величие ордена, раздав оружие таким, как он, — поднявшись из-за стола, она махнула рукой, уже наполовину превратившейся в крыло, в сторону Саши, — безмозглым, легко внушаемым молодым людям с отягощенным агрессией неконтролируемым либидо, наклеить из них подобие маленьких Аспидов, полуграмотных, зато послушно идущих туда, куда ты их натравишь?

— Прекрати, — сказал Кольер с угрозой. — Не вынуждай меня вспомнить то, что я успел хорошо забыть.

— Зачем ты дал этому мальчику Легарот? — существо на другом конце зала уже мало чем напоминало человека, но еще не окончательно превратилось в огромную летучую мышь. Сашу трясло. — Что ты творишь втайне от остальных?

Тварь распахнула крылья и подалась навстречу. Кольер стремительно вскочил на ноги, отпрыгнул назад и толкнул Сашу на пол и под стол, но тот неожиданно поскользнулся и понял, что с его телом что-то происходит. Он не ушибся, но почувствовал жгучую боль в спине и в ногах. Что-то пыталось разорвать, растянуть в длину его позвоночник, он ощутил, что теряет равновесие и падает. В ушах стоял оглушительный звон, накатила омерзительная тошнота. Пытаясь ухватиться за что-нибудь, он вдруг осознал, что и руки ведут себя не как руки, вернее, что у него больше нет рук — и, полностью потеряв контроль над тем, что он еще несколько мгновений назад считал своим телом, он выключился из реальности.

Когда он пришел себя, Ширин стояла рядом, в своем обыденном, человеческом обличье, Кольер — у окна. Вид у него был на удивление бесстрастный.

— Вот оно как, — сказала она тихо, с любопытством глядя на Сашу, который обнаружил себя распластанным на полу. Сам не свой от стыда, злой и растерянный, он поспешно сел за стол. Спину немного ломило, но и только. Ушибов или каких-то других повреждений он не чувствовал.

Ширин по очереди окинула взглядом их обоих.

— Ключа у меня нет, — сказала она со злорадством. — Отдала, еще до того, как вы явились. Я очень надеюсь, что теперь он не найдется никогда.

— Спасибо, что выслушала меня, — усмехнулся Кольер. — Надеюсь, ты выпустишь нас из своей мышеловки?

— С превеликим удовольствием, — хмыкнула она, отворачиваясь.

— Что со мной произошло? — спросил Саша на обратном пути.

— Ничего особенного, — успокоил его старый наг. — Бывает. Она же Смерть... Концентрированный Некрос, вернее наэр. Метила в меня, а тебя краем задело.

— Она не лгала, когда сказала, что отдала ключ?

— Вряд ли, — отозвался Кольер. — Зачем?

— Вы знаете, кому?

— Нет. Но думаю, есть способ найти сам ключ. Объединенное желание двух Вечных и простое зеркало, — пояснил Кольер. — У меня есть, к кому обратиться за помощью, кроме Ширин.

— Когда это случилось? — спросила Ширин, найдя Шандра в Северной башне, в зале совещаний, с грудой бумаг на столе и почти пустой бутылкой вина. — И как? Ты уверен, что его... точно нет в живых?

Он жестом предложил ей садиться в ближайшее кресло и вылил остатки вина в ее бокал.

— Почти уверен, — ответил он с горечью. — Хотя... Все говорит о том, что его больше нет. Где бы он ни был, он всегда появлялся, когда нэрги нападали, и быстро восстанавливал Грань. А тут он пропал, и Грань стала восстанавливаться очень медленно, сутками, с аномалиями... А еще сдохла пара вещей, державшихся на его персональной силе. Ну и Зеркала, да... это давний, хорошо заметный и всем известный признак. Когда? Ровно пятнадцать дней назад. В тот день он собирался к вам, Верховная. Вы не встречались?

— Встречались, — подтвердила Ширин. — Почему ты сразу же не поднял тревогу?

— Он иногда пропадал на пару-тройку дней. Ворон — хищник. Хищнику нужна охота. Рессер хищника ненавидел, после охоты прятался по башням, иногда долго приходил в себя. За последнее время он сильно вымотался, стараясь успеть везде, и я дал ему время... не стал искать сразу же, думая, что он по привычке летает где-то над Элезией или над океаном в районе Восточной или Южной башен. Позже оказалось, что его нет ни в одной из них, и никто уже несколько дней ничего о нем не слышал. Вот тогда я стал его искать, кинулся к Даллаху за советом, и тот рассказал мне о статуэтках Вечных, которые светятся, когда те живы.

— Ты можешь предположить, чьих это рук дело?

Шандр устало пожал плечами.

— На него дважды нападали чрезвычайно опасные модификанты, выращенные

специально под него, оба — с убойной отравой на клинках. Рессер справился с обоими, притащив их нам для исследований. Но в тот день... Учитывая, как он был измотан, он мог не выстоять против нескольких нападающих.

— Не успеть трансформироваться, — кивнула Ширин — Или не смочь — от усталости.

— У меня было несколько версий, но Рессер отмахнулся от всех, — с досадой продолжил Шандр. — Ему не хотелось разбираться, кому он в очередной раз перешел дорогу. Я расширял круг подозреваемых — он его сужал. Фактически, он считал, что это Эрлен, но принимать меры не хотел. Да и некогда было.

Они молча допили вино.

— Я могу тебе чем-то помочь? — спросила Ширин, и Глава Пауков отрицательно качнул головой.

— Разве что советами. Я собираюсь скрывать его исчезновение до последнего и искать тело.

— Пожалуй, я смогу поверить в его смерть только когда увижу труп, — мрачно заявила Ширин, вставая. — Обращайся по любому поводу. Все, что могу — сделаю.

— Спасибо, — от души поблагодарил он. — Вас проводить?

— Можно мне подняться на верхний этаж, в его кабинет?

В просторном, прохладном и светлом круглом помещении было на удивление пустынно и одиноко. Постояв у окна, глядя на бесконечную гладь океана, Ширин с трудом подавила приступ тоски. Чувство пустоты накатывало, словно волнами, словно не она сама, а башня звала своего хозяина, искала и не находила его душу.

— Шандр, — окликнула она главу Пауков, методично и бесцельно переставлявшего карикатурные фигурки Вечных на камине. — Мы ошиблись. Мы все ошиблись.

Он повернулся к ней, вопросительно подняв брови.

— С Ресом что-то случилось. Но он жив.

— Все говорит об обратном, — сухо ответил он.

— Но мы же здесь, — продолжила Ширин севшим от волнения голосом. — Мы зашли сюда и сидим, рассуждаем, спорим... Внизу ходят люди, на кухне что-то готовится. Башня жива.

— Не понимаю.

— Место обитания Вечного становится недоступным, когда ипостась теряет воплощение. Иногда блокируется все жилище, иногда — только личные покои. У Нагов недоступна одна из башен Наган-Карха, никто не может попасть на Иллирию, а к замку Наджара в Ар Ирнани невозможно приблизиться, хоть он и виден издалека. Пока я сама не обрела ипостась, вся северная часть Нуэйна была закрыта, мне потом люди рассказывали. После смерти Анта никто не мог попасть в Западную Башню, пока не появился Рес. Я знаю потому что я пыталась туда залезть и кое в чем покопаться, — она рассмеялась. — Спереть. Я, конечно, ничего не знаю насчет остальных башен, но... Эта башня — башня Рессера... Она его зовет. Ты, возможно, не слышишь, но зато этот зов слышу я.

Шандр взволнованно огляделся, словно видел эти стены впервые в жизни.

— И это тоже известный факт, касающийся Вечных, — дополнила она, видя, как возрождается в нем надежда.

— Надо искать не Вечного, а человека, — прошептал Шандр.

— Возможно, раненого, — добавила она. — Может быть, даже при смерти. Но живого.

Глава 30. Пробуждение

Когда ее неожиданный пациент наконец-то открыл глаза, Юлька вздохнула с облегчением. Все эти дни он то лихорадочно метался, несвязанно бормоча отдельные слова, то мертво замирал, приводя в ужас свою неопытную сиделку. Раны продолжали кровоточить даже зашитые, и Дана предположила, что нанесены они были отравленными клинками. Он не доставлял Юльке больших хлопот: ухаживали за ним Дана и ее старшая дочь, а она только присматривала да поила его водой и лекарствами, привезенными из Ваннеи. Лечение постепенно подействовало: к концу второй недели жар спал, кровотечение сошло на нет, синюшные губы приобрели естественный оттенок. Дана, однако, продолжала хмуриться и успокоительных прогнозов не давала.

— Не нравится мне этот яд. Что, если он так и не придет в себя? Или придет, но не встанет? Или так и останется овощем?

Обеспокоенный старейшина, расспросив соседей, убедился, что в ближайших деревнях никаких незнакомых хищников не объявлялось, но количество чужаков в окрестностях явно прибавилось. На дорогах вокруг Лаорики появлялись то небольшие группки Пауков, по троючетверо прочесывающих местность, то Юльке вдруг виделись сверху знакомые лица из Наган-Карха. Кого-то из них искали. Или ее пациента, или ее саму.

— Нас всех могут искать, — пожал плечами старейшина, когда она поделилась с ним своими страхами. — Тут не только ты с темным прошлым. Всем нам есть, что скрывать.

— А может, это все-таки меня? — дрожащим голосом предположила Юлька. — Я несколько раз видела именно нагов, мне даже лица показались знакомыми.

— Пауки — тоже за тобой? — усмехнулся он. — Искали — искали, почти 9 месяцев искали, и вдруг нашли? Слабо верится. Скорее уж, ищут нашего парня с озера. Ну, подождем. Куда спешить-то?

— Не могу я так больше, — дрогнувшим голосом заявила Юлька. — Я устала бояться. Мне надо уходить.

— Жаль, если так, — вздохнул локки. — Но я не стану тебя отговаривать. Ты хоть знаешь, куда двинешься дальше?

— Нет, — прошептала она, опустив голову.

— Вот и не торопись. Говорю же — подожди... Тебя отсюда никто не гонит.

Пациент настороженно следил за ней глазами, серыми с синими точками, недоумевающими и растерянными. Взгляд его медленно скользнул по Юльке, обежал комнату и задержался на окне, через которое лился яркий солнечный свет и врывались запахи теплого весеннего дня.

— Доброе утро, — прошептал он и слабо, едва заметно улыбнулся, и Юлька неуверенно улыбнулась ему в ответ. Пока он лежал без сознания, она много раз разглядывала его худощавое открытое лицо с правильными чертами. Ей очень хотелось, чтобы оно ожило. Красиво очерченный, крупный рот. Большие серые глаза. Волосы темно-русые, почти черные, мягкие и волнистые, средней длины. Проседь по вискам. Мимические морщины на лбу, две глубоких асимметричных полосы. Красиво развернутые плечи и шея, широкая грудная клетка. Грубоватые и крепкие руки выдавали его явно не аристократическое происхождение.

— Можно воды, — попросил он с усилием. Она кинулась его поить, осторожно

поддерживая голову и убирая с лица жесткие темные пряди волос. Утолив жажду, он долго лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша и собираясь с силами, а она села на краешек кровати и терпеливо ждала.

— Как тебя зовут? — спросил он, снова поймав ее взгляд.

— А тебя? — ей было непривычно обращаться к незнакомому человеку на "ты", но тут "вы" говорили либо старшим по должности или положению, либо хозяевам.

— Рес.

— Юля.

— Где мы находимся?

— В Южной Лаорике, недалеко от города Ваннея. Вряд ли тебе что-то скажет название деревни.

— Скажет, — возразил он.

— Белый овраг. Неужели знаешь?

— Деревня беглецов, — он слабо кивнул. — Хорошее на самом деле место. Тем, кому больше некуда бежать, тоже нужен приют. Место, где бежать уже не нужно.

Ее губы сами собой сложились в печальную улыбку. Как это... точно.

— Как ты здесь оказался? И кто тебя так?

— Ты не поверишь... но я... не знаю. Как оказался... Похоже, я промахнулся шеадари, — подумав, ответил он. — Напали на меня не здесь, а далеко отсюда. Я их, вроде бы, всех положил, как мне помнится. Но и они меня тоже... положили. Когда я дополз до шеадра, сознание здорово мутилось, я почти не различал картинку. Свалился в первый попавшийся, лишь бы убраться оттуда.

— Это успокаивает, — улыбнулась она, и, видя его вопросительный взгляд, пояснила. — Мы тут думали, что в окрестностях завелась какая-то шваль, детям гулять запретили, пока не найдем.

— Изверги, — опять слабо улыбнулся он. — Гулять детям запретили. Попробовали бы мне запретить... Нет, то были твари только по мою душу, и порядком далеко отсюда. Так что успокой народ. Сюда они не придут. Если я правильно помню, я их все-таки прикончил. Хотя не уверен, — он опять надолго замолчал, отдыхая и закрыв глаза. — Расскажи, где и когда вы меня нашли, — попросил он после паузы.

Юлька выполнила его просьбу, добавив, что возможно его все-таки ищут, потому что в округе по-прежнему время от времени появлялись подозрительные группы, очень похожие на поисковые. К счастью, Белый овраг совершенно не привлекал их внимания.

— Может, нужно сообщить им о тебе? — предложила она. — Пусть найдут? Или не надо?

— Пока не надо, — попросил он. — Есть у меня одна нехорошая мысль... надо ее обдумать, прежде чем объявляться.

— Ты, может, поешь? А то поить мы тебя поили, а кормить не получалось, — предложила она.

— Давай, — улыбнулся он. — Только очень немного. И жидкое.

Потом он сразу же заснул, а Юлька побежала к старейшине, сообщить радостную новость.

— То есть он допускает, что ищут именно его? — предположил локки. Юлька кивнула. — Тогда тебе точно нет необходимости срываться с места. Интересно, откуда он знает о Белом Овраге? Поспрашивай его потом, когда окрепнет, откуда он да чем

занимается.

Но ее новообретенный постоялец поправлялся медленно. Прошло еще несколько дней, раны от когтей стали затягиваться, а вот ножевые никак не хотели схватываться, продолжая воспаляться и кровоточить. Дана и он сам сошлись на том, что на клинках его противников был сильный яд, который и не давал плоти заживать, как положено.

Его это сильно изматывало. Злило. Он упрямо вставал, не позволяя женщинам помогать себе с туалетом, возвращался обратно с намокшими от крови повязками, стискивал зубы, шумно дышал, ложился и отворачивался к стене.

— Ты не привык быть слабым, — подытожила Юлька после очередного позорного похода в ванну. — Забыл, как болеть. Может, вообще не болел, вы тут все такие крепенькие, аж завидно. Ты пойми — слабым быть не стыдно. Помощь тоже надо уметь принимать.

— Но не в таких же вещах, — буркнул он.

— Да какая разница? — рассердилась она. — Это называется — ложная гордость.

— Это называется — уважение к женщине, — ответил он. — Ты с Основы, что ли?

— Почему ты так решил?

— Есть что-то такое... во взглядах, — проворчал он. — Ну и внешность, конечно. Речь, опять же... говоришь, не как здешние.

— А ты-то откуда знаешь, чем наша речь от здешней отличается?

— Бывал когда-то.

— Зачем? Тоже шпионил? — разозлилась Юлька.

— Почему тоже? — удивился он, наконец-то повернувшись к ней лицом. — Ты столкнулась с кем-то, кто там шпионил?

— Столкнулась, — фыркнула она. — А тебе-то что у нас надо было?

— Да ничего особенного, — парировал он и продолжил с ностальгической задумчивостью. — Я начинал в гвардии Пауков, на стихийных прорывах Грани, выводил потерявшихся. Приходилось бывать и на той стороне, сама понимаешь. Потом работал в Братстве Стражи в Тайреме, там много зеркал, наблюдающих за Старой Землей. Тамошний участок Грани один из самых старых. Станцию построили, потому что старые части Грани очень тонкие, особенно если они по древним точкам цивилизаций проходят. Есть у вас такая страна — Китай, вот там трудное место. Грань во многих местах с самого начала тонкая была, и сейчас положение не лучше. Религия, опять же, влияет... Так что Основу я знаю неплохо и вас, пришлых, отличить от коренных могу.

Он закрыл глаза, устав от такой длинной речи, и Юлька ушла заваривать ему свежий чай.

— Давай завтра попробуем выйти на улицу, — попросил он.

— Да как ты выйдешь, ты ж кровью истечешь, — рассердилась она. — Лежи, пока Дана не придумает, что с тобой делать! Нашелся тут неугомонный на мою голову!

— Не истеку, — успокоил он ее. — Я живучий. И еще — я лучше знаю, что мне нужно.

Эксперимент с прогулкой оказался Юльке катастрофически неудачным: осторожными шагами ее пациент проковылял в самую дальнюю часть усадьбы, и там с ним начала твориться какая-то чертовщина. Лицо исказилось болезненной гримасой, по всему телу прошла пугающая судорожная волна, он вскрикнул, зашатался и камнем рухнул на землю. Юлька в отчаянии пыталась привести его в чувство, но он очнулся не сразу, проворчал что-то невразумительное, уперся руками в изгородь — и все повторилось, с тем же самым результатом. Придя в себя, он стиснул зубы, выругался так, что у Юльки покраснели уши,

отполз на четвереньках к ближайшему камню, оперся об него — и опять с него свалился в тех же странных конвульсиях. Когда он снова открыл глаза, Юлька с силой сжала его голову ладонями и приказала самым строгим голосом:

— А ну прекрати! Не знаю, что ты делаешь, но ты делаешь это умышленно. Хватит. Что бы это ни было, у тебя не получилось. Ты что, Двуликий, что ли? Все, пошли домой, бросай эту бодягу!

И он покорно поковылял за ней. Дома свалился на кровать и долго, до самого вечера, лежал молча, отвернувшись к стене и не реагируя на ее вопросы. Вечером пришла Дана, переменяла повязки и отругала их обоих за самостоятельность. Рес выслушал ее отповедь в хмуром молчании, а потом сел на кровати и заявил, что лежать больше точно не будет.

— Сегодня не помер, завтра уж тем более не помру, — подытожил он упрямо. — Не дождетесь.

Юлька неожиданно рассмеялась. Растрепанный и насупленный, сейчас он напоминал ей нахохлившуюся на ветке птицу.

— Лучше расскажи мне, как ты тут оказалась, — предложил он, когда Дана ушла. — Девушка с Основы, в сотне хааров от ближайшего Порога, да еще и в деревне беглецов. Думаю, твоя история будет поинтереснее моей раз в сто.

Неожиданно для себя самой Юлька принялась рассказывать. По частям, подробно, потому что он внимательно слушал и задавал очень много вопросов, уточняя каждую деталь и заставляя вспомнить такие моменты, о которых она уже успела забыть. Когда она добралась до побега из Рамьена, он неожиданно рассмеялся, но, заметив ее удивленный взгляд, ничего объяснять не стал, а вместо этого заявил:

— Знаешь, я уверен, что Нэстэ изначально говорила вам неправду. Я не могу утверждать, что знаю всех наблюдателей Вечных на Старой Земле, но Двуликих там точно нет. Опасно, — пояснил он. — Слишком уж они отличаются от основного населения, если, не дай бог, потеряют контроль над формой. Это, считай, гибель разведчика.

— Что же она там делала?

— Возможно, это была разовая, краткосрочная операция дома Эрлен, — предположил он. — Вы ведь возвращались не через прямой портал, а двумя скачками. У Нэстэ с собой была редкая разработка Горностаев, для разового переноса из одного места в другое. Неудачная, но эффективная.

— Она запутывала следы?

— Да.

— Почему же она сразу нас не убила?

— Значит, зачем-то вы ей были нужны, — предположил он. — Давай-ка дальше.

Она рассказывала, а он слушал. Он умел на удивление хорошо слушать — внимательно, не перебивая, но задавая точные и правильные вопросы, побуждавшие ее говорить дальше, даже о том, о чем она сама себе боялась признаваться.

Когда Юлька закончила, лицо ее слушателя выглядело озадаченным.

— Да, непростая история. Любопытно, как вас по землям пошвыряло... Вроде бы и случайно, а вроде бы и нет. Еще мне любопытно, что вы двое прижились на наших землях, а Румянцев исчез, словно его выкинуло.

— Я думаю, он погиб в том нападении Анг Мирта, — вздохнула Юлька.

— Необязательно, — возразил Рес. — Хотя мог. Я ту атаку смутно помню, но ничего не слышал о погибших во время того прорыва.

— А ты там был? — удивилась Юлька.

— Был, — усмехнулся он невесело. — Но недолго. Я же Страж Грани, — напомнил он, увидев ее непонимание.

— Так ты из Пауков?

— Нет... — его глаза блеснули синими искрами. — Хотя я с ними хорошо знаком.

— Как ты думаешь, у меня есть шансы вернуться домой?

— Шансы-то есть, — помолчав, ответил он. — Но ты подумай, что будет там, дома, когда ты вернешься? На крыльях уж точно не полетаешь... Придется придумывать логичное объяснение своего отсутствия, скрывать про Ар Соль, чтобы не попасть в психушку. Возможно, ты вернешься к прошлой жизни, но что-то мне говорит, что вряд ли.

Юлька вздохнула.

— А здесь какой от меня толк? Выжить-то я выживу, у вас тут очень добродушный народ, не даст пропасть. Но я так жить не хочу.

Он задумался.

— Давай начнем с начала. Что ты умеешь?

— Ничего, — вздохнула Юлька. — Из того, что было бы здесь полезным.

— Неправда, — улыбнулся Рес. — Ты — Крылатая. Ты научилась летать. На самом деле, не так уж многие это могут. Это — ценный дар. Крылатые тут в почете, ты можешь поступить на службу в любое место. Но я думаю, тебе нужно учиться дальше и не торопить события. Вдруг найдется что-то еще, что будет тебе по душе?

Юлька вздохнула.

— Может быть и так... Что ж, ты меня убедил, — рассмеялась она. — Побуду пока тут, подумаю еще, куда мне податься.

— А я потом разберусь, зачем вас Нэсте сюда притащила, — пообещал он. — Не нравится мне твоя история, ох как не нравится...

— Ты сначала с собой разберись, — хмыкнула Юлька.

Ночью опять начался кошмар: он метался, вскрикивал, стонал и бормотал что-то неразборчивое. Будучи в полном сознании и снова мучаясь судорогами, от которых искажалось даже лицо, он пытался встать и куда-то бежать, но максимум, на что его хватало, это сползти с кровати. Раны на груди и животе опять открылись, одеяло быстро пропиталось кровью. Под утро, совершенно истощенный, он притих, но так и не заснул — тело его крупно вздрагивало, руки сжимались, крепко цепляясь за постель, глаза под закрытыми веками быстро двигались. Юлька, намучившись с ним вместе, разревелась от бессилия, прилегла рядом на краешек кровати и уткнулась носом ему в плечо. Продремав до полудня, она оставила его на попечение женщин из деревни, надела крылья и отправилась в Ваннею, в знакомую лавку, в которой работали целители из клана Повелевающих Жизнью, посоветоваться и попросить лекарств.

Весь день он пролежал совершенно обессиленный, едва отрывая голову от подушки, чтобы поесть, однако Дана, придя вечером проверить своего пациента, обнаружила, что раны его заметно уменьшились.

— Ни черта я в тебе не понимаю, — проворчала она. — Казалось бы, наоборот должно быть. Ладно, — она похлопала его по плечу. — Ходи, если можешь, только не перестарайся.

Когда они опять остались вдвоем, Рес сполз с кровати, пересел за стол и попросил Юльку еще раз рассказать ему историю с Кольером. Она вздохнула и принялась пересказывать, кривясь от отвращения.

— А что тебя заинтересовало? То, что верховный наг — людоед? Так у вас тут все непростые, я уже привыкла, что каждая вторая хорошенькая мордашка может в песью или лисью морду превратиться, — прокомментировала она.

Он рассмеялся.

— Песья или лисья морда зачастую честнее человеческой будет, — хмыкнул он. — Ну, Кольер меня не удивляет, я подозревал что-то такое, и самое любопытное, мне на это недавно намекали, да я отмахнулся. Опиши-ка ты мне пространство, в которое ты попадала оба раза. Как ты его видишь?

Юлька еще раз подробно вспомнила оба случая — и в Эрлениуме, и в Наган-Кархе.

— Это что-то значит?

— Еще как значит, — усмехнулся Рес. — Войти и выйти в Маар, в просторечии именуемый Некросом, не так-то легко. То, что ты видела оба раза — и в храме Эрлен, и при столкновении с Кольером — это Маар, изнанка наших миров. Значит, Шейла говорила про тебя... — и он задумался, подперев голову руками.

— Шейла — твоя подруга? — любопытствовала Юлька, неожиданно ощутив укол ревности.

— Старый друг, — серьезно пояснил он. — Очень крутой специалист по Некросу. — Так вот, представь себе, ты можешь войти в Маар, а та же Эрлен — нет.

— Думаешь, мне это что-то дает? — Юлька равнодушно пожала плечами.

— Еще бы, — улыбнулся он. — У нас, например, с такими умениями можно поступить в какую-нибудь школу сил и стихий. Их две — по наиболее часто встречающимся профилям силы, Джмар и Эгрок. Или даже в гвардию Пауков.

— А туда берут женщин?

— Берут, если им захочется и если они выдерживают вступительные экзамены. Женщин-Пауков немного, но они есть.

— Кстати, а откуда такое странное название — Пауки?

— Были когда-то очень давно такие Двуликие, — пояснил Рес. — Во втором облике имели 4 руки, чем-то напоминавшие паучьи лапы. Цепкие были, по стенам лазали. Из них получались отличные воины. Они уже больше тысячи лет как вымерли, а название осталось.

— У меня плохая физподготовка, — вздохнула Юлька. — Кросс точно не пробегу.

— ... сказала Крылатая, — рассмеялся Рес. — Летающая каждый день хааров так по двадцать. Способная входить в Маар.

— Ты меня что, агитируешь? — возмутилась она. — К Паукам податься?

— Я? Да ни в жизнь, чтоб мне провалиться, — он смешно хлопнул по столу ладонями, отчего ее гнев мгновенно схлынул. — Я хочу тебе показать — ты зря падаешь духом и себя недооцениваешь. Тебе надо найти себя в нашем мире, найти место, где ты будешь полезна, и тебе самой будет комфортно и хорошо.

— Как же я его найду, если я сама не знаю, что мне хорошо? — воскликнула Юлька с отчаянием. — И еще я все время боюсь, что меня найдут и куда-нибудь запрут. Или сожрут. Или прикончат каким-нибудь другим традиционным для вашего мира способом!

— Не прикончат, — сказал он серьезно. — Не так-то это просто, — и, видя, что она собирает со стола тарелки, медленно встал. — Давай-ка я тебе хоть чем-нибудь помогу. Посуду-то я точно вымыть сумею.

Глава 31. Уроки истории

Ночью Сашу подняли по тревоге. Очередной прорыв Грани со стороны Анг Мирта впервые произошел не в Элезии, а здесь, в Ирнани, на скалистом, пустынном восточном плоскогорье. Прыгнув в вимму вместе с напарником, Саша стремительно поднял машину в небо.

Зрелище разрыва Грани давно уже перестало пугать его. Пространство трескалось, как старое зеркало, от земли до неба, расступалось в разные стороны снизу вверх, обнажая огненно-алое небо приграничной полосы. Первыми появлялись грязно-серые бесформенные гранееды, впитывали пространство в себя и расширяли проем. За ними валяли нелепые, безголовые и безглазые нэрги, разрушая и переваривая все, что попадалось по пути. Пауки обычно брали на себя гранеедов, поскольку для их уничтожения приходилось переходить на ту сторону, за Грань. Их учили защищаться от некроэманаций; большая часть Гвардии обладала или даром выходить в Маар, или устойчивостью к наэру, или базовым наэром в профиле силы. Это позволяло им успешно выдерживать гнет некроэманаций мертвого участка Грани и легче переносить прикосновения нэргов, вызывающие некроожоги. Нагам доставалось физическое уничтожение нэргов или людей, если те появлялись. Раньше в разгар столкновения в прорехе между мирами часто появлялся Ворон, помогая справляться с гранеедами и попутно восстанавливая разрушенную Грань.

Алая щель на ночном небе виднелась издалека и выглядела, как открытая рана на теле живого существа. Саша и его отряд еще не успели приземлиться, как из воздуха, прямо из огненного пятна им навстречу, словно рой, вырвались ракеты-болиды. Приглядевшись, он понял, что их модификация отличается от тех, что недавно преследовали их маленький разведотряд. Продолговатые, похожие на сигары, они имели широкое лобовое стекло и небольшое подвижное навершие, где, по-видимому, размещалось стрелковое оружие. Не успел он предупредить своих, как оттуда полетели заряды, те же самые дротики, начиненные эрги-наэром (так объяснили специалисты школы Джмар происхождение дыр в корпусе вимм). Хорошо, что отряд вылетел на боевых, а не на транспортных машинах — боевые развивали скорость вдвое выше транспортников, оборудовались гарпунами, магнитными захватами и удлиненными лазерными резаками. По традиции, воздушные бои в Ар Соль велись до принуждения противника к посадке и захвата в плен пилота. Гарпунами и резаками нарушали герметичность машины, отсекали расположенные по бокам стабилизаторы, из-за чего вимма теряла устойчивость в воздухе. Тут ее брали или на гарпун, или сверху, на магнит, и силой сажали на землю. Затем судьбу воздушной дуэли решал поединок пилотов.

Саша еще только начал отрабатывать навыки воздушного боя, и опыта подобных сражений не имел. Пришлось спешно учиться применять недавно обретенные знания на практике. Рискнув подойти к хвосту ракеты, он полоснул по корпусу лазером, отскочил назад, переждал залп орудий, зашел сверху и ловко рубанул лазером по орудийной части. Вражеский болид описал неправильную дугу, развернулся и на максимальной скорости стал уходить обратно в пространство разрыва. Прикинув возможный вес машины, Саша сделал круг над врагом, спикировал сверху, выпустил магнитные захваты и удачно прижал его к земле, полностью лишая болид подвижности. Принудив ракету к посадке, он попытался раздавить ее весом виммы, но его оказалось недостаточно. Прикинув, что взять живьем

пилота не получится, он резанул лазером по кабине, убедился, что сидящий в ней человек обмяк и не шевелится, и взлетел обратно, на помощь своим.

Со следующим болидом пришлось повозиться. Его экипаж явно был опытнее остальных — виртуозно маневрируя в воздухе, он уже дважды пробил корпус Сашиной виммы, опасно приближаясь к гравитаторам. На втором попадании вимму жестко трянуло, Саша на время свалился в пике, и, выводя машину обратно, неожиданно почувствовал ту самую острую боль в спине и позвоночнике, что впервые накатила на него в Нуэйне. Стиснув зубы и стараясь игнорировать мучительную ломоту в руках, он направил машину вверх, моля всех богов, здешних и нездешних, чтобы не потерять сознание. В какой-то момент ему показалась тесной кабина виммы, безудержно захотелось вырваться из нее и оказаться в небе самому, на собственных крыльях, но к счастью, короткий приступ безумия сошел на нет, и он с облегчением вцепился в штурвал. Тяжело дыша, он вывел вимму над остальными, оглядел поле боя и ринулся вниз, к упущенному из виду противнику.

Бой занял несколько часов. Пауки, разделавшись с нэргами, садились на свои виммы и поднимались в воздух. Они пришли на транспортниках, не имевших боевых орудий, но они успешно загоняли болиды на виммы нагов и перехватывали тех, кто пытался вернуться домой. В какой-то момент Саша обнаружил, что боевых вимм стало больше — на подмогу прибыла свежая эскадрилья Гвардии Пауков.

Потеряв половину боевых единиц, анг-миртовцы стали отступать. Преследуя выживших, Саша неожиданно заметил, что от алеющего разрыва Грани осталась лишь тонкая рваная щель. Словно рана посреди неба, она пульсировала в такт человеческому сердцу, дрожащие края то тянулись друг к другу, пытаясь сомкнуться, то расползались обратно. Из оставшихся семи машин противника трем удалось проскочить в дыру между мирами, четверо не успели — одну перерубило пополам рывком сросшейся Грани, пилот второй поднялся выше и стремительно спикировал к земле, разбив машину о каменный выступ, остальных удалось приземлить, двое пилотов сдались, один покончил с собой. Все стрелки анг-миртовских экипажей были мертвы.

Посадив машину, Саша быстро оценил ущерб, нанесенный его отряду. Погибших нет, только раненые, и почти все машины получили повреждения, трое из десяти вышли из боя, словив дротики в гравитационную установку. Требовалось срочно искать защиту от этих стрел, или хотя бы изобретать дополнительные щиты на гравитаторы. И перевооружать виммы... Война с Анг-Миртом — это традиционная война на поражение, принятая на Старой Земле, а не здешнее поигрывание мышцами.

С западной стороны хребта к ним торопливо спустилась еще одна вимма с пробоинами по бортам, явно побывавшая в таком же бою. Шандр, с саблями на поясе, черный от жженой нэрговской плоти, быстро окинул взглядом поле боя и внимательно выслушал Сашин доклад.

— Молодцы, сообразили, — скупно похвалил он. — Прорывов было три — Ар Хойт, Элезия и Ирнан. Элезия — с воздушной атакой, отбили, но с потерями, мы пришли на транспортных виммах, боевые присоединились позже, после вызова.

— Надо перевооружать виммы, — сказал Саша, глядя, как следом за Шандром садится на равнину гигантский грузовой буксировщик и санитарный транспорт. — Насколько опасны эти дротики для людей?

— Достаточно неприятны. Глубокий ожог, некроз ткани. Восстановление до двух недель, — Шандр пристально оглядел молодого нага, убедившись, что тот цел и невредим и не за себя беспокоится. — Насколько был велик разрыв Грани?

— Достаточно большой, — Саша показал поверхностные ориентиры, используя за основу рельеф местности. — Много гранеедов.

— Как она затягивалась? Рывками — сходилась, расходилась, снова сходилась?

— Рывками, — кивнул Саша.

— Права Ширин, — бросил глава Пауков в сторону, словно сам себе. Эта мысль, видимо, придала ему сил, потому что, хлопнув Сашу по плечу так, что тот чуть не упал, он стремительно направился к вимме и почти вертикально сорвался с места.

Саша велел своему отряду возвращаться на базу. Люди выглядели измотанными. Поразительно, но он сам усталости не чувствовал — только легкую эйфорию от хорошо проведенной операции да небольшую сонливость. И эта странная боль в позвоночнике, словно кто-то или что-то пытается растянуть его в длину... Его учитель неправ — нападение Ширин тут, скорее всего, было не причем.

Вернувшись в Наган-Карх, он по привычке отправился к Кольеру, чтобы поделиться с ним впечатлениями от проведенного боя, но прежде заглянул в оружейку крепости — необходимость перевооружать виммы породила в его голове множество расплывчатых идей, которые для обретения формы требовалось наполнить знаниями и пониманием, как это все должно работать.

Видов общедоступного оружия на Ар Соль было не так уж много. Клинки разных модификаций, иглопалы, стреляющие иглами со стазисом, шок-бичи для усмирения низкоразумных рас или агрессивных видов животных, много усовершенствованного стрелкового холодного оружия на основе арбалетов, лазерные резак и огнеметы, применяемые чаще в промышленности, чем в военных целях. Огнестрельное оружие большой дальности и массового поражения было издавна известно обитателям Ар Соль, но его не разрабатывали и не применяли, ввиду запрета, введенного Вечными после фатальной войны на территории Анг Мирта, ставшей причиной гибели этого мира. После уничтожения Нигейра его разработки всплыли из небытия, но просуществовали недолго, и с тех пор в мирах Ар Соль массовых разрушительных войн не возникало. Время от времени спокойствие нарушалось локальными конфликтами между общинами, бергами, правителями земель и округов, вспыхивали кратковременные войны, приводившие к переделу территорий и накопленных богатств, но в целом вот уже 800 лет сообщество земель жило и развивалось, избегая разрушительных столкновений и массового кровопролития.

Кольер, лично занимавшийся Сашиним военно-историческим образованием, неоднократно повторял, что за доброй половиной вооруженных конфликтов последних 800 лет скрывались склоки Вечных, делящих сферы влияния. В традиционных учебниках истории об этом не писали — там всегда находились какие-нибудь экономические, политические или этнические причины конфликтов. Войны Ар Соль значительно отличались от войн на Старой Земле, прежде всего, совершенно иным подходом к вопросу. Здесь, в этом мире, было не принято уничтожать население. Сказывалось влияние философии ордена Аспида, державшейся на принципе, что побеждать надо не числом, а умением, хитростью, боевым искусством. Военные действия могли причинить ущерб рукотворным объектам, территориям или природе, но живых существ старались беречь. Целью было доказать свое превосходство, а не уничтожить жизнь. Зачастую сражения выигрывались как в рыцарских романах — личным поединком представителей противостоящих сторон, или противостоянием профессиональных наемных групп.

Но жертвы бывали, и немалые. Бывало и так, что войны выигрывались хитростью, предательством и подлостью.

Кольер находился у себя в кабинете. Выслушав взволнованный рассказ своего подопечного о воздушном бое, он задумчиво подытожил:

— Значит, болиды... И несколько атак одновременно, — досадливая гримаса исказила его холодное маловыразительное лицо. — С каждым разом все усложняется.

— А мы разучились воевать, — с горечью добавил Саша. — Когда здесь была последняя полноценная война?

— Не так уж и давно, — хмыкнул Кольер. — Всего-то около семидесяти лет назад.

— Война за ресурсы, — кивнул Саша. — Между промышленными кланами Ледеры в Лессене и Полесной марки в Ирнана, разрабатывавшими месторождения редкоземельных элементов в подлунном Кэммон Аре.

— Фактически, это был передел Кэммон Ара, — пояснил Кольер. — И не промышленными кланами, а Вечными. Началось все с Кинэна, который решил перехватить кусок цепочки производства вимм, но для этого ему требовался выход на удешевление редкоземельных металлов, которые добывали в Кэммон Аре, исконной вотчины техноасов, то есть Гевора Пардуса. Кинэн втянул в конфликт Эрлен, а та — Реваля, а Гевор обратился к своему другу и союзнику Ворону, который тоже был заинтересован в Кэммон-арских месторождениях для строительства шеадров. Там выращивают кристаллы-ариады, необходимый элемент для решеток-порталов. Военные действия начались в самом Кэммон Аре, перекинулись на территории Ар Ирнана, но точно: Орден Двуликих попытался перехватить контроль над промышленными куполами техноасов в Полесной марке и Реарских горах. В ответ Пардусы с Пауками Хэйгена очень удачно заблокировали несколько производственных баз Золотой Гильдии в Ар Шамале и биостанции Эрлен в Элезии. Несколько эффектных взрывов, несколько открытых столкновений в пещерах Кэннон Ара и воздушных боев на юго-западе Ар Ирнана, и преимущество быстро сместилось в сторону техноасов. Эрлен тогда сделала очень грязный ход, взяв в заложники людей из ближайшего окружения и Гевора, и Хэйгена. Им пришлось временно отступить, возвратив собственность Реваля в Ар Шамале и все 12 биостанций Эрлен в Ар Элес. Позже Ворон отыгрался — стел их все с лица земли за попытку им манипулировать. Кинэн ничего не получил, Гевор остался при своем, Эрлен потеряла все, что имела в Элезии, кроме пары небольших очагов, не приносящих ей даже обычного вараха, а закончилось все личным поединком Эрлен и Гевора, хотя виновен в нарушении равновесия был этот чертов ребенок-вундеркинд, которому захотелось поиграть в машинки.

— Это вы про Кинэна? — рассмеялся Саша, и Кольер досадливо кивнул. — А чем закончился поединок?

— Почти ничья. Рысь-Эрлен, гораздо более сильный и опытный боец, изрядно потрепала искушенного в битвах ума, но не тела, Гевора-Пардуса, но он в последний момент обманом вынудил ее сдаться.

— У нас бы это войной не назвали, — улыбнулся Саша, выслушав рассказ наставника. — Так, небольшой конфликт, не более. Вот с Анг Миртом — это война...это всерьез и надолго.

— Похоже, что так, — согласился Кольер.

— Нам нужен Нагр, — Саша смотрел на своего наставника с мольбою. — Мы, конечно, работаем над новым оружием, но это долго, а защита требуется уже сейчас. Нет больше

времени ждать... Учитель, вы говорили, что можете найти ключ Ширин. Вы... не пытались?

— Пытались, — проворчал Кольер, тщательно скрывая довольную улыбку. — Зеркало показало место, где он находится. Не знаю уж, каким чудом он оказался в центре Элезии, да еще в таком глухом месте... На днях возьмешь свой отряд и заберешь его. Что бы не думали на эту тему остальные хозяева мира, нам действительно нужен Нагр.

Глава 32. Печальная встреча

Когда на поляну перед оврагом приземлилось шесть вимм незнакомой модификации, Юлька встревожилась. Модели вимм сильно отличались от тех, которые уже примелькались в обыденной жизни — более компактные, более обтекаемые, с дополнительной защитой по бокам, рассчитанные на одного, максимум двух человек — явно предназначенные для воздушного боя, а не для обычных полетов. Виммы аккуратно опустились на широкую, утоптанную площадку, где местные жители часто играли в некое подобие футбола. Пилоты и пассажиры вимм почти синхронно вышли из кабин и группой направились к стоящим вдоль оврага маленьким домикам.

На всякий случай Юлька попятилась за ближайший дом и осторожно принялась их разглядывать. Облегающая черная с золотым форма сидела на них идеально. Небольшая эмблема свившегося в кольцо крылатого змея на груди слева, клинок на поясе и свернутый хлыст сзади, традиционное оружие против агрессивных Двуликих или постоянных низкоразумных рас однозначно указывали на их принадлежность к Ордену Аспида.

Наги. Гвардия ноа. Неужели нашли?

Сердце ухнуло в пятки. Что делать? Она судорожно оглянулась на свое жилище в поисках Реса, но он как назло сегодня ушел к озеру. За прошедшие с того памятного разговора о Мааре пять дней он значительно окреп, включившись в повседневную Юлькину жизнь. Он отремонтировал в ее доме все, что мог, вплоть до подтекающих во время дождей канализационных стоков, разобрал и собрал обратно старую мебель, которая после его вмешательства приобрела приличный вид и перестала заедать и скрипеть, а еще научил Юльку правильно готовить местное искусственно выращенное мясо, которое у нее никогда не удавалось, и вообще забрал почти всю готовку себе — он обращался с продуктами родного мира гораздо лучше, чем она. С ним было весело и спокойно. Дважды с ним повторялся тот странный приступ, после которого он каждый раз подолгу валялся обессиленный, но в целом выздоровление опережало все самые оптимистичные прогнозы Даны. Вчера вечером он уже был в состоянии дойти на другой конец деревни, а сегодня заявил, что прогуляется к озеру.

Осторожно обойдя низенький домишко, укрывший ее от неожиданных гостей, она задворками подкралась к дому старейшины, у которого теперь остановились наги. На крыльце старый локки разговаривал с высоким худощавым мужчиной. Его прямые светлые волосы были тщательно зачесаны назад, резко очерченные высокие скулы и тонкие губы делали лицо холодным и жестким. Прямой и строгий, как наговский клинок, он напоминал ей кого-то очень знакомого. Двуликие боги, да это же Саша!

Она зажала себе рот ладошкой, чтобы не закричать. Страх моментально испарился. Как же она скучала, оказывается, какое же это счастье — просто увидеть его издалека. Как здорово, что можно смотреть, не выдавая своего присутствия, любоваться его гордой осанкой, скупыми, но полными достоинства движениями, и тихо смахивать слезы с глаз, зная, что никто не увидит ее слабости.

Пока он о чем-то беседовал со старейшиной, остальные наги неторопливо осматривались на местности, с хорошо скрываемым любопытством заглядывали в овраг, со слабо заметными улыбками глядели на простецкие каменные домики с огородами, подмигивали осмелившимся подойти детишкам, а кто-то даже разрешил наиболее

уверенным в себе потрогать ножны на поясе. Опасными они явно не выглядели. Саша показывал локки какой-то листок с рисунком, и старейшина, завидев Дану и еще двух женщин деревни, жестом велел им подойти. Теперь они все вместе разглядывали картинку и недоуменно переглядывались. По их поведению Юлька уверилась, что это не ее портрет с надписью "разыскивается", и, внезапно решившись, она сделала шаг из своего укрытия.

Поначалу Саша смотрел сквозь нее, почти не замечая бегущей навстречу девушки, неотличимой от местных. Узнавание проявлялось на его лице постепенно, а когда он все-таки узнал ее, то кинулся навстречу, заключил в объятия и закружил по двору.

— Ну наконец-то ты нашлась! — он радостно рассмеялся, опустив ее на землю. — Как же долго мы тебя искали... Я уже почти поверил, что все, не найду никогда. Почему? Почему ты вдруг исчезла?

Она отступила назад, переминаясь с ноги на ногу и внезапно осознавая, что ей категорически не хочется говорить правду.

— Ну, были причины... Давай об этом не будем, хорошо?

Ей пришла в голову мысль соврать, что она просто полетела и потерялась, не зная ориентиров на местности, но она не успела придумать убедительную версию, поэтому попыталась по-быстрому перевести разговор на другую тему.

— А ты здесь какими судьбами? Я так понимаю, вы тут случайно?

— Не совсем, — улыбнулся он, ласково глядя на нее. — Мы ищем один очень важный предмет, и поиски силами Вечных показали, что он находится где-то здесь, в этой деревне.

Он протянул ей бумагу, которую недавно показывал старейшине. Юлька изумилась — это был тот самый серебряный листочек-подвеска, что она нашла на озере в тот же день, что и Реса. Как странно...

— А что это такое? — любопытно спросила она.

— Ты не поверишь, но это часть ключа от Награ. Помнишь, я рассказывал тебе про наследие Ордена Аспида? Так вот, кое-что мы все-таки смогли сделать. У нас уже есть остальные части, а этот неожиданно потерялся. Его искали специальными ритуалом Вечных, Эрлен увидела его в зеркале.

Юлька рассмеялась, радуясь, что может ему помочь.

— Ты не поверишь, но эта штука у меня. Я нашла ее на озере, на берегу, три недели назад.

— Да ты что? — изумился Саша. — Это же... Потрясающе!!! — и он снова прижал ее к себе.

— Пойдем, я тебе ее отдам.

Неторопливым шагом они направились на другой конец деревни, к развалинам замка, за которыми находился Юлькин дом.

— Не хочешь говорить причины побега, так расскажи хотя бы, как ты сюда попала и как тебе тут живется, — попросил Саша, с любопытством оглядывая развалины. — Умели же они строить... жаль, что камни растащили, его можно было бы восстановить...

Юлька вкратце пересказала, как блуждала от города к городу, ища место, где они пересекли Грань. Потом немного описала свою здешнюю жизнь.

— А ты-то как, что там у вас происходит? — спросила она, когда они подошли к дому.

— Я теперь командир триады, — с гордостью сообщил он. — Триада — три отряда, один из них — вим-крыло, воздушная гвардия, — он вкратце рассказал ей о разведке чужого мира и о нескольких последних нападениях из-за Грани. — Сейчас мы разрабатываем

плазменные заряды, — продолжал он, увлекаясь. — Понимаешь, если оснастить виммы оружием на основе тех же иглопалов, но стрелять они будут плазмой, нам налеты анг-миртовских болидов будут не страшны. Пока мы смогли сделать патрон, заряженный эгри-наэром, это сочетание хорошо разрушает материю, с которой сталкивается, но летит он пока недалеко. Ты не представляешь, из чего пришлось сделать капсулу, чтобы она легко разрушалась при соприкосновении с поверхностью и чтобы не распадалась в полете!

— Из чего же? — поинтересовалась Юлька.

— Из стекла! — воскликнул он с пламенным восторгом в глазах. — Правда, это не совсем простое стекло...

Юлька слушала вполуха, мало понимая всю эту мешанину сил и стихий с оружейными терминами. Саша был с ней, но как же далеко он был от нее! Она восхищалась его увлеченностью, его страстью, его оригинальными идеями, но ничего в них не понимала.

Войдя в дом, он быстро огляделся.

— Да, простенько тут у тебя.

И Юльке стало неловко за старенькую мебель, за пестрые покрывала и домотканые половицы, подаренные ей местными жителями. Быстро отыскав подвеску, она протянула ему этот небольшой, но тяжелый и холодный на ощупь предмет.

— Вот, возьми. Если он так ценен для вас — он твой.

— Он ценен для всех нас, — сказал Саша строго, и она смутилась.

— Хочешь чаю? — предложила она, надеясь, что он задержится хотя бы ненадолго.

Он скосил глаза на старый деревянный стол, гладенький, но уже щербатый по краям, и на покрытую мелкой керамической плиткой печку.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался он, старательно скрывая брезгливость.

Потом они медленно шли обратно, к дому старейшины, а на полпути присели на скамеечку на берегу оврага.

— Ты там счастлив, получается? — спросила Юлька задумчиво. — Уже не хочешь домой?

— Не знаю, — признался Саша с досадой. — Наверно, хочу, но уже не так, как раньше. Мне некогда об этом думать, у меня дел по горло. Вылеты, тренировки, работа в лаборатории, читать опять же надо, надоело чувствовать себя идиотом. И еще мне чертовски интересно.

Она кивнула.

— И знаешь что, — решительно сказал он. — Собирай свои вещи и возвращайся. Нечего тебе здесь делать. Убожество тут... жуть, словно и нет высокоразвитой цивилизации. Я тебя забираю. Что бы ни случилось тогда, в Наган-Кархе, когда ты сбежала, больше этого не повторится, я тебе это гарантирую. Я не хочу, чтобы ты здесь оставалась, тебе здесь не место. Я очень переживал, когда ты исчезла, и не хочу больше тебя терять. Я отвечаю за тебя с самого начала.

Вспышка радости от его заботы быстро прошла. Ей страшно, до боли не хотелось возвращаться в чужой, враждебный замок. Лучше уж здесь, пусть бедно и просто, зато уютно. И свободно.

— Прости, но я не хочу жить в замке нагов, — честно призналась она. — Не мое это место. Давай я лучше поселюсь где-нибудь в Кархе или в окрестностях. Там есть очень живописные уголки... Понимаешь, я тут привыкла летать, я теперь без этого не могу.

Саша задумчиво кивнул, вертя в руках ключ-подвеску.

— Можно и так, хотя мне будет спокойнее, если ты останешься в нашем замке, — сказал он со вздохом. — Кстати, оттуда летать даже удобнее, стартовая площадка лучше, — продолжил он с нажимом.

— Давай только не сегодня, — неуверенно попросила Юлька, смиряясь с неизбежным. — Я хочу собрать вещи и попрощаться с людьми. Они мне очень помогли.

Саша пружинисто поднялся со скамейки.

— Отлично, — кивнул он. — Завтра вечером я заберу тебя. Жди меня вечером в шесть, если вдруг что-то случится, я передам на гвор в Ваннею, тебе сообщат.

— У старейшины есть старенький гвор, — сказала Юлька — Только он им редко пользуется, гвор дряхлый, но работает.

— Эти шутки вечные, — заявил он. — Скажи код и название населенного пункта, я передам, если планы вдруг изменятся и придется вылететь на прорыв.

Она проводила его до конца деревни. На прощание Саша еще раз обнял ее, отстранил и напомнил голосом строгого отца: "Не забудь, завтра в шесть вечера", и, сделав знак своим спутникам, торопливо направился к вимме. Наги, которые не без удовольствия прогуливались по деревеньке, один за другим стали возвращаться к машинам, и уже под конец Юлька неожиданно заметила среди них женщину, высокую и фигуристую шаамку, смуглокожую и черноглазую. Она подошла к Саше, положила руку ему на плечо, что-то прошептала на ухо, лукаво улыбаясь, отчего он неожиданно рассмеялся и они, оживленно обмениваясь репликами и довольными улыбками, почти синхронно сели в вимму.

Проводив взглядом отряд, Юлька печально побрела домой.

А что ты хотела, спросила она сама себя. Куда тебе с ней состязаться? Бесполезно... Ты ей не ровня — ни внешностью, ни умениями, ни силой характера. Она ему ближе по духу. И уж точно лучше понимает в совмещениях джив и наэр.

Придя домой, Юлька не выдержала и разрыдалась. Слезы текли ручьем, она захлебывалась и не могла остановиться. Он поступил с ней, как с этим брелком-ключом, как с ценной, но малополезной вещью, которую пришел и забрал, совершенно не интересуясь ее мнением и чувствами. Конечно, у вещей нет чувств... Ее больно ранили его высокомерие и безапелляционность, а еще — понимание, что никогда, никогда он не посмотрит на нее, как на равную, она всегда останется для него молоденькой дурочкой-подчиненной, которую надо учить и за которую приходится нести ответственность.

Так ее и нашел Рес — рыдающей на крылечке.

Уведя ее в дом и отпоив чаем, он понемногу вытянул всю историю ее невезучей любви.

— Подожди, откуда у тебя ключ? — спросил он с явным изумлением. — Как он у тебя оказался?

— Нашла на озере, в тот же день, что и тебя, — Юлька, уже успокоившись, мелкими глотками потягивала чай. Чай тут заваривали из совсем других трав, но по вкусу он был похож на земной, только имел более выраженный фруктовый вкус. Рес, как местный житель, умел заваривать этот напиток гораздо лучше нее.

Он печально усмехнулся.

— Надо же... Я был уверен, что потерял его, но не здесь, а гораздо раньше.

— Так это твой ключ? — изумилась Юлька. — Он твой? — она охнула и закрыла ладошками лицо. — Мне даже в голову не пришло... О боже, я бы не отдала, если б знала. Прости, прости пожалуйста... Это очень плохо, что я его отдала?

Рес криво улыбнулся. Лицо у него сделалось грустное и усталое.

— Ты не знала, — печально сказал он. — Все так странно сложилось с этим ключом... Для начала, мне не нужно было его брать, когда меня попросили. Я и не хотел, но мне его почти всучили — его хозяйка, как я подразумеваю, хотела поскорее от него избавиться, как от большой обузы.

— Это очень плохо, если Наги откроют свой схрон оружия? — обеспокоенно спросила она. — Саша считает, что без него им не выстоять против Анг Мирта.

— Не знаю, — задумчиво ответил Рес, приглаживая взлохмаченные волосы. На солнце они отливали пеплом, но здесь, в сумрачной кухоньке, казались черными. С утра он убирал их в хвост, но завязки слетали и терялись, из-за чего он все время выглядел растрепанным. — Со стороны выглядит так, словно кто-то пытается с самого начала использовать твоего Сашу для вполне конкретной цели. Смотри, — он поднялся на ноги и принялся кружить по комнате, прихрамывая на ту ногу, где еще не до конца затянулась глубокая рана. — По дороге в Рамьен Нэсте пыталась избавиться от вас обоих. От Румянцеве еще в деревне — помнишь, ты мне рассказывала, что на него напала какая-то тварь? Скорее всего, это она и была, она же райзе, но ее спугнули местные. Потом ты с ней же пришла в Эрлениум и с тобой там тоже что-то произошло. Раз тебя выкинуло в Маар, значит ситуация серьезно угрожала твоей жизни. Рискну предположить, что морок навели или яд пустили, у статуй Эрлен есть такие устройства, для показательной кары — вдохнул газ и упал. Нэсте перед смертью сказала, что она виновата перед вами — помнишь? Румянцева в Рамьене пытались использовать как объект для экспериментов — а он на самом деле ценный кадр, он ассар с постоянным обликом, никто из здешних такое разрешение на эксперименты над собой не даст. А его обманули. В Наган-Кархе тебя пытался использовать Кольер. То есть вас с самого начала сочли лишними. А Сашу — нет. Еще в Рамьене его стали обучать военному делу, начав с рукопашного боя. Казалось, что вы попали в Наган-Карх случайно, но кто знает, если подробно проследить цепочки событий, может оказаться, что и нет. Теперь он собирает для Кольера ключи. Получается, что Кольер использует его почти вслепую, чтобы добраться до оружейки, не светясь при этом самому. Второй игрок в этом деле — Эрлен, она старая интриганка и та еще тварь, абсолютно беспринципная и безжалостная. Кто еще с ними? Вагабр и Реваль, однозначно. Объединились они давно, явно до того, как вы сюда попали.

— Почему ты так уверен? И зачем им эти игры, если они и так очень могущественные? И бессмертные?

— Могущества никогда не бывает много, — пояснил он со смешком. — Всегда есть, к чему стремиться

— И что будет, если они, как ты говоришь, объединились?

— Ну, пока что мне кажется, что они откроют его руками оружейку. Я никогда этой темой не интересовался, но возможно, если вскрыть ее чужими руками, без Нигейра, есть риск какого-нибудь неприятного происшествия. А Саша чужак, его не жалко, если эксперимент не удастся.

Юлька хотела возмутиться, но сдержалась, понимая, что он прав.

— То есть, он может погибнуть?

— Не исключено. Еще меня настораживает запрет на наследие Нагов. Очень старый запрет, принятый Вечными совместно. Теперь же часть из них за спиной остальных собирает ключи и готовится открыть оружейку. Говоришь, все остальные части у них уже есть? У кого там они были — Вагабр и Реваль? Ну точно, все сходится, — лихорадочно

продолжал он. — Та встреча в Рузанне... дьявол, вот оно что...

Он замолчал, рассеянно уставившись в окно и явно погружившись в воспоминания. Потом очнулся, мотнув головой и сбрасывая оцепенение.

— Но почему это так сильно расстроило тебя?

— Он хочет, чтобы я вернулась, — ответила Юлька со вздохом. — А я не хочу. Вернее, я хочу, чтобы Саша был рядом, но не хочу в Наган-Карх. Нет, я и его видеть не хочу, — и тут у нее снова из глаз потекли слезы.

— Понятно, — улыбнулся Рес.

— Что тебе понятно? — вспыхнула она, не удержав горестного всхлипа.

— Что ты в него влюблена, а он в тебя — нет, — ответил он мягко.

— Без тебя знаю, — сердито бросила она.

— Это безнадежно, Юля, — ласково сказал он. — Возможно, когда-нибудь он тебя оценит, но боюсь, ты сама к этому моменту уже будешь очень далека от него. Вернее, он перестанет быть тебе нужным.

Она всхлипнула.

— Я давно с этим смирилась.

— Если так, зачем тебе в Наган-Карх? Почему ты согласилась, если не хочешь?

— А вдруг он меня силой заставит, если я откажусь? — всхлипнула она. — Или начнет уговаривать? Это еще хуже, — она зажала рот ладошкой, чтобы не разрыдаться во весь голос, и Рес вернулся за стол, сел на соседний стул и бережно прислонил ее голову к своему плечу.

— "Нет" — это такой же ответ, как и "да", — твердо сказал он. — Надо учиться себя защищать, иначе погибнешь.

— Завтра он прилетит за мной и опять будет настаивать.

— Тогда уходи отсюда, если не готова послать его к черту прямо в глаза.

— Куда? Он меня теперь везде найдет! Как он этот ключ нашел, так и меня отыщет!

— Вряд ли, — усмехнулся Рес. — Ключ они искали усилиями Вечных. Вечные, объединившись, многое могут. Только вот беда в том, что они обычно не хотят объединяться. Никто не будет искать тебя таким редким, странным и сложным способом.

— Ну допустим, — согласилась она. — Тогда — куда?

— Уходи на север Элезии, я скажу — куда именно. Городок называется Альбре, он достаточно далеко отсюда, на самом севере. Я напишу письмо своему близкому другу, он защитит тебя, а заодно и весточку ему от меня передашь, с объяснением, почему я пока не хочу возвращаться.

— Это так далеко... — вздохнула она.

— Нет, недалеко, если знать совмещения. Фактически, всего две пересадки: из Ванней в Южный Аскарем, из Аскарема в Элласар, а оттуда есть прямой путь, надо будет только шеадры поменять, они в разных частях города стоят. Заодно и столицу посмотришь, — улыбнулся Рес. — Можешь пешком, можешь — на крыльях. Я бы советовал сверху, только там много народу летает, движение напряженное, прям как у вас на Старой Земле в больших городах.

— Может тогда не стоит? — испугалась Юлька.

— Стоит-стоит, — подмигнул он. — Виммы летают выше людей. Не бойся, надо же когда-то перестать бояться и начинать жить. А в Северном Тайреме тебя не только никто искать не будет, туда даже Кольер не осмелится сунуться.

— А что мне там делать? Допустим, я передала твое письмо, скрылась от Саши, но что

дальше? Вечно прятаться?

— Прятаться не придется, — заверил он. — Пока просто там поживешь. Осмотришься, попутешествуешь по Элезии. Неужели тебе не хочется увидеть этот мир по-настоящему?

— Хочется, конечно. Но что если меня... — опять начала Юлька, но он оборвал ее.

— Демоны Маара, как же вас эта рыжая тварь запугала, — в сердцах воскликнул он. — Не удивлюсь, если по приказу Эрлен. Забудь все свои страхи. Никто за тобой больше не охотится. В Альбре — базовая школа Стражей Грани, походишь на занятия, надо же понять, откуда у тебя эта способность выходить в Маар, какой она силы, как ее можно использовать и надо ли ее использовать вообще.

— Хорошо, — вздохнула Юлька. — Все равно других идей у меня нет. Завтра я улечу... только попрощаюсь со здешними обитателями.

— Я напишу письмо, отдашь его в руки адресату. Не бойся требовать лично его, не бойся показывать письмо, я напишу его специальным шифром Стражей Грани, в нем будет несколько уровней понимания, если что, оно поможет и защитит тебя. Если по дороге что-то случится, иди прямо к Паукам, к любым, можешь даже на улице их остановить. И ничего больше не бойся.

— Почему я тебе верю? — пробормотала Юлька. — Непростая ты птица, хоть и выглядишь, как разбойник с большой дороги.

— Вот именно, — рассмеялся Рес.

— А ты куда? Здесь останешься?

— Пока — да. Посмотрю завтра на твоего Сашу своими глазами. А там... не знаю. Увидим.

— Но ты-то сам... ты сам собираешься туда, куда меня отправляешь? — забеспокоилась Юлька.

— Собираюсь, но не сейчас. Не бойся, если ты не захочешь меня видеть, то не увидишь никогда, — рассмеялся он, а Юлька смутилась. — Дел у меня в последнее время до чертиков, не помню, чтоб я когда-нибудь так расслаблялся, как нынче, — продолжил он. — Вернусь — будет не легче.

Глава 33. Маар

Когда следующим вечером Саша появился в Белом овраге, Юльки там не оказалось. Старейшина объяснил ему, что Крылатая ушла из деревни навсегда, но куда именно, он понятия не имеет. Саша гневался, пытался поймать старого локки на лжи, угрожал перевернуть вверх дном всю деревню, но тот сносил его гнев с благодушным спокойствием, все обвинения и угрозы отскакивали от него, словно мячик от стенки. Ушла. Почему — не сказала, куда — тоже. Давно хотела уйти, только сомневалась...

Надеясь обнаружить хоть какую-то зацепку, где ее искать, Саша отправился в маленький окраинный домик и неожиданно застал там постороннего. Открывший дверь бандитского вида элез — худой, взъерошенный, со свежими шрамами на груди, одетый в балахонистую рубаху, которую тут носили по большей части локки да варды, и такие же мешковатые штаны, смотрел на него холодными, как лед, серо-синими глазами. Цепко так смотрел, оценивающие. И недобро.

— Где она? — спросил Саша, когда элез жестом предложил ему войти. Сам он непринужденно уселся за стол и продолжил пристально разглядывать гостя.

— Ты о Юле? Не знаю, — пожал плечами элез. — Ушла.

— Когда?

— Сегодня утром.

Постояв в дверях, Саша развернулся и пошел прочь.

Он расспрашивал всех, кого встретил в деревне, но многие даже не знали, что Крылатая их покинула. Часть жителей, выслушав его, считала, что она, как обычно, улетела с поручениями в один из близлежащих городков, но пожилая кицу по имени Дана подтвердила, что Юлька не собиралась возвращаться. На вопрос о том, куда девушка могла направиться, кицу лишь равнодушно пожалала плечами, явно не желая продолжать разговор.

Пришлось снова заглянуть в маленький домик на окраине деревни.

— Вы мне лжете, — заявил он с порога.

— Почему ты так решил? — спросил элез с насмешливым хладнокровием. — Совершенно необязательно кричать на весь мир о своих намерениях.

Сашу затрясло от злости. Только он ее нашел — и она опять ускользнула! Противоестественная ярость схватила его за горло, больно отдалась в плечах и под ложечкой, требуя выхода. Почему она его обманула, почему пообещала, что вернется, почему опять исчезла?

— И как ее теперь искать? — пробормотал он, нервно сжимая и разжимая кулаки в безнадежной попытке избавиться от обуревавших его хаотичных и болезненных чувств.

— Зачем искать? — удивился элез. В его серых, спокойных глазах подозрительно разгорались и гасли синие точки, словно глаза вот-вот затопит мерцающей синевой. — Оставь ее в покое, пусть идет своей дорогой.

— Значит, ты действительно знаешь, куда она делась и почему, — его спокойствие окончательно вывело Сашу из себя, и он с трудом удержался, чтобы не схватить надменного элеза за плечи и выколотить все, о чем тот умалчивал.

— Да, я знаю причину, — согласился элез. — Именно поэтому советую тебе оставить девушку в покое. Она тебе не любовь и не родственница и уже не подчиненная. Дай ей идти своей дорогой.

Саша с трудом перевел дыхание, стараясь сдержаться и не броситься на наглеца. Он давно отвык от обращения на "ты", от непочтительности и небрежности, от снисходительного взгляда свысока. Нагов уважали, несмотря на их малочисленность. А этот...

— Я за нее отвечаю, потому что она моя соотечественница, — отчеканил он, сдерживая рвущееся наружу бешенство. У него опять заболела спина, снова стали накатывать муторные волны-судороги, к горлу подступили головокружение и тошнота. В какой-то момент ему показалось, что пол уходит из под ног, и он задохнулся от острого жжения и боли в горле. Чертов элез внимательно следил за ним, прищурившись, и от этого взгляда делалось не по себе, словно он в душу смотрел. Саша пошатнулся и схватился за стол, когда ему показалось, что у него слабеют и отнимаются ноги. В этот же момент элез кинулся к нему, схватил за плечи и грубо выволок из комнаты, толкнув на лужайку перед домом. На свежем воздухе ему стало заметно легче дышать, но волны судорожной боли все еще прокатывались по спине, а головокружение и вовсе усиливалось. Мир качался и кружился, в глазах потемнело.. Странный элез неожиданно и бесцеремонно схватил его за запястье левой руки и грубо содрал с нее перчатку, почти превратившуюся в коготь. Никто и никогда раньше не снимал ее насильно, а иногда, облепив его руку почти до локтя, она не позволяла себя снять даже Саше, но этому типу она почему-то покорилась. Головокружение прекратилось, боль немедленно ушла, оставив после себя лишь шум в ушах да неприятный привкус во рту. Спала и ярость. Пошатываясь на дрожащих ногах, Саша уселся на скамейку под окном.

— Лети-ка ты домой, парень, — сказал элез, возвращая ему перчатку. — Мой тебе настоящий совет — в следующий раз, когда с тобой начнется подобное, держись подальше от людей, иначе будут лишние жертвы. И хорошенько запомни — сразу же выходи из помещения, если только сознательно не хочешь его разрушить. И вот еще что... Не сопротивляйся. Тебе будет больно, поначалу очень даже больно. Да в общем-то, все время будет больно, но постепенно ты к этому привыкнешь.

— Что это? — спросил Саша, испытывая одновременно растерянность, благодарность и ненависть. — Может мне хоть кто-нибудь объяснить?

— Может, — кивнул элез. — Но не объяснят. И я не объясню. Ты должен пройти этот путь сам, только сам, своим умом, и до самого конца, или не пройти вовсе. Кстати, знай — до последнего момента ты волен отступить. Многие так делали, только мало кто об этом знает. Это не стыдно. Это просто... выбор.

Я следил, как он, ошарашенный и покорный, идет к вимме. Житель Старой Земли, надо же как... а ведь он уже почти готов. Как неожиданно, как странно, и как закономерно...

Но не для тех, кто его там вычислил и притащил сюда.

Я осторожно присел на скамейку, откинувшись назад. Теплый солнечный день настраивал на миролюбивый лад, манил вытянуться на травке рядом с нагретыми солнцем камнями и валяться, глядя на яркий закат, лениво и бездумно предаваясь праздности. Увы... надо вставать, пересиливая такое блаженное ничегонеделанье, принимать решение и двигаться. Требовалось разобраться, что со мною происходит, хотя бы поговорить с кем-нибудь, поговорить и посоветоваться. Но с кем? С Даллахом или Ширин? Или может быть, с Лани?

Мне не хотелось являться к Ширин в нынешнем разбитом состоянии. Я, конечно, уже частично восстановился, но обернуться все еще не мог. Не получалось никак. И стыдно было

в этом признаваться, хотя я понимал, что эта способность отнята у меня целенаправленно. Интересно, сохранился ли у Шандра анализ того яда, что был на клинках напавших на меня до этого модификантов? Я был полностью уверен, что именно он каким-то образом блокирует возможность принимать ипостась. Я хорошо помнил, что не смог обернуться уже во время боя, получив первые удары ножом, хотя пытался изо всех сил, отрываясь от стаи своих убийц, но они настигали меня раз за разом. Помню, как движения мои стали замедляться, как накатывали головокружение и тошнота... Для человека Рессера ранения оказались бы смертельными. Юля спасла мне жизнь, найдя и притащив в деревню, я бы скорее сдох там, в лесочке на берегу озера. Конечно, присутствие Вечного во мне помогло человеческому телу выжить, но теперь каждый раз, когда я сознательно пытался вызвать трансформацию, я вырубался от адской, невыносимой боли в местах глубоких кинжальных ранений. Поначалу я считал, что надо сильнее пытаться, как-то перетерпеть эту боль, но присутствие Юли сильно сдерживало мои эксперименты: я пугал бедную девушку воплями, конвульсиями и непроизвольной нецензурной бранью. Вчера на озере тоже ничего не получилось — там самозабвенно купалась парочка кицу, я ждал, пока они уйдут, но им было хорошо вместе и мне стало неловко им мешать. Теперь я понимал, что справиться с собой не могу — боль убивает во мне разум, сводя все усилия на нет. Я решил прекратить эксперименты и стал думать, у кого бы попросить помощи.

Вот тут-то и вставала самая главная проблема — я не знал, стоит ли мне объявляться, и если да — то перед кем. Кто в игре? Вагабр, Реваль, Эрлен, Кольер — эти точно, фактически неопровержимо. Чем я им помешал? Если их цель — экспансия на Старую Землю, то тогда их намерения легко объяснимы: без Ворона туда будет очень легко попасть, особенно первое время. Шандра они сметут — он противостоял бы смертным, но против союза Вечных ему не выстоять в одиночку. Им нужен тот короткий период безвременья, который наступит, пока новый Ворон осознает себя и входит в силу. Это, конечно, может произойти очень быстро, но и новоиспеченного Хэйгена можно умело прибрать к рукам. Вечный после первого принятия облика — это очень опасное и очень уязвимое существо. Он не понимает, что с ним происходит, и тварь, когда она врывается в сознание, поначалу полностью подчиняет себе новую личность. Новорожденный Вечный плохо осознает, что им движет и как с этим справляться. Разрушительна эта сила, в первую очередь, для самого носителя ипостаси — ей очень трудно сопротивляться. Потом, конечно же, учишься, но это требует времени. Хорошо, если рядом есть кто-то равный, кто захочет тебе помочь. Мне в свое время помог Даллах, и, что удивительно, Реваль. Но как же легко новорожденным Вечным манипулировать, умело провоцируя его на вспышки гнева и направляя туда, куда нужно манипулятору! Да, новорожденным, неопытным Вороном будет очень легко вертеть, тому же Ревалю, например. Он это умеет — втираться в доверие.

Но я еще пока жив, и мне надо хорошенько подумать, как и дальше оставаться живым. За мной следили в тот день, когда я летал к Ширин, и я хотел бы знать, откуда и как меня вели. Если вели Вечные — то тут бесполезно прятаться. Кстати, если бы они — то уже нашли бы и добились. Да пожалуй, добились бы сразу же, послав других модификантов по моему следу с приказом отделить голову от тела. Но меня оставили в живых. Хотя...я на самом деле не помню, всех я их положил или нет. Модификантов было пятеро, я это точно помню, а я в тот день невероятно устал и быстро получил первую царапину, потеряв способность менять облик. Если же вели свои... Паукам и Стражам с высоким уровнем доступа легко отследить мои перемещения, я их не скрываю, особенно те, что связаны с ежедневной

рутиной. Тоже плохо, но поправимо. Предателей можно вычислить, разобраться, кто, когда, и как их купил. Теперь этим займется Шандр, когда получит мое письмо, отправленное с Юлей.

Я с усилием поднялся с теплого, удобного места. Надо уходить. Этот юный наг — под полным контролем Кольера, возможно даже с подавленной волей, Кольер это хорошо умеет. Скорее всего, он расскажет о произошедшем, и не пришел бы Кольер лично меня добить, он-то однозначно в теме, мог и к попытке убийства руку приложить. Сейчас я против него не выстою, хотя и он просто так не отделается, если попробует.

Надо отсюда убираться, и поскорее.

Я еще раз осмотрел себя. Рана на ноге почти зажила, но идти быстро я не мог. Та, что на животе, тоже хорошо затянулась, но именно она вызывала нечеловеческую боль, когда я пытался обернуться, и глушила мое сознание. То же самое происходило и с двумя глубокими ранами на груди, а вот рана на шее не мешала. Идти, к сожалению, придется пешком, до Ванней, а это где-то 15 хааров. Ничего, если делать передышки, к утру доберусь.

Я собрал еду, немного одежды, что мне дали местные, но когда уже собрался выходить, меня застало нападение нэргов.

Когда это случилось впервые после пробуждения, я решил, что снова умер. Меня скрутило и выбросило в Маар, который я, конечно же, неоднократно видел, но самостоятельно туда не выходил, только с помощью Ширин или кого-нибудь из ее школы. Аспидно-черное небо с огненно-красными сполохами, черный и хрустально-прозрачный лед под ногами, такой же холодный, парализующий дыхание воздух. Я обнаружил, что стою босиком на льду в какой-то бесформенной черно-синей хламиде. Лед показал мне отражение испуганного человека, нелепо переминающегося с ноги на ногу.

Двигаться оказалось на удивление легко, но перемещался я медленно, словно во сне. Меня влекло куда-то в сторону, зудящее беспокойство подсказывало направление, едва заметно подталкивая в спину. Добравшись до нужного места, я увидел уродливую серую дыру, словно лужу вязкой грязи, из которой просачивались бестелесные ядовито-оранжевого цвета сущности. По ее краям копошилось такое же ядовитое, но зеленое бесформенное нечто, а дыра медленно расползлась, пропуская все больше и больше оранжевых сгустков. Иногда в луже грязи вспыхивало что-то ослепительно голубое или белое, и тогда ядовитые сущности лопались, рассыпаясь множеством капель и рассеиваясь по безжизненному пространству Маара.

Не сразу до меня дошло, что именно так выглядит нападение нэргов Анг Мирта изнутри, с изнанки мироздания. Бессмертная сила — Ворон-защитник, хранитель Ар Элес, во мне был жив и требовал исполнения своих обязанностей даже от тела, которое и ходить-то по хорошему не могло.

К счастью, совершения телесных подвигов от меня не требовалось. Затягивать Грань я и так умел, только здесь это выглядело совершенно по-другому. Я ходил вокруг лужи грязи, привычным усилием сращивая пространство, а заодно и отпихивая ногой особо крупные куски ползущих через дыру нэргов. От моих пинков они лопались не хуже, чем от клинков сражавшихся на той стороне воинов. К сожалению, получалось медленно и неровно, я с трудом сосредотачивался, движения тела, а вернее, его энергетической проекции, были тягучими и трудными. Когда нападение случилось в следующий раз, я действовал немного быстрее и чуть энергичнее, но зато сразу же выпал из Маара, как только последний клочок прорехи полностью затянулся. Мне хотелось попробовать здесь задержаться, хотелось

повнимательнее рассмотреть этот загадочный мир-изнанку, мир-проекцию, единый для всех наших миров и для Основы, но пока все мои усилия удержаться чуть дольше, чем необходимо для выполнения долга, шли прахом.

Интересно, а как Ширин видит прорыв Грани? Я ни разу не заметил ее в ее пространстве, хотя Юля рассказывала, что она оба раза приходила ей на помощь. Может быть, она и находилась где-нибудь рядом, но мне самому было некогда ее разыскивать, я немедленно устремлялся к дыре, а потом сразу же вылетал обратно, содрогаясь от холода неживого пространства и пугая своим неадекватным поведением бедную Юлю. Она всеми силами пыталась мне помочь, и я был ей бесконечно благодарен за простое человеческое сочувствие.

Вот и сейчас все происходило так же, как и до этого. Закрыв прореху, я немного отошел в сторону и огляделся. Хрустально-прозрачная земля под ногами, словно бесконечная толща льда, переливалась холодными серебряными гранями, скрытыми внутри. С черного неба сыпались ярко-алые снежинки, медленно и плавно, словно лепестки, облетающие с цветущих деревьев от дуновения ветерка. Я с усилием двинулся вперед, оглядываясь по сторонам и радуясь, что меня не выбрасывает. Пространство казалось бесконечно одинаковым, я тщетно искал ориентир, чтобы определить направление. Может, надо наоборот — смотреть не вперед, а под ноги? Хрустальные грани действительно складывались в некую картину, и я даже успел продвинуться вперед, увидев в них подобие горы с гротом, но через некоторое время вдруг осознал, что у меня есть сердце, и что оно колотится как сумасшедшее... и вывалился из Некроса, дрожа и судорожно цепляясь за край кровати. Посидев с полчаса и придя в себя, я оделся, закинул в наскоро сшитый из покрывала рюкзак нехитрую снедь, оставленную мне Юлькой, и, несмотря на глубокую ночь, двинулся к шеадру. Ничего, как-нибудь дойду, первый раз, что ли?

Глава 34. Альбре

— Прошу, ланна, вас ждут, — невысокий коренастый элез галантно распахнул перед ней дверь и Юлька неохотно поднялась из удобного, мягкого кресла, в котором чуть не заснула. Знала бы, что человек, которому адресовано письмо Реса, это сам глава Пауков, выкинула бы его в ближайшую канаву и сбежала. Это что же получается, он выслушал ее рассказ и послал прямиком в паучье логово?

Юлька узнала об этом, только когда оказалась в Альбре, и отступить стало некуда. К счастью, никто не собирался хватать ее и тащить к великому и ужасному Ворону, пожалуй, даже наоборот: поселив ее в уютную гостиницу, ей выдали схему местных шеадров и рассказали, где в окрестностях можно отдохнуть, развлечься и посмотреть всякие интересности. К сожалению, встреча с Яраном Шандром или Тахиром откладывалась уже четвертый день из-за его занятости. Он появлялся в Альбре урывками — решить накопившиеся неотложные проблемы, встретиться с нужными людьми или просто поспать. Пришлось ждать, когда у него среди множества срочных дел найдется хотя бы полчаса, чтобы побеседовать с незнакомой девушкой, доставившей письмо, написанное шифром разведчиков Основы. Письмо Юлька наотрез отказывалась отдавать в чужие руки, опасаясь, что его прочтут те, кому не положено знать о местонахождении ее бывшего пациента.

Дорога в Альбре действительно оказалась легкой и короткой, а Элласар, столица Элезии, очаровал ее. Красивый старинный город, построенный из розового с золотыми прожилками мрамора, он светился на солнце и казался воздушным. Дома, один красивее другого, многочисленные храмы, музеи, театры, дворцы элласарской знати прошлых веков, где до сих пор жили старинные роды, множество садов, целые цветочные аллеи между улицами, маленькие виммы с открытыми кабинами, предназначенные для низкого полета на небольших скоростях на уровне второго этажа домов — все привело ее в восторг. Она пообещала себе, что вернется сюда, как только представится такая возможность.

Сжавшись от страха, Юлька сделала шаг в огромный кабинет: светлые стены из шифованного серого камня с побережья, широкие, стрельчатой формы окна, оконные проемы с витиеватой и тонкой резьбой по камню, высокий, покрытый фресками потолок вызвали у нее ощущение, что она попала как минимум на прием к какому-нибудь средневековому графу или герцогу. Именно здесь, на севере Элезии, она впервые увидела красочные потолочные росписи с популярными мифологическими сюжетами, увидела и обрадовалась им, словно родным. Здесь, как и везде в Альбре, в помещении имелся камин, большой и закопченный, с гнездами для аэров и с боковой стойкой для дров. На противоположной от окон стене стояли стеллажи с книгами, соседняя боковая стена была занята картами земель Ар Соль. Юлька волевым усилием оторвала от них взгляд, настолько они оказались яркие и подробные. Почти весь пол закрывал традиционный для этих мест ковер, но в отличие от виденных в замке у Эрлен, северяне отдавали предпочтение геометрическим орнаментам серого, синего или коричневого оттенков.

Поначалу она даже не заметила человека в другом конце зала, задумчиво читавшего у окна какие-то документы и бросавшего их после прочтения в жарко растопленный камин. А когда заметила — вздрогнула. Высокий и статный, очень красивый шаам поднял на нее темные, пристальные глаза, в которых холодное равнодушие загадочным образом мешалось с удивлением. Одет он был по последней моде, с небрежной элегантностью придворного.

Длинные черные волосы, сзади перетянутые ремешком, придавали ему строгости; в целом он являл собой совершенно ослепительное зрелище — словно восточный принц сошел со страниц арабской сказки. Юлька уже прочла немало местных романов, где шаамам отводилась роль искусных воинов, пылких любовников и безрассудных бунтарей, поэтому воображение быстро дорисовало ему всевозможные достоинства, а надменное выражение лица добавило недостатков.

Растеряв все тщательно приготовленные слова, она молча протянула ему письмо. Он неторопливо подошел, явно думая не о ней, пробормотал дежурное "благодарю вас" и принялся читать. После первых же фраз выражение равнодушной вежливости мгновенно сменилось изумлением, радостью, облегчением — и он тотчас же взял себя в руки, снова сделавшись непроницаемым, и лишь жадно скользя глазами по тексту письма, длинному, в три листа крупного неразборчивого почерка. Иногда он останавливался и смотрел на Юльку с немим удивлением, от чего ей делалось неловко, и она с каждой минутой все сильнее злилась на Реса, написавшего невесть что, и явно о ней.

Дочитав, он аккуратно сложил письмо и убрал во внутренний карман жакета.

— Мы нашли тела нападавших, — прокомментировал он, жестом предлагая Юльке расположиться в кресле напротив рабочего стола. — Он действительно положил их всех, их же ножиками. Но потом... Он словно исчез из мироздания, и все, даже свои, какое-то время считали его погибшим. Расскажите мне, Юлия, поподробнее, в каком состоянии вы его нашли, что было дальше, и как он себя чувствовал, когда вы расстались.

Юлька засомневалась, нужны ли подробности, но Шандр терпеливо ждал, не отводя от нее темных миндалевидных глаз, и она не выдержала этого внимательного, горячего взгляда и принялась путано пересказывать события, начиная с находки на озере. Ее рассказ заметно его встревожил, и, задав пару уточняющих вопросов, он принялся молча расхаживать по залу из конца в конец. Рядом с огромным письменным столом Юлька заметила массивную подставку для оружия, на которой были размещены две тонкие изогнутые сабли с темными клинками. Он подошел к ним, покрутил в руках одну, другую, и аккуратно положил на место.

— В письме он не объясняет, как ключ попал к Нагам, — сказал он задумчиво. — Он не... делился с вами догадками?

Юлька мучительно смугилась — ей не хотелось рассказывать о своей оплошности.

— Это по моей вине, — выдавила она с трудом. — Я нашла его на озере, а когда узнала, что Саша его ищет, отдала.

— Тот талантливый молодой наг, — кивнул Шандр. — Знаю.

На душе у Юльки потеплело, словно похвалили не Сашу, а ее саму.

— Он не... делился планами, что собирается делать?

Юлька пожала плечами.

— Он вообще мало о себе рассказывал, — призналась она, искоса поглядывая на Шандра. — Только то, что он страж Грани, — и, увидев странную улыбку на лице Шандра, забеспокоилась. — Обманул, да?

— Нет, — рассмеялся тот. — Все верно. Страж Грани. Точно и лаконично.

— Мне показалось, что он хочет остаться в Белом овраге на какое-то время, — продолжила она. — Вряд ли он был способен преодолеть пешком почти 15 хааров до Ваннейского шеадра, когда я уходила.

Шандр только качнул головой, словно не соглашаясь с ней, но ничего на эту тему не

добавил.

— Рессер хочет, чтобы мы дали вам защиту и помогли освоиться в Элезии, — заговорил он после короткой паузы. — Что я могу для вас сделать? — спросил он с глубочайшим почтением, словно это она, а не он, была тут важной шишкой.

— Я сама не знаю, — вздохнула она. — Поначалу я хотела вернуться домой. Я, собственно, искала переход, через который нас сюда забросило...

— Увы, того порога больше нет, — сообщил ей глава Пауков. — мы его закрыли во избежание дальнейших случайных переходов. Вам, к сожалению, не попасть в ту же самую точку, из которой вы уходили, но если вы желаете вернуться, то можно подобрать любой другой порог поближе к вашему дому. В принципе, можно даже новый открыть, в точности, куда вам нужно, только для этого лучше дождаться полноценного возвращения Рессера.

Юлька чуть не задохнулась от радости. Неужели все ТАК просто? Вернуться хоть сейчас, в ближайшую от дома точку...

— А где будет ближайшая? — жадно спросила она.

Шандр задумался.

— Я не силен в порогах, лучше уточнить у мастеров Стражи, — признался он. — Хотя погодите... — он подошел к книжным полкам, поискал что-то и достал сверху большой атлас. — Вот тут карты порогов по регионам Старой Земли. Сможете найти свой край?

— Конечно!

Она изумилась, увидев множество точек-переходов, рассыпанных по всей земле, но приглядевшись внимательнее, поняла, что все они расположены на удалении от больших городов.

— А как же ваши люди добираются? — озадаченно спросила она Шандра

— Они же разведчики, — ответил он с некоторым удивлением. — Подготовленные люди, хорошо знающие точку выхода, снаряженные для длинных пеших переходов, если нужно. Большинство Порогов было построено очень давно, а центры цивилизации время от времени меняются.

— Понятно, — вздохнула Юлька. Ближайший к ее дому порог был на территории Финляндии, второй — за Уралом. — Далеко... — вздохнула она.

— Мы снабдим вас документами, деньгами и опытным сопровождающим, если нужно, — предложил Шандр, но Юлька вдруг поняла, что вернувшись, она больше никогда не увидит Сашу, и едва не впала в отчаяние прямо на глазах у этого харизматичного красавца.

— Я, наверно, не буду торопиться, — прошептала она. — Не представляю, как объявиться и объясняться после отсутствия длиною почти в год.

— Можно привлечь специалистов по Основе и придумать хорошую легенду.

— У вас есть и такие? — удивилась она.

— Конечно, — улыбнулся тот. — Мы наблюдаем за Старой Землей тысячелетиями. Почти все время нашего параллельного существования. Иногда количество наблюдателей уменьшалось, например, во время мировых войн, но наблюдение не прекращалось никогда.

Она кивнула, полностью потерявшись в страхах и сомнениях.

— Вам нужно время подумать и определиться, — полутвердительно предположил Шандр.

— Я хочу попробовать... остаться, — сказала она, словно сомневаясь в своих словах. — Но пообещайте мне, что если я так и не найду свой путь, вы поможете мне вернуться домой.

— Обещаю, — твердо сказал глава Пауков. — Кстати, а вы не обсуждали этот вопрос с Рессером? Каков был его совет?

— Остаться. Посмотреть земли Ар Соль. Пойти учиться. Говорит, меня бы Пауки взяли, раз я летать умею, — пробормотала Юлька.

— Что ж, хороший совет, — кивнул Шандр. — В Альбре расположен филиал Аскаремского Университета, факультеты всеобщей истории, пространственных взаимодействий, и факультет изучения Старой Земли. Место с одной стороны спокойное и красивое, а с другой — старое и богатое историей. Тут есть что посмотреть, — улыбнулся он. — Давайте я подберу вам помощника? Кого-нибудь, кто на первых порах будет вашим гидом и советчиком?

Юлька вспомнила Бреса, который учил ее летать.

— Да, это было бы здорово, — согласилась она.

— Вот и отлично. Первым делом поищем, где бы вас поселить. Гостиница Стражи — место надежное, но далеко не самое уютное.

— А потом?

— Найдем вам компанию. Вы — человек со Старой Земли. Думаю, студентам, изучающим Основу, будет дьявольски интересно с вами пообщаться, — обнадеживающе подмигнул он.

Глава 35. Выздоровление

Даллах не скрывал, что чертовски рад меня видеть. На радостях он велел притащить столько еды, что я испугался, что лопну от обжорства. Пиво сразу же ударило мне в голову, и я впервые за долгое время почувствовал, что жизнь в целом не такая уж плохая штука.

— Тебя все похоронили, — сообщил он, подливая мне пенного живительного напитка. — Оказывается, ты пользовался популярностью — знаешь об этом? Лани приходила рыдать у меня на плече, — хохотнул он. — Реваль расспрашивал, не жаловался ли ты мне на какие-нибудь странные проблемы. Кинэн навевался, изображая истеричку в климаксе и клянясь, что теперь нас всех сожрет Анг Мирт. Мои собственные девки изрядно повыли, глядя на твои изображения, особенно убивались те, с кем ты когда-то спал.

— Что-то я подобного не помню, — буркнул я, слегка смутившись.

— Зато они помнят, — хмыкнул Даллах. — Давай-ка мы вот что с тобой сделаем... У меня тут под боком большая лечебница, сам знаешь, лучшая, я считаю, из всех наших целительских центров. Давай поступим с тобой, как с обычным человеком — обследуем, полечим тело так, как лечили бы простого смертного. Побудь рядовым пациентом, а не бессмертным Вороном. Не летай сутками, воюя с нечистью, не делай броски по 20 хааров с хромой ногой, выпишь как следует и забудь на время, что и кому ты должен.

— Меня все равно выбрасывает в Маар, когда идут атаки, — возразил я.

— Ну и пусть, — отмахнулся Даллах. — Сделал свое дело и иди домой, не пытайся там ничего изучать. Побудь человеком.

Побыть человеком...

— Даже не знаю, получится ли у меня, — вздохнул я.

На самом деле у меня отлично получилось. Окна моей палаты выходили в яблоневый сад и просыпаясь, я каждый день видел белые и розовые цветочные бутоны. Очаровательные лэйсе, айоры и нигийки приносили мне еду, лекарства, делали разнообразные массажи, от которых я вспоминал, что я не только человек, но еще и мужчина, услужливо провожали в лечебные бассейны и ванны, развлекая приятной беседой или чтением, пока я в них валялся. Мне хватило недели, чтобы от ранений остались лишь тонкие шрамы, и меня наконец перестало шатать при подъеме вверх по лестнице.

Целитель, занимавшийся моим лечением, предложил обсудить результаты, когда я, снова почувствовав себя живым и бодрым, засобирался на выход. Мы встретились в саду, под ветвями цветущих яблонь: я, Даллах, и кицу-целитель.

— Нам удалось установить, каким именно ядом вы были отравлены, — сказал немолодой хмурый кицу. — Результаты исследований нас... озадачили.

Даллах бросил на него вопросительный взгляд.

— Вещество, лежащее в его основе, довольно широко распространено среди Дзуликих. Это наша собственная разработка, весьма удачная, надо сказать, — продолжил он. — Мы его применяем, чтобы удерживать Дзуликого в человеческом облике. Существует целая группа заболеваний, связанных с физиологией Дзуликих, последствием которых является нарушение контроля внешнего облика. У многих Дзуликих с наступлением старости ухудшается контроль над человеческой ипостасью. Мышцы, отвечающие за трансформацию, дряхлеют, и Дзуликий не может завершить смену облика, чаще всего — при переходе из звериного в человеческий. Другой случай — это частый сброс человеческой и застревание в

звериной ипостаси, причина которому — старость. Случаются подобные нарушения и у детей. Дети быстро учатся удерживать человеческую ипостась, уже к семи годам они прекрасно контролируют себя, но есть и такие, у которых эта функция отстает в развитии. Наш препарат позволяет удерживать человеческий облик как пожилым Дзуликим, так и детям с нарушениями в развитии.

Даллах кивнул.

— Помню эти разработки, — подтвердил он.

— На базе того же самого вещества сделан мощнейший яд, полностью парализующий рецепторы, отвечающие за трансформацию. В месте проникновения он их отключает, вызывая паралич окрестных мышц.

— Есть предположения, кто его мог сконструировать?

— Мы могли, — серьезно ответил кицу-врач. — В первую очередь — мы сами, в анклавах Повелевающих жизнью. Эрлен — во вторую. Горностаи — они занимаются всем понемногу. Кроме того, я бы не стал сбрасывать со счетов Дом Кошки. Их исследования и разработки хоть и меньше по объемам, но весьма интересны и необычны.

— Ты там ничего плохого Лани не делал? — хихикнул Даллах, глядя на меня. — Я же знаю, она до сих пор к тебе бежит, когда ей хочется порыдать на чьей-нибудь широкой груди...

Я сделал вид, что намек меня не касается.

— Что можно сделать, чтобы избавиться от последствий? — спросил я.

— К сожалению, у меня нет ответа на ваш вопрос, — вздохнул кицу. — Препарат вызывает реактивный ответ мышц, отвечающих за трансформацию. Сигнал к смене облика поступает от мозга к мышцам, но мышцы не перестраиваются, потому что препарат блокирует рецепторы, имеющиеся у Дзуликих и управляющие перестройкой тела. Но у вас, у Вечных, другой механизм. У вас, собственно, этих рецепторов нет, потому что вы — люди, постоянные обликом. Трансформация у Вечных происходит за счет той силы, что в вас вселяется, это трансформация энергии в материю. Тот, кто сделал яд, пошел физиологическим путем, заблокировав прохождение нервных импульсов от мозга к мышцам, но по сути, ваша физиология нормальным законам не подчиняется.

Я ничего не понял, но сделал вид, что слежу за рассуждениями врача.

— Вас можно считать полностью здоровым с человеческой точки зрения, — закончил кицу. — Мне было любопытно наблюдать за такой стремительной регенерацией. Обычный человек бы, конечно, от таких ранений скончался. Это показывает нам, что симбиоз вечной сущности и человеческой не нарушен. Возможно, для решения проблемы следует... всего лишь немного подождать.

— Некогда мне ждать, — проворчал я. Даллах бросил на меня настороженный взгляд, но больше ни о чем спрашивать не стал.

Я о многом умолчал, несмотря на желание выговориться. Особенно про Сашу. Что-то удерживало меня от откровенности на эту тему, да и я сам еще не решил, как относиться к нарождающейся проблеме. Зло это или все-таки благо? Очень многое зависело от человека, а вот о том, какой он человек, надо расспросить Юлию, она знает его лучше всех в мире.

Когда кицу ушел, Даллах все еще задумчиво глядел на меня.

— Знаешь что? Позволь Ворону вырваться на свободу. Ипостась все равно сильнее человека, и если, как считает наш доктор, физиологически ты здоров, то надо всего лишь позволить Вечному Ворону взять верх.

— Может быть и надо, — проворчал я. — Но это как раз та часть дела, которую я люблю наименьше всего.

Следующие пару дней я бродил по Далерне и по лесу вокруг нее. Весна будоражила кровь и одновременно отбивала всякую охоту совершать подвиги. За эти дни я смог додуматься только до того, что больше совершенно не хочу быть Хэйгеном. Хотелось стать обратно Рессером Райзом, прожить нормальную человеческую жизнь, опять попробовать завести семью, вырастить детей, внуков, умереть, наконец, в своей постели или просто от старости. Обратного пути, к сожалению, не было.

Можно ли было им не стать, когда-то давно? Я помнил, как входил в силу...

Когда убили Анта, я был начальником одного из куполов Стражи в Тайреме. Для того, чтобы работать с Гранью, недостаточно дара ее видеть и чувствовать, желательно еще и образование иметь соответствующее. Дар у меня был, но образование и опыт работы по созданию порогов и шеадров всегда помогали мне больше, чем интуитивный и слабо развитый дар. Многие Стражи видели и контактировали с тканью Вуали гораздо лучше меня. Смерть действующего Ворона сразу же отразилась на состоянии Грани, как в Приграничье, так и, собственно, на внутренних границах между землями. У нас всегда были нестабильные участки с Основой, а в тот год положение стало просто катастрофическим. Нет, масштабные прорывы случались редко, но аномальные ситуации возникали с регулярной частотой. Со стороны Основы затягивало животных и погодные явления, особенно беспокоили природные катастрофы, которые каким-то странным образом перетекали на нашу территорию. Пожары в Южном Ферте, например, возникали словно бы ниоткуда, и наблюдающие Зеркала показывали, что они просачиваются со стороны Основы сквозь Грань с упавшими параметрами плотности. Бывало, транспорт Старой Земли каким-то образом заезжал на нашу территорию; особенно нас беспокоили крушения самолетов — один из них упал, например, в опасной близости от густонаселенного города Салезы, в Аскареме, и появления земных кораблей в Жемчужном море. Бывали и более сложные инциденты, с перемешиванием людей и с попаданием наших на территорию Основы. К сожалению, Двуликих часто не удавалось спасти, они с перепугу теряли человеческий облик, а люди их, тоже от испуга, уничтожали.

Изначально мой дар чувствовать и изменять Грань был очень скромным, и в Братстве Стражи я оказался по другому профессиональному направлению. Я учился на инженера пространства и занимался прокладкой внутренних путей и созданием шеадров, а потом работал в братстве Следопытов мастером Путей. До университета я пытался развить дар, недолго послужив в Гвардии Пауков, но высоко не поднялся: базовый джив был выражен слабо, ударный фэйр позволял мне работать с наблюдающими зеркалами, но не более того — аномалии Грани я не видел и не чувствовал, зато хорошая устойчивость к наэру помогала успешно работать на ликвидациих ЧП — я мог долго находиться в аномальных зонах без вреда для себя. Позже техническая сторона дела оказались мне ближе. В период отсутствия Хэйгена мое чувство Грани неожиданно и непредсказуемо усилилось. Я стал чувствовать аномалии и прорывы, точно устанавливая их места без наблюдающих зеркал. Наш купол сообщал Паукам о наличии проблемы еще до того, как у них начинала выть тревожная сигнализация. Харальд, тогдашний глава Гвардии Пауков, это быстро заметил и предложил мне перейти из Стражи в Гвардию, заняв место одного из его помощников. Я долго сомневался, все-таки Пауки — это немного не то направление, в котором мне хотелось бы двигаться. Гвардия занимается не только аномалиями пространства, но и обычной охраной

общественного порядка, от мелких краж до крупного криминала и усмирения межклановых войн; это большая структура, разветвленная, со множеством функций и строгой иерархией. Тем не менее, меня уговорили. Харальд-нигиец, которому на тот момент было почти 80 лет, пользовался в Элезии невероятным авторитетом и фактически тянул на себе руководство как братством Стражи, так и Пауками. Меня он заставлял вникать не только в проблемы всех куполов Стражи, всех рабочих групп мастеров Путей, но и всех территорий Элезии и в итоге так завалил работой, что я перестал ночевать дома. Он лично летал на каждый прорыв Анг Мирта, учил меня уничтожать нэргов и держаться в нестабильной зоне смещения пространств. С каждым разом мне это давалось все легче и легче. Кое-кто считал, что Харальд готовит из меня своего преемника, но фактически я на преемника не тянул, потому что два других его помощника были старше, опытнее меня и гораздо авторитетнее.

Самая опасная катастрофа произошла, как это ни странно, не на границе Основы и Элезии, а во внутренних землях. В Ар Иллиме оживился сейсмоактивный остров с долиной гейзеров и спящим вулканом. Повелевающие жизнью давно об этом предупреждали, на острове осталось очень мало жителей, но шеадр там все еще стоял, с двумя путями, один — на Далирию, центральный иллимский остров, второй — в Рузанну. Несколько раз поднимался вопрос о том, чтобы снять межземельный шеадари, ведущий в Рузанну, им почти не пользовались, но дело так и не довели до конца. Когда остров начало трясти, вулкан проснулся, шеадр сместился от подземных толчков, кристаллическую решетку перекосило, преломления расфокусировались и началось... Слетела Грань между Ар Иллимом и Ар Лессеном, в опасной близости от столицы, и поскольку подземные толчки продолжались, земли Ар Лессена стали входить в резонанс; в тех местах, где Грань стремительно разрушалась, дальние пригороды Рузанны начало заливать водой.

Собравшиеся на срочный совет представители Пауков, Стражей, Следопытов, Горностаев, Техноасов, Повелевающих не могли понять, что происходит и где источник проблемы. Я помалкивал, слушая, как горячо спорят люди, гораздо более опытные и авторитетные, чем я. И только когда все разошлись, я осмелился высказать собственную версию. На вопрос, почему я так уверен, я обоснованно ответить не смог, аргумент "я шкурой чувствую, что оно там" приводить не стал. Мастер Стражи меня высмеял, глава Следопытов уважительно выслушал и обещал послать специалистов проверить шеадр. Старый Харальд, задержав меня после совещания, переспросил: "Ты уверен?" Я кивнул. "Если снять решетку, Грань стабилизируется?" "В отсутствие Ворона — не сразу. Но должна. По крайней мере, резонанс должен уменьшиться", — ответил я. "Тогда не будем ждать, пока они раскачаются, — усмехнулся он. — Действуй".

До Далирии я добрался через шеадр, а дальше взял вимму. Я всегда предпочитал вимме крылья, летал давно и с удовольствием, но, долго сомневаясь, решил, что в сейсмоопасную зону на крыльях лучше не соваться — для ремонта шеадра их придется снять, и если что случится, я могу не успеть надеть их и взлететь. Шеадр находился на самом краю острова, на скалистом уступе в стороне от жилых мест. Вокруг него уже образовалась широкая полоса искаженного пространства, и подобраться к нему стоило мне немалых усилий. Решетка снималась туго, рамку действительно перекосило, пришлось помучиться. Когда я вылез из шеадра, остров основательно потрянуло, земля ушла у меня из-под ног, осыпаясь прямо на глазах. Вимма стала сползать вместе с куском суши в океан, а я, чувствуя, как просаживается подо мной берег, попытался ухватиться за камень и рванулся вверх. В этот момент меня накрыло невыносимой болью, слово с меня с живого содрали кожу и окунули сначала в

ледяную воду, а потом — в кипяток. Не знаю, что в тот момент случилось с сознанием, только потом, когда зрение прояснилось, я понял, что нахожусь где-то высоко над островом и вижу под собой океан. В ошалении я решил, что вимма мне привиделась и я прилетел сюда на крыльях. Описав круг над островом, я направился на Далирию. Лететь было как-то неудобно, зато я понял, что развиваю скорость гораздо большую, чем обычно. Отлетев на порядочное расстояние от острова, я опустил ниже, и на водной глади океана мне неожиданно бросилась в глаза моя тень... Тень ворона.

Сначала я решил, что она не моя, но надо мной никого не оказалось. Едва дотянув до ближайшего острова, я неловко шмякнулся на землю и при приземлении пережил все тот же болевой кошмар. Когда я пришел в себя, то не заметил никаких следов трансформации, кроме нещадно ломившей спины и плеч. Кое-как добравшись домой из шеадра в шеадр, я ничего не сказал Харальду. На следующий день катаклизм прекратился, Грань стабилизировалась в течение суток, которые я проспал, как убитый. Выслушав новости от недоумевающих коллег, я опять промолчал, но вечером решил поставить эксперимент.

Штаб Гвардии находился тогда в Западном Ферте, недалеко от Западной, самой главной башни Хэйгена. Уйдя на дальнюю опушку леса, я вскарабкался на небольшой валун и став так, чтобы лучи закатного солнца светили мне в спину, вспомнил тень ворона на водной глади океана. Глядя на свою тень, я попытался воспроизвести вот то самое ощущение парения и снова увидеть тень гигантской черной птицы, вырастающей из моей тени. Болевой шок повторился, но стократ слабее, а я уже более осознанно взмыл вверх, над лесом. Описав несколько кругов, я аккуратно приземлился на тот же валун и пошел домой, уже поверивший, но еще не понимающий, что мне теперь делать со своей жизнью.

Утром я безбожно проспал, а Харальд был не в духе и мне досталось, как говорится, за себя и за того парня. Раздраженный, я решил прогуляться до Западной башни и проверить, смогу ли я войти в нее. Большая квадратная башня из розового камня находилась в хааре от города и до сих пор никого к себе не подпускала.

Дорога к главному входу полностью заросла густой высокой травой. Пока я шел, неоднократно возникало желание взлететь и приземлиться на верхнюю площадку, но я знал, что часть пространства на опушке леса просматривается Зеркалами Стражи и решил раньше времени не привлекать внимания. Большая деревянная дверь открылась от легкого толчка, и я оказался в просторном и сумрачном холле, стены которого были увешаны старинным холодным оружием. До сих пор помню тот удивительный запах, что ударил мне в ноздри — запах пыли и металла, смешавшийся с густым ароматом цветущих лугов. Я медленно поднялся на самый верх, заглядывая на каждый из пяти этажей. Меня очень впечатлило, что комнаты казались абсолютно нетронутыми, живыми, словно предыдущий владелец вышел отсюда не два года, а две минуты назад.

Мне хотелось на верхнюю площадку. Пройдя кабинет, по узкой винтовой лестнице я выбрался на крышу, защищенную прямоугольными зубцами, на которых высились гигантские каменные изваяния воронов в разных позах. Стоило мне ступить на ее, и трансформация началась самопроизвольно, но вверх я не взмыл — так и остался стоять в птичьем теле посреди площадки. Ходить в теле ипостаси оказалось весьма неудобно... я представил, что я уменьшаюсь до размеров обычной птицы и вылетел обратно в кабинет, отыскал там зеркало, приземлился перед ним и долго разглядывал свой новый облик.

Примириться с ним оказалось чертовски трудно. Через какое-то время мне надоело бояться, смущаться, сомневаться — что-то чужое, властное и странное подтолкнуло меня

вернуться обратно на верхнюю площадку башни, стремительно взмыть вверх и расти, расти, пока я не понял, что все — больше не могу, предел — и ринуться в длительный полет над пространством моей земли. Я вернулся только на следующий день, приземлился на верхнюю площадку башни, спустился в кабинет Анта, чувствуя себя более уверенно и еще более странно, чем раньше. Сила kloкотала во мне, но я не понимал, на что я могу ее направить. Харальд пришел через полчаса, и первое, что он сделал, это отыскал среди книг на полках толстый фолиант, переплетенный в очень древнюю на вид кожу.

— Ты можешь спросить меня, о чем угодно, — сказал он, видя, как загорелись мои глаза, когда я открыл первую страницу. — Я неплохо знал Анта Хэйгена, хотя мы чаще были противниками, чем союзниками. Но про вороново житье-бытье я знаю много. Очень много...

На обратном пути в Далерну мне попалась очаровательная лэйсе — рыженькая, зеленоглазая, совсем молоденькая... Тоненькая и фигуристая, с обычным для этой расы острым носиком и чуть вытянутыми ушками. Запах ее начал кружить мне голову еще до того, как я ее увидел. Вообще-то, мне-человеку постоянные обликом всегда нравились больше Дзуликих, но у зверя во мне были несколько иные предпочтения. Воля Вечного позволяла мне переподчинить себе любого Дзуликого, я запросто изгонял хозяина из его или ее сознания и в принципе мог делать с таким Дзуликом все, что мне захочется.

Эту способность я обнаружил почти сразу же после первого принятия ипостаси и какое-то время ее испытывал. Тогда я много что попробовал... Все было вновинку — странно, дико и восхитительно. К одному сразу же привык и стал принимать как должное, но кое с чем быстро завязал, особенно с переподчинением Дзуликих, воочию увидев, как складывались судьбы моих невольных жертв. Своим вмешательством мы, Вечные, ломаем им психику, приводя к гибели. К сожалению, на моей совести были и такие поступки.

Но эта лэйсе сводила меня с ума — запахом, свежестью, хитрой улыбкой, обманчивой хрупкостью... Мне ведь даже согласие ее не нужно... просто взгляд, глубокий взгляд в душу и обрыв связи с хозяином. И все — она моя. Да в общем-то, даже связь рвать не нужно, достаточно слегка надавить. Можно, наверно, даже без этого обойтись, если включить простое человеческое обаяние, но тогда потребуется некоторое время, а ждать я был совершенно не готов.

Какое-то время я шел следом за ней, потом догнал, остановил и быстро заглянул в глаза. Мы заговорили. Я чувствовал, что нравлюсь ей, и что мне достаточно немного подтолкнуть ее, лишь слегка подавив волю.

Даллах поселил меня на первом этаже одного из своих домов-террас на холме, выходящих на юго-восточные склоны Фераннона, отдав мне целое крыло. Солнце уже почти село, и на просторной деревянной террасе, ведущей внутрь моих покоев, никого не было.

Я был голоден, как никогда, а она податлива и уступчива. Желание делало меня совершенно безумным, и когда она "поплыла", на пике наслаждения теряя человеческую форму, я в тот же самый момент неожиданно почувствовал, что и сам начинаю "плыть"...

Ворон вырвался на свободу почти сразу же. Надеюсь, что я не сильно напугал бедную лэйсе.

Боль при трансформации была страшная, особенно после экстаза-то. Плохо понимая, что творю, я ринулся в окно почти инстинктивно, зная на собственном печальном опыте, что дикая птица в момент роста может разрушить жилище. Вырвавшись на волю, поначалу я

даже не понял, что лечу, наконец-то лечу, заметил только, что мир стремительно уменьшается, и внезапно нахлынувшее невероятное упоение полетом полностью захлестнуло каждую клеточку тела. Ветер, ночные запахи, звезды в небе, небо черное, прохладное, огоньки внизу...

Огромный черный ворон с синими кончиками крыльев несся над своей землей. Он вырос до гигантских размеров, наращивая размах крыльев и поднимаясь в самую высь, туда, к редким в эту прохладную весеннюю ночь облакам. Он чувствовал свою землю, как себя самого, и чем выше он поднимался, тем глубже и отчетливее ощущал не только Элезию — всю Ар Соль, все ее земли. Они лежали перед ним словно ячейки — соты, и он вдруг понял, что может, если захочет, одним скачком проникнуть в любую из них. Он взметнулся еще выше и ринулся вниз, сквозь Грань, отделявшую Элезию от других земель, в теплый и цветущий, бурлящий жизнью Ар Лессен. Покружив над яркими огнями Рузанны, он взмыл ввысь и снова ринулся сквозь Грань, в жаркую и душную, непроницаемо черную ночь над уже засыпающим Самандангом, столицей Ар Шамала. Тут его обуял голод — жажда крови, невыносимая и незнакомая человеку. Хищная птица кружила над степями и пустынями, полными оазисов жизни. В одном из них птица углядела добычу — несколько ярких, сочных огоньков, переливавшихся разными красками. Добыча не сопротивлялась — похоже, она была низкоразумной, даже не двуликой. Сильные, молодые существа, они пытались убежать, но ночной демон всегда был сильнее их. Насытившись, птица снова ринулась ввысь, и камнем упала в холодный, серый, притихший в самый тусклый час ночи Ар Ирнан. Покружив над ледяными пиками, свернув к покрытому густыми лесами южному, еще прохладному морю, птица уже на взлете прорвалась сквозь Грань в рассветное, теплое и гостеприимное океанское пространство. Над океаном вставало солнце. Ночной демон жадно погрузился в теплые синие воды, синие, как кончики его крыльев и как светящиеся синевой глаза. Тут он наконец уменьшился до средних размеров и просто плескался, ныряя и выныривая, выхватывая в воде большую жирную рыбу. Наконец, насытившись и накупавшись вволю, он снизился на один из райских иллирийских островов, на белый песок пустынного берега. Там, выше в скалах, было множество пещер — у одной из них он и приземлился. В сумрачном, сухом и теплом гроте он распластался и замер в неподвижности, погрузившись в глубокий сон.

Глава 36. Нагр

Перед вылетом Саша очень волновался. Они собирались в Ар Хойт, но в далекую и безжизненную северную часть, покрытую обледенелыми горными склонами. Шли на виммах через грузовой портал, двумя машинами, обычными гражданскими, чтобы не привлекать внимания — Кольер, Тэр, Аркен, Саша и еще двое из высшего руководства ордена. Саша удивлялся, зачем его, успешного, но не самого значительного из командиров гвардии ноа, взяли в это важнейшее для Ордена путешествие, и ему с трудом удавалось скрыть волнение и любопытство.

У подножия горного хребта лежало узкое скалистое плато. Слой снега был невелик из-за постоянных ветров. Тут Кольер и велел приземлиться. Они вышли, и дыхание сразу же перехватило от лютого холода. Скала перед ними оказалась ровной и гладкой, словно ее искусственно отшлифовали для посадки с воздуха. Кольер задумчиво обошел плато, постоял, глядя на белоснежный и ослепительный пейзаж: горные вершины простирались на много хааров во все стороны. Абсолютно безлюдное место.

— Отличное место для тайного хранилища, — восхищенно выдохнул Тэр.

— Не такое уж оно и тайное, — возразил Кольер. — Если пройти вон по той тропинке, — он махнул рукой влево, где по краю плато за небольшим выступом обнаруживалась широкая дорога, — есть шеадр. С двумя шеадари. Один из Наган-Карха, другой — из Ар Шамалея, из бывшей столичной резиденции Нагов. Только решетку с ариадами сняли, когда закрывали Нагр. Теперь его нужно восстановить. Попросим Коллегиум изысканий.

— Они не пойдут на это, — возразил Аркен

— Горностаи? — усмехнулся Кольер. — Эти за деньги все что хочешь тебе поставят.

Саша приблизился к скале. Если присматриваться, то становились заметны контуры арки высотой в два человеческих роста. Кольер подошел вплотную и рукой в перчатке принялся счищать снег с бугров, и тут стало ясно, что поверхность внутри арки — металлическая, покрытая сложным геометрическим узором.

В самом центре обнаружилось небольшое углубление. Он достал два одинаковых продолговатых кулона, нажал на едва заметную кнопку сбоку, они оба распались, превратившись в половинки-головоломки, и затем сложились в единую пластину с мелкими зубчиками.

За века щель для ключа забила грязью, и потребовалось немало усилий, чтобы все вычистить. В конце концов Кольер велел Саше принести бытовой огнемёт, который предусмотрительно взял с собой, и выжег остатки грязи.

Ключ легко вошел в щель, оставив небольшое углубление. Активатор, небольшая палочка с тонким алмазным наконечником, легко вошла в углубление. Старый наг некоторое время стоял неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то, а потом стал медленно и осторожно поворачивать его по часовой стрелке.

По контуру арки отчетливо проступила дверь, с которой сыпался снег и многовековая грязь. Выждав пару минут, Кольер с силой надавил на нее. Поначалу она не поддавалась, но когда Саша и Тэр подошли помочь, дверь с протяжным скрипом поехала вглубь, открывая их взглядам темный симметричный провал. Когда по бокам провала появились пустоты, Кольер велел остановиться и вытащил ключ из замочной скважины.

— Есть еще вторая, открывается так же, ключом и активатором, но она уже с ручкой, — пояснил он.

Вторая, вполне обычная дверь с большой металлической дугообразной ручкой, сдвинулась легко.

— Я схожу за аэрами, — сказал Аркен с волнением и махнул рукой остальным, призывая помочь.

В полной темноте Саша и Кольер осторожно зашли внутрь. Когда вернулся Аркен и осветил пространство, оказалось, что ничего интересного тут нет: вглубь вел обычный коридор в скале. Саша выругал себя за глупые фантазии, подобранные в фантастических фильмах своей родины, и двинулся следом за Кольером.

Там, дальше, обнаружались традиционные рабочие помещения нагов. Ничего особенного. Ровные, гладкие стены, выкрашенные приятной для глаза серой и зеленой краской, расположенные в ряд кабинеты с рассыпающимися в пыль столами и стульями. Множество просторных и маленьких залов с тренировочными манекенами, стендами для стрельбы, полосами препятствий, огромные, хорошо защищенные площади, явно предназначенные для испытания чего-то взрывоопасного. Потом Кольер повел их по широкой, с каменными точеными балясинами лестнице. Аэры выхватывали богато украшенные резьбой стены. Очутившись наверху, они обнаружили, что тут есть окна — множество узких щелей-бойниц, в большинстве из которых сохранились стекла. Тут и мебель была другой — Саша неожиданно увидел в одном из залов каменный стол из кристально-прозрачного с синими прожилками камня, точно такой же, как у Ширин, но другой формы — в виде идеального шестигранника. В кабинетах лежало множество книг, часть из которых полностью сгнила, а часть, из той же самой белоснежной, тонкой и прочной бумаги, осталась цела. Кольер снова потащил их наверх по узкой винтовой лестнице, которая привела их в просторное помещение-кабинет, в центре которого стоял еще один огромный кристально-прозрачный стол. Окна тут были большие, отчего кабинет оказался неожиданно светлым. Стол, опрокинутые стулья, книги на стеллажах, посуда в шкафу... Все словно бы замершее, нетронутое, с небольшим налетом пыли. Одно из окон до самого пола открывало потрясающий вид на ледяную долину. Саша, обнаружив ручку, повернул ее и неожиданно окно-дверь подалась, выпустив его на овальное, занесенное снегом плато.

Тэр с Аркемом в немом изумлении замерли на пороге.

— Это же...

— Рабочий кабинет Нигейра, да, — спокойно бросил Кольер. — На самом деле здесь много полезных и удобных помещений, даже гостиница где-то есть. Работы тут непочатый край, за год не переделать, — вздохнул он. — Надо хотя бы план составить, потому что я, пока шел, понял, что ничего уже не помню.

— А где само оружие? — ошарашено спросил Тэр

— На втором уровне, мы его прошли мимо, — ответил старый наг. — Там только стеллажи и ящики. Много в сейфах, но они закрываются обычными ручками — тут никто ничего друг от друга не прятал. Кое-что может быть в тренировочных залах и кабинетах, но все самое ценное — на втором уровне, — обойдя комнату, Кольер взял с полки что-то блестящее и длинное. — Ну-ка, примерь, — и он кинул это Саше.

Это оказалась перчатка, очень похожая на ту, что уже была на его правой руке. Такая же блестящая сморщенная тряпочка, но указательный палец на ней был сильно длиннее

остальных и заканчивался острым навершием в виде выточенного из алмаза когтя. Саша надел ее на левую руку, но перчатка сидела неудобно, так, словно он перепутал руки. Тогда он решил поменять их местами, надев перчатку с алмазом на правую руку, а с когтем — на левую. Поначалу правая перчатка показалась ему чужеродной — она не торопилась сливаться с рукой, как та, первая, но пока он настороженно смотрел на нее, она потеплела, потекла по пальцам и обволокла кисть словно вторая кожа. Сантиметр за сантиметром она ползла вверх по запястью, кончики пальцев удлинились, а указательный, с алмазным лезвием на конце, и вовсе вырос до размеров полноценного клинка, похожего на короткий кинжал.

Как замороженный, он смотрел на свои обтянутые удивительным оружием руки. Именно про эту, вторую половинку, говорила Ширин? Тогда он последовал ее совету и не стал спрашивать Кольера о парной перчатке, но теперь, наверное, можно...

Он взмахнул правой рукой, пытаясь понять, как этим странным оружием можно работать, но вдруг понял, что с руками что-то происходит. Опять накатила сильная боль в позвоночнике, такая, что на глаза навернулись слезы. Ему хотелось кричать, но он стыдился перед ними... Его зашатало, помещение поплыло перед глазами, ему показалось, что у него нет ног, нет рук, а туловище разрывается, растягивается во что-то невообразимое... Вспомнив совет синеглазого элеза в Белом овраге, и чувствуя, что задыхается, он рывком выбросился на площадку за окном. Краем глаза он заметил, что Кольер не только спокойно стоит и смотрит, но и удерживает Тэра от попытки броситься за Сашей.

Тем временем боль стала совершенно невыносимой, и он закричал, полностью теряя контроль над собой, и чтобы прекратить эту адскую пытку, бросился с плато вниз, на скалы, в спасительный снег...

Скалы промелькнули очень быстро, буквально слева от него, и он вдруг понял, что не упал. Более того, что боли он больше не испытывает. Он осознал, что летит. Осторожно повернув голову, он обнаружил, что вместо рук у него зеленовато-золотистые мелкочешуйчатые крылья, чем-то похожие на кожу малой перчатки. То, что было ниже, оказалось длинным чешуйчатым змеевидым туловищем, ниже на корпусе которого обнаружились четырехпалые лапы, довольно большие и мощные. Я — не человек? Что со мной случилось, где мое тело... паника захлестнула его и он вдруг испугался, что потеряет контроль над полетом, собственно вообще не умея летать самостоятельно, да еще в таком странном состоянии. Он неловко изогнулся, развернулся и, нелепо и суетливо дергая крыльями, поднялся вверх, к карнизу, с которого бросился несколько минут назад.

Кольер стоял в дверном проеме, терпеливо ожидая его возвращения.

— Осторожно, — сказал он, когда Саша почти упал на каменный балкон. — Отойди подальше от края и вспомни себя таким, каким ты был до этого. Руки-ноги свои вспомни, — хладнокровно посоветовал он.

Саша попытался подтянуть крылья к туловищу и снова ощутил уже знакомую острую боль в позвоночнике. Сознание выключилось, а когда он пришел в себя, Кольер сразу же вздернул его на ноги.

— Все, на сегодня хватит. Пошли.

Но Саша не мог. Его трясло от холода и страха, но мучительнее всего было острое непонимание происходящего. Он обернулся назад, на горы, и неожиданно увидел, как словно бы ниоткуда, прямо из небесной синевы, вынырнула огромная черная птица размером в полнеба. Ворон несся прямо на него с такой стремительностью, что Саша

отпрынул назад, желая побыстрее заскочить внутрь, но птица неожиданно заложила вираж перед карнизом, не долетев до него всего ничего, и стремительно ринулась вверх. Саша как замороженный наблюдал, как он заходит на второй круг и... внезапно позавидовал его совершенному умению держаться в воздухе.

— Как же, убьешь его, — буркнул Кольер, и в голосе наставника Саша неожиданно услышал облегчение со скупыми нотками радости.

— Он... видел, как я... превратился в... это? — спросил Саша, дрожа от охватившего его мучительного холода и усталости.

— Да, скорее всего. Или почувствовал, — ответил Кольер. — Давай-ка уходить. Я не уверен, что он сейчас безопасен. Вороны никогда не отличались особой вспыльчивостью, но если их очень сильно разозлить, то...

— То что? — спросил Саша

— Лучше не злить, — усмехнулся старый наг. — Уходим.

Огромная черная птица кружила над сумрачными южным полесьем Ар Ирнана, выслеживая добычу. Птице было хорошо — она была сыта, сильна, довольна и не чувствовала ни преград, ни опасности. Где-то глубоко пряталась частица человеческой души, слабая частица, испугавшаяся зверя, не желавшая ни повелевать, ни покориться. Птица наслаждалась теплой, сытной плотью и частица человека в ней вынужденно делила с ней этот экстаз. Однажды, в одну из теплых ночей в полете над иллимскими островами, ворон почувствовал рвущуюся грань и отчаянный крик другой птицы — зеленоглазой сущности, бывшего божества, заключенного в плену Маара. Взмыв ввысь, он легко прорезал Грань и мгновенно очутился в том месте, где опять из рассеянного ножом пространства ползли нелепые сгустки некроза. Он решил не снижаться, он и так хорошо знал, что там происходит. Люди уничтожали нэргов, сбивали воздушные машины, и когда бесформенные куски плоти были уничтожены, он сделал петлю над разрывом, стремительно сращивая прореху. Описав еще один круг над полем боя и убедившись, что ни одна тварь не ушла живьем, он взметнулся в небо и направился вдоль Фераннонского хребта посмотреть на свою землю. О да, это была его земля, он чувствовал каждую ее клеточку, каждое живое существо в этом мире принадлежало ему. Он был сыт и охотиться больше не хотел. Накупавшись вдоволь в ледяной воде у северного берега, он опустил на одном из любимых островов, чтобы погрузиться в глубокий, но чуткий сон.

Что-то чуждое разбудило его днем, какой-то толчок, пришедший извне. Он почувствовал странное возмущение во всех сферах бытия Ар Соль, словно волна прокатилась по мирам. Словно что-то новое и в то же время хорошо знакомое старое вошло в открывшуюся дверь... Он попытался понять, где это случилось. Ниточка потянула его в Ар Хойт. Он сорвался с места, покинув уютное лежбище на поросших мхом камнях, следуя по тонкой ниточке. Ниточек становилось все больше, они проникали в мир оттуда, из ледяного мира, они просачивались сквозь пространство нежными, едва заметными тоненькими щупальцами. Птица знала эти следы-ниточки, у нее были и свои, только ее нити были мощными, прочными, не нити, а яркие лучи. Стремительно прорезав Грань, он вынырнул над белыми шапками горных вершин. Там, внизу, находилась очень знакомая скала — скала силы. Древней могущественной силы, когда-то усыпленной людьми. Птица помнила ее, но страха перед ней не испытывала — при желании, она могла противостоять этой силе и разрушить скалу, вырасти до гигантских размеров и снести ее ураганным порывом ветра,

смерчем, тайфуном, заряженным силой подвластных ей стихий... Сейчас у нее не было на это причин — никто не угрожал действующему миропорядку, но когда-то... когда-то ей пришлось вмешаться вместе со всеми, чтобы остановить угрозу.

Что там внизу? Небольшой балкон-выступ на скале и чуть в стороне от него разворачивает бледно-золотые крылья старый знакомый. Длинное, покрытое мелкой чешуей тело, мощные перепончатые крылья, каждый сегмент которых заканчивался когтем, один из которых — алмаз, небольшая вытянутая и плоская голова со множеством тонких и острых шипов, такой же костяной гребень, тянувшийся от головы до самого хвоста, и два гребня поменьше, по бокам головы и на хвосте, который тоже заканчивался острым шипом-жалом. Лапы в нижней трети длинного гибкого змеиного тела были короткие, но мощные, они позволяли ему приземляться и устойчиво держаться на земле. Красивое и смертоносное существо...

Змей, выросший из молодого и неопытного человеческого тела, которое еще не умело ни управлять им, ни тем более летать, неловко сел на скальный карниз и трансформировался в человека, чуть не свалившись при этом в пропасть. Ворон стремительно снижался над выступом, чтобы увидеть и запомнить человека, и чтобы заставить его побыстрее уйти подальше от кромки. Нельзя, не умея летать, пробовать это в таких опасных местах, как горы Ар Хойта. Сделав еще один круг над скалой, ворон убедился, что человеческие существа спрятались в скалу и увели вместе с собой молодого Змея. Частица человека глубоко внутри ворона помнила его повседневный облик и очень беспокоилась. Что этот новый человек-носитель души и силы Змея принесет в миры Ар Соль — свою силу или свою слабость? Сейчас и не скажешь. Сейчас рано.

На всякий случай еще покружив над горой, птица уменьшилась до размеров обычного ворона и бесшумно приземлилась на скалы, недалеко от вимм, на которых прилетели юный Змей и его последователи. Пронаблюдав, как они уходят, и еще раз удостоверившись, что вот от этого высокого светловолосого парня тянутся тонкие светящиеся ниточки, уходящие в Маар, он вырос обратно и ринулся вверх, стремясь вернуться домой, к себе в Элезию. Встреча со старым знакомцем всколыхнула в нем древнюю память, память о чем-то далеком и приятном. И он опять был голоден.

Родное побережье встретило его теплым влажным ветром и чуть пасмурным, хмурым небом, готовым разразиться грозой. Описав несколько кругов над морем, он снизился над лесистой высокой полосой побережья и принялся высматривать легкую добычу. Охотиться не хотелось, хотелось быстро насытиться и залечь на камни, продолжая прерванный сон. В поле зрения быстро попала одинокая фигурка с очень яркой, солнечной, горячей искрой жизни — не только сытная пища для тела, но и бесценная энергия для бессмертного духа. Хищная птица рванулась вверх, раскинув крылья, и, уйдя подальше над морем, принялась кружить над добычей. Обычно добыча убегала, но эта почему-то замерла в неподвижности, подняв голову и глядя прямо на нее, словно и не боялась хищника. Частица человека судорожно билась где-то в сознании птицы, пытаясь вырваться на свободу, но птица не обращала на нее внимание. Человек слаб. Никто не отнимет у нее добычу, ее жертву, ее пищу...

Описав еще один круг, голодное и вечное существо пронеслось совсем низко над жертвой, разгоняя ее и ожидая сладостной погони, запаха страха, запаха покорности, запаха повиновения неизбежному. Но запаха не было. Добыча не боялась и не хотела бежать. Страх, поначалу затопивший ее, сменился вспышкой гнева, а затем и ненависти. Жертва не желала

быть жертвой... Жертва кинула в него бульжник, затем — другой. Бульжник — в него? В Вечного Ворона? Камни не долетали, но ненависть — ненависть больно ударила птицу в грудь и хищный ворон вздрогнул от этого удара, растерявшись и ненадолго утратив чувство внутреннего покоя. Этого оказалось достаточно, чтобы частица человека мощно и властно прорвалась в сознание. Птица попыталась задавить ее, но воля человеческого разума оказалась неожиданно сильной. Жесткой, железной, непреклонной. Требование подчиниться причиняло вечному существу боль, зажав его, словно клещами. Птица снова взмыла вверх и попыталась вырваться из-под контроля, но хватка человеческого приказа стала теперь алмазно-твердой и такой же режущей острой, как алмазный клинок. Любая тварь, даже хищная, испокон веков привыкла покоряться тому, кто сильнее, и не было в старых и новых мирах твари сильнее, чем человек. Она не выдержала схватки, отдав контроль над телом, силами и стихиями разуму, покоряясь и признавая его хозяином. Теперь они поменялись местами — тварь съежилась до размеров молчаливой точки в сознании, уступив место человеку.

Глава 37. О божественном и земном

Оказалось, что Альбре — небольшой городок в Северном Тайреме на побережье океана — главный очаг домена нынешнего Хэйгена-Ворона, Хэйгена Рессера. Юлька уже несколько раз видела его издалека, кружащего над водной гладью. Зрелище оказалось жутковато-завораживающее. Изображений Ворона в округе было великое множество: картинки реющей над башней или над океаном птицы, фигурки на дорогах в виде путевых столбов, флюгеры, скульптуры на площадях или небольшие барельефы на стенах домов. В местном храме на центральной площади Юлька обнаружила много искусных скульптур. Храм ей понравился — там было просторно, солнечно и всегда оживленно. Время от времени она заходила поглазеть на фигурки и на народ, а по выходным — еще и послушать хоралы.

На следующий день после встречи с Шандром ее переселили в город и приставили к ней помощницу, девушку-ровесницу, студентку с факультета изучения Старой Земли.

Девушку звали Гвенда. Типичная элесианка, светло-русая, сероглазая, курносая, полненькая и жизнерадостная, она мечтала стать разведчиком Основы, специализировалась на европейских странах и очень хорошо говорила на нескольких европейских языках. Она оказалась невероятно деятельной и энергичной; взяв Юльку под покровительство, она принялась таскать ее с собой везде, где могла. Она сразу же привела ее в свою студенческую компанию, по возрасту не сильно моложе Юльки — здесь было принято выбирать университет, уже получив некоторый жизненный опыт, предварительно поработав определившись с полем деятельности. Впервые за все время, проведенное в Солнечных землях, Юльке было весело и интересно. У нее сразу же образовался поклонник: молодой человек с факультета всеобщей истории земель, ирнанец с красивым мифологическим именем Роланд, но Гвенда насмешливо звала его Ролли. Юльке он нравился. Чем-то он напоминал ей Сашу. После пристального самокопания она пришла к выводу, что скорее всего — экстерьером. Хотя... имелось и более глубокое, характерное сходство. Ролли был такой же правильный, как и Саша, такой же организованный, дисциплинированный и деловой. И что немаловажно, он тоже был Крылатым и прекрасно летал. Узнав, что и у Юльки есть крылья, он чуть ли не ежедневно стал приглашать ее на воздушные свидания-прогулки, от которых та получала невероятное удовольствие. Она надеялась как-нибудь слетать вместе с ним на островные форты, расположенные вдоль побережья океана и хорошо заметные с берега. Она уже почти подбила Ролли на эту авантюру, когда однажды обмолвилась об этом Шандру. Сделав очень строгое лицо, он запретил им обоим туда соваться. А потом неожиданно предложил отвезти ее туда сам, на вимме, но в подходящее время. От ответа на прямой вопрос, почему нынешнее время — неподходящее, он ушел, сославшись на то, что Юльке незнакомы здешние непредсказуемые воздушные течения.

Гвенда таскала ее не только по Альбре и по всему университетскому кампусу, но и по ближайшим городам северного Тайрема. Городки Юльку очаровывали: простор, каменные и деревянные домики разных эпох, много зелени и цветов, удивительный симбиоз человеческих и Двуликих рас. Еще она таскала Юльку по магазинам и тусовкам, изрядно обогатив ее скудный гардероб и приведя его в соответствие с местной модой.

Почти сразу же ей дали пропуск в университет, который позволял ей посещать любые лекции в качестве вольного слушателя. Вместе с Гвендой она с удовольствием сидела на лекциях по элесианской литературе, она даже набрала книг в библиотеке и ускоренно читала

все, о чем рассказывали на занятиях, а потом пересказывала Гвенде, которой предстояло сдавать по ним экзамен. Ролли тоже заманил ее на свои лекции, но семестр заканчивался, и многое осталось ей непонятным. Как-то раз она попала на одну из последних лекций курса мифологии земель, и посвящалась она правде и домыслам о Вечных.

Курс читал пожилой профессор-локки, язвительный и хлесткий, но при этом невероятно обаятельный, и Юлька пожалела, что не попала к нему раньше. За тысячелетия существования миров Ар Соль мифов и легенд о Вечных накопилось невероятное множество, описывающих их текстов разной степени художественности — и того больше. Многие их герои реально существовали в истории и оставили в ней важный след, но и в эпической, и в художественной литературе правда причудливо переплеталась с вымыслом. Вечные были частью и реальной истории, и мифологической, и фигурировали как в литературе, так и в поэзии, но их реальные особенности изучались только студентами школ элементаров Эгрех и Джмар. Ролли, зная Юлькино подозрительно-недоверчивое отношение к существованию этих двуликих полубогов-полулюдей, легко убедил Юльку присоединиться к нему.

— До раскола на единой Земле обитало множество разнообразных божественных существ, населявших Основу народов и привязанных к тем или иным религиям. На сегодня трудно доказать, в каком облике и как именно они были воплощены. Анализ легенд Старой Земли показывает, что скорее всего они обитали отдельно от людей в некоей иной реальности. Возможно — в Мааре. По свидетельству адептов школы Джмар, в Мааре имеются следы материальной культуры некогда обитавших там разумных существ: останки строений и предметов неизвестного назначения. Законы физики, как вы уже знаете, в Мааре другие, обычные телесные существа могут находиться там только в неживом состоянии — в состоянии Некроса, не-жизни. Маар доступен только энергетической части разумных существ, причем далеко не каждому. До раскола земель божественные существа имели возможность вселяться в людей и тоже выбирали себе носителей — аватаров, но их век ограничивался веком носителя, и они не могли передавать часть своей силы людям или продлить им жизнь. После раскола земель часть вечных существ осталась на Старой Земле, но постепенно они покинули ее все до единого. Достаточно долго удерживались трое, но и они за последние две тысячи лет с Основы исчезли. Причины, к сожалению, нам неизвестны.

— Любопытно, кого он имеет в виду, — шепнула Юлька Ролли. — Ну, Христос, наверное, потом, пожалуй, исламский бог... кто еще?

— Исламский бог — это пророк, а не божественная сущность, — поправил ее Ролли, и Юлька смутилась своего невежества, неожиданно сообразив, что он разбирается в теологических вопросах лучше нее. — Вряд ли о нем речь.

— Те Вечные, что существуют сегодня, возникли после Раскола. Всего их 13 — 12 двуликих существ, имеющих звериный облик, и одна — с неизменным обликом. По древним текстам установлено, что еще около трех тысяч лет назад божеств было больше, но часть из них исчезла, возможно, с ослаблением веры и востребованности у верующих. Есть и другая версия: они могли сами уничтожать друг друга, борясь за влияние, поглощая сходные функции и могущество в процессе слияния и укрупняя подконтрольные им сферы.

Вечный — это сочетание сил и стихий, воплощенное в человеческом теле и в уникальном тварном облике. Для их описания школы стихий используют все те же профили — базовая сила, ударная стихия, сфера устойчивости, сфера уязвимости. Кто заинтересуется,

может ознакомиться с подробностями в учебнике теории сил и стихий третьего курса для элементаров. Каждый Вечный имеет свою максимально проявленную ударную силу. Пример: Даллах Зубр может устроить землетрясение, Хэйген Ворон — смерч, Нигейр — Аспид — пожар, Эрлен-Рысь — бунт Двумликих, Гевор-Пардус — мощный взрыв, ну и так далее.

Вечных условно делят на "мозги" и "мышцы", причем не всегда очевидно, кто есть кто. Обычно речь идет о разных сторонах одной и той же сферы приложения сил. Например, в паре Вагабр — Олень и Даллах Зубр, "мозги" — это Зубр, а Вагабр — "мышцы". Физически они равны, при этом все, что связано с развитием биосферы, зависит от Зубра, а управление разумными возложено на Оленя-Вагабра. В паре Эрлен-Рысь и Гевор-Леопард "мозги" — это Гевор, а "мышцы"- Эрлен, несмотря на то, что она телесно меньше. В паре Нигейр-Аспид и Хэйген-Ворон, (экспансия и защита, как вы понимаете), интеллектуальная сторона — это Ворон, несмотря на его значительную корпулентность, а Нигейр, несмотря на многовековые импровизации на оружейную тематику и ряд научных открытий в сфере биоконструирования, это грубая физическая сила, причем зачастую слепая и плохо контролируемая.

— А правда, что Эрлен... хм.... любит соблазнять? — шепотом спросил Ролли. — Ты ведь ее видела, правда?

— Любит, — кивнула Юлька, вспомнив вечер в Рамьене, когда они гуляли с Сашей. — Кстати, она очень красивая женщина, даже если бы Рысью не была, все равно соблазнила бы. Тебя так точно.

Ролли нахмурился, но глупых вопросов больше не задавал.

— Все Вечные — хищники, — продолжал профессор. — Считается, что именно каннибализм дает им возможность разделять свои силы с обычным смертным носителем и продлевает жизнь. Считается, что божество при этом поглощает все виды энергии поглощаемой им сущности, то есть, по сути это и вампиризм. Делать это Вечный может только в облике ипостаси. Охотятся все, даже те, кто кажется небольшим и безопасным. Реваль-Саламандра, например, несмотря на скромные исходные габариты, может увеличиваться до весьма значительных размеров, нападать из засады и умерщвлять тяжестью или ударом хвоста. Внешне безобидная Лануэль Кошка имеет на самом деле две ипостаси, белую и черную. Черную редко видят, она больше похожа на пантеру и весьма агрессивна. Индекс корпулентности в таких случаях малозначителен, многие "малые" Вечные убивают хитростью. Любопытно, что даже искусственно созданный Кинэн имеет оружие против жертв — он убивает страхом, наводя на жертву морок. Феникс-Альсар убивает красотой и экстазом — он очень привлекателен и способен очаровывать жертв, вступая с ними в интимную связь и убивая в процессе совокупления. Почти всегда это происходит по их доброй воле, они умирают в его объятиях, но умирают счастливыми, — тут локки усмехнулся. — Наименее выраженную хищную агрессивность проявляет, как это ни странно, Ширин, которую ошибочно именуют смертью. Редкие эпизоды охоты на низкоразумных или лишенных разума существ подлунного Шеннон Ара полностью поддерживают ее вечные силы.

— Все равно она жуткая, — пробормотал Ролли. — Смерть — она и есть смерть. Ты же ее видела, кажется?

— Ты точно ничего не понимаешь в женщинах, — вздохнула Юлька с ехидно-трагичным выражением.

— Как вы должны уже понять сами, охота Вечных в обществе Ар Соль — тема табуированная. В исторических трудах вы не встретите упоминаний об этой стороне их бытия, что же касается эпической и романтической литературы, — профессор усмехнулся, — тут все поставлено с ног на голову: хищные стремления Вечных облагораживаются и находят оправдание через страстную любовь, предательство, личную месть — используется вся гамма романтических сюжетов.

— Вот чего я терпеть не могу, так это эпосы, — пробурчал Ролли. — Экзамен еще по этой фигне сдавать. Ты видела наш список для чтения? Вот тоска...

— Давай я прочту и тебе перескажу, — шепнула Юлька. — Мне эпосы нравятся. Чудно так, словно сказки читаешь.

— Давай, — согласился он радостно.

— Считается, что человеческая часть Вечного психически слабее тварной и контролировать ее не может. Однако существует немало исторических примеров, демонстрирующих высокий уровень контроля носителями своей стихийной силы. К сожалению, это больше относится к Вечным с малой телесностью. Чаще Вечные с выраженной корпулентностью и стихийностью плохо поддаются контролю человеческим разумом. Яркий пример — предыдущий носитель ипостаси Ворона Ант Хэйген, о котором до их пор ходят жутковатые легенды. Охота предыдущего Ворона принимала подчас угрожающие масштабы, так же, как и его агрессивная сексуальность и необоснованная жестокость. Это, кстати, тоже интересная тема для исследования. Кое-кто из Вечных способен в тварном состоянии продолжить род — те же Вагабр, Даллах, Эрлен, Лануэль и Гевор.

— Господи, какая гадость, — содрогнулась Юлька.

— Почему? — теперь пришел черед Ролли над ней подтрунивать. — Ассары с постоянным обликом и Дзуликие вполне себе сексуально совместимы, у них только потомства совместного не бывает.

— Не забывай, у нас вообще нет Дзуликих, а подобное называется... кх... зоофилией и считается извращением, — прокомментировала Юлька злорадно, а Ролли неожиданно покраснел и отвернулся.

— Поведение корпулентных и некорпулентных Вечных существенно отличается, особенно в плане продолжения рода. Большинство корпулентных сексуально активны, над ними тяготеет выраженное стремление к продолжению рода, подогреваемое животным инстинктом ипостаси, которое не всегда контролируется человеческой частью. Некоторые из них достаточно агрессивны, некоторые могут оказывать мощнейшее психическое воздействие и способны полностью подавлять волю. Особенно осторожным следует быть с Вагабром-Оленем, Нигейром-Змеем и черной ипостасью Лануэль. Этой же способностью обладает Горностай-Кинэн в человеческом облике. Летучая мышь-Ширин и Филин-Наджар малоактивны, у остальных активность зависит от человеческой личности.

— Слушай, а у них есть дети? — спросила Юлька.

— У некоторых есть, — ответил Ролли.

— А они кто, Дзуликие?

— От матери зависит. Обычные разумные, живут обычной жизнью. Но семей они не создают. Или я ничего о них не слышал, — смутился он.

— Почему?

— Ну, так принято, — пояснил Ролли. — Может, им быстро надоедает один партнер.

Может, из-за долгой жизни они давно разучились любить.

— Почему-то я не удивлена, — буркнула Юлька. — Люди везде люди, даже если они не совсем люди.

— Домены и очаги Вечных связаны с реализацией их профиля силы. Пример — Гевор Пардус реализует идею контроля разума над биосферой с помощью технологических решений, создавая так называемую искусственную среду. У него два базовых домена, где эту идею легче всего реализовать: Ар Ирнан и Кэммон Ар богаты полезными ископаемыми, имеют обширные площади для строительства производств и для испытаний новых технологий. Ряд Вечных имеют более одного домена (например, те же Аспид, Рысь, Саламандра), но некоторые, несмотря на популярность во всех землях Ар Соль, имеют только один базовый домен, например, Даллах, Ширин и Ворон. Доменом Ворона фактически является вся Элезия, а башни-очаги на окраинных точках замыкают его в кольцо. Некоторые, такие как Альсар, Лануэль и Филин, вообще не имеют единого выраженного домена.

— Я бы хотел в Наган-Кархе побывать, — шепнул Ролли. — Везет тебе, ты там даже пожить успела. Жаль, туда с экскурсией не пускают, а то я бы съездил.

— Там скучно, — отозвалась Юлька. — Разочаруешься.

— Интересную проблему представляет собой отсутствие физического воплощения той или иной силы в реальном мире. Неизвестно, почему это происходит, но история знает периоды довольно длительных отсутствий тех или иных Вечных. Между смертью носителя и воплощением ипостаси в новом носителе проходит обычно от полугода до трех лет, многое зависит от личности новоизбранного носителя. Длительных перерывов не было только у двоих — у Оленя и у Ворона (управление и защита — это основа существования любой общности разумных, остальными при глубоком рассмотрении можно пренебречь). В настоящий момент длительно отсутствуют трое. Современная научная мысль считает, что это опасно для земель, поскольку порождает нестабильность. Кроме того, есть очень старые легенды о некоей сторонней разрушительной силе, которая при долгом отсутствии Вечного способна вырваться из Маара и занять пустующее место. Вопрос плохо изучен, подтверждения пока не находит, хотя именно на текущем периоде его можно было бы исследовать. Учитывая, что до раскола земель божественных сущностей было больше, есть гипотеза, что часть божеств по-прежнему обитает в Мааре и ищет возможность воплотиться. Например, популярны рассуждения, что Ширин-Смерть — не есть собственно смерть, (что, кстати, абсолютно верно), а настоящая "Смерть" заперта в Мааре и вполне способна найти выход в наши миры.

— Я кое-что читал на эту тему, — сказал Ролли. — И знаешь, некоторые соображения меня оченьстораживают...

Удар колокола возвестил конец занятия.

— Задание на дом, — повысил голос профессор, перекрывая оживленный шум. — Написать эссе, изложить свои мысли по возможным причинам невоплощения этих сущностей и последствиях для Ар Соль. Рассмотреть отсутствие всех трех сущностей, а не только — Нигейра в эссе у юношей, Элианны в эссе у девушек. Меня, кстати, больше всего будет интересовать Филин, имейте это в виду.

— А что, интересная тема, — завелся Ролли. — Я считаю, что....

Дальше Юлька его не особо слушала, потому что в аудиторию ворвалась Гвенда с очередным ворохом местных новостей.

Глава 38. Ворон

Юлька время от времени виделась с Шандром, который взял над гостьей Альбре настоящее шефство, искренне интересуясь, как у нее идут дела. Ей эти встречи нравились, интриговали и очень льстили. Последняя из них, например, вылилась в неожиданную прогулку по Элласару. Юлька не раз восхищалась столицей и жалела, что провела в ней совсем мало времени и почти ничего не увидела, и Шандр восполнил этот пробел, позвав ее однажды прогуляться по городу. Он оказался хорошим рассказчиком и приятным собеседником, разве что слишком, на ее вкус, серьезным. Она втайне любовалась его броской восточной внешностью, королевской осанкой и звериной пластичностью и собранностью движений, а в душе пугалась изысканности манер и некоторой витиеватости речи. Как он оказался здесь, этот странный человек, явно выросший в совсем иной, чем работяги-Стражи, Следопыты и Паучья Гвардия, среде? Впервые после Саши она задумалась о том, что в мире есть и другие мужчины...

Реакция Гвенды и ее компании доставляла Юльке отдельное удовольствие. Шандр был здесь легендой, героем Ар Элес, не менее знаменитым, чем Куллахар-Мститель, персонаж одного из самых известных героических эпосов Ар Соль, а его эффектная внешность в сочетании с двумя нигийскими саблями у пояса и ореолом легенд об Анг Мирте и вовсе делали его кумиром девушек и примером для подражания юношей Элезии. Юлька рассказала своим новым знакомым, как она видела Эрлен и Кольера, причем Эрлен — и в виде рыси, и в облике женщины, и они замучили ее сначала расспросами, потом — восторгами. По их просьбе ей пришлось несколько раз подробно описать и Рамьен, и Наган-Карх, и свое житие-бытие в Ар Хойте, и даже нападение нэргов, которое она до сих пор вспоминала с содроганием.

Если Гвенда завидовала, то Ролли скрипел зубами от ревности и все чаще и чаще приглашал ее то в кафе, то на прогулку, то полетать перед закатом, Постепенно Юлька перестала с тоской думать о сделанном ею выборе, к которому ее толкнуло желание остаться в одном мире с Сашей. Он остался здесь, решив стать частью миров Ар Соль — что ж, останется и она... Он нашел свое место — и для нее найдется свое, тут Рес прав, надо только поискать.

С каждым днем Альбре нравился ей все больше и больше. Город напоминал огромный университет, а жилые кварталы, утопавшие в зелени, делали его особенно уютным и теплым, несмотря на пронзительные океанические ветра. Штаб-квартира Гвардии Пауков и Северная Стража, где ее поначалу поселили в ожидании Шандра, находилась в некотором отдалении от города на высоком скалистом берегу, и в хааре от нее высилась Северная Башня, башня Ворона, массивное белокаменное строение круглой формы с зубчатой плоской крышей. Все вместе здания Стражи и Гвардии напоминали старинное замковое подворье — элегантное, со множеством декоративных башенок, каменных украшений, обилием цветных стекол и витражей, с разноцветной черепицей, образующей пестрые, броские узоры.

Теперь она жила в городе, в маленькой квартирке на южной окраине, в мансарде трехэтажного жилого дома с садом. Комната была всего одна, от кухни ее отгораживала полустена-полуарка, крохотные туалет и ванна занимали одно помещение, зато просторный балкон выходил на улицу и с него виднелись купола и изящные наблюдательные башни, оставшиеся с прошлых эпох. Нынче в них располагались университетские библиотеки и

местный городской шеадр, ночью подсвеченный розовыми огнями. Картина радовала глаз, и Юлька полюбила по вечерам пить чай на балконе, впадая в блаженную задумчивость от созерцания таких уютных картин благополучной городской жизни.

Виммы здесь летали исключительно закрытые и правила воздушного движения предписывали им держаться на большой высоте. Зато Крылатые, особенно студенты, часто безобразничали: им полагалось летать на уровне городских крыш, но если вблизи не было патрулей, они носились, как хотели. Бывали и воздушные происшествия, но больше по глупости и неосторожности: студентота, приняв лишнего на грудь, билась об стены и ломала руки-ноги при неудачном приземлении. Городской совет за этим строго следил, особенно ретивых штрафовали, но посадить на цепь молодежь было делом непродуктивным и бесполезным: сломанные руки-ноги учили аккуратности лучше штрафов, а Повелевающие жизнью успешно излечивали даже тяжелые травмы.

Сегодня у нее оказался полностью свободный день. У Гвенды приближалась сессия и она сдавала долги, Ролли отправили на три дня на практику куда-то на восток Элезии, и Юлька неожиданно оказалась предоставлена сама себе. Она давно собиралась побродить по побережью восточнее башни Ворона, которое оказалось чарующе живописным. Глубокий изумрудно-синий оттенок Ледяного моря, которое на самом деле не было ледяным, скорее прохладным, очаровывал и притягивал взгляд. Высокий обрывистый берег сплошь зарос лесом из узловатых кривеньких сосен с длинными и острыми, как свечи, шишками. Гулять там было одно удовольствие. Юлька уже как-то раз выбралась в те края на крыльях, полетала над лесом и над кромкой берега, но удалиться от береговой линии в сторону океана не осмелилась. Далекие скалы-острова, белые и пепельные, дразнили ее своей загадочностью. На некоторых высились круглые или шестиугольные каменные форты, напоминавшие сторожевые башни. Поговаривали, что они старше нынешней цивилизации, и что до раскола земель они были обитаемы. Юльке не терпелось туда попасть, и если бы не запрет Шандра, она бы давно подбила Ролли на какой-нибудь экзотичный пикничок на стенах одного из них. Правда, местные туда не летали, ни на крыльях, ни на виммах, утверждая, что там нет ничего интересного. Но Юльку острова притягивали. Старее египетских пирамид... цивилизация, еще более древняя, чем местные... Может быть, там жили древние боги, те, что обитали в Ар Соль до раскола земель, вот те самые, запертые в Мааре, о которых она слышала на лекции.

Любуясь морем, она ушла далеко за башню, к белесым валунам, чьи очертания напоминали ей медвежью морду, и устроила небольшой пикничок на солнцепеке, из взятых с собой бутербродов с чаем. К ее величайшему огорчению, небо стремительно затягивало тучами, подгоняемыми порывами душного влажного ветра, и она неохотно поднялась, заторопившись домой. Воздух отчетливо пах грозой. Дойдя до оконечности леса она остановилась в сомнении — до города было далековато, а сосны хоть как-то могли укрыть от дождя. Прямо по пути лежала Северная башня, башня Ворона, и ей пришла в голову шальная идея попросить убежища, если гроза застанет ее в дороге, прямо в ней. Кто бы там ни обитал, вряд ли ее выгонят прямо под дождь.

Она ускорила шаг и уже на полпути к башне заметила над морем стремительно растущую черную точку. Неужели ее хозяин тоже спешил в башню, желая укрыться от дождя? Юлька остановилась. Интересно было бы понаблюдать со стороны, но ей не хотелось вымокнуть. Посомневавшись, она продолжила свой путь, все еще надеясь успеть в город до грозы, но огромная черная птица приближалась гораздо быстрее грозовых туч, нацеливаясь прямо на нее.

Страх нахлынул тошнотворной волной. Мгновенно вспомнились слова профессора об охоте. Вдруг осознав, что бежать ей на самом деле некуда, вокруг открытое пространство, а она — отличная мишень, Юлька замерла в неподвижности, испуганно оглядываясь по сторонам и с неприязнью наблюдая, как высоко в небе злобная черная тварь выписывает над ней круги, постепенно сужая спираль и опускаясь все ниже и ниже. Ярость затопила ее, ярость и ненависть к двуликому могущественному зверю, непонятно по какому праву получившему возможность безнаказанно жрать людей. "Было бы у меня оружие, я б тебя убила, — подумала она с ненавистью. — И плевать, что ты бог, все равно тебе что-нибудь, да будет, — продолжала она, оглядываясь в поисках камня. — Может ты и Вечный, но вот про неуязвимость я ничего пока что не слышала."

Камней тут хватало, и Юлька, подобрав несколько штук поувесистее, стала зорко выслеживать, как он снова снижается над ней. Поймав момент, она со всей силы швырнула булыжник, но промахнулась, немного не докинув до твари. Нагнувшись за вторым, она увидела, как со стороны Стражи к ней бежит Шандр, отчаянно размахивая руками и что-то неразборчиво выкрикивая. Что ж, сигналить уже поздно. Если ей суждено быть сожранной какой-нибудь местной тварью, что Кольером, что Хэйгеном, сдаваться без боя она им не собирается.

Она подобрала второй камень и изо всех сил швырнула его снова. Камень пролетел выше бешеной птицы, а Юлька сердито подумала, что надо бы сходить к Саше в гости и попросить что-нибудь ценное из оружейки Нагов, специально вот на такие случаи. Зря она ему, что ли, ключ отдала? Он что-то там рассказывал про заряженные эгри-наэром стрелы арлов? Она плохо разбирается в стихиях, но вряд ли эта чертова тварь останется равнодушной к такому подарку.

Ворон меж тем резко взвился вверх, потом камнем упал к земле, распахнув крылья почти на уровне скал, и снова взмыл свечой, описав подряд две мертвые петли. Уйдя в сторону моря, он резко развернулся в сторону суши и снова взял направление на берег, но при этом Юльке показалось, что он постепенно уменьшается в размерах. Подождав, пока он приблизится на достаточное для броска расстояние, она швырнула еще один камень, но плохо размахнулась и опять не добросила. Шандр был уже почти рядом с ней, она отчетливо слышала, как он кричит ей "беги в башню, быстрее!", но бежать она не собиралась, не испытывая больше ни малейшего страха.

Черная птица пролетела мимо нее, дальше по берегу, снизившись почти до самой земли, и прямо на Юлькиных глазах стала размазываться, теряя облик птицы. Буквально в метре от земли человеческих размеров тело вошло в нелепый кувырок и, не успев окончательно погасить скорость, болезненно ударилось о землю, прокатившись по ней кубарем. На пару мгновений Шандр замер в нескольких шагах от Юльки, потом, охнув и некрасиво выругавшись, быстрым шагом устремился к телу, которое не торопилось подниматься на ноги.

Помедлив, Юлька двинулась следом за ним.

Там, в траве, перепачканной землей и раздавленной травой, медленно садился, постанывая и мотая головой, очень хорошо знакомый ей синеглазый элез. Яркая, светящаяся синева стремительно уходила из глаз и в итоге погасла, оставив след из несколько синих точек.

Шандр опустился на колени рядом с ним, поспешно снимая куртку.

— Демоны Маара, где тебя мотало? — раздраженно спросил он, не скрывая тревоги и

не замечая Юльки, которая остановилась в нескольких шагах и зажала себе рот ладошкой, подавив возглас изумления, постепенно переходящий в сдавленный смех.

— Я его сделал! — воскликнул Рес, довольно улыбаясь и отряхивая землю с голой груди. — Первый раз полностью перехватил контроль на пике охоты. Заставил тварь убраться вон, — его грязное лицо растянулось в улыбке еще шире, когда он заметил Юльку. — Ты видел, как она в меня камнями кидала? — повернулся он к Шандру. — Гениально!

— Я чуть не рехнулся от страха, — бросив грозный взгляд на девушку, ответил Шандр. — Почему вы не спрятались?

— А куда? — с трудом сдерживая смех, выговорила она, разглядывая перепачканное травой и землей нагое воплощение страшного и хищного Ворона, вдруг сообразившего, что одежды на нем нет и поспешно пытающегося принять приличную позу.

— Назад в лес, а лучше — прямо в башню, я же вам кричал, показывал, Нвер уже ждал вас, — с упреком продолжал Шандр. — Это совершенно излишняя беспечность и бравада. Зверь охотится, человеческого в нем очень мало. Боюсь, что камни — это не самое подходящее против Вечного оружие.

— Так его, тварюку, — расхохотался Рес и смех его показался Юльке больше нервным, чем веселым. — Ты молодец, жаль только, что не докинула.

— Что, убила бы? — ехидно поинтересовалась она.

— Нет, но хищник растерялся от твоего сопротивления, и я смог перехватить контроль.

— Вставай уже, пошли отсюда, — мрачно заявил Шандр, бросая ему куртку. — Есть новости.

Рес кое-как попытался приспособить короткую куртку на бедрах и, убедившись в безуспешности этой затеи, смущенно заметил:

— Я лучше снова обернусь и сяду на верхней площадке. Ты не представляешь, какие у меня новости, — продолжил он, быстро и неловко покосившись на Юльку

— Неужели круче моих? — мрачно усмехнулся Шандр.

— Конечно. Не знаю, поздравить нас всех или посочувствовать, — он снова, словно извиняясь, бросил смущенный взгляд на Юльку. — Нигейр вернулся. Я был свидетелем его первого принятия ипостаси.

— Кто-нибудь знает, откуда взялся носитель? — после потрясенной паузы спросил Шандр.

— Да в общем-то, все мы его знаем. Это житель Старой Земли по имени Александр, — с печальной усмешкой ответил Рес. — Извини, Юля, но видимо ради этого его и притащили сюда, в Ар Соль. А вас случайно зацепило, обстоятельствами.

— Что же теперь делать? — испуганно прошептала она.

— А ничего, — улыбнулся Рес. — Жить дальше. Там видно будет, во что все это выльется. Пошли, что ли, домой? Я жрать хочу, как стая голодных воронов. Или ворОн?

— Ворон — это самая прожорливая тварь Ар Элес, — мрачно констатировал Шандр. — Как в вечном, так и в человеческом облике.

конец 1 части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

СЛОВАРЬ: по порядку появления имен, терминов и названий в тексте

Гвор — устройство связи, аналог стационарного телефона

ариад — кристалл с особыми свойствами

вимма — воздушное транспортное средство

аэр — осветительный элемент или теплоэлемент

наги — условное название членов ордена Аспида

хаар — мера расстояния, 0.82 км

наэр — стихия не-жизни. Часто ошибочно называется некросом

Маар — «изнанка» миров, пространство с особыми свойствами

Эгри — стихия огня (или энергии)

Фэйр — стихия воздуха

рох — стихия воды

Некрос — некросфера

витасфера (Витос) — стихия жизни

визор, «глазок» — универсальное видео, аудио и передающее устройство

Пауки — условное историческое название одной из структур Детей Ворона, отвечающей за безопасность

Шеадр — стационарный транспортный пункт, имеющий одновременно несколько порталов в разные точки Ар Соль

Шеадари — портал-переход между различными местами Ар Соль

Эйла — разумная нематериальная сущность-символ вуали между мирами. Возможно, сущность Маара, ранее входившая в божественный пантеон Ар Соль, но после раскола земель запертая в Мааре

брени — правитель у постоянных обликом

Двуликые — разумные метаморфные расы, имеющие человеческий и тварный облик

Элементал (стихийщик) — человек или Двуликий, умеющий управлять силами и стихиями Ар Соль

Школа Джмар, Школа Эгрох — научные школы, специализирующиеся на изучении сил и стихий и воспитании адептов

Берг — правитель у Двуликих

Лэны и ланны — вежливое обращение к обитателям Ар Соль независимо от облика

Техноасы — упрощенное название Технической Ассоциации изобретателей, (дети Пардуса, дом Пардуса, находящиеся под покровительством Гевора)

Рузанна — столица Ар Соль и Лессена

Эксера — резиденция Вагабра

Нэрги — полуразумные сгустки псевдоплоти, выращиваемы в Анг Мирте. Изначально создавались как чистильщики неорганического мусора

Нагр — хранилище оружия и полигон для испытаний ордена Аспида. Был заблокирован 840 лет назад после изгнания Вечного Нигейра

Либрум — научная лаборатория и библиотека ордена Аспида. Заблокирована так же, как и Нагр

Асгарот, Легарот — перчатки Нигейра Аспида, большой и малый меч-коготь

Ууррс — ледяной медведь Ар Хойта

Рмерд — коллективный дом хойгоров-обитателей Ар Хойта

Хойгоры — жители Ар Хойта

Арл — метательное скорострельное оружие

Стрелы стазиса, эгри-стрелы, стрелы некроса — метательное оружие, поражающий элемент которого несет заряд соответствующей силы. Использовались в современных арлах и баллистах

Варах — налог, уплачиваемый всеми землями Вечному-покровителю

Солнечные Земли:

Ар Элес (Элезия), пограничная с Землей-Основой территория. Столица — Элласар. Земли: Ферт (Северный, Южный, Западный, Восточный), Тайрем, Лаорика (Ларна) Аскарем (Аск). Основной домен — Хэйген и Даллах, второстепенные — Лануэль, очаг Реваля в Элласаре, очаг Альсара в Западном Ферте.

Альбре — столица Северного Тайрема, город на северном побережье океана, центральный очаг современного Ворона.

Фераннон — горный массив, простирающийся с западной равнины (Ферт) на юго-восток Элезии. Максимальная высота пиков не превышает 3000 метров. Дымный кряж — горная гряда на северо-западной оконечности Фераннона, богатое месторождение алмазов и ариадов.

Лерейская пуца — лесной массив, покрывающий северо-западный Тайрем.

Далирийская пуца — лесной массив на юге Тайрема, домен Даллаха, там же находится Далерна, его центральный очаг.

Салья, Ваннея — города округа Лаорика

Ория, Суза — реки Тайрема

Ар Лессен (Лессен, Срединные земли), центральная земля Ар Соль, самая густонаселенная. Столица — Рузанна, также является административным центром всей Ар Соль. Состоит из 10 земель, управляемых Кортм — собранием глав 10 великих домов. Основной домен — Вагабр, Реваль, Эрлен, Кинэн, второстепенные — Даллах, Лануэль Альсар. Земли — Лессен, Вижанна, Брантом, Ледера, Брезер, Шаттор, Лименна, Талес, Эст Навр.

Мелин — городок неподалеку от Рамьена.

Рамьен — домен Эрлен, находится в Вижанне

Эксера — дворец и главный очаг Вагабра.

Ар Шамаль (Шамаль, Жаркие земли), столица — Саманданг. Состоит из 5 эмиратов: Серджент (центральный, столица — Саманданг), Сеннар (столица — Сиент) Эльашц (столица — Ашр), Рувабе (столица — Рувиб), Кельбела (столица — Кельб). Домен Нигейра (до возвращения Нигейра поделен между Ревалем и Ширин), Реваля, Ширин. Очаги Лануэль Альсара.

Каррана, старая столица Шамаля, находится на границе Серджента и Сеннара, но административно принадлежит Сердженту. Правящий род эмиров — Гайяры.

Ортлер — крепость-домен Нигейра в Эльашце

Ахра — крепость — домен Нигейра в Кельбеле

Ар Иллим (Райские острова) — состоит из множества океанических островов, крупнейшие — Далирия, Сельмия и Кейдрия. Иллирия, домен Элианны, недоступен из-за

отсутствия хозяйки. Раньше был полностью доменом Элианны и Альсара. В настоящее время — домены Альсара, Эрлен, Реваля, очаги Гевора, Ширин, Вагабра, Кинэна.

Ар Ирнан (Ирнан), столица — Карха. Состоит из трех марок: РEAR, Полесная марка, Долинная марка.

Наган-Карх — цитадель Нигейра Аспида, Ордена нагов, находится на окраине Кархи, в РEARском предгорье.

Фьерхольм — главный домен Гевора-Пардуса.

Изумрудные острова — архипелаг на юге Ирнана, предмет исторического спора Полесной и Долинной марок.

Ар Хойт (Ледяные земли), столица — Рейм. Малонаселенная территория, почти полностью покрытая снегом. Города — Хевр, Мерн, Тевр.

Шеннон Ар (Подлунные земли), столица — Мардина. Состоит из семи земель, управлялся старейшинами родовых кланов. Домены Ширин, Гевора, Кинэна, большой очаг Реваля. Нуэйн — главный очаг Ширин.

Кэммон Ар — подземный мир, обширное пещерное пространство. Домены Гевора, Кинэна, Ширин, очаги Реваля, Лануэль. Автаркия с единоличным правителем

Анг Мирт — мир, когда-то входивший в Ар Соль. Несколько тысячелетий назад был уничтожен Вечными, но не до конца. Цивилизация сохранилась и переродилась.

РАСЫ

Ассары — разумные с постоянным обликом

Двуликые — разумные, принимающий и человеческий, и тварный облик

Низкоразумные расы — в основном Двуликые, имеющие более низкий по сравнению с остальными интеллект.

Некоторые Двуликые расы:

Лэйсе — Двуликые, родина — Элезия, второй облик фелиноподобный, в человеческом облике имеют раскосые желтые или зеленые глаза с вертикальным зрачком и специфическую, близкую к когтеобразной, форму ногтей.

Кицу — Двуликые, родина — Элезия, второй облик имеет сходство с лисами, в человеческом облике почти всегда рыжеволосые, белокожие, невысокого роста, худощавые, острые черты лица, заостренные уши.

Локки — Двуликые, родина — Элезия, второй облик имеет сходство с киноидами. Крупные, ширококостные, резкие черты лица, очень густые волосы, у мужчин — бороды. Очень добродушные, хорошие кулинары.

Нигийцы — Двуликые, родина — Шеннон Ар. Тонкокостные, пепельно-серая кожа, узкие раскосые темно-синие глаза, кожа мелкочешуйчатая, перламутровые когти на пальцах. Очень пластичны. Имеют вздорный, неуживчивый характер

Райзе — искусственно созданная домом Эрлен Двуликая раса, во втором облике — волкоподобная. В человеческом не отличается от обычных ассаров. Отличить их могут только сами Двуликые, по специфическому запаху.

Рэммы — искусственно созданные нагами Двуликые, цель — охрана и сопровождение. Коренастые, темнокожие, красноглазые, мускулистые. Способны надолго задерживать дыхание, очень выносливы, чрезвычайно подвижные суставы, очень живучие.

Варды — Двуликые, родина — Ар-Шамаль. Во втором облике полуящеры. В человеческом — чешуйчатая зеленоватая кожа, большие глаза с дополнительным веком, вытянутое выступающее вперед лицо, рудиментарный хвост.

Вервы — Двуликие, родина — Ар Ирнан, во втором облике волкоподобные, но мельче и слабее райзе. Близки к низкоразумным, хотя считаются Двуликими.

Кхеоры — низкоразумные постоянного облика, близки к вервам, родина — Ар Лессен.

аржаны — Двуликие, родина — Ар Иллим. Во втором облике близки у людям, но имеют пальцы-когти и ластообразные ступни, чешуйчатую кожу, жабры. В человеческом — смуглокожие, с тонкими чертами лица, черноволосые, с раскосыми синими глазами, удлиненные лица и уши

Расы ассаров

Элезы — основная раса, населяющая Элезию и Ар Лессен. Близки к европеоидной расе, в основном русые или темно-русые, глаза голубые, серые, карие, кожа светлая.

Ирнанцы — раса Ар Ирнана, выраженный скандинавский тип

Шаамы — раса Ар Шамалья. Кожа смуглая до темной, глаза карие, черные, хорошо сложены, чаще невыского или среднего роста. Близки к земным арабам.

Хауры — раса Шеннон Ара, низкорослые, с серой толстой кожей и красными глазами без белков, волосы очень светлые или светло-перламутровые, худощавые, гибкие

Камарды — раса Шеннон Ара, среднего роста, ширококостные и тяжеловесные, с густыми пепельно-русыми или темно-русыми волосами, светлая розоватая кожа, очень светлые серые или голубые глаза

Иллирийцы — раса Ар Иллима, смуглые, черные кудрявые волосы, яркие синие глаза, правильные черты лица, рослые, гармонично сложены Самая редкая и красивая раса Ар Соль

Айоры — раса Ар Иллима, кожа светлая или чуть смуглая, волосы каштановые или черные прямые, рослые, тонкокостные, тонкие черты лица, миндалевидные ярко-синие глаза, крупный с горбинкой характерный нос.